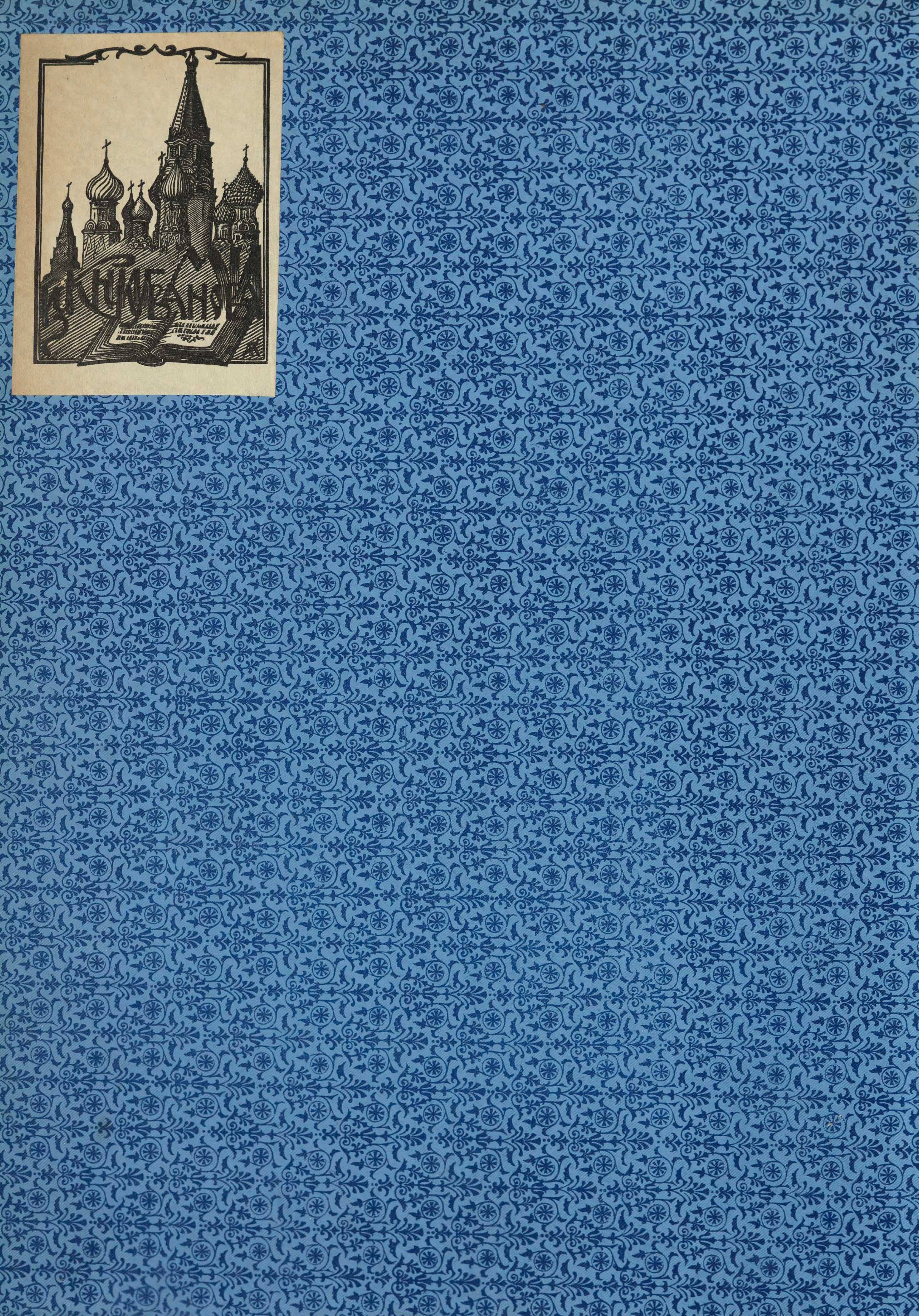
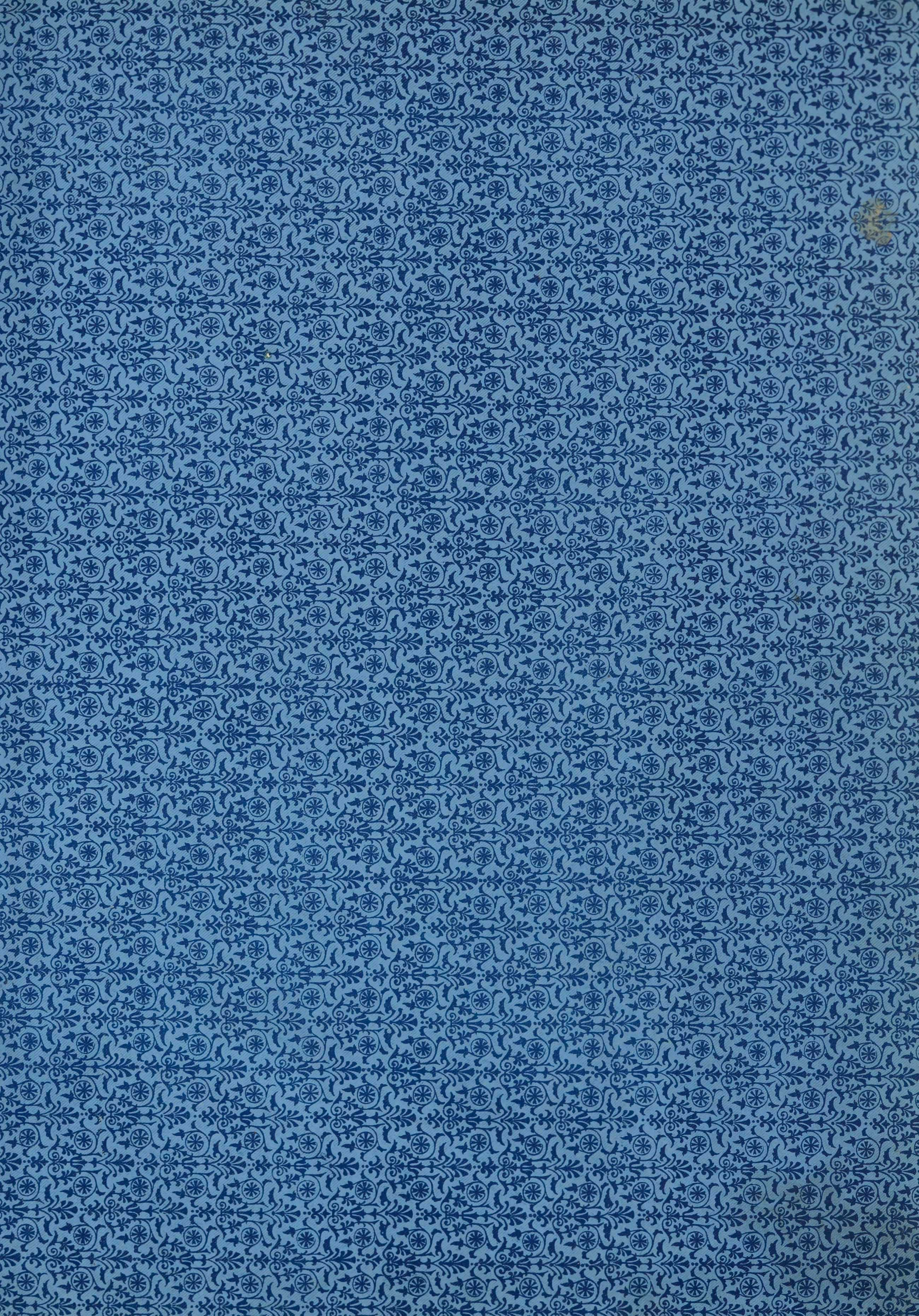
АЛЬБОМЪ ПУШКИНСКОЙ ВЫСТАВКИ 1880 ГОДА.

Изданіе Общества Любителей Россійской Словесности

АЛЬБОМЪ

ПУШКИНСКОЙ ВЫСТАВКИ

1880 года.

Пушкин
в лицейские годы

АЛЬБОМЪ
МОСКОВСКОЙ
ПУШКИНСКОЙ ВЫСТАВКИ
1880 ГОДА.

ВТОРОЕ ИЗДАНІЕ

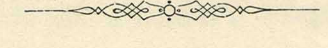
Общества Любителей Россійской Словесности

подъ редакціей дѣйствительнаго члена

Льва Поливанова.

1) Біографич. очеркъ А. С. Пушкина. Сост. дѣйствит. членъ А. А. Венкстернъ.

2) 62 фотогравюры и фотолитографіи художника М. М. Панова и три политипажа.

МОСКВА.
Типографія Т. И. ГАГЕНЪ, Больш. Лубянка, д. кн. Голицына.
1887.

СОБРАНИЕ
М.И. Чуванова

2002134409

Во время московскихъ празднествъ въ честь А. С. Пушкина при открытіи ему памятника въ 1880 году, Обществомъ Любителей Россійской Словесности въ зданіи Благороднаго Собранія была устроена выставка портретовъ поэта, его бюстовъ, автографовъ, нѣкоторыхъ его вещей, видовъ мѣстностей и портретовъ лицъ, близко стоявшихъ къ покойному, а равно изданій его сочиненій, ихъ переводовъ и рисунковъ къ нимъ.

Въ первомъ же послѣ вакаціи засѣданіи своемъ Общество постановило издать снимки, какіе дозволило время сдѣлать въ немногія минуты среди спѣшныхъ хлопотъ праздника. Рѣшено было также присоединить къ этимъ снимкамъ текстъ съ надлежащими объясненіями.

Желая придать этимъ объясненіямъ связь и сообщить «Альбому Пушкинской выставки» значеніе изданія, которое по возможности воскрешало бы въ воображеніи читателей образъ поэта, его обстановку и среду, его окружавшую,— редакція рѣшила, вмѣсто отрывочнаго указателя къ изображеніямъ, предложить обозрѣніе жизни поэта въ хронологической послѣдовательности, рисунки же расположить, соотвѣтственно тексту, между листами этого обозрѣнія.

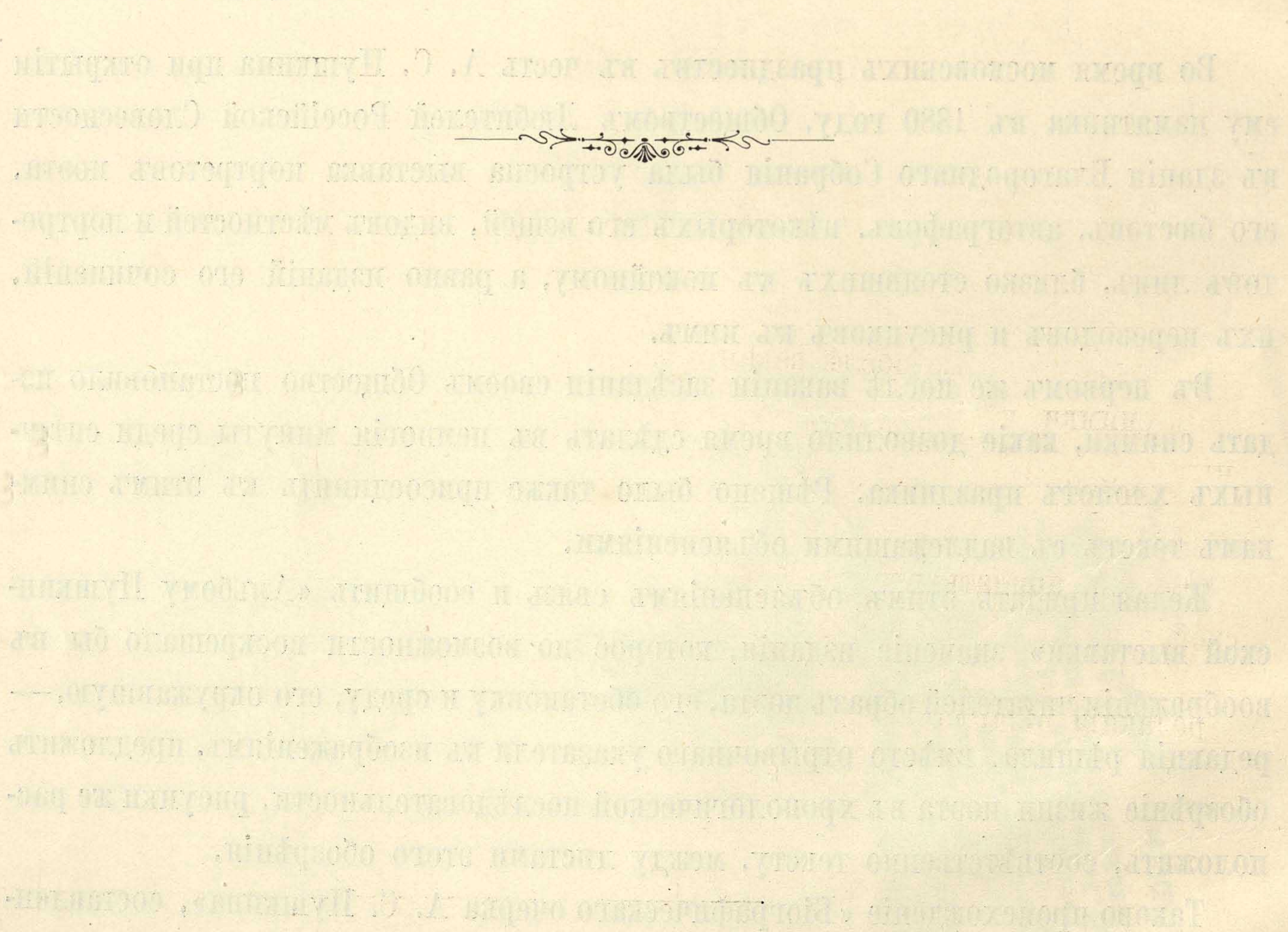
Таково происхожденіе «Біографическаго очерка А. С. Пушкина», составленнаго для этого изданія. Не имѣя цѣлію писать полную біографію поэта, а тѣмъ менѣе обзоръ его поэтической дѣятельности, авторъ очерка считалъ своею обязанностію прослѣдить внѣшнюю жизнь поэта и близкихъ его; но, какъ увидятъ читатели, исполнивъ это, онъ далъ и болѣе.

Первое изданіе Альбома тогда же разошлось необыкновенно быстро. Съ тѣхъ поръ не прекращаются заявленія многихъ о желаніи, чтобы Альбомъ былъ

изданъ снова. Общество постановило исполнить это желанiе въ пятидесятилѣтiе со дня кончины поэта.

Выпуская нынѣ въ свѣтъ второе изданiе Альбома, Общество считаетъ долгомъ повторить выраженiе глубокой признательности сыну поэта, Александру Александровичу Пушкину, приславшему на выставку драгоцѣнный портретъ поэта кисти Кипренскаго, а также всѣмъ лицамъ, которыя доставили портреты, виды, рукописи и другiе предметы, за ихъ просвѣщенное содѣйствiе дѣлу, дорогому для каждаго, кто цѣнитъ память великаго поэта.

Москва, 20 апрѣля 1887.

БІОГРАФИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ

А. С. ПУШКИНА.

составилъ

дѣйствительный членъ А. А. Венкстернъ.

Біографическій очеркъ А. С. Пушкина.

I.

ПРОИСХОЖДЕНІЕ.

Гордиться славою своихъ предковъ не только можно, но и должно; не уважать оной есть постыдное малодушіе.

Пушкинъ.

Если генеалогія лица, составляющаго предметъ изслѣдованія, имѣетъ законное право на мѣсто въ каждой біографіи, то въ біографіи Пушкина глава о происхожденіи положительно необходима по двумъ причинамъ.

Во-первыхъ, самъ Пушкинъ придавалъ большое значеніе древности своего рода и уважалъ родовую гордость, какъ источникъ сочувствія къ прошлому своего отечества. «Гордиться славою своихъ предковъ не только можно, но и должно; не уважать оной есть постыдное малодушіе», говорилъ онъ и всю жизнь свою оставался вѣренъ этому принципу. Съ особенной любовью и вниманіемъ останавливался онъ на тѣхъ страницахъ исторіи, гдѣ упоминалось имя кого-либо изъ его предковъ. Архивные памятники, разсказы старожиловъ, семейныя преданія, словомъ все, что только касалось его рода, прочитывалось и выслушивалось имъ всегда съ живѣйшимъ интересомъ. А то, что интересовало Пушкина, можетъ ли быть оставлено безъ вниманія его біографомъ?

Во-вторыхъ, самый характеръ Пушкина, состоящій весь изъ крайностей, почти несовмѣстимыхъ, полный противорѣчій, непонятныхъ съ перваго взгляда, можетъ быть объясненъ только его происхожденіемъ, соединившимъ въ одномъ человѣкѣ африканскую кровь Ганнибаловъ съ чисто-русской душою.

Итакъ начнемъ съ предковъ поэта. Родоначальникомъ Пушкиныхъ былъ прусскій выходецъ Радши или Рачи, въѣхавшій въ Россію при Александрѣ Невскомъ *). Самое имя Пушкиныхъ пошло отъ потомка Радши въ шестомъ колѣнѣ, Григорія Пушки, отъ семи сыновей котораго произошли многіе наши

*) Мой предокъ Радша службой бранной
Святому Невскому служилъ.
„Моя Родословная“. Пушкинъ.

дворянскіе роды. Собственно Пушкины, удержавшіе прозвище родоначальника, пошли отъ пятаго изъ этихъ сыновей, Константина. Сначала Пушкины являются въ исторіи въ санѣ бояръ новогородскихъ. Позднѣе, вѣроятно при Іоаннѣ IV, они переселяются въ Москву и начинаютъ часто появляться на страницахъ исторіи. Опальные въ началѣ, къ концу царствованія Грознаго они выслуживаются и входятъ въ силу. Особенно поднялъ свой родъ Остафій или Остапей Михайловичъ Пушкинъ, который, начавъ свое служебное поприще при Іоаннѣ Грозномъ, при Θеодорѣ продолжалъ возвышатся и добился такого довѣрія царя, что важнѣйшія дипломатическія порученія возлагались на него. При царѣ Борисѣ Пушкины снова подверглись опалѣ и Остафій Михайловичъ вмѣстѣ съ своими пятью братьями былъ сосланъ въ Сибирь.

Въ смутное время не менѣе извѣстны двоюродные братья Остафія Пушкина, Гаврила и Григорій Григорьевичи. Первый извѣстенъ своимъ участіемъ въ дѣлѣ Самозванца,—роль, которую оставилъ за нимъ поэтъ въ своемъ «Борисѣ Годуновѣ»,—а второй—непоколебимою вѣрностью Шуйскому, за котораго онъ стоялъ до послѣдней крайности. Григорій Григорьевичъ былъ первымъ *московскимъ* бояриномъ изъ рода Пушкиныхъ. Послѣ него имя ихъ появляется уже наряду съ именами родовитѣйшихъ московскихъ бояръ. Извѣстно, что трое Пушкиныхъ тягались о мѣстахъ съ кн. Пожарскимъ *), четверо подписались подъ грамотою объ избраніи на царство Романовыхъ **), а одинъ изъ нихъ, Матвѣй Степановичъ, подъ соборнымъ дѣяніемъ объ уничтоженіи мѣстничества. При Алексѣѣ Михайловичѣ упоминается бояринъ Григорій Гавриловичъ Пушкинъ, служившій посломъ въ Польшѣ съ титуломъ Нижегородскаго намѣстника († 1656). При томъ же царѣ и сыновьяхъ его извѣстенъ Пушкинъ Петръ, стольникъ, сынъ Петра окольничаго, тотъ самый, съ котораго начинается родословная А. С. Пушкина, составленная Н. И. Павлищевымъ со словъ сестры поэта, О. С. Павлищевой, и помѣщенная въ «Матеріалахъ» П. В. Анненкова. Въ семейномъ архивѣ Пушкиныхъ доселѣ хранится жалованная грамота царей Петра и Іоанна стольнику Петру Петровичу Пушкину. Доставленіемъ этой грамоты московская пушкинская выставка 1880 года обязана родственнику покойнаго поэта, Льву Александровичу Пушкину. Приводимъ этотъ интересный документъ цѣликомъ:

---

*) Водились Пушкины съ Царями,
Изъ нихъ былъ славенъ не одинъ,
Когда тягался съ Поляками
Нижегородскій мѣщанинъ.

„Моя Родословная“. Пушкинъ.

**) Смиривъ крамолы и коварство,
И ярость бранныхъ непогодъ,
Когда Романовыхъ на царство
Звалъ въ грамотѣ своей народъ,
Мы къ оной руку приложили...

„Моя Родословная“. Пушкинъ.

«Божіею милостію мы, великіе Государи Цари, и великіе Князи, Іоаннъ Алексіевичь, Петръ Алексіевичь, всея великія, малыя, и бѣлыя россіи Самодержцы: По своему царскому милосердому разсмотренію, пожаловали столника нашего: петра петровича пушкина: за его многую службу,

что онъ во время настоящія съ салтаномъ турскимъ, и съ ханомъ крымскимъ войны, какъ они въ прошломъ во 181-мъ году, приходили сами особами своими: а послѣ того салтанъ же турской присылалъ везиря своего, и многихъ пашей съ войски, и хана крымскаго съ ордами, подъ наши царскаго величества малороссійскіе городы, служилъ отцу нашему блаженныя памяти, великому Государю Царю и великому Князю, Алексію Михаиловичю, всея великія, и малыя, и бѣлыя россіи Самодержцу, и брату нашему, блаженныя памяти, великому Государю Царю, и великому Князю, Ѳеодору Алексіевичю, всея великія, и малыя и бѣлыя россіи Самодержцу. И намъ, великимъ Государемъ Царемъ, и великимъ Княземъ, Іоанну Алексіевичю, Петру Алексіевичю, всея великія, и малыя, и бѣлыя россіи Самодержцемъ, будучи въ полкахъ съ боляры нашими и воеводы: и съ начала тое войны, во всѣ лѣта по 189-й годъ, при помощи Божіей на розныхъ бояхъ, наши царскаго величества боляря и воеводы, и ратные люди, тѣмъ вышеупомянутымъ непріятелемъ славно отпоръ учинили. И въ прошломъ 189-мъ году, за помощію того же всемогущаго въ Троицѣ славимаго Бога, и заступленіемъ надежды христіанскія пресвятыя Богородицы, и всѣхъ святыхъ молитвами, война у брата нашего, блаженныя памяти, великаго Государя Царя, и великаго Князя, Ѳеодора Алексіевича, всея великія, и малыя, и бѣлыя россіи Самодержца, и у насъ великихъ Государей, у нашего Царского Величества, съ салтаномъ турскимъ, и съ ханомъ крымскимъ, съ обоихъ сторонъ прекратилася, и учинено перемиріе на дватцать лѣтъ. И мы, великіе Государи Цари, и великіе Князи, Іоаннъ Алексіевичь, Петръ Алексіевичь, всея великія, и малыя, и бѣлыя россіи Самодержцы, за тѣ службы его петра пушкина, жалуемъ, милостиво похваляемъ: И пожаловали, похваляя его службу, промыслы, и храбрость, въ роды и роды, съ помѣстнаго его окладу, 980 четвертей съ 100 по 20 четвертей и того 196 четвертей изъ его помѣстія въ вотчину, въ галицкомъ уѣзде, въ волости въ великой пустыне, въ деревне дякове, въ деревне чертищевой: въ деревне романсюкове, на рѣчке напейке, въ деревне левинтои, на рѣчке цапѣйке: въ четверти пустоши Івановской, въ половине пустоши горпиной: въ четверти пустоши дору: въ половине пустоши филатовой: въ половине пустоши стоятины: въ половине пустоши трясоноговы зжеребьемъ, въ половине пустоши мичюраине: въ четверти пустоши соболевой. А въ нихъ по даче, 170 и 193 году написано Пашни Пахaные и перелогу и лѣсомъ поросло на ево петровы жеребьи опричь промѣнныхъ дву четвертей, сто тринатцеть четвертей съ осминою: да въ резанскомъ уѣзде в старорезанскомъ стану, в жеребью пустоши артемковы, по даче 170 году, опричь промѣнные осмины, дватцеть одна четверть с полутретникомъ, і с полъполъполътретникомъ: да въ верницкомъ стану, въ жеребью деревни лотыгарь в пустоши онаниной подлѣсная

тожъ: въ жеребью сельца тредякова. По даче 191 году написано Пашни: тритцеть семь четвертей. всего въ той его галицкой и резанской вотчине, Пашни сто семьдесятъ одна четверть с осминою і с полутретникомъ і с полъполъполътретникомъ, в поле а в дву потомужъ: І не дошло ему помѣстія въ вочину дватцети четырехъ четвертей с полъ осминою і с полъполъполътретникомъ. И на ту вотчину, указали ему дати, сію нашу царскую жалованную грамоту, за нашею царскою красною печатію въ память въ предбудущымъ рода его: что онъ за мужественное свое и храброе въ воинскихъ дѣлахъ стояніе, сію нашу царскую милость получилъ: и что бы въпредь на его службы смотря, дѣти его, и внучата, и правнучата, и кто по немъ роду его будетъ, такъ же за вѣру христіанскую, и за святыя божія церкви, и за насъ великихъ Государей, и за свое отечество стояли крѣпко и мужественно. И по нашему великихъ Государей Царей, и великихъ Князей Іоанна Алексіевича, Петра Алексіевича, всея великія, и малыя, и бѣлыя россіи Самодержцевъ, царскому жалованію та вотчина ему: петру пушкину, и его дѣтемъ, и внучатомъ и правнучатомъ въ роды ихъ неподвижно: и волно имъ та вотчина продати, и заложити, и въ приданые дати: Печатана въ царствующемъ градѣ Москвѣ, Въ лѣто отъ сотворенія міра 7194-го: Отъ рождества же по плоти Бога Слова 1686: Індикта, 9, мѣсяца марта въ 12 день.

А подписалъ, Государей Царей и великихъ князей Іоанна Алексіевича Петра Алексіевича всея великія, и малыя, и бѣлыя россіи Самодержцевъ дьякъ Артамонъ Івановъ.

Пошлины по уложенію
8 алтынъ 2 деньги взято
въ книгу записано».

Начиная съ Петра Петровича, родословная нашего поэта уже выясняется. У Петра Петровича было два сына, изъ которыхъ первый, Александръ Петровичъ, приходится роднымъ прадѣдомъ Александру Сергѣевичу по отцу, а второй, Михаилъ Петровичъ,— роднымъ прапрадѣдомъ по матери. Вотъ что разсказываетъ А. С. Пушкинъ о прадѣдѣ своемъ, Александрѣ Петровичѣ, и сынѣ его, Львѣ Александровичѣ:

«Александръ Петровичъ былъ женатъ на меньшой дочери графа Головина, перваго андреевскаго кавалера. Онъ умеръ весьма молодъ, въ припадкѣ сумасшествія зарѣзавъ свою жену, находившуюся въ родахъ. Единственный сынъ его, Левъ Александровичъ, служилъ въ артиллеріи, и въ 1762 году, при вступленіи на престолъ Екатерины II, посаженъ въ крѣпость, гдѣ содержался два года *). Съ тѣхъ поръ онъ уже въ службу не вступалъ, а жилъ въ Москвѣ и въ своихъ деревняхъ.

*) Мой дѣдъ, когда мятежъ поднялся
Средь Петергофскаго двора,
Какъ Минихъ вѣренъ оставался

Левъ Александровичъ былъ человѣкъ пылкій и жестокій. Первая жена его, урожденная Воейкова, умерла на соломѣ, заключенная имъ въ домашнюю тюрьму за мнимую или настоящую ея связь съ французомъ, бывшимъ учителемъ ея сыновей, и котораго онъ весьма феодально повѣсилъ на черномъ дворѣ. Вторая жена его, урожденная Чичерина, довольно отъ него натерпѣлась».

Отъ второй жены у Льва Александровича родились сыновья, Василій Львовичъ и Сергѣй Львовичъ, отецъ нашего поэта, и нѣсколько дочерей.

Къ чести Льва Александровича должно прибавить, что онъ сдѣлалъ все зависящее отъ него, чтобы дать дѣтямъ своимъ блестящее по тому времени воспитаніе.

Вотъ въ короткихъ словахъ родословная Пушкиныхъ. Объ отцѣ и дядѣ его рѣчь впереди. А теперь перейдемъ къ родству его со стороны матери.

Мать Пушкина была, какъ извѣстно, изъ фамиліи Ганнибаловыхъ. Біографіи Абрама Петровича Ганнибала, родоначальника этой фамиліи, посвящено много спеціальныхъ изслѣдованій *), что даетъ намъ право ограничиться по возможности краткимъ очеркомъ его жизни. Негръ Ибрагимъ, впослѣдствіи Абрамъ Петровичъ Ганнибалъ, вопреки мнѣнію Пушкина, утверждавшаго, что онъ былъ сыномъ одного изъ владѣтельныхъ князей сѣверной Африки, на самомъ дѣлѣ былъ просто безроднымъ негритенкомъ, какихъ множество доставлялось ежегодно въ Константинополь для продажи на рынкѣ. Маленькимъ ребенкомъ попалъ онъ въ невольники къ турецкому султану, а оттуда въ первыхъ годахъ прошлаго столѣтія вмѣстѣ съ двумя другими арапчатами привезенъ въ Россію ко двору Петра Великаго. Царь держалъ маленькаго негра, прозваннаго Ганнибаломъ, при своей особѣ, и вскорѣ такъ привыкъ къ нему, что не разставался съ нимъ ни въ мирное время, ни во время походовъ.

Въ 1707 году въ Вильнѣ Петръ окрестилъ своего питомца въ христіанскую вѣру, при чемъ воспріемниками были самъ царь и супруга короля польскаго Августа II, Христина Эбергардина. При крещеніи Ганнибалъ былъ названъ Петромъ, но плакалъ, не желая разстаться съ привычнымъ именемъ, вслѣдствіе чего ему дано имя Абрама, созвучное съ прежнимъ, а прозвище Ганнибалъ, впослѣдствіи сдѣлавшееся фамиліей, осталось неприкосновеннымъ. Такимъ образомъ арапъ Ибрагимъ превратился въ Абрама Петровича Ганнибала.

Въ 1717 году Ганнибалъ вмѣстѣ съ другими молодыми людьми былъ посланъ въ Парижъ для изученія инженернаго искусства. Жизнь его въ Парижѣ

Паденью Третьяго Петра.
Попали въ честь тогда Орловы,
А дѣдъ мой въ крѣпость, въ карантинъ,
И присмирѣлъ нашъ родъ суровый,
И я родился — Мѣщанинъ.

„Моя Родословная“. Пушкинъ.

*) *Пушкинъ*, „Родословная Пушкиныхъ и Ганнибаловыхъ“. *Гельбигъ*, „Russische Günstlinge“. Tübingen. 1809. *Бантышъ-Каменскій* „Словарь достопамятныхъ людей русской земли“. *Языковъ*, „Энциклопедич. лексиконъ“ Плюшара 1839. *Лонгиновъ*, Р. Архивъ 1864,66. *Бартеневъ*, „Родъ и дѣтство Пушкина“. Отеч. Записки 1853. *Хмыровъ*, „Историческія статьи“ 1873.

была весьма различна отъ той, какую изобразилъ Пушкинъ въ своемъ романѣ, посвященномъ памяти предка. Скудно снабжаемый деньгами, Ганнибалъ терпѣлъ крайнюю бѣдность, о чемъ и отписывалъ своему бережливому благодѣтелю, но письма его желаемыхъ послѣдствій, кажется, не имѣли. На второй годъ пребыванія Ганнибала въ Парижѣ, въ Мецѣ открылась инженерная школа, въ которую исключительно принимались молодые люди, состоящіе на французской службѣ. Желая угодить Петру, Ганнибалъ рѣшился во что бы то ни стало попасть въ эту школу. Для этой цѣли, воспользовавшись войной, возгорѣвшейся между Франціей и Испаніей, онъ записался во французскую армію и въ рядахъ ея участвовалъ во взятіи Фонтарабіи и Санъ-Себастьяна, при чемъ получилъ рану въ голову и чины, сначала инженеръ-поручика, и потомъ капитана. Попалъ ли послѣ этого Ганнибалъ въ инженерную школу, или нѣтъ — остается неизвѣстнымъ.

Въ исходѣ 1723 года Абрамъ Петровичъ возвратился въ Россію, а въ слѣдующемъ произведенъ Петромъ въ инженеръ-поручики бомбардирской роты лейбъ-гвардіи Преображенскаго полка и получилъ приказъ обучать молодыхъ солдатъ. Въ этой должности и застигла его смерть Петра Великаго. Въ продолженіе царствованія Екатерины онъ оставался при прежней должности и кромѣ того обучалъ математическимъ наукамъ царевича Петра.

Служебное положеніе Ганнибала при Екатеринѣ было прочно, но безпокойный характеръ и излишнее честолюбіе втянули его въ придворныя интриги, что и было причиной всѣхъ его будущихъ бѣдствій. Онъ соединился съ кружкомъ сторонниковъ Петра II и принялъ дѣятельное участіе въ происках этой партіи. Что Ганнибалъ игралъ важную роль въ дѣлахъ своей партіи, видно изъ того, что по воцареніи Петра II онъ сдѣлался первой жертвой всесильнаго Меншикова.

На второй же день новаго царствованія Ганнибалъ былъ удаленъ подъ благовиднымъ предлогомъ. Онъ получилъ указъ ѣхать въ Казань для осмотра тамошней крѣпости. За первымъ указомъ послѣдовалъ второй, предписывавшій Абраму Петровичу отправляться въ Тобольскъ, а третьимъ указомъ, состоявшимся въ 1727 году, онъ былъ командированъ въ Селенгинскъ для проектированія крѣпости.

Послѣ паденія Меншикова положеніе Ганнибала не улучшилось: политическій кружокъ, въ которомъ онъ принималъ участіе, весь былъ разосланъ по разнымъ мѣстамъ, а самъ Ганнибалъ назначенъ маіоромъ въ Тобольскій гарнизонъ. Пушкинъ, Бантышъ-Каменскій и Языковъ разсказываютъ о двухъ попыткахъ Ганнибала самовольно возвратиться въ Россію и о заступничествѣ, которое будто бы оказалъ ему въ этомъ случаѣ Минихъ. Но г. Хмыровъ опровергаетъ это извѣстіе, и роль Миниха въ этомъ дѣлѣ ограничивается, по его мнѣнію, хлопотами о возвращеніи Ганнибала въ Россію, что и совершилось въ 1731 году. Вернувшись изъ Сибири, Ганнибалъ, недовольный новыми порядками, заведенными Бирономъ, въ томъ же году просится въ отставку, но не

получаетъ ея. Въ слѣдующемъ году онъ возобновляетъ свою просьбу, и на этотъ разъ съ бо́льшимъ успѣхомъ.

Къ этому же приблизительно времени относится первая женитьба Ганнибала. Когда онъ возвратился изъ Сибири, въ Петербургѣ проживалъ капитанъ галернаго флота, Андрей Діоперъ, по происхожденію грекъ, человѣкъ бѣдный и незначительный. Младшая изъ его дочерей, Евдокія, имѣла несчастіе понравиться Ганнибалу, и онъ, не долго думая, предложилъ ей руку и сердце. Молодая дѣвушка отвергла его предложеніе, «понеже арапъ, и не нашей породы». Кромѣ этого мотива къ отказу понуждала ее любовь къ другому, флотскому поручику Кайсарову. Однако ни отецъ дѣвушки, прельщенный богатствомъ и вліятельностью жениха, ни самъ Ганнибалъ не приняли во вниманіе отказа дѣвушки. Она была насильно повѣнчана съ Ганнибаломъ, и молодые переѣхали въ Перновъ. Бракъ этотъ, какъ и надо было ожидать, оказался несчастливъ. Невѣрность жены, питавшей къ мужу весьма понятное отвращеніе, подала поводъ къ началу возмутительнаго по своимъ подробностямъ бракоразводнаго процесса, окончившагося только въ 1753 году заточеніемъ несчастной жертвы африканской дикости въ монастырь, гдѣ она вскорѣ и окончила свою горемычную жизнь.

Между тѣмъ Абрамъ Петровичъ, начавъ тяжбу съ своей первой женой, не замедлилъ вступить во второе супружество съ нѣмкою Христиною Региной Шебергъ или Шельбергъ. Бракъ этотъ, несмотря на то, что въ теченіи 17 лѣтъ считался незаконнымъ и навлекъ на Ганнибала эпитимію и денежный штрафъ, тѣмъ не менѣе далъ ему продолжительное и прочное семейное счастіе, результатомъ котораго явилось на свѣтъ многочисленное черное потомство.

Возвратимся однако къ служебной карьерѣ Ганнибала.

Послѣ паденія Бирона онъ снова поступаетъ на службу подполковникомъ въ ревельскій гарнизонъ. На этомъ мѣстѣ оставался онъ до самаго вступленія на престолъ Елизаветы. Къ этому именно періоду относятся документы, сообщаемые г. Хмыровымъ и доказывающіе крайнюю неуживчивость и сварливость Абрама Петровича, слѣдствіемъ которыхъ были постоянныя ссоры и неудовольствія съ сослуживцами.

Со вступленіемъ на престолъ Елизаветы положеніе Ганнибала измѣнилось къ лучшему: онъ былъ пожалованъ въ генералъ-маіоры съ назначеніемъ оберъ-комендантомъ въ Ревель. И тутъ дѣло не обходилось безъ ссоръ съ подчиненными и начальствомъ. Упрямый, самолюбивый Арапъ не умѣлъ подчиняться чужой волѣ и все хотѣлъ дѣлать по своему, что, конечно, вело къ постояннымъ неудовольствіямъ. Дальнѣйшая его карьера слѣдующая: Въ 1755 году онъ произведенъ въ генералъ-поручики; въ 1756 въ чинѣ генералъ-инженера наблюдалъ за работами по Ладожскому каналу, при чемъ не преминулъ затѣять ссору съ Шуваловымъ, несмотря на то, что послѣдній былъ въ полной силѣ; въ 1759 произведенъ въ генералъ-аншефы; въ 1760 награжденъ орденомъ Александра Невскаго, и наконецъ 9-го іюня 1762 года, уже при Петрѣ III, уволенъ отъ службы за старостью лѣтъ. Послѣ отставки Абрамъ Петровичъ

прожилъ еще около двадцати лѣтъ. Годы эти провелъ онъ въ своей псковской деревнѣ, пожалованной ему Елизаветой, гдѣ и окончилъ свою обильную приключеніями жизнь, оставивъ послѣ себя сыновей Ивана, Петра, Осипа, Исаака и Якова, и дочерей Софью и Анну.

Біографы Ганнибала представляютъ его человѣкомъ суровымъ и жестокимъ. Существуетъ преданіе о томъ, что когда сынъ Абрама Петровича, Осипъ Абрамовичъ, женившійся противъ воли отца, явился къ нему послѣ свадьбы и вмѣстѣ съ женой на колѣнахъ просилъ прощенія, то отъ одного гнѣвнаго взгляда стараго арапа молодая невѣстка упала въ обморокъ. Безпокойный и неуживчивый характеръ Абрама Петровича на служебномъ поприщѣ мы имѣли уже случай указать. Въ домашней жизни онъ отличался своеволіемъ и скупостью; кромѣ того былъ необузданно ревнивъ, что конечно не могло способствовать безмятежности его семейнаго очага. Если прибавить ко всему сказанному, что Абрамъ Петровичъ былъ отлично воспитанъ, имѣлъ свѣтлую голову и блестящія способности, то мы получимъ полную характеристику этой замѣчательной личности.

Относительно годовъ рожденія и смерти Ганнибала біографы его расходятся во мнѣніяхъ. По Пушкину Абрамъ Петровичъ родился въ 1688, а умеръ въ 1781, на 93-мъ году отъ рожденія. Бантышъ-Каменскій и Языковъ опредѣляютъ его жизнь отъ 1691 до 1782, т. е. въ 92 года. Гг. Лонгиновъ и Хмыровъ, соглашаясь признать 1781 или 1782 годомъ смерти Ганнибала, годъ рожденія его опредѣляютъ — первый 1696-мъ годомъ, а второй еще позднѣе.

Разногласіе это не могло бы конечно имѣть для насъ большаго значенія, если бы особыя причины не заставили насъ обратить вниманія на это обстоятельство.

Дѣло въ томъ, что въ маѣ мѣсяцѣ 1880 года во время приготовленія пушкинскихъ торжествъ въ Москвѣ, по просьбѣ предсѣдателя коммиссіи, спеціально для этого назначенной отъ Общества Любителей Россійской Словесности, Л. И. Поливанова, изъ Московскаго Главнаго Архива Министерства Иностранныхъ Дѣлъ, благодаря просвѣщенному содѣйствію директора Архива, Гофмейстера Барона Ѳ. А. Бюлера, былъ доставленъ для выставки потретъ, изображающій по всѣмъ даннымъ одного изъ Ганнибаловъ, предковъ Пушкина. Портретъ былъ присланъ при слѣдующемъ письмѣ Барона Ѳ. А. Бюлера:

«Министерство иностранныхъ дѣлъ.
Московскій Главный Архивъ.
12 мая 1880 года.
№ 319.

Милостивый государь, Левъ Ивановичъ! Въ отвѣтъ на почтеннѣйшій запросъ вашъ отъ вчерашняго числа, за № 135, имѣю честь увѣдомить, что въ Исторической Галлереѣ Высочайше ввѣреннаго мнѣ Архива дѣйствительно находится портретъ, писанный масляными красками, который, по нѣкоторымъ

даннымъ, считается портретомъ одного изъ Ганнибаловъ, предковъ А. С. Пушкина. Онъ принадлежитъ къ числу 120 портретовъ, пожертвованныхъ Архиву наслѣдниками моего предмѣстника, гофмейстера князя М. А. Оболенскаго, и изображаетъ старика, весьма смуглаго, въ красномъ мундирѣ, въ Андреевской лентѣ; на оборотѣ самаго холста надпись: «Аннибалъ генералъ аншефа (sic) на 92-мъ году отъ рожденія». Многія высокопоставленныя лица, посѣщавшія Архивъ, признавали въ немъ портретъ одного изъ предковъ Пушкина,— что и побудило сдѣлать на дощечкѣ подъ рамкою надпись: «Ив. Абр. Ганнибалъ».

«Между тѣмъ по «Списку Кавалеровъ 4-хъ Россійскихъ Орденовъ», изд. Бантышемъ-Каменскимъ, М. 1814 г., стр. 211 и 229, оказывается, что прадѣдъ Пушкина, Абрамъ Петровичъ, и дѣдъ его, Иванъ Абрамовичъ Ганнибалы, оба имѣли Александровскую ленту, но что ни одинъ не имѣлъ Андреевской; а такъ какъ по біографіямъ ихъ, во II части «Словаря достопамятныхъ людей Русской земли», М. 1836, 12—15, очевидно, что изъ нихъ первый, генералъ-аншефъ, вышелъ въ отставку въ годъ воцаренія императрицы Екатерины II, а другой, генералъ-поручикъ, имѣлъ уже учрежденный гораздо позже орденъ св. Георгія (3 ст.) и служилъ въ морской артиллеріи, то надпись на холстѣ слѣдуетъ считать ошибочною, а портретъ этотъ, хотя на немъ георгіевскій орденъ написанъ 2 ст. (со звѣздою), однако жъ тѣмъ правдоподобнѣе долженъ изображать дѣда Пушкина Ивана Абрамовича, что артиллеристы имѣли тогда красные мундиры.

«Такой же портретъ, но съ несравненно болѣе акцентированнымъ арабскимъ типомъ, находится въ Гатчинскомъ дворцѣ, въ галлереѣ кавалеровъ ордена св. Владиміра 1 ст., который Иванъ Абрамовичъ имѣлъ, по показанію Бантыша-Каменскаго (стр. 15). Тамъ онъ изображенъ въ этой лентѣ сверхъ зеленаго мундира. Быть можетъ, онъ впослѣдствіи (┼ 1801) получилъ и Андреевскій орденъ, и непомѣщеніе сего обстоятельства въ печатномъ спискѣ Бантыша есть упущеніе.

«Во всякомъ случаѣ, оговорить это, равно какъ отсутствіе типичности, я счелъ долгомъ совѣсти; самый же портретъ за № 54, въ золоченой рамкѣ и съ надписью на жестяной доскѣ, имѣю честь при семъ препроводить, покорнѣйше прося въ полученіи онаго приказать выдать подателю росписку.

«Примите и проч.

Баронъ Ѳ. Бюлеръ».

Для уясненія вопроса о портретѣ, единовременно съ приведеннымъ письмомъ, Барономъ Ѳ. А. Бюлеромъ былъ сдѣланъ запросъ въ канцелярію Капитула орденовъ о томъ, какихъ именно орденовъ кавалеромъ былъ дѣдъ А. С. Пушкина, И. А. Ганнибалъ.

Отвѣтъ былъ полученъ слѣдующій:

МИНИСТЕРСТВО
ИМПЕРАТОРСКАГО ДВОРА.
КАПИТУЛЪ ОРДЕНОВЪ. КАНЦЕЛЯРІЯ.
ОТДѢЛЕНІЕ II. СТОЛЪ 4.
15 мая 1880 года. № 1902.

«Господину Директору Московскаго Главнаго Архива Министерства Иностранныхъ Дѣлъ.

«Вслѣдствіе отношенія Вашего Превосходительства отъ 13 сего мая за № 320, Канцелярія Капитула Орденовъ имѣетъ честь увѣдомить, что Генералъ-Поручикъ Иванъ Авраамовичъ Ганнибалъ по Кавалерскимъ спискамъ Капитула значится имѣющимъ слѣдующіе ордена, ему пожалованные:

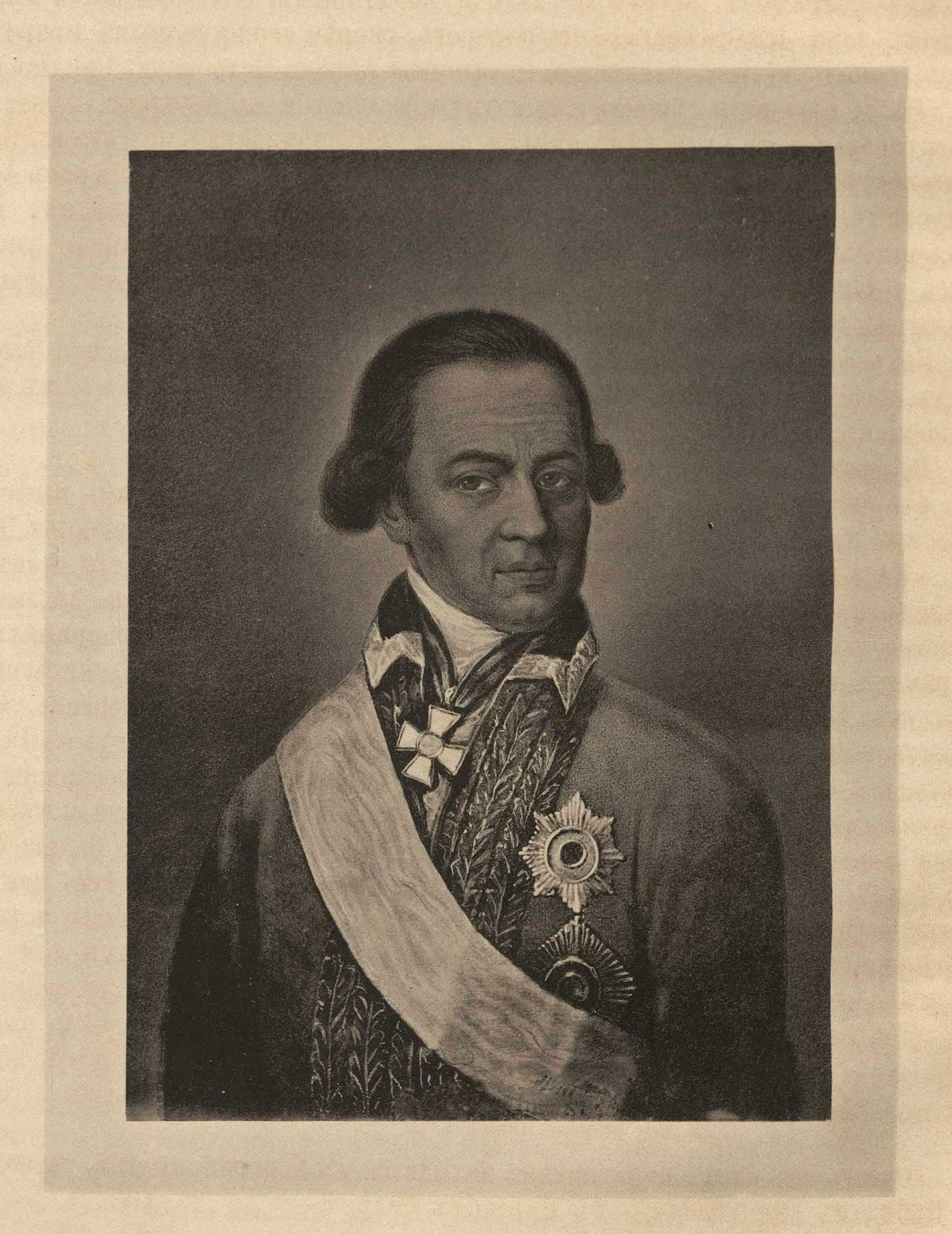
а) 27 ноября 1770 года — св. Георгія 3 ст. въ чинѣ Генералъ-Цейгмейстера Морской Артиллеріи.

б) 21 апрѣля 1781 — св. Александра Невскаго въ чинѣ Генералъ-Лейтенанта.

в) 16 мая 1783 года — св. Владиміра 1 степени въ чинѣ Генералъ-Поручика; о пожалованіи же сему Генералу орденовъ св. Андрея Первозваннаго и св. Георгія 2 степени, свѣдѣній въ Капитулѣ не имѣется. Исключенъ изъ списковъ Капитула умершимъ 20 ноября 1801 года. Подписали: Директоръ Тюрбертъ и Начальникъ отдѣленія Клеменко».

Заключая изъ вышеприведенныхъ документовъ, 1) что надпись къ портрету на жестяной доскѣ, сдѣланная въ Главномъ Архивѣ, есть не болѣе, какъ предположеніе, не подтвержденное несомнѣнными фактами, причемъ надписи на оборотной сторонѣ портрета придано слишкомъ малое значеніе; 2) что нельзя основывать рѣшеніе о лицѣ, изображенномъ на портретѣ, только въ виду вышеупомянутаго «Списка Кавалеровъ», который не имѣетъ оффиціальнаго значенія и можетъ быть не полонъ, что́ допускаетъ и Баронъ Ѳ. А. Бюлеръ, имѣвшееся же въ рукахъ Коммиссіи сообщеніе изъ Капитула орденовъ касается лишь Ивана Абрамовича Ганнибала, — устроители пушкинской выставки взяли на себя смѣлость замѣнить предположеніе Главнаго Архива своимъ собственнымъ на слѣдующихъ данныхъ: надпись, сдѣланная на оборотной сторонѣ портрета, на холстѣ, стариннымъ почеркомъ, гласитъ: «Аннибалъ Генералъ аншефа (sic) на 92 году отъ рожденія». Если предположить, что надпись эта принадлежитъ художнику, писавшему портретъ, или кому-нибудь изъ современниковъ изображеннаго лица и сдѣлана не гадательно, то само собой дѣлается ясно, что портретъ не можетъ принадлежать Ивану Абрамовичу Ганнибалу; къ тому же 1) достовѣрно извѣстно, что онъ умеръ 66-ти лѣтъ, а 2) на ту же пушкинскую выставку Анастасіей Сергѣевной Перфильевой былъ доставленъ другой портретъ, согласно съ письмомъ доставительницы, несомнѣнно изображающій И. А. Ганнибала. Изъ братьевъ Ивана Абрамовича также ни одинъ не дожилъ до означенныхъ на портретѣ лѣтъ.

Съ другой стороны, если припомнимъ, что года рожденія и смерти Абрама Петровича точно не извѣстны, но что изъ его біографовъ Пушкинъ считаетъ его умершимъ на 93-мъ году отъ роду, а Бантышъ-Каменскій и Языковъ на

Абрамъ Петровичъ Ганнибалъ.

92-мъ, то невольно является мысль, что изображенное на портретѣ лицо есть не кто иной, какъ самъ Арапъ Петра Великаго, Абрамъ Петровичъ Ганнибалъ.

Это предположеніе, во-первыхъ, можетъ быть вполнѣ согласовано и съ историческими данными и съ надписью на оборотной сторонѣ портрета, такъ какъ Абрамъ Петровичъ былъ [illegible] Генералъ-Аншефомъ и, по показанію многихъ біографовъ, дожилъ до 92-года; во-вторыхъ, подтверждается [illegible] изображеннаго на портретѣ, скорѣе свойственнымъ природному [illegible] Абрама Петровича. Свидѣтельство [illegible] портрета [illegible] нашу мысль. Не [illegible] такъ какъ Абрамъ [illegible] Генералъ-[illegible] Что же касается орденовъ, помѣщенныхъ на портретѣ [illegible] Каменскаго, то помочь рѣшенію о нихъ можетъ справка въ [illegible].

[illegible] по которымъ портретъ этотъ на пушкинской выставкѣ былъ [illegible]: «Абрамъ Петровичъ Ганнибалъ». Съ тѣмъ же обозначеніемъ [illegible] въ настоящемъ изданіи.

Во[illegible] Абрама Петровича.

Старшій [illegible] (1735—1801) достигъ [illegible] разсказываетъ о немъ Пушкинъ *):

[illegible] какъ и его отецъ. Онъ [illegible] Онъ распоряжалъ брандерами и [illegible] изъ тѣхъ [illegible] съ корабля, взлетѣвшаго на воздухъ. Въ [illegible] году взялъ Навари[illegible] выстроилъ Херсонъ. Его постановленія донынѣ [illegible] ются въ [illegible] Россіи, гдѣ въ 1821 году видѣлъ я стариковъ, [illegible] еще хранив[illegible]. Онъ поссорился съ Потемкинымъ. Государыня [illegible]дала Ган[illegible] на него александровскую [illegible] но онъ оставилъ службу и съ тѣхъ [illegible] по большей части въ Су[illegible], [illegible]мый всѣми [illegible]тельными [illegible], между прочими — [illegible], который при немъ оставал[illegible] и котораго принималъ онъ [illegible] и не [illegible] подобныхъ [illegible]»

Два [illegible] говорятъ потомству [illegible]

[illegible] средь гибельн[illegible]
[illegible]ей вспылала,
[illegible] Наваринъ **).

Одинъ изъ этихъ [illegible] находится въ [illegible], другой, [illegible]: «Побѣдамъ Ганнибала» [illegible] Селѣ.

---

*) Родословная Пушкиныхъ и [illegible]

**) „Моя Родосл."

Абрамъ Петровичъ Ганнибалъ

92-мъ, то невольно является мысль, что изображенное на портретѣ лицо есть не кто иной, какъ самъ Арапъ Петра Великаго, Абрамъ Петровичъ Ганнибалъ.

Это предположеніе, во-первыхъ, можетъ быть вполнѣ согласовано и съ историческими данными и съ надписью на оборотной сторонѣ портрета, такъ какъ Абрамъ Петровичъ былъ дѣйствительно Генералъ-Аншефомъ и, по показанію многихъ біографовъ, дожилъ до 92-года; во-вторыхъ, подтверждается темнымъ цвѣтомъ лица, изображеннаго на портретѣ, скорѣе свойственнымъ природному негру, нежели метису, какими были сыновья Абрама Петровича. Свидѣтельство Бар. Ѳ. А. Бюлера о существованіи другаго *такого же* портрета съ еще болѣе акцентированнымъ арапскимъ типомъ также подкрѣпляетъ нашу мысль. Не противорѣчитъ нашему предположенію и красный цвѣтъ мундира, такъ какъ Абрамъ Петровичъ, будучи Генералъ-Инженеромъ, могъ числиться служащимъ по артиллеріи. Что же касается орденовъ, помѣщенныхъ на портретѣ и не упомянутыхъ у Бантыша-Каменскаго, то помочь рѣшенію о нихъ можетъ справка въ Капитулѣ Орденовъ.

Вотъ соображенія, по которымъ портретъ этотъ на пушкинской выставкѣ былъ обозначенъ надписью: «Абрамъ Петровичъ Ганнибалъ». Съ тѣмъ же обозначеніемъ помѣщаемъ его и мы въ настоящемъ изданіи.

Возвращаемся къ потомству Абрама Петровича.

Старшій сынъ его, Иванъ Абрамовичъ (1735—1801) достигъ извѣстности еще при жизни своего отца. Вотъ что разсказываетъ о немъ Пушкинъ *):

«Иванъ Абрамовичъ столь же достоинъ замѣчанія, какъ и его отецъ. Онъ пошелъ въ военную службу вопреки волѣ родителя, отличился и, ползая на колѣнахъ, выпросилъ отцовское прощеніе. Подъ Чесмою онъ распоряжалъ брандерами и былъ одинъ изъ тѣхъ, которые спаслись съ корабля, взлетѣвшаго на воздухъ. Въ 1770 году взялъ Наваринъ; въ 1779 выстроилъ Херсонъ. Его постановленія донынѣ уважаются въ полуденномъ краю Россіи, гдѣ въ 1821 году видѣлъ я стариковъ, живо еще хранившихъ его память. Онъ поссорился съ Потемкинымъ. Государыня оправдала Ганнибала и надѣла на него александровскую ленту; но онъ оставилъ службу и съ тѣхъ поръ жилъ по большей части въ Суйдѣ, уважаемый всѣми замѣчательными людьми славнаго вѣка, между прочими — Суворовымъ, который при немъ оставлялъ свои проказы и котораго принималъ онъ, не завѣшивая зеркалъ и не наблюдая никакихъ тому подобныхъ церемоній».

Два памятника говорятъ потомству о подвигахъ героя,

Предъ кѣмъ средь гибельныхъ пучинъ
Громада кораблей вспылала,
И палъ впервые Наваринъ **).

Одинъ изъ этихъ памятниковъ находится въ Херсони, другой, съ надписью: «Побѣдамъ Ганнибала» — въ Царскомъ Селѣ.

*) Родословная Пушкиныхъ и Ганнибаловыхъ.
**) „Моя Родосл."

Будучи уже въ отставкѣ и живя въ Суйдѣ, по сосѣдству съ младшимъ братомъ своимъ Осипомъ, Иванъ Абрамовичъ игралъ видную роль въ его семейной драмѣ, о которой будетъ разсказано ниже.

Прилагаемый портретъ Ивана Абрамовича, какъ уже сказано, доставленъ на выставку Анастасіей Сергѣевной Перфильевой, въ семействѣ которой онъ хранится какъ память дружбы, существовавшей между Иваномъ Абрамовичемъ и Степаномъ Васильевичемъ Перфильевымъ, тѣмъ самымъ, которому Державинъ посвятилъ свою оду на смерть кн. Мещерскаго*).

Второй сынъ Абрама Петровича, Петръ Абрамовичъ, не получившій никакого образованія и полуграмотный, что доказывается клочкомъ записокъ его, сохраненнымъ Пушкинымъ, дослужился однако до чина Генералъ-Аншефа, вышелъ въ отставку и, подобно братьямъ своимъ, доживалъ вѣкъ въ своей Псковской деревнѣ, занимаясь фабрикаціей различныхъ водокъ и настоекъ, до которыхъ былъ большой охотникъ. Онъ пережилъ всѣхъ своихъ братьевъ и былъ лично извѣстенъ Пушкину, который въ бытность свою въ Михайловскомъ, въ 1817 году, по выходѣ изъ Лицея, посѣтилъ стараго дѣда. Вотъ уцѣлѣвшія строки Пушкина объ этомъ свиданіи, характеризующія деревенское времяпрепровожденіе Петра Абрамовича: «Попросилъ водки. Подали водку. Наливъ рюмку себѣ, велѣлъ онъ ее и мнѣ поднести; я не поморщился и тѣмъ, казалось, чрезвычайно одолжилъ стараго арапа. Черезъ четверть часа онъ опять попросилъ водки и повторилъ еще разъ 5 или 6 до обѣда».

Петръ Абрамовичъ умеръ въ 1822 году.

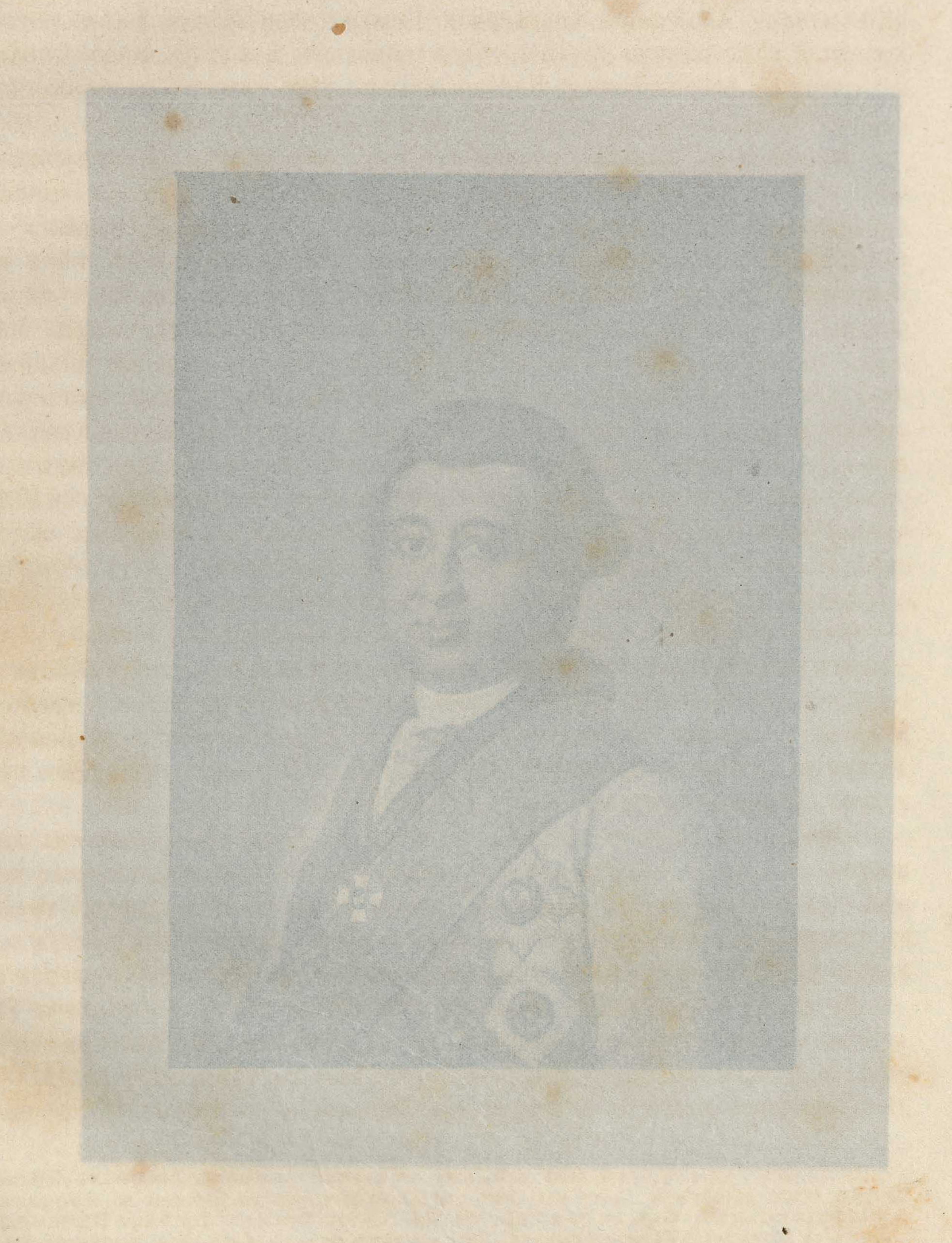
Осипъ Абрамовичъ, родной дѣдъ А. С. Пушкина (1742—1806), былъ третьимъ сыномъ Абрама Петровича. Онъ служилъ во флотѣ и, будучи посланъ въ 1773 году въ Липецкъ для осмотра завода, часто ѣзжалъ въ с. Покровское, принадлежавшее Алексѣю Ѳеодоровичу и Саррѣ Юрьевнѣ Пушкинымъ. Женившись на дочери ихъ, Марьѣ Алексѣевнѣ, онъ имѣлъ отъ нея сына, умершаго груднымъ, и дочь, Надежду Осиповну, родившуюся въ 1775 г.**).

«Бракъ сей былъ несчастливъ,» говоритъ Пушкинъ: «ревность жены и непостоянство мужа были причиной неудовольствій и ссоръ, которыя кончились разводомъ. Африканскій характеръ моего дѣда, пылкія страсти, соединенныя съ ужаснымъ легкомысліемъ, вовлекли его въ удивительныя заблужденія. Онъ женился на другой женѣ, представя фальшивое свидѣтельство о смерти первой».

На такой безразсудный поступокъ побудила Осипа Абрамовича страстная любовь къ новоржевской помѣщицѣ, вдовѣ капитана, Устиньѣ Ермолаевнѣ Толстой, и незаконный бракъ совершился въ 1779 году. Начатое по этому поводу дѣло тянулось долго и, переходя изъ инстанціи въ инстанцію, не разъ дохо-

*) Дубликатъ этого портрета былъ доставленъ на выставку Анатоліемъ Львовичемъ Пушкинымъ, какъ портретъ Осипа Абрамовича. Но въ виду того, что обозначеніе Анатолія Львовича не подкрѣплено никакими фактами или свидѣтельствами, мы рѣшаемся, согласно письма Анастасіи Сергѣевны Перфильевой, признать портретъ за изображеніе Ивана Абрамовича. Если мы ошибаемся, то пусть люди, владѣющіе данными, опровергающими наше мнѣніе, обнародуютъ ихъ. *Авт.*

**) „Москвитянинъ“ 1852 г. № 23. Для біографіи Пушкина. А. Ю. Пушкинъ.

Иванъ Абрамовичъ Ганнибалъ.

Будучи уже въ отставкѣ и живя въ Суйдѣ, по сосѣдству съ младшимъ братомъ своимъ Осипомъ, Иванъ Абрамовичъ игралъ видную роль въ его семейной драмѣ, о которой будетъ разсказано ниже.

Прилагаемый портретъ Ивана Абрамовича, какъ уже сказано, доставленъ на выставку Анастасіей Сергѣевной Перфильевой, въ семействѣ которой онъ хранится какъ память дружбы, существовавшей между Иваномъ Абрамовичемъ и Степаномъ Васильевичемъ Перфильевымъ, тѣмъ самымъ, которому Державинъ посвятилъ свою оду на смерть кн. Мещерскаго *).

Второй сынъ Абрама Петровича, Петръ Абрамовичъ, не получившій никакого образованія и полуграмотный, что доказывается клочкомъ записокъ его, сохраненнымъ Пушкинымъ, дослужился однако до чина Генералъ-Аншефа, вышелъ въ отставку и, подобно братьямъ своимъ, доживалъ вѣкъ въ своей Псковской деревнѣ, занимаясь фабрикаціей различныхъ водокъ и настоекъ, до которыхъ былъ большой охотникъ. Онъ пережилъ всѣхъ своихъ братьевъ и былъ лично извѣстенъ Пушкину, который въ бытность свою въ Михайловскомъ, въ 1817 году, по выходѣ изъ Лицея, посѣтилъ стараго дѣда. Вотъ уцѣлѣвшія строки Пушкина объ этомъ свиданіи, характеризующія деревенское времяпрепровожденіе Петра Абрамовича: «Попросилъ водки. Подали водку. Наливъ рюмку себѣ, велѣлъ онъ ее и мнѣ поднести; я не поморщился и тѣмъ, казалось, чрезвычайно одолжилъ стараго арапа. Черезъ четверть часа онъ опять попросилъ водки и повторилъ это разъ 5 или 6 до обѣда».

Петръ Абрамовичъ умеръ въ 1822 году.

Осипъ Абрамовичъ, родной дѣдъ А. С. Пушкина (1742—1806), былъ третьимъ сыномъ Абрама Петровича. Онъ служилъ во флотѣ и, будучи посланъ въ 1773 году въ Липецкъ для осмотра завода, часто ѣздилъ въ с. Покровское, принадлежавшее Алексѣю Ѳедоровичу и Саррѣ Юрьевнѣ Пушкинымъ. Женившись на дочери ихъ, Марьѣ Алексѣевнѣ, онъ имѣлъ отъ нея сына, умершаго груднымъ, и дочь, Надежду Осиповну, родившуюся въ 1775 г. **).

«Бракъ сей былъ несчастливъ,» говоритъ Пушкинъ: «ревность жены и непостоянство мужа были причиной неудовольствій и ссоръ, которыя кончились разводомъ. Африканскій характеръ моего дѣда, пылкія страсти, соединенныя съ ужаснымъ легкомысліемъ, вовлекли его въ удивительныя заблужденія. Онъ женился на другой женѣ, представя фальшивое свидѣтельство о смерти первой».

На такой безразсудный поступокъ побудила Осипа Абрамовича страстная любовь къ новоржевской помѣщицѣ, вдовѣ капитана, Устиньѣ Ермолаевнѣ Толстой, и незаконный бракъ совершился въ 1779 году. Начатое по этому поводу дѣло тянулось долго и, переходя изъ инстанціи въ инстанцію, не разъ дохо-

---

*) Дубликатъ этого портрета былъ доставленъ на выставку Анатоліемъ Львовичемъ Пушкинымъ, какъ портретъ Осипа Абрамовича. Но въ виду того, что обозначеніе Анатолія Львовича не подкрѣплено никакими фактами или свидѣтельствами, мы рѣшаемся, согласно письма Анастасіи Сергѣевны Перфильевой, признать портретъ за изображеніе Ивана Абрамовича. Если мы ошибаемся, то пусть люди, владѣющіе данными, опровергающими наше мнѣніе, обнародуютъ ихъ. *Авт.*

**) „Москвитянинъ“ 1852 г. № 23. Для біографіи Пушкина. А. Ю. Пушкинъ.

Иванъ Абрамовичъ Ганнибалъ.

дило до самой Императрицы. Въ концѣ концовъ, при помощи Ивана Абрамовича, незаконный бракъ былъ расторгнутъ, Марьѣ Алексѣевнѣ отдана ея дочь, Надежда Осиповна, будущая мать нашего поэта, и предоставлено во владѣніе село Кобрино, принадлежавшее ея мужу*). Съ личностью Марьи Алексѣевны Ганнибалъ намъ придется еще встрѣтиться въ главѣ, посвященной дѣтству А. С. Пушкина.

Осипъ Абрамовичъ умеръ въ 1806 году, въ своемъ Михайловскомъ, отъ слѣдствій невоздержной жизни.

Объ остальныхъ членахъ семьи Ганнибаловъ извѣстно очень мало. Изъ двухъ младшихъ сыновей Абрама Петровича одинъ, Яковъ, умеръ въ малолѣтствѣ, другой же, Исаакъ, оставилъ послѣ себя многочисленную семью, проживавшую въ сосѣдствѣ съ селомъ Михайловскимъ, имѣніемъ Пушкиныхъ. Пріѣзжая изъ лицея на лѣто въ деревню, Пушкинъ любилъ бывать у хлѣбосольныхъ родственниковъ и особенно сошелся съ однимъ изъ дядей своихъ, отставнымъ полковникомъ, Симеономъ Исааковичемъ. Обладая неистощимой веселостью, Симеонъ Исааковичъ былъ любимцемъ и душою всей округи. «Онъ придумывалъ всевозможныя увеселенія, среди которыхъ былъ главнымъ дѣйствующимъ лицомъ. Александръ Сергѣевичъ очень любилъ его, помимо того, что однажды — это было вскорѣ послѣ выпуска его изъ лицея — чуть было не вызвалъ его на дуэль за то, что Симеонъ Исааковичъ въ одной изъ фигуръ мазурки завладѣлъ его дамой, дѣвицей Л — вой, къ которой Александръ Сергѣевичъ былъ не совсѣмъ равнодушенъ. Дѣло между дядей и племянникомъ кончилось, разумѣется, мировой и новыми увеселеніями**).

О дочеряхъ Абрама Петровича извѣстно только, что старшая изъ нихъ, Софья, была замужемъ за Роткирхомъ, а вторая, Анна, за Нееловымъ.

Доведя родословную Пушкиныхъ и Ганнибаловъ до родителей поэта и ознакомившись такимъ образомъ съ исторіей двухъ родовъ, типическія черты которыхъ легли въ основаніе характера ихъ геніальнаго потомка, — въ слѣдующей главѣ мы остановимся подробнѣе на членахъ семьи поэта, которые имѣли уже непосредственное вліяніе на развитіе этой сложной натуры, образовавшейся изъ разнородныхъ элементовъ и потому двойственной: то ребячески-наивной, то глубокомысленной, то необузданно-бѣшеной, то артистически-спокойной, то нѣжно-любящей, то самолюбивой и эгоистичной, но равно доходившей до крайностей во всѣхъ своихъ проявленіяхъ.

---

*) „Дѣдъ Пушкина“ В. О. Михневича. Ист. Вѣстникъ 1886 г. Январь.

**) А. С. Пушкинъ по документамъ Остафьевскаго архива кн. П. П. Вяземскаго. Выдержка изъ біографіи О. С. Павлищевой, составленной сыномъ ея Л. Н. Павлищевымъ.

II.

СЕМЬЯ И ДѢТСТВО.

Измученная длиннымъ рядомъ семейныхъ невзгодъ и ожесточенной борьбой за грубо попираемыя права свои, Марья Алексѣевна Ганнибалъ вздохнула свободнѣе, когда тяжба ея съ мужемъ пришла къ благополучному для нея окончанію.

Обезпеченная матеріально предоставленнымъ ей на воспитаніе дочери Кобринымъ, она купила въ Петербургѣ, въ Преображенскомъ полку, домъ, гдѣ и воспитывала Надежду Осиповну. Любимая дочь, единственная утѣха въ разбитой жизни своей матери, Надежда Осиповна проводила дѣтство и юность на полной свободѣ, не зная отказа ни въ чемъ, среди потворства всѣхъ окружающихъ, начиная съ опекуна и дяди, Ивана Абрамовича, и кончая многочисленной льстивой и раболѣпной челядью. При такихъ условіяхъ вырабатывался отъ природы вспыльчивый и своевольный характеръ подростающей красавицы-мулатки, будущей матери нашего поэта.

Сергѣй Львовичъ Пушкинъ, служившій тогда въ Измайловскомъ полку, пользуясь правомъ родственника, часто бывалъ въ домѣ Марьи Алексѣевны. Молодой гвардейскій офицеръ, въ совершенствѣ владѣющій французскимъ языкомъ, съ безукоризненными свѣтскими манерами, остроумный и блестящій, не смотря на свою застѣнчивость, скоро понравился Надеждѣ Осиповнѣ и сдѣлалъ ей предложеніе. Марья Алексѣевна ничего не имѣла противъ этого брака, и все дѣло было въ разрѣшеніи Ивана Абрамовича; но Сергѣй Львовичъ сумѣлъ такъ обворожить его своимъ свѣтскимъ лоскомъ, что и съ этой стороны препятствій не оказалось. «Онъ не очень богатъ, но очень образованъ», рѣшилъ Наваринскій герой и благословилъ любимую племянницу.

Свадьба состоялась въ 1796 году.

Марья Алексѣевна, не желая разставаться съ дочерью, продала свой домъ и жила съ зятемъ въ Измайловскомъ полку, гдѣ въ 1797 году родилась у Сергѣя Львовича и Надежды Осиповны дочь Ольга.

Для новорожденной понадобилась опытная и усердная няня, и Марья Алексѣевна вспомнила о своей крѣпостной, Аринѣ Родіоновой, находившейся въ это время въ услуженіи у родственника Марьи Алексѣевны, Михаила Алексѣевича Пушкина. Арина Родіоновна, будущая няня Александра Сергѣевича, имя которой давно сдѣлалось почти нарицательнымъ въ устахъ всей образованной Россіи,

была по рожденію крѣпостною крестьянкой деревни Кобрина. Когда Михаилъ Алексѣевичъ Пушкинъ въ 1791 году женился на Аннѣ Андреевнѣ Мишуковой, а въ слѣдующемъ году родился у нихъ сынъ Алексѣй, то Марья Алексѣевна дала ему въ кормилицы изъ Кобрина вышеупомянутую Арину Родіоновну, которая, выкормивъ ребенка, оставалась при немъ до 1796 года въ качествѣ няни. Надо предполагать, что Михаилъ Алексѣевичъ Пушкинъ и жена его были очень довольны Ариной Родіоновной и отзывались о ней съ похвалою, такъ какъ Марья Алексѣевна рѣшилась поручить ей уходъ за новорожденной внучкой. Арина Родіоновна была выписана къ Сергѣю Львовичу и Надеждѣ Осиповнѣ, въ семействѣ которыхъ и оставалась до самой своей смерти*).

Ставъ отцомъ семейства, Сергѣй Львовичъ пришелъ къ заключенію, что пора отдохнуть отъ тягостей военной службы и перебраться въ Москву на покой. Онъ исполнилъ свое намѣреніе черезъ годъ послѣ рожденія дочери, вышелъ въ отставку и со всей семьей и домочадцами переѣхалъ въ Москву. Марья Алексѣевна Ганнибалъ послѣдовала за Пушкиными, поселилась по близости и все время проводила у нихъ, принявъ на себя заботы о ихъ заброшенномъ хозяйствѣ и предоставивъ свою собственную квартиру въ распоряженіе прислуги.

Двадцать шестаго мая 1799 года родился у Пушкиныхъ сынъ Александръ.

Благодаря новѣйшимъ изслѣдованіямъ гг. Мартынова**) и Колосовскаго***), изъ которыхъ первый возстановилъ правильное чтеніе метрической записи, служившей основаніемъ для розысковъ дома, гдѣ родился Пушкинъ, и доказалъ, что фамилію владѣльца этого дома слѣдуетъ читать «Скворцовъ, а не «Шварцевъ», а второй доказалъ, что домъ Скворцова дѣйствительно существовалъ, и нашелъ гдѣ именно, — благодаря этимъ изслѣдованіямъ, мѣсторожденіе нашего поэта опредѣлено теперь окончательно: онъ родился на углу Нѣмецкой улицы и Лефортовскаго переулка, въ домѣ Скворцова, нынѣ уже не существующемъ. Бывшее владѣніе Скворцова, раздѣленное на участки, въ настоящее время принадлежитъ купчихѣ Раззориной, мѣщанкѣ Масловой и г. Клейненбергу. — Итакъ Москва была родиной нашего поэта.

Въ Москвѣ протекли и первые его годы.

Чтобы дать понятіе о той обстановкѣ, среди которой проходило младенчество Пушкина, необходимо остановиться подробнѣе на характеристикѣ его родителей и образѣ ихъ жизни.

И Сергѣй Львовичъ, и Надежда Осиповна были люди свѣтскіе, созданные для гостиной. Блистать въ обществѣ было призваніемъ Сергѣя Львовича, и онъ дѣйствительно блисталъ: въ декламаціи французскихъ стиховъ онъ не имѣлъ соперниковъ; никто удачнѣе его не умѣлъ устроить любительскаго спектакля, и никто не исполнялъ своей роли съ такимъ успѣхомъ, какъ онъ; его калам-

---

*) „Для біографіи Пушкина". А. Ю. Пушкина. Москвитянинъ 1852 г.

**) „Мѣсторожденіе А. С. Пушкина по розысканіямъ А. А. Мартынова". Москва. 1880 г.

***) „Историческій Вѣстникъ". Годъ I, томъ III. Смѣсь.

буры и bons mots бывали такъ удачны, что запоминались и переходили изъ устъ въ уста. Бесѣда Сергѣя Львовича была пріятна, но въ разговорахъ своихъ онъ не любилъ касаться ни политическихъ, ни экономическихъ вопросовъ, хотя не лишенъ былъ знаній въ этомъ отношеніи; не любилъ также пускаться въ философскія пренія, не смотря на то, что въ своемъ кабинетѣ перечиталъ всѣ произведенія энциклопедистовъ Вольтеровской эпохи. За то изящныя искусства были любимымъ предметомъ Сергѣя Львовича, и на эту тему онъ могъ говорить безъ конца. Не мудрено, что для человѣка, обладающаго такими салонными талантами, публика была необходима, какъ для актера, воспитаннаго на подмосткахъ. Одиночества Сергѣй Львовичъ не выносилъ, къ деревенской жизни питалъ отвращеніе. Иногда вечеромъ, когда не было гостей и когда Сергѣй Львовичъ почему-либо оставался дома, онъ садился къ камину, собиралъ вокругъ себя дѣтей и, за неимѣніемъ другихъ слушателей, декламировалъ передъ ними Мольера.

Но преобладающей страстью Сергѣя Львовича была страсть къ стихотворству. Писаніе французскихъ стиховъ было постояннымъ его занятіемъ; цѣлыя стихотворныя повѣсти, вышедшія изъ-подъ его пера, уцѣлѣли въ альбомѣ г-жи Воловской въ Варшавѣ. Любовь Сергѣя Львовича къ стихосложенію была такъ велика, что распространялась на всѣхъ окружающихъ. Даже въ передней Пушкиныхъ водились доморощенные стихотворцы изъ многочисленной дворни обоего пола, знаменитый представитель которой, камердинеръ Никита Тимоѳеевичъ, состряпалъ даже нѣчто въ родѣ баллады, передѣланной изъ сказокъ о Соловьѣ разбойникѣ, богатырѣ Еруcланѣ Лазаревичѣ и царевнѣ Милитрисѣ Кирибитьевнѣ. Нѣтъ сомнѣнія, что эта стихотворная атмосфера оказывала вліяніе и на дѣтей.

Для анекдотовъ, каламбуровъ и французскихъ стиховъ нужна ясность духа, не смущаемая житейскими дрязгами. Понятно поэтому, что Сергѣй Львовичъ отстранилъ отъ себя окончательно всѣ заботы о домашнихъ дѣлахъ и передалъ ихъ женѣ своей.

Надежда Осиповна, съ своей стороны поглощенная выѣздами и успѣхами въ свѣтѣ, мало вникала въ интересы семьи, а если и вникала, то съ своимъ эксцентричнымъ и вспыльчивымъ характеромъ только увеличивала безпорядокъ, царившій въ домѣ. «Домъ Пушкиныхъ», говоритъ въ своей запискѣ бар. М. А. Корфъ, лицейскій товарищъ Пушкина *), «представлялъ всегда какой-то хаосъ и вѣчный недостатокъ во всемъ, начиная отъ денегъ и до послѣдняго стакана. Когда у нихъ обѣдывало человѣка два-три лишнихъ, то всегда посылали къ сосѣдямъ за приборами».

Прилагаемые портреты Сергѣя Львовича и Надежды Осиповны къ сожалѣнію не соотвѣтствуютъ одинъ другому по возрасту. Надежда Осиповна изображена въ полномъ цвѣтѣ красоты и молодости, тогда какъ портретъ Сергѣя Львовича относится, очевидно, къ болѣе позднему времени. Подлинники обоихъ портре-

*) „А. С. Пушкинъ по док. Остафьевскаго архива“ Кн. П. П. Вяземскаго.

Сергѣй Львовичъ Пушкинъ

буры и bons mots бывали такъ удачны, что запоминались и [illegible] изъ устъ въ уста. Бесѣда Сергѣя Львовича была пріятна, [illegible] своихъ [illegible] хотя онъ не любилъ касаться ни политическихъ, ни экономическихъ [illegible] хотя не лишенъ былъ знаній въ этомъ отношеніи; [illegible] въ философскія пренія, не смотря на то, что въ [illegible] всѣ произведенія энциклопедистовъ Вольтеровскаго [illegible] искусства были любимымъ предметомъ Сергѣя Львовича [illegible] рить безъ конца. Не мудрено, что для человѣка [illegible] талантами, публика была необходима, какъ для актера [illegible] мосткахъ. Одиночества Сергѣй Львовичъ не выносилъ [illegible] питалъ отвращеніе. Иногда вечеромъ, когда не [illegible] Львовичъ почему-либо оставался дома, [illegible] кругъ себя дѣтей и, за [illegible] нихъ Мольера.

Но преобладающей страстью Сергѣя Львовича [illegible] твор-ству. Писаніе французскихъ стиховъ было [illegible] стихотворныя пьесы, вышедшія изъ-подъ его [illegible] Воловской въ [illegible]. Любовь Сергѣя Львовича [illegible] велика, что распространялась на всѣхъ окружающихъ [illegible] Пуш-киныхъ водились доморощенные стихотворцы изъ [illegible] пола, знаменитый представитель которой, камер[illegible] Тимоѳеевичъ, состряпалъ даже нѣчто въ родѣ баллады, передѣл[illegible] сказокъ о Соловьѣ разбойникѣ, богатырѣ Еруслань Лазаревичѣ и царевнѣ [illegible] Кирибитьевнѣ. Нѣтъ сомнѣнія, что эта стихотворная атмосфера [illegible] и на дѣтей.

Для анекдотовъ, каламбуровъ и французскихъ [illegible] духа, не смущаемая житейскими дрязгами. [illegible] Львовичъ отстранилъ отъ себя окончательно всѣ заботы [illegible] передалъ ихъ женѣ своей.

Надежда Осиповна, съ своей стороны [illegible] и успѣхами въ свѣтѣ, мало вникала въ интересы семьи, [illegible] то съ своимъ эксцентричнымъ и вспыльчивымъ характеромъ [illegible] живала безпоря-докъ, царившій въ домѣ. «Домъ Пушкиныхъ» [illegible] своей запискѣ бар. М. А. Корфъ, лицейскій товарищъ Пушкина *), [illegible] всегда какой-то хаосъ и вѣчный недостатокъ во всемъ, начиная [illegible] до послѣдняго стакана. Когда у нихъ обѣдывало человѣка два-три [illegible] всегда посы-лали къ сосѣдямъ за приборами».

Прилагаемые портреты Сергѣя Львовича и [illegible] къ сожалѣнію не соотвѣтствуютъ одинъ другому по возрасту. [illegible] изображена въ полномъ цвѣтѣ красоты и молодости, тогда какъ [illegible] Сергѣя Львовича относится, очевидно, къ болѣе позднему времени. [illegible] портре-

---

*) [illegible] Пушкинъ по док. Остафьевскаго архива" Кн. П. П. [illegible]

Сергѣй Львовичъ Пушкинъ.

Надежда Осиповна Пушкина.

Сельцо Захарово.

товъ были доставлены на выставку Л. Н. Павлищевымъ, роднымъ племянникомъ покойнаго поэта. По семейному преданію, портретъ Надежды Осиповны принадлежитъ кисти знаменитаго въ свое время художника, французскаго эмигранта гр. Ксавье-де-Мэстра, который былъ дружески принятъ въ домѣ Пушкиныхъ.

Сосредоточивъ свою жизнь въ гостиной, Надежда Осиповна, не интересовавшаяся кладовой и кухней, рѣдко заглядывала и въ дѣтскую. Забытыя дѣти росли подъ надзоромъ бабушки Марьи Алексѣевны и няни Арины Родіоновны. Этимъ двумъ достойнымъ женщинамъ, забывавшимъ себя для ухода за своими маленькими питомцами, выпала на долю завидная участь подглядѣть первые робкіе шаги и подслушать первый лепетъ геніальнаго ребенка.

Эти двѣ личности — Марья Алексѣевна, съ ея умомъ и энергіей, закаленной въ борьбѣ съ горемъ и невзгодами, знающая жизнь не по однимъ романамъ, и рядомъ съ нею кроткая и любящая няня Арина Родіоновна, о которой врядъ ли нужно распространяться много — такъ знакомъ и близокъ сердцу каждаго этотъ свѣтлый образъ — эти двѣ личности оставили въ душѣ Пушкина неизгладимое впечатлѣніе. Изъ устъ бабушки услышалъ онъ впервые разсказы о своихъ знаменитыхъ предкахъ, изъ устъ няни знакомился съ поэтическими созданіями народной фантазіи. Плоды этихъ раннихъ сѣмянъ извѣстны всякому.

Съ самыхъ первыхъ лѣтъ дѣтства маленькій Пушкинъ приводилъ своихъ родителей въ отчаяніе. Толстый, неповоротливый, угрюмый и сосредоточенный, онъ предпочиталъ уединеніе всѣмъ играмъ и шалостямъ со сверстниками. Не смотря на всѣ старанія Надежды Осиповны развить въ немъ живость и сообщительность, онъ пользовался каждымъ удобнымъ случаемъ, чтобы убѣжать изъ гостиной и скрыться подъ защиту няни или бабушки. Такое поведеніе огорчало и раздражало Надежду Осиповну и Сергѣя Львовича, а маленькому Пушкину доставило въ домѣ положеніе нелюбимаго ребенка. Такимъ образомъ съ самаго ранняго возраста началась та сухость отношеній Пушкина къ родителямъ, которую онъ сохранилъ на всю свою жизнь.

Пушкину было семь лѣтъ, когда въ его обстановкѣ произошла перемѣна, отразившаяся и на его характерѣ. Дѣло въ томъ, что Марья Алексѣевна на деньги, полученныя за проданное еще раньше Кобрино, купила у генеральши Тиньковой подмосковное сельцо Захарово, куда Пушкины стали ѣздить каждое лѣто.

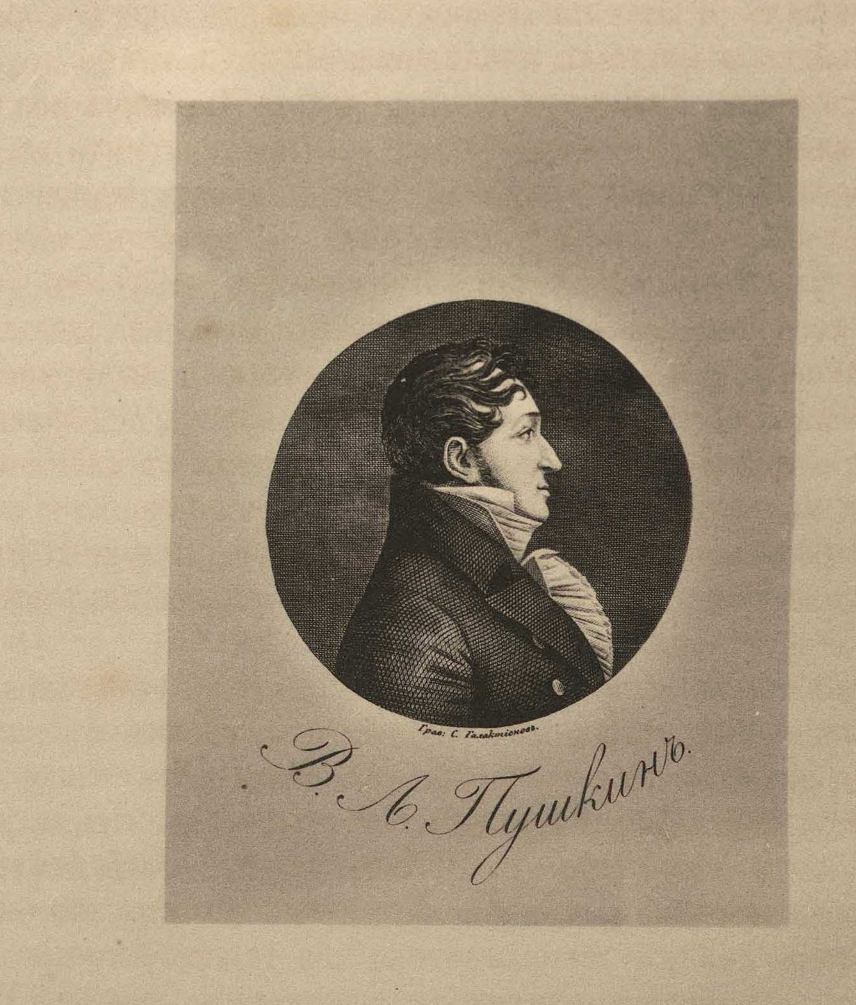
Захарово находилось верстахъ въ сорока отъ Москвы по Смоленскому тракту, близъ того мѣста, гдѣ нынѣ стоитъ Голицынская станція Московско-Брестской желѣзной дороги. Унылая, плоская мѣстность, съ темной зеленью еловаго лѣса и печальными вѣтвями березъ, старинный барскій домъ съ флигелями и службами на берегу пруда, оброслаго вѣковыми липами, — таковъ былъ общій характеръ Захарова, первой деревни, узнанной Пушкинымъ въ жизни.

Помѣщаемый здѣсь снимокъ съ картины изображаетъ сельцо Захарово въ нынѣшнемъ его видѣ. Оригиналъ этой картины принадлежитъ кисти г. А. Киселева,

которымъ и былъ доставленъ на выставку. Многое, конечно, измѣнилось въ Захаровѣ за эти семьдесятъ пять лѣтъ; тѣмъ не менѣе видъ этотъ представляетъ цѣнность для біографа Пушкина, такъ какъ даетъ понятіе, хотя, можетъ быть, и слабое, о мѣстѣ, гдѣ поэтъ нашъ воспринялъ первыя впечатлѣнія русской деревни и нашелъ противовѣсъ душной французской атмосферѣ, которой пропитанъ былъ московскій домъ его родителей.

Едва дохнулъ семилѣтній ребенокъ привольнымъ воздухомъ сельской природы, какъ сдѣлался неузнаваемъ. Въ характерѣ его произошла рѣзкая перемѣна: прежняя сонливость смѣнилась вдругъ рѣзвостью и шалостями, переходящими всякія границы. Родители, приходившіе въ отчаяніе отъ флегматическаго темперамента сына, пришли теперь въ ужасъ отъ такой внезапно проявившейся необузданности. Ни строгостью, ни лаской нельзя было унять упрямаго мальчика, почуявшаго свободу. Испытавъ всѣ мѣры къ его укрощенію, Сергѣй Львовичъ и Надежда Осиповна успокоились на мысли, что извращенной природы ихъ сына ничѣмъ исправить нельзя, и сосредоточили всю любовь свою на старшей дочери и младшемъ сынѣ, Львѣ, родившемся черезъ годъ послѣ покупки Захарова.

Между тѣмъ городская жизнь Пушкиныхъ шла по прежнему. Въ гостинной ихъ, какъ и прежде, постоянно собиралось многочисленное общество, состоявшее изъ самыхъ разнообразныхъ элементовъ. Рядомъ съ знакомыми чисто свѣтскаго характера и французскими эмигрантами, которыхъ Сергѣй Львовичъ, какъ поклонникъ всего французскаго, принималъ съ распростертыми объятіями, здѣсь можно было встрѣтить извѣстнѣйшихъ представителей современной литературы. Теперь маленькій Пушкинъ уже не прятался въ дѣтскую; напротивъ того, со вниманіемъ прислушивался и приглядывался онъ къ этой пестрой толпѣ. Въ то время, какъ эмигранты, графы Бурдибуръ и Ксавье-де-Мэстръ, Комара, виконтъ Сентъ-Обенъ и имъ подобные изощряли свое остроуміе съ дамами, въ кабинетѣ Сергѣя Львовича раздавались горячіе литературные споры, въ которыхъ принимали участіе Н. М. Карамзинъ, В. А. Жуковскій, К. Н. Батюшковъ, дядя поэта Василій Львовичъ Пушкинъ. Послѣдній, кромѣ вечернихъ собраній, часто бывалъ въ домѣ своего брата запросто, и дѣти близко знали и любили его. Всегда веселый, неизмѣнно добродушный и любезный, Василій Львовичъ невольно возбуждалъ симпатію всѣхъ, съ кѣмъ ему приходилось сталкиваться. По характеру своему онъ имѣлъ много общаго съ братомъ и принадлежалъ, какъ и Сергѣй Львовичъ, къ этому типу интеллигентныхъ бон-вивановъ, которымъ такъ изобилуетъ конецъ прошлаго и начало нынѣшняго столѣтія. Независимое состояніе позволяло ему жить, не отказывая себѣ ни въ чемъ, и онъ въ широкихъ размѣрахъ пользовался этой возможностью. Послѣ неизбѣжной службы въ гвардіи и неудачнаго брака, онъ устроилъ жизнь свою на холостую ногу и до конца дней своихъ оставался одинокимъ. Побывавъ въ Европѣ, главнымъ образомъ, конечно, въ Парижѣ, перезнакомившись съ большинствомъ современныхъ знаменитостей литературнаго и артистическаго міра, онъ возвра-

Грав: С. Галактіоновъ.
В. Л. Пушкинъ.

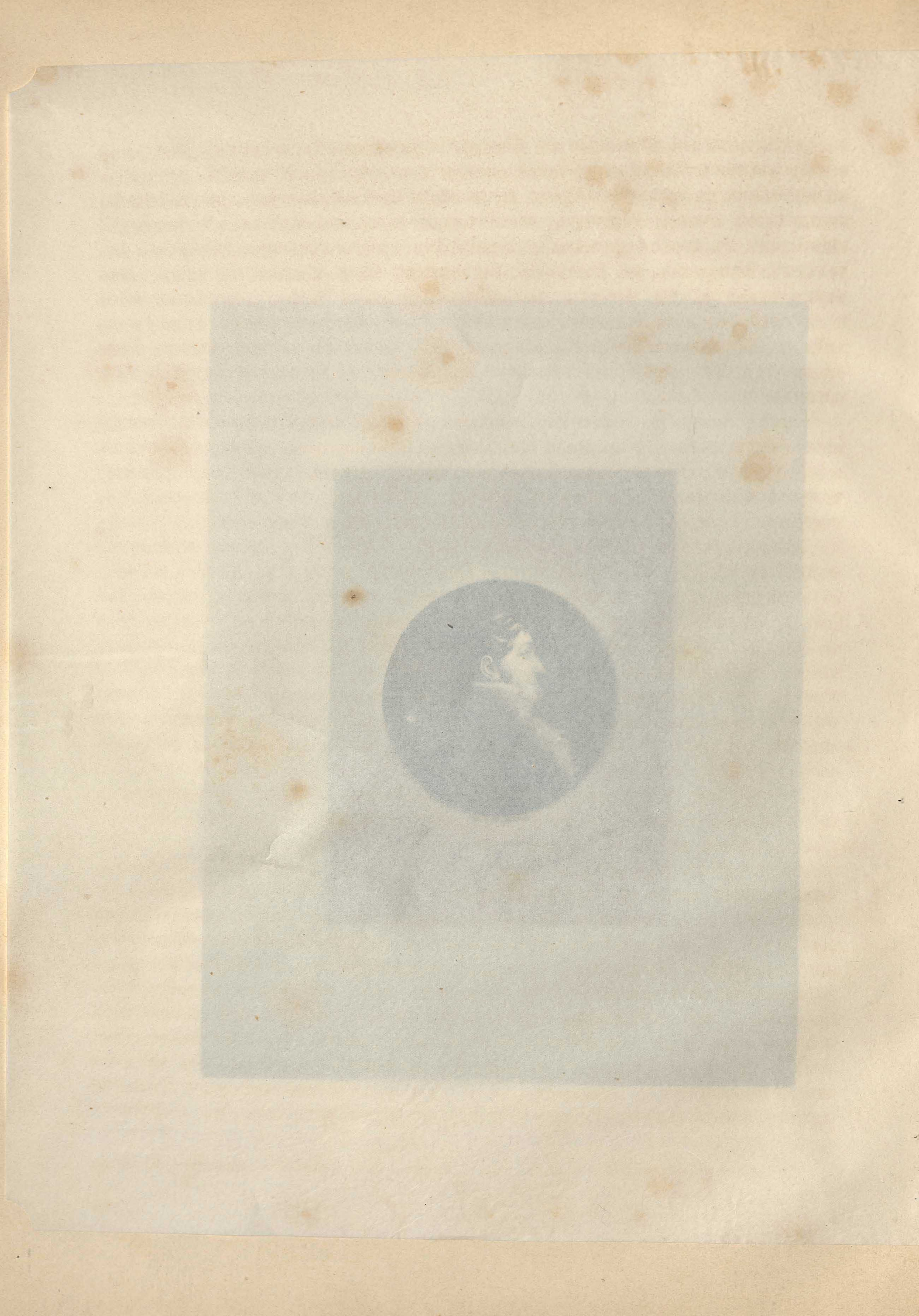
тился на родину и поселился въ Москвѣ. Образованность, остроуміе, соединенное съ любезностью, характерная веселость и добродушіе давали ему всегда видное мѣсто въ обществѣ. Кромѣ этого, дядя Василій Львовичъ въ свое время пользовался славой хорошаго стихотворца, былъ старостою «Арзамаса» и пріятелемъ съ первоклассными литераторами своего времени. Дмитріевъ, Карамзинъ, Жуковскій, кн. Вяземскій, Батюшковъ были связаны съ нимъ узами неразрывной дружбы. Франтъ, говорунъ и острякъ, всегда довольный собой и другими, Василій Львовичъ вносилъ смѣхъ и оживленіе всюду, куда ни появлялся. Вся Москва знала и любила его. Въ сравненіи съ братомъ онъ былъ проще и добродушнѣе, наконецъ, его характеръ и вся натура мягче и симпатичнѣе *).

Сергѣй Львовичъ и Василій Львовичъ были въ очень хорошихъ отношеніяхъ между собою, и пріятели послѣдняго были на самой дружеской ногѣ съ семействомъ его брата. Такимъ образомъ Василій Львовичъ послужилъ для племянника связующимъ звеномъ съ литературнымъ кругомъ, въ которомъ Александру Сергѣевичу суждено было впослѣдствіи занять первое мѣсто.

Ранній доступъ въ общество взрослыхъ не могъ не оказать вліянія на воспріимчивый умъ будущаго поэта. Прижавшись въ уголъ дивана, молча и не шевелясь, вслушивался онъ въ разговоры гостей. Въ холостой кабинетной бесѣдѣ, не стѣсненной присутствіемъ дамъ, конечно, было много такого, чего не слѣдовало бы слышать ребенку, но Сергѣй Львовичъ не обращалъ на это вниманія и единственнымъ условіемъ присутствія сына въ кабинетѣ ставилъ полную тишину и молчаніе. Преждевременное и ненормальное развитіе, о которомъ единогласно свидѣтельствуютъ всѣ знавшіе Пушкина въ дѣтствѣ, безъ сомнѣнія, многимъ обязано всему видѣнному и слышанному имъ въ родительскомъ домѣ.

Но не одинъ вредъ вынесъ Пушкинъ изъ этихъ собраній: прислушиваясь къ толкамъ и спорамъ людей литературнаго міра, онъ съ раннихъ лѣтъ научился любить искусство и произносить съ уваженіемъ слово «поэтъ». Здѣсь же, быть можетъ, коренится источникъ той страсти къ чтенію, которая проявилась въ немъ, когда ему открылся доступъ къ отцовской библіотекѣ. Зная наклонности Сергѣя Львовича, можно смѣло предположить, что библіотека его по своему содержанію не была приспособлена для дѣтскаго чтенія. Переводы древнихъ писателей, французскіе классики, эротическіе поэты XVIII вѣка, философы сенсуальной школы съ Вольтеромъ во главѣ, все это съ жадностью поглощалось любознательнымъ мальчикомъ, укладываясь въ его головѣ безъ всякаго объясненія. Не удивительно, что фантазія его, предоставленная самой себѣ, приняла не совсѣмъ здоровое направленіе, которое даже не исправили позднѣйшіе его воспитатели. Одновременно со страстью къ чтенію явилось у Пушкина желаніе писать самому. Первыя попытки мальчика, которыми онъ не дѣлился

*) Прилагаемый портретъ В. Л. Пушкина взятъ изъ перваго изданія его стихотворенія (Спб. 1822).

тился на родину и поселился въ Москвѣ. Образованность, остроуміе, соединенное съ любезностью, заразительная веселость и добродушіе давали ему всегда видное мѣсто въ обществѣ. Кромѣ всего этого Василій Львовичъ въ свое время пользовался славою хорошаго стихотворца, былъ старшиною «Арзамаса» и пріятелемъ съ первоклассными литераторами своего времени. Дмитріевъ, Карамзинъ, Жуковскій, кн. Вяземскій, Батюшковъ были связаны съ нимъ узами неразрывной дружбы. Франтъ, гастрономъ и острякъ, всегда довольный собой и другими, Василій Львовичъ вносилъ смѣхъ и оживленіе всюду, куда ни появлялся. Вся Москва знала и любила его. Въ сравненіи съ братомъ онъ былъ проще и добродушнѣе, веселость его искреннѣе, и вся натура мягче и симпатичнѣе *).

Сергѣй Львовичъ и Василій Львовичъ были въ очень хорошихъ отношеніяхъ между собою, и пріятели послѣдняго были на самой дружеской ногѣ съ семействомъ его брата. Такимъ образомъ Василій Львовичъ послужилъ для племянника связующимъ звеномъ съ литературнымъ кругомъ, въ которомъ Александру Сергѣевичу суждено было впослѣдствіи занять первое мѣсто.

Ранній доступъ въ общество взрослыхъ не могъ не оказать вліянія на воспріимчивый умъ будущаго поэта. Прижавшись въ уголъ дивана, молча и не шевелясь, вслушивался онъ въ разговоры ихъ. Въ холостой кабинетной бесѣдѣ, не стѣсненной присутствіемъ дамъ, конечно, было много такого, чего не слѣдовало бы слышать ребенку, но Сергѣй Львовичъ не обращалъ на это вниманія и единственнымъ условіемъ присутствія сына въ кабинетѣ ставилъ полную тишину и молчаніе. То преждевременное и ненормальное развитіе, о которомъ единогласно свидѣтельствуютъ всѣ знавшіе Пушкина въ дѣтствѣ, безъ сомнѣнія, многимъ обязано всему видѣнному и слышанному имъ въ родительскомъ домѣ.

Но не одинъ вредъ вынесъ Пушкинъ изъ этихъ собраній: прислушиваясь къ толкамъ и спорамъ людей литературнаго міра, онъ съ раннихъ лѣтъ научился любить искусство и произносить съ уваженіемъ слово «поэтъ». Здѣсь же, быть можетъ, коренится источникъ той страсти къ чтенію, которая проявилась въ немъ, когда ему открылся доступъ къ отцовской библіотекѣ. Зная наклонности Сергѣя Львовича, можно смѣло предположить, что библіотека его по своему содержанію не была приспособлена для дѣтскаго чтенія. Переводы древнихъ писателей, французскіе классики, эротическіе поэты XVIII вѣка, философы сенсуальной школы съ Вольтеромъ во главѣ, все это съ жадностью поглощалось любознательнымъ мальчикомъ, укладываясь въ его головѣ безъ всякаго объясненія,—и не мудрено, что фантазія его, предоставленная самой себѣ, приняла то чувственное направленіе, которымъ такъ ужасались позднѣйшіе его воспитатели. Одновременно со страстью къ чтенію явилось у Пушкина желаніе писать самому. Первыя попытки авторства, которыми онъ не дѣлился

*) Прилагаемый портретъ В. Л. Пушкина снятъ съ портрета, при собраніи его стихотвореній (Спб. 1822).

ни съ кѣмъ, кромѣ любимой сестры, были писаны на французскомъ языкѣ и были подражаніями тѣмъ авторамъ, которые занимали въ данное время воображеніе маленькаго поэта. Комедіи Мольера и басни Лафонтена служили ему образцами, а Генріада подала поводъ къ замыслу цѣлой поэмы подъ заглавіемъ «La Toliade». Такова была обстановка, среди которой проходило дѣтство Пушкина. Семья, постоянное общество взрослыхъ, безпорядочное чтеніе,— все это отражалось на характерѣ и умственномъ развитіи ребенка. А между тѣмъ не было человѣка, который бы привелъ въ порядокъ всю эту массу воспринимаемыхъ впечатлѣній. Надежда Осиповна и Сергѣй Львовичъ, какъ уже сказано, мало вникали въ дѣло воспитанія дѣтей и всѣ заботы свои о нихъ ограничивали пріискиваніемъ и частой смѣной гувернеровъ и гувернантокъ изъ иностранцевъ, которыхъ у молодыхъ Пушкиныхъ перебывало множество. Всѣ эти господа, случайно попавшіе въ педагоги, мудрили надъ несчастными дѣтьми, каждый по своему, и ни одинъ изъ нихъ не оставилъ по себѣ доброй памяти въ сердцахъ своихъ учениковъ. Всѣ науки преподавались Ольгѣ Сергѣевнѣ и Александру Сергѣевичу гувернерами и гувернантками. «Первымъ воспитателемъ обоихъ дѣтей былъ графъ Монфоръ, затѣмъ Русло, котораго смѣнилъ Шедель. Эти два послѣдніе француза стояли въ педагогическомъ отношеніи ниже всякой критики. Несносный, капризный самодуръ Русло, имѣвшій претензію писать французскіе стихи не хуже Расина и Корнеля, изливалъ свою злобу на Александра Сергѣевича всякій разъ, когда заставалъ его въ дѣтской за подобными же упражненіями въ стихотворствѣ. Тогда онъ жаловался Надеждѣ Осиповнѣ, въ глазахъ которой дѣти всегда были виноваты, а самодуръ правъ. Гувернантки были сноснѣе. Счастіе, что господамъ иностранцамъ не отдали въ распоряженіе русскій языкъ и православный катехизисъ! Бабка дѣтей, Марья Алексѣевна, изящнымъ слогомъ которой любовались всѣ читавшіе ея письма, обучала своихъ внуковъ отечественному языку, а священникъ Александръ Ивановичъ Бѣликовъ преподавалъ имъ законъ Божій. Обладая въ совершенствѣ французскимъ языкомъ, онъ перевелъ «Духъ Массильона» и, какъ проповѣдникъ, отличался силою своего краснорѣчія. Въ гостиной Пушкиныхъ бесѣдовалъ онъ съ французскими эмигрантами, опровергая остроумно философскія убѣжденія этихъ господъ. Съ нимъ только и съ Марьей Алексѣевной дѣти разговаривали по-русски» *).

Понятно, что всѣ эти преподаватели-иностранцы не умѣли пріохотить учениковъ своихъ къ занятіямъ, и Пушкинъ учился у нихъ весьма неохотно. Не давая себѣ труда выучивать заданные уроки, онъ выслушивалъ отвѣты сестры и затѣмъ, пользуясь своей прекрасной памятью, повторялъ ихъ учителю. Пріемъ этотъ, разумѣется, не всегда удавался, и часто, когда учитель спрашивалъ Александра Сергѣевича прежде сестры, то одно замѣшательство ученика бывало отвѣтомъ.

*) „А. С. Пушкинъ по документамъ Остафьевскаго Архива“ Кн. П. П. Вяземскаго. „Выдержки изъ біографіи О. С. Павлищевой“, сост. Л. Н. Павлищевымъ.

Время шло. Пушкину минуло 12 лѣтъ, и пора было подумать о дальнѣйшемъ его воспитаніи. Сергѣй Львовичъ и Надежда Осиповна отправились въ Петербургъ съ цѣлью собрать свѣдѣнія объ Іезуитскомъ Коллегіумѣ, считавшемся въ то время первоклассным учебнымъ заведеніемъ. За этими хлопотами застигла ихъ вѣсть о скоромъ открытіи Царскосельскаго Лицея. Большія надежды, возлагаемыя на этотъ новый разсадникъ просвѣщенія, заставили Пушкиныхъ измѣнить свои планы относительно сына. При содѣйствіи пріятеля Сергѣя Львовича, В. Ѳ. Малиновскаго, назначеннаго директоромъ Лицея, и А. И. Тургенева, человѣка весьма близкаго къ семьѣ Пушкиныхъ, Александръ Сергѣевичъ былъ принятъ въ число воспитанниковъ Лицея. Василій Львовичъ взялся сопровождать племянника въ Петербургъ, и лѣтомъ 1811 года Александръ Сергѣевичъ покинулъ родительскій кровъ. Безъ сожалѣнія разставался онъ съ семействомъ, и только разлука съ любимой сестрой возбуждала въ немъ грустное чувство. О немъ тоже жалѣли мало. Надежда Осиповна и Сергѣй Львовичъ были рады стряхнуть съ своихъ плечъ заботы о воспитаніи испорченнаго ребенка, не обѣщающаго впереди ничего хорошаго. Только, можетъ быть, няня поплакала, провожая питомца на чужую сторону.

III.

ЛИЦЕЙ.

Мы всѣ учились понемногу
Чему-нибудь и какъ-нибудь...

—

Намъ цѣлый міръ чужбина,
Отечество намъ Царское Село.

Пушкинъ.

Царскосельскій Лицей возникновеніемъ своимъ обязанъ намѣренію Государя Александра Павловича дать братьямъ своимъ общественное образованіе. Намѣреніе это не осуществилось, но Лицей тѣмъ не менѣе остался при своей первоначальной широкой задачѣ — снабжать Россію государственными дѣятелями. Всѣ усилія были употреблены для того, чтобы обставить Лицей блестящимъ образомъ. Люди, считавшіеся лучшими въ педагогическомъ мірѣ, были приглашены въ число его преподавателей; непосредственный надзоръ за внутренней его жизнью былъ порученъ самому министру народнаго просвѣщенія; все это было причиной тѣхъ большихъ надеждъ, которыя возлагались на новое учебное заведеніе. Понятно, что при такихъ условіяхъ доступъ въ Лицей былъ не легокъ, и пріемъ въ число его воспитанниковъ могъ считаться особенною честью. Будущіе государственные люди, конечно, все это знали и не безъ гордости думали о своемъ привиллегированномъ положеніи.

12 августа повезъ Василій Львовичъ своего племянника на пріемный экзаменъ къ графу А. К. Разумовскому, министру народнаго просвѣщенія и непосредственному начальнику Лицея. Здѣсь въ первый разъ увидѣлъ Пушкинъ своихъ будущихъ товарищей и познакомился съ нѣкоторыми изъ нихъ, между прочими — съ И. И. Пущинымъ, который отмѣтилъ этотъ день въ своихъ воспоминаніяхъ *). Онъ описываетъ первое впечатлѣніе, произведенное на него новымъ товарищемъ. По его свидѣтельству, Пушкинъ былъ мальчикъ живой, курчавый, быстроглазый и казался очень сконфуженнымъ непривычной обстановкой.

Извѣстный портретъ Пушкина-мальчика какъ нельзя болѣе сходится съ этимъ описаніемъ Пущина. Снимокъ съ этого портрета, появившагося при пер-

*) „Атеней" 1859 г. № 8.

Царскосельскій Лицей.

III.

ЛИЦЕЙ.

Мы всѣ учились понемногу
Чему-нибудь и какъ-нибудь...

—

Намъ цѣлый міръ чужбина,
Отечество намъ Царское Село.

Пушкинъ.

Царскосельскій Лицей возникновеніемъ своимъ обязанъ намѣренію Государя Александра Павловича дать братьямъ своимъ общественное образованіе. Намѣреніе это не осуществилось, но Лицей тѣмъ не менѣе остался при своей первоначальной основной задачѣ — снабжать Россію государственными дѣятелями. Всѣ усилія были употреблены для того, чтобы обставить Лицей блестящимъ образомъ. Люди, считавшіеся лучшими въ педагогическомъ мірѣ, были приглашены въ число его преподавателей; непосредственный надзоръ за внутренней его жизнью былъ порученъ самому министру народнаго просвѣщенія; все это было причиной тѣхъ большихъ надеждъ, которыя возлагались на новое учебное заведеніе. Понятно, что при такихъ условіяхъ доступъ въ Лицей былъ не легокъ, и пріемъ въ число его воспитанниковъ могъ считаться особенною честью. Будущіе государственные люди, конечно, все это знали и не безъ гордости думали о своемъ привиллегированномъ положеніи.

12 августа повезъ Василій Львовичъ своего племянника на пріемный экзаменъ къ графу А. К. Разумовскому, министру народнаго просвѣщенія и непосредственному начальнику Лицея. Здѣсь въ первый разъ увидѣлъ Пушкинъ своихъ будущихъ товарищей и познакомился съ нѣкоторыми изъ нихъ, между прочими — съ И. И. Пущинымъ, который отмѣтилъ этотъ день въ своихъ воспоминаніяхъ *). Онъ описываетъ первое впечатлѣніе, произведенное на него новымъ товарищемъ. По его свидѣтельству, Пушкинъ былъ мальчикъ живой, курчавый, быстроглазый и казался очень сконфуженнымъ непривычной обстановкой.

Извѣстный портретъ Пушкина-мальчика какъ нельзя болѣе сходится съ этимъ описаніемъ Пущина. Снимокъ съ этого портрета, появившагося при пер-

*) „Атеней" 1859 г. № 8.

Царскосельскій Лицей.

12—14 лѣтъ

(съ портрета при „Кавказскомъ плѣнникѣ“ 1822 г.)

12—14 лѣтъ

(съ портрета при „Кавказскомъ плѣнникѣ“ 1822 г.)

вомъ изданіи «Кавказскаго Плѣнника», прилагается нами. На Пушкинскую выставку 1880 года покойнымъ Павломъ Ефимовичемъ Басистовымъ былъ доставленъ сдѣланный карандашомъ портретъ Пушкина-мальчика, весьма схожій съ этимъ портретомъ. По словамъ владѣльца его, какъ намъ передавалъ П. Е. Басистовъ, это былъ оригиналъ извѣстнаго изображенія.

Со дня пріемнаго экзамена до формальнаго открытія Лицея оставалось слишкомъ два мѣсяца, и это время посвящено было преподавателями на ближайшее ознакомленіе съ учениками, состоявшее изъ дружескихъ бесѣдъ, для которыхъ новые лицеисты должны были сходиться въ Лицей. За это же время мальчики успѣли освоиться между собой, такъ что когда наступилъ торжественный день 19-го октября, собравшіеся на открытіе Лицея воспитанники и воспитатели уже не были чужими другъ другу.

Открытіе Лицея совершилось весьма торжественно. Въ присутствіи государя со всѣмъ семействомъ, профессорами прочитаны были рѣчи, выяснявшія задачи вновь основаннаго учебнаго заведенія.

Въ рѣчахъ этихъ мальчикамъ открыто высказывались большія надежды, на нихъ возлагаемыя, и яркими красками рисовалось ихъ будущее вліяніе на судьбы отечества. Наибольшее впечатлѣніе произвела рѣчь молодаго и талантливаго профессора А. П. Куницына, который, наставляя будущихъ учениковъ своихъ на путь истинной добродѣтели, убѣждалъ ихъ быть достойными своихъ знаменитыхъ предковъ и стараться увѣковѣчить имена свои. «Вы ли захотите», говорилъ онъ, «смѣшаться съ толпой людей обыкновенныхъ, пресмыкающихся въ неизвѣстности и каждый день поглощаемыхъ волнами забвенія?» Что должны были думать о себѣ двѣнадцатилѣтніе мальчики, къ которымъ обращались съ такими рѣчами?

Со дня открытія, лицейская жизнь вступила въ свою колею. «Для Лицея», разсказываетъ И. И. Пущинъ, «отведенъ былъ огромный, четырехъ-этажный флигель дворца, со всѣми принадлежащими къ нему строеніями. Этотъ флигель при Екатеринѣ занимали великія княжны; изъ нихъ въ 1811 г. одна только Анна Павловна оставалась незамужней.

Въ нижнемъ этажѣ помѣщалось хозяйственное управленіе и квартиры инспектора, гувернеровъ и нѣкоторыхъ другихъ чиновниковъ, служащихъ при Лицеѣ; во второмъ — столовая, больница съ аптекой и конференцъ-зала съ канцеляріей; въ третьемъ — рекреаціонная зала, классы (два съ каѳедрами, одинъ — для занятій воспитанниковъ послѣ лекцій), физическій кабинетъ, комната для газетъ и журналовъ и библіотека въ аркѣ, соединяющей Лицей съ дворцомъ черезъ хоры придворной церкви; въ верхнемъ — дортуары. Для нихъ, вдоль всего строенія, во внутреннихъ поперечныхъ стѣнахъ прорублены были арки. Такъ образовался коридоръ съ лѣстницами на двухъ концахъ: въ которомъ съ обѣихъ сторонъ перегородками отдѣлены были комнаты, всего пятьдесятъ нумеровъ. Изъ этого же коридора былъ ходъ въ квартиру гувернера Чирикова, надъ библіотекой. Въ каждой комнатѣ — желѣзная кровать,

комодъ, конторка, зеркало, стулъ, столъ для умыванья, вмѣстѣ и ночной; на конторкѣ чернильница и подсвѣчникъ со щипцами. Во всѣхъ этажахъ и на лѣстницахъ было освѣщеніе ламповое; въ двухъ среднихъ этажахъ паркетные полы; въ залѣ — зеркала во всю стѣну, мебель штофная» *).

Столъ, одежда и все прочее соотвѣтствовало удобствамъ помѣщенія. Большіе царскосельскіе сады съ тѣнистыми аллеями, таинственными гротами и живописными фонтанами увеличивали роскошь обстановки.

Для Пушкина все это было ново и заманчиво. Покинувъ безъ сожалѣнія родительскій кровъ, онъ быстро втянулся въ новую жизнь и полюбилъ ее. Лишенный въ дѣтствѣ общества сверстниковъ, онъ всей душой привязался къ своей новой товарищеской семьѣ, но не сразу встрѣтилъ отвѣтъ на свое чувство. Первое впечатлѣніе, произведенное Пушкинымъ на товарищей, было не въ его пользу. Развитый не по лѣтамъ, скрытный вслѣдствіе одинокаго дѣтства, раздражительный и необузданный по природѣ, онъ поражалъ всѣхъ неровностями своего характера: то разшалится безъ всякаго удержу, то вдругъ задумается и долго сидитъ неподвижно, устремивъ глаза въ одну точку. Имѣя склонность къ насмѣшкѣ, подчасъ циничной и оскорбительной, онъ въ то же время не переносилъ насмѣшки надъ собой. Если кому-нибудь случалось задѣть его за живое шуткой, онъ приходилъ въ бѣшенство или же совершенно терялся, конфузился и не могъ подыскать отвѣта. Вообще природная застѣнчивость Пушкина доставляла ему много страданій. Часто, желая побороть въ себѣ этотъ недостатокъ, онъ напускалъ на себя неестественную развязность, и тогда, впадая въ противоположную крайность, вредилъ себѣ во мнѣніи товарищей неумѣстными шутками и неловкими выходками. По словамъ И. И. Пущина, въ немъ не было того, что называется «тактомъ». Всѣ мелкія непріятности, вызываемыя такимъ характеромъ, причиняли ему тѣмъ болѣе страданій, что по своей щекотливости онъ имѣлъ наклонность преувеличиватъ въ своемъ воображеніи каждую мелочь и всякому ничтожному столкновенію приписывалъ какую-то важность. Это свойство оставалось при немъ на всю его жизнь. Частыя ссоры постоянно ставили его въ неловкое положеніе, а между тѣмъ онъ совершенно не умѣлъ изъ него выпутываться: сознаніе вины его мучило, а самолюбіе мѣшало искать примиренія. Для того, чтобы оцѣнить Пушкина, надо было съ нимъ сойтись, а чтобы сойтись, надо было сдѣлать первый шагъ къ сближенію, потому что самъ онъ, по самолюбію, не предлагалъ своей дружбы. Тѣ изъ товарищей, которые сумѣли сблизиться съ нимъ, — и съ его стороны пользовались дружескимъ чувствомъ. Но за то къ тѣмъ, которые подобно ему ждали отъ него перваго шага, онъ относился сухо, надменно, почти враждебно. Вотъ причина того, что изъ тридцати товарищей поэта очень немногіе могутъ назваться его друзьями. Но и тѣхъ, которые впослѣдствіи сдружились съ нимъ, характеръ Пушкина въ первое время заставлялъ отъ него сторониться. Одна-

*) Записки И. И. Пущина. „Атеней“ 1859 г. № 8.

ко же это скоро сгладилось, и дружескія отношенія установились. «Чтобы полюбить Пушкина настоящимъ образомъ», говоритъ И. И. Пущинъ въ своихъ запискахъ, «надо было взглянуть на него съ тѣмъ полнымъ благорасположеніемъ, которое знаетъ и видитъ всѣ неровности характера и другіе недостатки, мирится съ ними и кончаетъ тѣмъ, что полюбитъ даже и ихъ въ другѣ-товарищѣ».

Такъ и случилось со многими изъ лицеистовъ: они привыкли къ странностямъ Пушкина, узнали его доброе и нѣжное сердце и горячо отозвались на его потребность дружбы и привязанности. Таковы И. И. Пущинъ, баронъ А. А. Дельвигъ, В. К. Кюхельбекеръ и другіе, имена которыхъ неразрывно связаны со славнымъ именемъ поэта. За то нашлись и такіе, которые никогда не могли сойтись съ Пушкинымъ и на всю жизнь сохранили неблагопріятное о немъ мнѣніе*).

А между тѣмъ классныя занятія шли своимъ чередомъ. Вышеупомянутый Куницынъ преподавалъ логику и нравственныя науки. Обладая даромъ слова и способностью заинтересовать учениковъ своимъ предметомъ, онъ оставилъ по себѣ добрую память въ сердцахъ своихъ слушателей, и Пушкинъ съ благодарнымъ чувствомъ вспоминалъ о немъ впослѣдствіи въ своихъ стихотвореніяхъ**). Исторію и географію преподавалъ И. К. Кайдановъ, математику — Л. И. Карцевъ. Куницынъ, Кайдановъ и Карцевъ были лучшими воспитанниками педагогическаго института и по окончаніи курса были отправлены для усовершенствованія въ наукахъ за границу. Всѣ трое, молодые, полные силъ и любви къ своему дѣлу, они сначала горячо взялись за преподаваніе, но, къ несчастію, увлеченія хватило не на долго, и всѣ они очень скоро опустились до самаго казеннаго исполненія своихъ обязанностей.

Профессоръ древнихъ языковъ и русской словесности, Н. А. Кошанскій, имѣвшій большое вліяніе на учениковъ, преподавалъ въ Лицеѣ не долго: болѣзнь помѣшала ему продолжать свои занятія, и онъ уступилъ свое мѣсто А. И. Галичу, человѣку слабохарактерному и чрезмѣрно снисходительному, который впослѣдствіи довелъ потворство вкусамъ своихъ воспитанниковъ до того, что предоставлялъ имъ свою собственную комнату для устройства тайныхъ пирушекъ, въ которыхъ и самъ принималъ участіе. Пушкинъ увѣковѣчилъ имя Галича многими поэтическими строфами, обращенными къ добродушному педагогу***) и характеризующими какъ самую личность Галича, такъ и отношенія его къ ученикамъ.

---

*) Напр. баронъ М. А. Корфъ.

**) Куницыну даръ сердца и вина!
Онъ создалъ насъ, онъ воспиталъ нашъ пламень...
Поставленъ имъ краеугольный камень,
Имъ чистая лампада возжена.
„19 октября“ 1825 года.

***) Такъ напримѣръ:
Апостолъ нѣги и прохладъ,

Французскимъ учителемъ лицеистовъ былъ родной братъ Марата, переименованный въ Россіи въ Давыда Ивановича де-Будри. Онъ съ великимъ уваженіемъ относился къ своему историческому брату и часто отпускалъ своимъ молодымъ слушателямъ фразы весьма вольнаго содержанія *). Если прибавить къ названнымъ личностямъ нѣмецкаго учителя Гауеншельда, человѣка съ тяжелымъ характеромъ, читавшаго нѣмецкую литературу на французскомъ языкѣ, инспектора классовъ М. С. Пилецкаго-Урбановича, возстановлявшаго противъ себя лицеистовъ мистицизмомъ и ханжествомъ, и гувернера Чирикова, то мы получимъ полный перечень лицейскихъ воспитателей.

Находящіеся въ нашемъ распоряженіи матеріалы не даютъ намъ возможности сказать объ учителяхъ Лицея что-нибудь такое, что не было бы уже давно и нѣсколько разъ говорено и печатано; поэтому мы не будемъ пускаться въ подробную характеристику поименованныхъ личностей и ограничимся тѣмъ, что уже сказано, тѣмъ болѣе, что собственно классная жизнь Лицея имѣла на Пушкина весьма малое вліяніе. Руководствуясь идеей не стѣснять свободнаго развитія характеровъ своихъ питомцевъ, лицейскіе преподаватели, съ директоромъ Малиновскимъ во главѣ, дошли въ этомъ направленіи до послѣдней крайности и довели Лицей до состоянія полной распущенности. Ученіе шло лѣниво, предметы преподавались поверхностно, безъ всякой системы, и ученики, пользуясь своей свободой, часто вовсе не являлись въ классы. «Кто хочетъ — учится, кто хочетъ — гуляетъ», пишетъ въ 1812 году товарищъ Пушкина, Илличевскій, своему прежнему товарищу по гимназіи Фусу **). Можно, кажется, смѣло предположить, что желающихъ гулять оказывалось всегда болѣе, нежели желающихъ учиться. Къ первой категоріи принадлежалъ и Пушкинъ. Судя по отзывамъ учителей, онъ и въ Лицеѣ, какъ бывало въ дѣтствѣ при гувернерахъ своихъ, больше полагался на свою память, чѣмъ на прилежный и усидчивый трудъ. Такъ успѣхи его по русскому языку были «не столько тверды, сколько блистательны», по исторіи «при маломъ прилежаніи онъ оказывалъ хорошіе успѣхи». Надо замѣтить, что исторія, несмотря на недостатокъ прилежанія къ ея изученію, все же была любимымъ предметомъ Пушкина, равно какъ и русская словесность. Въ этихъ предметахъ находилъ себѣ пищу его вкусъ къ изящному, котораго у него, по отзыву Кошанскаго, было «болѣе, нежели прележанія къ

Мой добрый Галичъ, vale!
Ты Эпикуровъ младшій братъ,
Душа твоя въ бокалѣ.
„Пирующіе студенты“ (1814 г.).

О, Галичъ, вѣрный другъ бокала
И жирныхъ утреннихъ пировъ.
„Посланіе къ А. И. Галичу“ (1815 г.).

*) Пушкинъ сохранилъ намъ одну изъ такихъ фразъ, характеризующую взгляды де-Будри. „C'est lui“, говорилъ онъ о Робеспьерѣ, „qui sous main travailla l'esprit de Charlotte Corday et fit de cette fille un second Ravaillac“.

**) „Русскій Архивъ“ 1884 года.

основательному». Только противъ математики блестящія способности его оказывались безсильными: по этому предмету онъ всегда былъ безусловно слабъ. Замѣчательно то, что въ дѣлѣ ученія самолюбіе Пушкина, вообще крайне развитое съ самаго дѣтства, совершенно молчало. Плохо учиться не казалось ему стыднымъ, и хорошимъ ударомъ лаптою въ мячъ онъ гордился гораздо болѣе, чѣмъ отлично выученнымъ урокомъ.

Несравненно сильнѣе, чѣмъ уроками, увлекался Пушкинъ бѣготнею и играми, которымъ лицеисты посвящали свои свободные часы. Этимъ играмъ онъ отдавался всей душой, и соперничество въ ловкости и проворствѣ часто доводило его до горячихъ споровъ и ссоръ. Объ этихъ веселыхъ играхъ Пушкинъ и впослѣдствіи вспоминалъ съ удовольствіемъ. Вотъ что разсказываетъ по этому поводу г. Журавлевъ *): «Между воспоминаніями лицейскаго товарища Пушкина, С. Д. Камовскаго, сохранилось его (т. е. Пушкина) не напечатанное стихотвореніе объ играхъ на розовомъ полѣ. Такъ называлось поле, покрытое шиповникомъ въ большомъ царскосельскомъ саду, между большой руиною и каприсомъ (Капризомъ?), по правую сторону аллеи, ведущей отъ Камероновой галлереи къ Гатчинскимъ воротамъ съ надписью: «Орловымъ отъ бѣды избавлена Москва».

Съ высочайшаго разрѣшенія оно отдано было для игръ лицеистовъ первыхъ курсовъ, чтобъ только они не портили прочіе луга придворнаго сада, которыми особенно дорожилъ Императоръ Александръ Павловичъ, какъ своимъ любимымъ мѣстомъ прогулокъ въ лѣтнее время.

Любимыми играми Пушкина были: лапта, бары и т. п. игры, требующія ловкости движеній. Для этихъ игръ товарищи всегда выбирали въ начальники или, какъ называлось въ то время—маткою, графа Брогліо, который, несмотря на то, что былъ лѣвша, очень мѣтко попадалъ въ цѣль. Графъ Брогліо, уѣхавъ по выходѣ изъ Лицея за границу, оттуда не возвращался. Говорятъ, что онъ погибъ, сражаясь волонтеромъ за свободу грековъ. Такою же маткою съ противной стороны играющихъ выбираемъ былъ товарищами обыкновенно С. Д. Комовскій, который по ловкости умѣлъ избѣгать ударовъ мячомъ и на экзаменахъ у фехтовальнаго учителя, маіора французской службы Вальвиля, отличался тѣмъ, что съ двумя рапирами удачно парировалъ всѣ удары противника.

Живя въ изгнаніи въ Кишиневѣ, подъ надзоромъ начальника колонистовъ генерала Инзова, и вспоминая о Царскомъ Селѣ, лицейскихъ товарищахъ и играхъ на розовомъ полѣ, Пушкинъ импровизировалъ слѣдующіе стихи, сообщенные С. Д. Комовскому штабъ-офицеромъ Алексѣевымъ, жившимъ въ одной квартирѣ съ поэтомъ:

Вы помните-ль то розовое поле,
Друзья мои, гдѣ красною весной,

**) „Русская Мысль" 1880 года.

Оставя классъ рѣзвились мы на волѣ
И тѣшились отважною борьбой?
Графъ Брогльо былъ отважнѣе, сильнѣе,
Комовскій же проворнѣе, хитрѣе;
Не скоро могъ рѣшиться жаркій бой...
Гдѣ вы, лѣта забавы молодой?

Не однѣ игры отвлекали Пушкина отъ сухихъ классныхъ занятій. Лицейская жизнь его совпадала съ эпохою народной войны 12-го года, которою заняты были всѣ умы. Настроеніе общества проникало и въ стѣны Лицея. Съ жадностью слѣдили лицеисты за всѣми превратностями военнаго счастія, оплакивая неудачи и встрѣчая восторгомъ вѣсть о побѣдѣ. Вся гвардія, выступая на мѣсто военныхъ дѣйствій, прошла мимо Лицея. Лицеисты провожали выступившіе полки съ жаркой молитвой и слезами; многіе изъ нихъ прощались съ родными и знакомыми; солдаты, проходя, осѣняли ихъ крестнымъ знаменіемъ. Воображеніе мальчиковъ разыгрывалось при видѣ этихъ героевъ, идущихъ на смерть, и юныя сердца неудержимо стремились туда же, за ними, въ эту заманчивую обстановку славы, опасности и приключеній. Можно себѣ представить, съ какимъ нетерпѣніемъ ждали лицеисты извѣстій съ театра войны. Каждый праздникъ навѣщавшіе ихъ родные привозили имъ реляціи, которыя прочитывались вслухъ Кошанскимъ. Газеты поглощались съ жадностію. «Газетная комната», говоритъ И. И. Пущинъ, «никогда не была пуста въ часы, свободные отъ классовъ; читались наперерывъ русскіе и иностранные журналы при неумолкаемыхъ толкахъ и преніяхъ; всему живо сочувствовалось: опасенія смѣнялись восторгами при малѣйшемъ проблескѣ къ лучшему». Такимъ образомъ, замкнутые въ четырехъ стѣнахъ, лицеисты въ сердцахъ переживали всѣ текущія событія. И какія событія: Бородино, пожаръ Москвы, взятіе Парижа! Чувству народной гордости была богатая пища. Наполеонъ на Эльбѣ, Императоръ Александръ во всемъ блескѣ славы—вотъ грандіозные образы, которыми полно было воображеніе молодыхъ людей. Могли ли при такой обстановкѣ итти на умъ скучные и сухіе уроки?

На воспріимчивой натурѣ Пушкина все это отражалось сильнѣе, чѣмъ на другихъ, и весьма понятно, что онъ предпочиталъ душной атмосферѣ класса приволье царскосельскихъ садовъ, гдѣ среди памятниковъ славнаго прошлаго вѣка, среди Наядъ и Амуровъ, подъ тѣнью столѣтнихъ липъ, въ стихотворныхъ опытахъ искалъ онъ исхода для своей разгоряченной фантазіи. Склонность Пушкина къ стихотворству скоро стала извѣстна въ лицейской средѣ. Еще въ первый годъ своего пребыванія въ Лицеѣ онъ успѣлъ обратить на себя вниманіе Кошанскаго. Однажды, окончивъ свой послѣ-обѣденный классъ нѣсколько ранѣе обыкновеннаго, Кошанскій сказалъ: «Теперь, господа, будемъ пробовать перья: опишите мнѣ пожалуйста розу стихами». Опытъ оказался неудачнымъ: большинство воспитанниковъ отказалось отъ стихотворнаго описанія розы, и

только Пушкинъ прочелъ два четверостишія, которыми восхитилъ своихъ слушателей. Кошанскій взялъ рукопись къ себѣ. Къ сожалѣнію, это первое стихотвореніе Пушкина, обратившее на себя вниманіе, не сохранилось ни въ рукописи, ни въ памяти тѣхъ, передъ кѣмъ было читано *).

Направленіе первыхъ опытовъ Пушкинской музы извѣстно всякому. Воображеніе мальчика, загрязненное еще въ дѣтствѣ эротическими произведеніями французской литературы, поневолѣ останавливалось на чувственныхъ образахъ, вычитанныхъ изъ отцовскихъ книжекъ. Позднѣе, когда проснувшіяся молодыя страсти заговорили въ горячей крови, эротическій тонъ стихотвореній дѣлается ярче, и картины того же характера реальнѣе, но рядомъ съ этими произведеніями являются другія, чистыя; таковы: лицейскія элегіи съ задатками того скорбнаго чувства, которымъ вѣетъ отъ всей пушкинской поэзіи, и патріотическіе стихи на темы современныхъ событій.

Въ Лицеѣ не одинъ Пушкинъ обладалъ страстью къ стихотворству. Около него вскорѣ составился цѣлый кружокъ изъ лицейскихъ поэтовъ, преклонявшихся предъ его талантомъ. Членами этого кружка были: баронъ А. А. Дельвигъ, скрытный и смирный, В. К. Кюхельбекеръ, постоянная мишень остротъ и эпиграммъ Пушкина, Н. И. Корсаковъ и М. Л. Яковлевъ. Всѣ они признали первенство Пушкина въ дѣлѣ поэзіи, и одинъ только А. Д. Илличевскій своими удачными эпиграммами и баснями дерзалъ соперничать съ нимъ на литературномъ поприщѣ. Но это продолжалось не долго; авторитетный приговоръ Державина сразу возвысилъ Пушкина въ глазахъ товарищей и его собственныхъ. Это было въ 1815 году на публичномъ экзаменѣ. Вотъ какъ разсказываетъ Пушкинъ объ этомъ знаменательномъ днѣ: «Державина видѣлъ я только однажды въ жизни, но никогда того не забуду. Это было въ 1815 году на публичномъ экзаменѣ въ Лицеѣ. Какъ узнали мы, что Державинъ будетъ къ намъ, всѣ мы взволновались. Дельвигъ вышелъ на лѣстницу, чтобъ дожидаться его и цѣловать руку, написавшую «Водопадъ». Державинъ пріѣхалъ, и Дельвигъ услышалъ, какъ онъ спросилъ у швейцара: «гдѣ, братецъ, здѣсь выйти?» Этотъ прозаическій вопросъ разочаровалъ Дельвига, который отмѣнилъ свое намѣреніе и возвратился въ залу. Дельвигъ это разсказывалъ мнѣ съ удивительнымъ простодушіемъ и веселостью. Державинъ былъ очень старъ. Онъ былъ въ мундирѣ и плисовыхъ сапогахъ. Экзаменъ нашъ очень его утомилъ: онъ сидѣлъ поджавши голову рукою; лицо его было безсмысленно, глаза мутны, губы отвислы. Портретъ его (гдѣ представленъ онъ въ колпакѣ и халатѣ) очень похожъ. Онъ дремалъ до тѣхъ поръ, пока не начался экзаменъ русской словесности. Тутъ онъ оживился: глаза заблистали, онъ преобразился весь. Разумѣется, читаны были его стихи, разбирались его стихи, поминутно хвалили его стихи. Онъ слушалъ съ живостью необыкновенной. Наконецъ вызвали меня. Я прочелъ мои «Воспоминанія въ Ц. С.», стоя въ двухъ шагахъ отъ Державина. Я

---

*) Записки И. И. Пущина.

не въ силахъ описать состоянія души моей: когда я дошелъ до стиха, гдѣ упоминаю имя Державина *), голосъ мой отроческій зазвенѣлъ, а сердце забилось съ упоительнымъ восторгомъ... Не помню, какъ я кончилъ чтеніе; не помню, куда убѣжалъ. Державинъ былъ въ восхищеніи: онъ меня требовалъ, хотѣлъ меня обнять... Меня искали, но не нашли»... На друзей поэта благословеніе Державина произвело не меньшее впечатлѣніе. Вотъ разсказъ одного изъ нихъ **) объ этомъ событіи: «Читалъ Пушкинъ съ необыкновеннымъ оживленіемъ. Пока я слушалъ знакомые стихи, морозъ по кожѣ пробѣгалъ у меня, когда же патріархъ нашихъ пѣвцовъ, въ восторгѣ, со слезами на глазахъ, бросился цѣловать поэта и осѣнилъ кудрявую его голову, мы всѣ подъ какимъ-то невѣдомымъ вліяніемъ благоговѣйно молчали. Хотѣли сами обнять нашего поэта — его уже не было; онъ убѣжалъ!»

Похвала Державина имѣла большое значеніе въ жизни Пушкина. Съ этого дня уже онъ становится признаннымъ поэтомъ. Слава его распространяется далеко за предѣлы Лицея. Авторитетнѣйшіе люди литературнаго міра, Карамзинъ, Жуковскій, Тургеневъ, Василій Львовичъ Пушкинъ, знавшіе его ребенкомъ, признаютъ въ немъ несомнѣнный талантъ. Въ самомъ Лицеѣ, тѣ, кто до того смотрѣли на литературные труды его, какъ на забаву, начинаютъ относиться къ нему съ уваженіемъ. О товарищахъ-стихотворцахъ и говорить нечего: они прежде преклонялись предъ его дарованіемъ. Можно себѣ представить, какъ всѣ эти похвалы и восторги кружили голову и безъ того самомнительнаго шестнадцатилѣтняго мальчика.

Разсказанный нами эпизодъ относится къ той эпохѣ лицейской жизни, которую Пушкинъ въ запискахъ называетъ «безначаліемъ». Послѣ смерти директора Малиновскаго (1814) мѣсто его оставалось вакантнымъ, и Лицей управлялся совѣтомъ учителей. Члены конференціи поочередно исправляли должность директора и, не имѣя никакой опредѣленной программы, въ своихъ распоряженіяхъ противорѣчили одинъ другому. Каждый новый начальникъ начиналъ свою дѣятельность съ того, что забывалъ постановленія своего предшественника и издавалъ новыя. Лицеисты же не исполняли ни новыхъ, ни старыхъ и пользовались безпорядками для расширенія своей свободы. Распущенность Лицея за это время достигла своего апогея. Завелись кутежи и пирушки, которымъ покровительствовалъ Галичъ; за кутежами послѣдовали любовныя шашни, первыми предметами которыхъ были горничныя царскосельскихъ обывательницъ и крѣпостныя актрисы гр. В. В. Толстаго. Эти похожденія, конечно, тревожили и будили молодыя страсти лицеистовъ и распаляли воображеніе ихъ заманчивыми картинами запретныхъ наслажденій. И въ кутежахъ, и въ любовныхъ интригахъ Пушкинъ не уступалъ никому. По своей натурѣ, живой и впечатлительной, жадной до всего новаго, до новаго наслажденія въ особенности,

---

*) Державинъ и Петровъ героямъ пѣснь брянцали
Струнами громозвучныхъ лиръ.

**) И. И. Пущина.

онъ съ увлеченіемъ погрузился въ этотъ дотолѣ невѣдомый міръ страстей и разгула. Цѣлая серія стихотвореній эротическаго и вакхическаго содержанія была вызвана этимъ настроеніемъ.

Когда наконецъ въ 1816 году директоромъ былъ назначенъ Е. А. Энгельгардтъ, то противодѣйствовать распущенности Лицея было уже поздно. Сознавая весь вредъ лицейскихъ порядковъ, но не желая прибѣгать къ крутымъ мѣрамъ для ихъ исправленія, Е. А. Энгельгардтъ употребилъ все свое стараніе, чтобы сойтись съ молодыми людьми на дружескую ногу, и кроткими увѣщаніями отвлекалъ ихъ отъ предосудительныхъ удовольствій. Желая дать иной исходъ молодой жаждѣ развлеченія, онъ доставилъ лицеистамъ возможность вращаться въ порядочномъ обществѣ, преимущественно женскомъ. Для этой цѣли онъ ввелъ воспитанниковъ въ свой домъ и познакомилъ съ своимъ семействомъ, черезъ которое имъ открылся доступъ и въ другіе семейные дома.

Изъ всѣхъ лицеистовъ одинъ только Пушкинъ не сошелся съ новымъ директоромъ: съ перваго дня онъ сталъ къ нему во враждебныя отношенія. Трудно рѣшить теперь, что́ было этому причиной: ждалъ ли онъ отъ директора посягательствъ на свою свободу, или въ самомъ обращеніи Энгельгардта почуялось ему что-нибудь оскорбительное для самолюбія, но враждебное чувство, выказавшееся вначалѣ, не измѣнилось и впослѣдствіи. Вѣроятнѣе всего, что Пушкинъ по чуткости натуры своей почувствовалъ тотъ несправедливый взглядъ, который составилъ себѣ на него новый начальникъ *), и отшатнулся отъ него съ перваго раза.

Несмотря на кроткое и ласковое обращеніе Энгельгардта, Пушкинъ упорно хранилъ свою вражду и избѣгалъ бывать въ домѣ директора, гдѣ постоянно собирались лицеисты. Вмѣсто того онъ пріобрѣлъ себѣ другое знакомство въ средѣ офицеровъ гусарскаго полка, стоявшаго въ Царскомъ Селѣ, и охотно проводилъ время въ ихъ веселомъ обществѣ. Тѣ въ свою очередь рады были остроумному собесѣднику и съ удовольствіемъ принимали этого бойкаго мальчика съ игривыми стишками, застольными пѣснями и злыми эпиграммами въ число собутыльниковъ своихъ гусарскихъ кутежей, которые устраивались конечно на болѣе широкую ногу, чѣмъ лицейскія секретныя пирушки. Здѣсь, среди удалаго разгула, среди откровенныхъ бесѣдъ на распашку, прислушивался Пушкинъ къ тѣмъ свободнымъ идеямъ, которыми заразилась наша гвардія, побывавши въ Парижѣ; здѣсь получали успѣхъ его стихи и эпиграммы. А пріятели развозили эти стихи по Петербургу и распространяли славу молодаго поэта, что́ пріятно щекотало его самолюбіе. Гусарскій кружокъ былъ весьма разнообразенъ по своему составу: тамъ были и философы въ родѣ Н. Я. Чаа-

*) Вотъ отзывъ Энгельгардта о Пушкинѣ: „Его сердце холодно и пусто; въ немъ нѣтъ ни любви, ни религіи; можетъ быть, оно такъ пусто, какъ никогда еще не бывало юношеское сердце. Нѣжныя и юношескія чувства унижены въ немъ воображеніемъ, оскверненнымъ всѣми эротическими произведеніями французской литературы, которыя онъ при поступленіи въ Лицей зналъ почти наизусть, какъ достойное пріобрѣтеніе первоначальнаго воспитанія“.

даева и эпикурейцы въ родѣ Нащокина, и повѣсы въ родѣ Каверина и Зубова. Заражаясь поочереди каждымъ изъ своихъ пріятелей, Пушкинъ являлся — съ Чаадаевымъ мыслителемъ, съ Нащокинымъ искателемъ чувственныхъ наслажденій, съ Зубовымъ и Каверинымъ кутилой. Здѣсь пріобрѣлъ онъ связи, уцѣлѣвшія и впослѣдствіи. Гусары Каверинъ, Зубовъ и другіе оставались съ нимъ пріятелями и по выходѣ его изъ Лицея, а П. Я. Чаадаевъ, съ своимъ оригинальнымъ умомъ и рѣзкими сужденіями, и П. В. Нащокинъ навсегда сохранили свое вліяніе на Пушкина.

Между тѣмъ приближалось время окончанія курса. Поведеніе лицеистовъ, вовсе не соотвѣтствующее школѣ, ускорило выпускъ на три мѣсяца. Девятаго іюня 1817 года, послѣ публичнаго экзамена и торжественнаго акта въ присутствіи Государя, двери Лицея открылись передъ молодыми людьми. Пушкинъ былъ выпущенъ по 2-му разряду. Давнишнею и завѣтною мечтой его была служба въ гвардіи, но послѣ категорическаго заявленія отца, что средства не позволяютъ ему содержать сына-гвардейца, Пушкинъ, скрѣпя сердце, отказался отъ военной карьеры и былъ зачисленъ въ Государственную Коллегію Иностранныхъ Дѣлъ съ чиномъ коллежскаго секретаря.

Восемнадцати лѣтъ, съ горячей головой, съ безпорядочными обрывками идей и знаній, съ ранней опытностью въ дѣлѣ разгула, съ самолюбіемъ, щекотливымъ до болѣзненности, и самомнѣніемъ, доведеннымъ до крайнихъ предѣловъ, вступалъ Пушкинъ въ свѣтъ, куда давно уже стремился жадными мечтами. Съ грустью оглядывался онъ, переступая порогъ Лицея, на свои безмятежные ученическіе годы, проведенные въ любимой товарищеской семьѣ, среди беззаботныхъ игръ и вдохновенныхъ досуговъ, но чувство грусти заглушалось другимъ, а именно — жаждою жизни и новизны, жаждой новыхъ чувствъ и наслажденій, которыя въ изобиліи рисовались ему въ неизвѣстномъ будущемъ.

IV.

ПОСЛѢ ВЫПУСКА.

Друзья, въ сей день благословенный
Забвенью бросимъ суеты!
Теки, вино, струею пѣнной
Въ честь Вакха, музъ и красоты!

Пушкинъ.

Торжество перваго лицейскаго выпуска происходило 10-го іюня 1817 года, а на слѣдующій день Пушкинъ уже ѣхалъ въ псковское имѣніе своей матери, прославленное имъ впослѣдствіи Михайловское, куда родители его, переселившись изъ Москвы въ Петербургъ, стали ѣздить на лѣто.

Окунувшись на короткое время въ деревенскую обстановку со всѣми ея прелестями: клубникой, русской баней и многочисленной родней, Пушкинъ поспѣшилъ вернуться въ Петербургъ и бросился въ водоворотъ столичной жизни. Слава, предшествовавшая появленію его въ свѣтѣ, обширное знакомство отца и дяди, связи съ гвардейской молодежью, начавшіяся еще въ Лицеѣ, все это сразу открыло ему доступъ въ самыя разнообразныя сферы петербургскаго общества. Съ необузданностью, свойственною молодости и пылкой природѣ, предался онъ разсѣянной свѣтской жизни, раздѣляя свое время между чиннымъ обществомъ почтенныхъ людей литературнаго міра и разгульной компаніей безшабашныхъ молодыхъ повѣсъ Петербурга.

Увлеченный общей жаждой широкаго разгула и веселья, характеризующей время, о которомъ идетъ рѣчь, Пушкинъ, не умѣвшій ни въ чемъ останавливаться на полдорогѣ, и въ этомъ направленіи доходилъ до послѣдней крайности. Отчаянная удаль, невозможныя шалости, разгулъ и даже развратъ были въ то время модой, своего рода щегольствомъ между праздной и богатой молодежью высшаго круга. Самый характеръ эпохи не мало способствовалъ такому настроенію общества: всѣ тяготились застоемъ, наступившимъ послѣ войны: молодыя силы просились наружу, а дѣла настоящаго не было. Къ этому присоединялись и другія причины: броженіе идей, принесенныхъ войсками изъ Франціи, усиливавшееся вліяніе Байрона съ его мрачнымъ міровоззрѣніемъ въ поэзіи и

странностями въ общежитіи; вліяніе это, покуда еще внѣшнее, начинало уже носиться въ воздухѣ, развивая презрѣніе къ прозѣ жизни, ко всему обыденному и общепринятому. Наступалъ вѣкъ Онѣгиныхъ и Печориныхъ, вѣкъ поголовнаго ломанья, когда каждый старался быть не тѣмъ, чѣмъ создалъ его Богъ, и, что странно, хотѣлъ казаться гораздо хуже, чѣмъ былъ на самомъ дѣлѣ. Всѣми ощущалась какая-то неудовлетворенность, всѣмъ хотѣлось забыться, и юношество предавалось самому разнузданному веселью: попойки, женщины и карты поглощали все свободное время великосвѣтской молодежи.

Пушкинъ не отставалъ отъ другихъ. Первый зачинщикъ всевозможныхъ кутежей и безобразій, смѣлый и необузданный, онъ щеголялъ своимъ удальствомъ и гордился славой перваго шалуна въ Петербургѣ. Задорный и дерзкій, за всякую бездѣлицу готовый вызвать на дуэль или отплатить злой эпиграммой, онъ во многихъ возбуждалъ непріязнь, смѣшанную отчасти со страхомъ. Для звучнаго стиха, для остраго слова онъ не щадилъ никого и ничего и всегда готовъ былъ издѣваться надъ предметами и людьми, которыхъ самъ въ глубинѣ души уважалъ. Эпиграммы самыя злыя, экспромты самые непристойные, стихи самые вольнодумные и даже богохульные сыпались изъ-подъ пера его направо и налѣво. И все это дѣлалось напоказъ съ какимъ-то хвастовствомъ, съ претензіей обратить на себя вниманіе. Въ самой внѣшности Пушкина было видно желаніе казаться оригинальнымъ: «онъ то отпускалъ кудри до плечъ, то держалъ въ безпорядкѣ свою курчавую голову; одѣвался небрежно, ходилъ скоро, повертывая тросточкой или хлыстикомъ, насвистывая или напѣвая пѣсню»*).

Чтобы дать понятіе объ образѣ жизни той компаніи, въ которой вращался Пушкинъ, приведемъ для примѣра нѣсколько выдержекъ изъ воспоминаній Н. И. Куликова**) о Павлѣ Воиновичѣ Нащокинѣ, одномъ изъ самыхъ близкихъ пріятелей и постоянныхъ собутыльниковъ Пушкина. Самая личность Нащокина представляетъ для насъ особенный интересъ еще и потому, что связь его съ Пушкинымъ, начавшаяся за бутылкой, впослѣдствіи окрѣпла и перешла въ прочную дружбу, основанную на взаимномъ уваженіи.

П. В. Нащокинъ происходилъ изъ древняго дворянскаго рода. Онъ началъ службу въ гвардіи, потомъ въ 20-хъ годахъ вышелъ въ отставку съ чиномъ прапорщика и въ этомъ чинѣ оставался всю остальную жизнь. Родители его были богаты. Послѣ смерти отца, молодой Нащокинъ, избалованный богатой матерью, предался свободной и совершенно независимой жизни, такъ что, живя на всемъ готовомъ въ домѣ родительницы, онъ нанималъ бельэтажъ какого-то большаго дома на Фонтанкѣ для себя, а вѣрнѣе для друзей. Сюда онъ пріѣзжалъ ночевать съ ночныхъ игръ и кутежей и сюда же каждый изъ знакомыхъ его могъ явиться на ночлегъ, не только одинъ, но могъ приводить и пріятелей, незнакомыхъ Нащокину.

---

*) „А. С. Пушкинъ". Русская Старина, 1874 г. Августъ.

**) Русская Старина, 1880 г. Декабрь.

Многочисленная прислуга, подъ управленіемъ карлика Карлы-головастика, обязана была для всѣхъ раскладывать по полу матрацы, со всѣми принадлежностями приличныхъ постелей: кому въ маленькихъ кабинетахъ, кому въ большихъ комнатахъ, какъ говорится, въ повалку. Самъ хозяинъ, явясь позднѣе всѣхъ, спроситъ только, много ли ночлежниковъ, потомъ тихо пробирается въ свой отдѣльный кабинетъ. Пріютъ Нащокина, кромѣ ночлега, служилъ также мѣстомъ сборища веселой компаніи. Здѣсь затѣвались и приводились въ исполненіе различныя шалости, въ которыхъ Пушкинъ игралъ не послѣднюю роль. «Случалось, что въ торжественные дни рожденія Нащокина, гвардейская молодежь, послѣ великолѣпнаго завтрака и множества опорожненныхъ бутылокъ, сажала въ четырехмѣстную карету, запряженную четверкой лошадей, Нащокинскаго Карлу-карлика съ кучей разряженныхъ дѣвицъ, а сами, снявъ мундиры, въ однихъ рейтузахъ и рубашкахъ, засѣвъ на мѣста кучера и форрейтора и ставъ на запяткахъ вмѣсто лакеевъ, летѣли во всю конскую прыть по Невскому проспекту, по Морской и по всѣмъ лучшимъ улицамъ»...

Постоянныя сношенія съ военной молодежью, помѣшаной на французскомъ point d'honneur и привыкшей къ кровавой расправѣ, не могли не отразиться на Пушкинѣ. Болѣзненное его самолюбіе и чуткость къ малѣйшему оскорбленію, часто даже воображаемому, нашли себѣ исходъ въ модѣ на дуэли, распространившейся въ русскомъ обществѣ. Самый характеръ Пушкина и манера его обращенія подавали множество поводовъ къ столкновеніямъ. Его задорный, вызывающій тонъ, постоянныя остроты и насмѣшки, которыми онъ затрогивалъ своихъ собесѣдниковъ, не могли не вызывать отпора, а Пушкинъ съ своей стороны каждое замѣчаніе принималъ за обиду и затѣвалъ исторію.

Даже друзья не были гарантированы отъ его придирчивости. Такъ, напримѣръ, извѣстно, что страсть его къ неумѣстнымъ шуткамъ довела его до встрѣчи у барьера съ близкимъ другомъ и лицейскимъ товарищемъ В. К. Кюхельбекеромъ. Ироническій тонъ въ обращеніи съ нимъ, усвоенный Пушкинымъ еще въ Лицеѣ, впослѣдствіи усилился до такой степени, что даже кроткій Кюхельбекеръ не выдержалъ и потребовалъ удовлетворенія. Поединокъ по счастію окончился благополучно, и друзья помирились. Вообще всѣ дуэли Пушкина, относящіяся къ этому времени, не были кровопролитны. Онѣ кончались обыкновенно выстрѣлами на воздухъ и веселой мировой.

Намъ, смотрящимъ на Пушкина на разстояніи слишкомъ полустолѣтія и притомъ сквозь призму его генія, конечно, кажутся извинительными его слабости; но можно себѣ представить, какое непріязненное чувство долженъ онъ былъ возбуждать въ тѣхъ изъ своихъ современниковъ, которые знали его мало, а въ особенности въ тѣхъ, кто имѣлъ несчастіе сдѣлаться жертвой необузданнаго задора. И надо сознаться, что они были правы, и что для нихъ Пушкинъ былъ дѣйствительно нестерпимъ.

Всѣ эти подвиги доставляли ему громкую извѣстность; многіе его боялись; о его странностяхъ и выходкахъ разсказывались анекдоты; нашлись люди, ко-

торые начали ему подражать, и они назывались à la Пушкинъ *). Онъ прослылъ бреттеромъ, вольнодумцемъ, опаснымъ человѣкомъ и атеистомъ.

Особенно распространено было убѣжденіе въ полномъ отсутствіи у Пушкина религіознаго чувства. Убѣжденіе это, основанное на его юношескихъ произведеніяхъ кощунственнаго содержанія, со словъ современниковъ было усвоено и многими изъ его біографовъ, которые высказывали ему упрекъ въ атеизмѣ, считая религіозное чувство, проявившееся въ немъ впослѣдствіи, совершенно новымъ фазисомъ его развитія. Упрекъ этотъ врядъ ли справедливъ. Не правдоподобнѣе ли объяснить происхожденіе богохульныхъ поэмъ Пушкина такъ же, какъ объясняются его эпиграммы на людей, которыхъ онъ безъ сомнѣнія уважалъ, какъ напримѣръ на Карамзина, Жуковскаго и другихъ. Поэмы эти были съ одной стороны просто бравадой задорнаго юноши, поощряемаго рукоплесканіями толпы, а съ другой—уловкой самолюбиваго человѣка, осмѣивающаго свою святыню, чтобы предупредить насмѣшку другихъ. Что у Пушкина была внутренняя потребность вѣры, хотя, можетъ быть, очень безформенная и неопредѣленная, доказывается нѣкоторою наклонностью къ мистицизму; этимъ объясняется его суевѣріе, котораго онъ не скрывалъ; а не скрывалъ онъ его потому, что суевѣріе было оригинально, бросалось въ глаза и заставляло о себѣ говорить, тогда какъ религіозность тою средою, гдѣ по преимуществу вращался Пушкинъ, считалась признакомъ ограниченности и заурядности.

Заговоривъ о суевѣріи Пушкина, кстати будетъ разсказать эпизодъ, относящійся къ 1818 году, который произвелъ на него столь сильное впечатлѣніе, что остался въ памяти его на всю жизнь. Какъ ни страненъ этотъ случай, какъ ни похожъ онъ на тѣ выдумки, которыми праздное воображеніе такъ охотно украшаетъ память великихъ людей, но единогласное свидѣтельство брата поэта, Льва Сергѣевича, П. В. Нащокина и многихъ другихъ почтенныхъ личностей не позволяетъ намъ сомнѣваться въ истинности этого происшествія.

Въ Петербургѣ проживала старуха-нѣмка, по имени г-жа Кирхгофъ, славившаяся своимъ умѣніемъ гадать. Заинтересованный молвой о ея чудесномъ искусствѣ, Пушкинъ, въ сопровожденіи пріятеля своего Н. В. Всеволожскаго, отправился къ предсказательницѣ и спросилъ ее о своей судьбѣ. Ворожея предсказала ему, что на-дняхъ онъ встрѣтится съ давнишнимъ знакомымъ, который будетъ предлагать ему хорошее мѣсто по службѣ, и что въ скоромъ времени онъ получитъ черезъ письмо неожиданныя деньги. Затѣмъ, послѣ минутнаго размышленія, она продолжала: Du wirst zwei Mal verbannt sein; du wirst der Abgott deiner Nation werden; vielleicht wirst du sehr lange leben... Doch in deinem 37 Jahre fürchte dich vor einem weissen Mensche, einem weissen Rosse, oder einem weissen Kopfe **).

*) „А. С. Пушкинъ". Русская Старина, 1874, Августъ.

**) Ты будешь два раза изгнанъ; ты сдѣлаешься кумиромъ своего народа; ты проживешь, можетъ быть, очень долго... Но на 37-мъ году жизни опасайся бѣлаго человѣка, бѣлаго коня или бѣлой головы.

Предсказаніе это, быть можетъ, и не произвело бы на Пушкина особеннаго впечатлѣнія, еслибъ обстоятельства не содѣйствовали этому. Придя домой, онъ нашелъ письмо съ деньгами, которыхъ не ожидалъ, а вскорѣ затѣмъ встрѣтилъ давнишняго знакомаго, который съ первыхъ же словъ началъ говорить съ нимъ о службѣ. Точное исполненіе первой части предсказанія ворожеи подѣйствовало на Пушкина такъ сильно, что онъ серьезно увѣровалъ въ ея пророческій даръ, всю жизнь помнилъ ея слова и былъ убѣжденъ, что они непремѣнно сбудутся.

Разгульная жизнь, сопряженная съ безсонными ночами и излишествами всякаго рода, не прошла Пушкину даромъ: въ февралѣ 1818-го года съ нимъ сдѣлалась сильнѣйшая гнилая горячка. Опасность была велика; доктора отказались; семья была въ отчаяніи. Но молодость взяла свое, и черезъ шесть недѣль Пушкинъ выздоровѣлъ. Урокъ этотъ однако на него не подѣйствовалъ, и онъ снова вернулся къ прежнему образу жизни.

До сихъ поръ мы видѣли Пушкина только такимъ, какимъ онъ самъ хотѣлъ казаться: разгульнымъ и безпутнымъ. Но жизнь его, какъ уже сказано выше, не ограничивалась этою сферой. Дома онъ бывалъ рѣдко, что впрочемъ вполнѣ понятно, если припомнимъ его отношенія къ семьѣ. Съ родителями онъ никогда не былъ особенно близокъ. Другъ его дѣтства — сестра — была уже взрослой дѣвицей; время и разлука значительно отдалили ихъ другъ отъ друга. Братъ, такъ нѣжно любимый имъ впослѣдствіи, воспитывался въ Благородномъ пансіонѣ. Итакъ въ семьѣ было мало привлекательнаго для молодаго поэта. За то непріятности были на каждомъ шагу. Слухи объ образѣ его жизни, доходившіе до родителей, подавали поводъ къ постояннымъ упрекамъ и выговорамъ. Особенно часто происходили столкновенія съ отцомъ изъ-за денегъ. Разгульная жизнь требовала большихъ издержекъ, далеко превышающихъ жалованье, получаемое въ Иностранной Коллегіи, и Пушкину волей-неволей приходилось прибѣгать къ отцу съ просьбами, которыя каждый разъ вызывали бурныя сцены со стороны скупаго Сергѣя Львовича. Скупость его доходила до мелочей. Г. Бартеневъ*) передаетъ разсказъ одного изъ пріятелей Пушкина о томъ, какъ онъ упрашивалъ отца купить модные бальные башмаки съ пряжками, а Сергѣй Львовичъ предлагалъ ему свои старые временъ Павловскихъ. Самъ Пушкинъ въ одномъ изъ писемъ къ брату, писанномъ гораздо позднѣе, жалуясь на скупость отца, вспоминаетъ свои прежнія съ нимъ столкновенія: «Это напоминаетъ мнѣ Петербургъ», пишетъ онъ: «когда больной, въ осеннюю грязь или въ трескучіе морозы, я бралъ извощика отъ Аничкина моста, онъ (отецъ) вѣчно бранился за 80 копѣекъ (которыхъ вѣрно бъ ни ты, ни я не пожалѣли для слуги)». Подобныя дрязги, конечно, раздражали горячаго юношу, отдаляя его отъ семьи, и не удивительно поэтому, что Пушкинъ былъ рѣдкимъ гостемъ въ родительскомъ домѣ.

Большой свѣтъ онъ хотя и посѣщалъ, но очень неохотно. Будучи врагомъ всякаго стѣсненія, онъ тяготился чопорною скукой великосвѣтскаго салона и

*) „Пушкинъ въ южной Россіи".

предпочиталъ бывать тамъ, гдѣ его принимали запросто. Стоитъ только взглянуть на него среди мирной обстановки дружеской семьи, гдѣ ему не зачѣмъ и не передъ кѣмъ было играть свою бравурную роль, чтобы убѣдиться, какъ много напускнаго и несвойственнаго его природѣ было въ избранной имъ манерѣ держать себя. Начать съ того, что въ то время, о которомъ идетъ рѣчь, Пушкинъ былъ еще совершеннымъ ребенкомъ. Именно съ этой стороны характеризуетъ его А. М. Каратыгина, урожденная Колосова, въ своихъ интересныхъ запискахъ, посвященныхъ его памяти*). «Угрюмый и молчаливый въ многочисленномъ обществѣ», пишетъ она, «Саша Пушкинъ, бывая у насъ, смѣшилъ своей рѣзвостью и ребяческою шаловливостью. Бывало, ни минуты не посидитъ спокойно на мѣстѣ: вертится, прыгаетъ, пересаживается, перероетъ рабочій ящикъ матушки, спутаетъ клубки гаруса въ моемъ вышиваньѣ, разбросаетъ карты въ гранъ-пасьянсѣ, раскладываемомъ матушкою... «Да уймешься-ли, стрекоза!» крикнетъ бывало моя Евгенія Ивановна — «перестань наконецъ!» Саша минуты на двѣ пріутихнетъ, а тамъ опять начинаетъ проказничать. Какъ-то матушка пригрозилась наказать неугомоннаго Сашу: остричь ему когти — такъ называла она его огромные, отпущенные на рукахъ ногти. «Держи его за руку», сказала она мнѣ, взявъ ножницы, — «а я остригу!» Я взяла Пушкина за руку, но онъ поднялъ крикъ на весь домъ, началъ притворно всхлипывать, стонать, жаловаться, что его обижаютъ, и до слезъ разсмѣшилъ насъ... Однимъ словомъ, это былъ сущій ребенокъ, но истинно благовоспитанный — enfant de bonne maison».

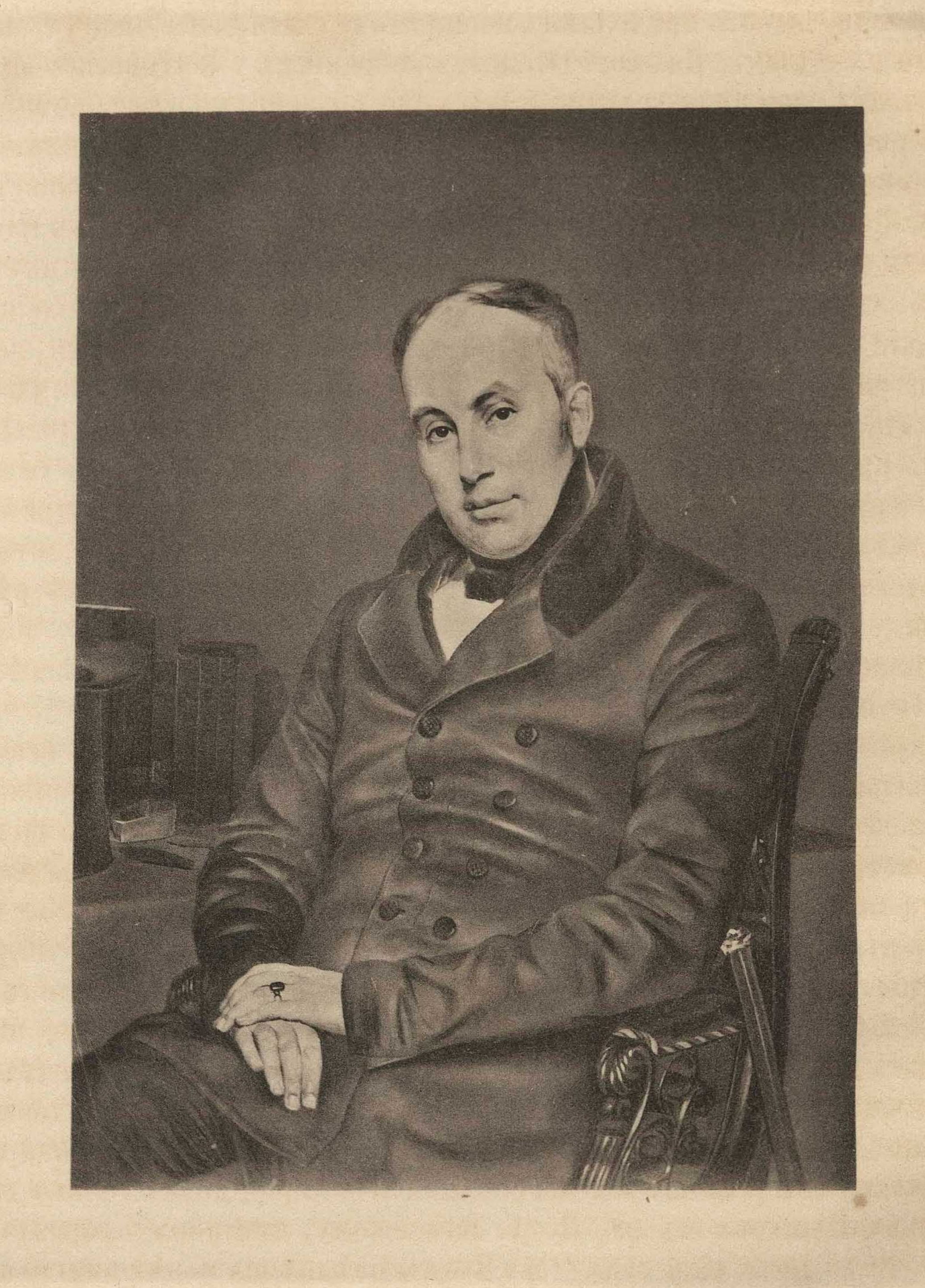
Люди литературнаго міра, куда попалъ Пушкинъ немедленно по выходѣ изъ Лицея, тоже относились къ нему какъ къ мальчику. Они приняли его въ свою среду какъ роднаго, немедленно же сдѣлали членомъ «Арзамаса», но тѣмъ не менѣе полнаго равенства отношеній существовать не могло. Большинство литераторовъ были гораздо старше Пушкина годами и вслѣдствіе давнишнихъ дружескихъ связей съ его семьей помнили его въ дѣтствѣ и поэтому имѣли полное право относиться къ нему, какъ старшіе къ младшему. Они ласкали и баловали талантливаго юношу, но часто и журили его за поведеніе. Въ ихъ глазахъ онъ былъ еще ребенкомъ, и гостямъ своимъ они рекомендовали «Сашу Пушкина» покуда только какъ сына Сергѣя Львовича и Надежды Осиповны. Лишь черезъ пять лѣтъ для этого Саши наступила пора обратной рекомендаціи, и о родителяхъ его говорили: «они — отецъ и мать Пушкина» **).

Чтобы выяснить мѣсто, которое занималъ Пушкинъ въ кругу литераторовъ, необходимо остановиться подробнѣе на его отношеніяхъ къ нѣкоторымъ изъ нихъ. Ближе другихъ былъ къ Пушкину Жуковскій. Онъ рано обратилъ вниманіе на способности даровитаго мальчика, сумѣлъ оцѣнить по достоинству первые проблески его таланта и съ любовію слѣдилъ за его успѣхами. Разсказываютъ, что въ то время, когда Пушкинъ былъ еще въ Лицеѣ, Жуковскій прочитывалъ ему

---

*) „Русская Старина" 1880 г. Іюль.

**) Воспоминанія А. М. Каратыгиной.

В. А. Жуковскій.

[illegible] Пушкинъ запинался [illegible] стихъ, считая его [illegible] Пушкина. Въ Лицеѣ [illegible] своихъ сочиненій *).

[illegible] Жуковскій [illegible] наставленіями и совѣтами [illegible] поэтъ прочитывалъ свои [illegible] обсужденію. Такъ первое крупное [illegible] крыло черезъ этотъ дружескій [illegible] въ печать. Извѣстно, что послѣ [illegible] Жуковскій подарилъ автору свой [illegible] отъ побѣжденнаго учителя» **). [illegible] молодаго поэта, Жуковскій не могъ от[illegible] но выговоры, которые онъ позволялъ [illegible] сердечнымъ участіемъ, такою [illegible] Пушкинъ не могъ принимать [illegible] и платилъ своему наставнику [illegible] признательностью. Надо замѣтить, [illegible] «ты». Впослѣдствіи [illegible] дружбой.

Приглашенн[illegible] доставленнаго на [illegible]

Гораздо стро[illegible] жизнь свою въ пуританской [illegible] молодости, особенно такой бу[illegible] онъ почти съ ужасомъ смотрѣлъ на [illegible] покровительственный тонъ, который онъ усвоилъ [illegible] поэтомъ, не могъ не возбуждать въ послѣднемъ [illegible] Кромѣ того, пренебрежительное отношеніе Карамзина къ [illegible] оскорбляло самолюбиваго юношу, избалованнаго [illegible] славой. Къ этому присоединялась діаметральная [illegible] взглядовъ, порождавшая частые и горячіе [illegible] причинъ сухости отношеній Пушкина къ Карамзину [illegible], бывшая между ними, подробности которой [illegible] можно только догадываться по письму [illegible] писанному гораздо позднѣе, а именно [illegible] моими эпиграммами на Ка-

*) Анненковъ „[illegible]

**) idem.

***) „Русскій Архивъ“ [illegible]

В. А. Жуковскій

свои произведенія и затѣмъ просилъ повторять ихъ наизусть, и если Пушкинъ запинался на какомъ-нибудь стихѣ, то авторъ спѣшилъ исправить этотъ стихъ, считая его неудачнымъ, потому что онъ не укладывался въ памяти Пушкина. Въ Лицеѣ же подарилъ Жуковскій своему юному другу собраніе своихъ сочиненій *).

По вступленіи Пушкина въ свѣтъ, дружелюбное отношеніе къ нему Жуковскаго не ослабло. Онъ продолжалъ поощрять талантливаго юношу своими наставленіями и совѣтами. На еженедѣльныхъ собраніяхъ у Жуковскаго молодой поэтъ прочитывалъ свои произведенія, и здѣсь они подвергались всеобщему обсужденію. Такъ первое крупное произведеніе Пушкина «Русланъ и Людмила» все прошло черезъ этотъ дружескій цензурный комитетъ, прежде чѣмъ попало въ печать. Извѣстно, что послѣ чтенія послѣдней главы «Руслана и Людмилы» Жуковскій подарилъ автору свой портретъ, украшенный надписью: «ученику отъ побѣжденнаго учителя» **). Принимая близкое участіе въ судьбѣ молодаго поэта, Жуковскій не могъ относиться одобрительно къ образу его жизни, но выговоры, которые онъ позволялъ себѣ ему дѣлать, были проникнуты такимъ сердечнымъ участіемъ, такою почти отеческою нѣжностію, что даже щекотливый Пушкинъ не могъ принимать ихъ иначе, какъ съ благодарностью. За то онъ и платилъ своему наставнику глубокимъ уваженіемъ и самой искренней привязанностью. Надо замѣтить, что онъ всегда говорилъ Жуковскому «вы», а тотъ ему «ты». Впослѣдствіи такое неравенство сгладилось и смѣнилось вполнѣ равноправной дружбой.

Прилагаемый портретъ Жуковскаго снятъ съ портрета, обязательно доставленнаго на выставку П. М. Третьяковымъ.

Гораздо строже относился къ Пушкину Карамзинъ. Проведя всю жизнь свою въ пуританской обстановкѣ, мало способный понимать увлеченія молодости, особенно такой бурной, какова была молодость Пушкина, онъ почти съ ужасомъ смотрѣлъ на его поведеніе. Высокомѣрный и покровительственный тонъ, который онъ усвоилъ себѣ въ обращеніи съ молодымъ поэтомъ, не могъ не возбуждать въ послѣднемъ непріязненнаго чувства. Кромѣ того, пренебрежительное отношеніе Карамзина къ его первымъ произведеніямъ оскорбляло самолюбиваго юношу, избалованнаго ранней и легко доставшейся славой. Къ этому присоединялась діаметральная противоположность политическихъ взглядовъ, порождавшая частые и горячіе споры. Кромѣ всѣхъ этихъ причинъ, сухости отношеній Пушкина къ Карамзину способствовала какая-то размолвка, бывшая между ними, подробности которой намъ неизвѣстны и о которой можно только догадываться по письму Пушкина къ кн. П. А. Вяземскому, писанному гораздо позднѣе, а именно 10-го іюня 1826 года. ***) «Что ты называешь моими эпиграммами на Ка-

---

*) Анненковъ. „Матеріалы“.

**) idem.

***) „Русскій Архивъ“ 1874 г.

рамзина?» пишетъ Пушкинъ,—«довольно и одной, написанной мною въ такое время, когда Карамзинъ меня отстранилъ отъ себя, глубоко оскорбивъ и мое честолюбіе и сердечную къ нему привязанность. До сихъ поръ не могу объ этомъ хладнокровно вспомнить». Вотъ причины, почему въ отзывахъ Пушкина о Карамзинѣ, рядомъ съ глубочайшимъ уваженіемъ къ заслугамъ исторіографа, постоянно звучитъ едва слышная нотка какой-то затаенной обиды.

Говоря о людяхъ, окружавшихъ Пушкина по выходѣ его изъ Лицея, нельзя не упомянуть о достойной личности Александра Ивановича Тургенева *). Тургеневъ (р. 1785 г.) приготовительное образованіе свое окончилъ въ Московскомъ университетскомъ пансіонѣ, а университетское, по историко-политическимъ наукамъ, въ Геттингенскомъ университетѣ. Будучи съ Жуковскимъ товарищами по пансіону, они сошлись еще въ дѣтствѣ. Позже близость отношеній, одинаковость нравственныхъ убѣжденій, взаимное уваженіе и довѣріе скрѣпили эту дружбу навсегда. Съ дѣтства же Александръ Ивановичъ былъ близокъ съ Карамзинымъ, который былъ многимъ обязанъ его отцу.

Тургеневъ былъ уже важнымъ чиновникомъ, когда Карамзинъ пріѣхалъ въ Петербургъ со своей исторіей, какъ писатель, и нашелъ въ немъ друга и помощника, а вмѣстѣ и глубокаго чтителя.

Какъ любилъ и уважалъ Тургеневъ Карамзина, видно между прочимъ изъ того, что во время своихъ неоднократныхъ путешествій за границу, онъ всюду возилъ съ собою всѣ его письма и записки. На службѣ Тургеневъ обратилъ на себя вниманіе начальства и былъ лично извѣстенъ Императору Александру Павловичу съ 1807 года, когда, будучи въ его свитѣ во время путешествія, онъ привлекъ вниманіе Государя своимъ усердіемъ къ труду и образованностію. Пользуясь съ того времени постоянными милостями Государя, Государыни и вдовствующей Императрицы Маріи Ѳеодоровны, Александръ Ивановичъ умѣлъ извлекать выгоды изъ своего вліятельнаго положенія не для себя лично, а для пользы другихъ, начиная отъ Карамзина, Жуковскаго, Батюшкова, Пушкина, Баратынскаго, Козлова, и до неизвѣстныхъ тружениковъ, нуждавшихся въ поддержкѣ. Замѣчательный умъ, соединявшійся съ простодушною добротой, необыкновенная образованность, многообразныя знанія, не слабѣющая любознательность, дѣятельность, постоянно направленная къ добру общему, и теплая любовь къ отечеству, наукѣ и просвѣщенію доставляли Тургеневу искреннюю привязанность и глубокое уваженіе всѣхъ, кому только приходилось съ нимъ сталкиваться. Руководимый любовью къ просвѣщенію, Тургеневъ поощрялъ молодые таланты. Таковы были отношенія его къ кн. П. А. Вяземскому, въ которомъ онъ старался развивать страсть къ литературѣ и поэзіи. Онъ слѣдилъ за его успѣхами, щеголялъ ими въ письмахъ къ другимъ, готовъ былъ помогать его предпріятіямъ, наводилъ на работы и т. д.

**) Свѣдѣнія объ А. И. Тургеневѣ мы заимствуемъ изъ воспоминаній акад. И. И. Срезневскаго въ „Русской Старинѣ“ 1875 г.

Точно такъ же относился онъ и къ Пушкину. Извѣстно, что онъ болѣе всѣхъ содѣйствовалъ помѣщенію его въ Лицей и поэтому, когда послѣдній кончилъ курсъ, Тургеневъ считалъ его какъ бы на своей отвѣтственности, и, по словамъ кн. П. П. Вяземскаго*), «не зналъ, что съ нимъ дѣлать, точно курица, высидѣвшая утятъ». Своими совѣтами и наставленіями старался онъ умѣрять необузданные порывы молодаго поэта и указывалъ ему путь болѣе достойный его геніальныхъ способностей. Такъ въ письмѣ отъ 25-го февраля 1818 года по поводу «Руслана и Людмилы» Тургеневъ высказываетъ свои заботы о Пушкинѣ. «Племянникъ (Василья Львовича) почти кончилъ свою поэму», пишетъ онъ, «и я на дняхъ два раза слушалъ ее — пора въ печать. Я надѣюсь отъ печати и другой пользы, лично для него. Увидѣвъ себя въ числѣ напечатанныхъ и слѣдовательно уважаемыхъ авторовъ, онъ и самъ станетъ уважать себя и нѣсколько остепенится. Теперь его знаютъ только по мелкимъ стихамъ и крупнымъ шалостямъ...»**).

Вышеприведенныя строки писаны были Тургеневымъ къ кн. Петру Андреевичу Вяземскому, который, живя въ Москвѣ, тѣмъ не менѣе принималъ живѣйшее участіе въ судьбѣ Пушкина, съ которымъ онъ имѣлъ случай познакомиться еще въ началѣ 1816 года, когда, возвращаясь вмѣстѣ съ Карамзинымъ и Василіемъ Львовичемъ Пушкинымъ изъ Петербурга въ Москву, останавливался на короткое время въ Царскомъ селѣ. Первые стихотворные опыты геніальнаго мальчика привлекли вниманіе кн. Вяземскаго, и онъ одинъ изъ первыхъ привѣтствовалъ Пушкина, какъ будущаго великаго поэта. Какого высокаго мнѣнія былъ кн. Вяземскій о дарованіи Пушкина, видно между прочимъ изъ письма его къ Жуковскому, писаннаго изъ Варшавы отъ 25-го апрѣля 1818 года: «Стихи чертенка-племянника», пишетъ онъ, «чудесно хороши. *Въ дыму столѣтій!* Это выраженіе — городъ. Я все бы отдалъ за него, движимое и недвижимое. Какая бестія! Надобно намъ посадить его въ желтый домъ, не то этотъ бѣшеный сорванецъ насъ всѣхъ заѣстъ, насъ и отцовъ нашихъ. Знаешь-ли, что Державинъ испугался бы *дыма столѣтій?* О прочихъ и говорить нечего»***).

Дружескія отношенія кн. Вяземскаго къ молодому поэту, завязавшіяся при первомъ знакомствѣ и потомъ долгое время поддерживавшіяся одной перепиской, послужили основаніемъ той неразрывной дружбы, которая связывала ихъ до самой смерти поэта.

Насколько Жуковскій, Тургеневъ и кн. Вяземскій своими совѣтами и наставленіями содѣйствовали художественному развитію Пушкина, какъ поэта, настолько же сильно въ нравственномъ отношеніи было на него вліяніе Петра Яковлевича Чаадаева, одного изъ оригинальнѣйшихъ мыслителей своего времени. Самъ Пушкинъ безусловно признавалъ вліяніе Чаадаева и дорожилъ его

---

*) „А. С. Пушкинъ по документамъ Остафьевскаго архива".
**) Idem.
***) Idem.

дружбой. Въ посланіи къ нему, писанномъ съ юга Россіи, поэтъ нашъ слѣдующимъ образомъ характеризуетъ свои отношенія къ Чаадаеву:

«Ты былъ цѣлителемъ моихъ душевныхъ силъ:
О, неизмѣнный другъ, тебѣ я посвятилъ
И краткій вѣкъ, уже испытанный судьбою,
И чувства, можетъ быть, спасенныя тобою!
Ты сердце зналъ мое во цвѣтѣ юныхъ дней;
Ты видѣлъ, какъ потомъ въ волненіи страстей
Я тайно изнывалъ, страдалецъ утомленной;
Въ минуту гибели надъ бездной потаенной
Ты поддержалъ меня недремлющей рукой;
Ты другу замѣнилъ надежду и покой;
Во глубину души вникая строгимъ взоромъ,
Ты оживлялъ ее совѣтомъ иль укоромъ;
Твой жаръ воспламенялъ къ высокому любовь;
Терпѣнье смѣлое во мнѣ рождалось вновь;
Ужъ голосъ клеветы не могъ меня обидѣть:
Умѣлъ я презирать, умѣя ненавидѣть»...

Чтобы покончить съ перечнемъ лицъ, близкихъ къ Пушкину въ эту эпоху его жизни, слѣдуетъ сказать нѣсколько словъ о близкомъ его пріятелѣ, Павлѣ Александровичѣ Катенинѣ. Катенинъ, какъ поэтъ, пользовался довольно большою извѣстностью. Поэтическая дѣятельность его относится къ 1809—1832 годамъ. Стихотворенія его, по большей части переводы, отличались разнообразіемъ и оригинальностью. Принимая участіе въ отечественной войнѣ двѣнадцатаго года, Катенинъ имѣлъ случай выказать свою воинскую доблесть, и по возвращеніи въ Петербургъ занялъ блестящее положеніе среди военной молодежи. Поэтическій даръ, начитанность, многостороннее образованіе и горячая любовь къ отечественной словесности давали Катенину право на почетное мѣсто среди представителей русскаго слова. «Пушкинъ просто пришелъ въ 1818 году къ Катенину,» разсказываетъ г. Анненковъ, «и, подавая ему трость свою, сказалъ: я пришелъ къ вамъ, какъ Діогенъ къ Антисфену: побей—но выучи!»—«Ученаго учить—портить!» отвѣчалъ авторъ «Ольги». Съ тѣхъ поръ дружескія отношенія ихъ уже не прерывались. «Наша связь—такъ опредѣляетъ ихъ самъ Пушкинъ въ письмѣ къ Катенину 14 сент. 1825 г.—основана не на одинаковомъ образѣ мыслей, но на любви къ одинаковымъ занятіямъ.» П. А. Катенинъ былъ знатокъ языковъ и европейскихъ литературъ вообще. Можно основательно сказать, что Пушкинъ обязанъ отчасти Катенину осторожностью въ оцѣнкѣ иностранныхъ поэтовъ и особенно хладнокровіемъ при жаркихъ спорахъ, скоро возникшихъ у насъ по поводу классицизма и романтизма. Стойкость сужденій Катенина научила его видѣть достоинства тамъ, гдѣ, увлекаемые споромъ, уже

ничего не находили другіе...*) Катенинъ между прочимъ помирилъ Пушкина съ кн. Шаховскимъ, и онъ же содѣйствовалъ примиренію его съ А. М. Колосовой, дебюты которой поэтъ нашъ встрѣтилъ довольно злой эпиграммой**).

Вращаясь къ кругу вышеупомянутыхъ личностей, Пушкинъ имѣлъ случай встрѣчаться и съ другими замѣчательными людьми литературнаго міра. Такимъ образомъ познакомился онъ съ Батюшковымъ, Крыловымъ, Грибоѣдовымъ, Гнѣдичемъ, Жандромъ, Оленинымъ и друг.

Нѣтъ сомнѣнія, что общество этихъ почтенныхъ людей имѣло сильное и благотворное вліяніе на Пушкина: оно отвлекало его отъ буйной молодежи, давало серьезное направленіе его мыслямъ, а важнѣе всего то, что въ бесѣдѣ умнѣйшихъ и образованнѣйшихъ людей своего времени Пушкинъ имѣлъ возможность пополнять пробѣлы своего первоначальнаго образованія, недостаточность котораго не замедлила обнаружиться. Знакомство съ Олениными было важно для Пушкина еще и въ другомъ отношеніи: здѣсь онъ впервые встрѣтился съ Анной Петровной Кернъ, заронившей въ его сердце первую искру страсти, которая разгорѣлась впослѣдствіи во время пребыванія поэта въ Михайловскомъ.

Покуда Пушкинъ дѣлилъ такимъ образомъ свою жизнь между компаніей разгульной молодежи, салонами большаго свѣта и литературными кружками, слава его все росла и росла. Особенную популярность доставляли ему его вольнодумныя произведенія, которыя во множествѣ списковъ расходились въ публикѣ помимо цензуры. Дерзкія эпиграммы, выходки противъ правительства, возмутительныя стихотворенія подхватывались на лету услужливыми друзьями и разносились по всему Петербургу, а оттуда по всей Россіи. По свидѣтельству старожиловъ, не было грамотнаго прапорщика, который бы не зналъ наизусть запрещенныхъ стиховъ Пушкина. Между тѣмъ революціонное броженіе умовъ въ Европѣ перемѣнило образъ мыслей Государя. Правительство перестало относиться снисходительно къ вольнодумнымъ шалостямъ молодежи и давно уже косо смотрѣло на Пушкина, особенно послѣ того, какъ разошлась по рукамъ его ода на вольность. Начальство ждало только повода, чтобы принять энергическія мѣры,—и поводъ вскорѣ явился: на масляницѣ 1820 года въ театрѣ Пушкинъ имѣлъ неосторожность показывать своимъ знакомымъ портретъ Лувеля, убійцы герцога Беррійскаго. Эта выходка рѣшила судьбу поэта: признали необходимымъ его убрать***). Къ нему на домъ посланъ былъ сыщикъ, чтобы забрать его бумаги. Но попытка эта, благодаря вѣрности стараго дядьки Пуш-

*) Анненковъ. „Матеріалы".

**) Все плѣняетъ насъ въ Эсфери:
Упоительная рѣчь,
Поступь важная въ порфирѣ,
Кудри черныя до плечъ,
Голосъ нѣжный, взоръ любови,
Набѣленная рука,
Размалеванныя брови
И широкая нога.

***) „А. С. Пушкинъ." К. П. П. Русск. Старина 1879 г.

кина, Никиты *), осталась безъ успѣха. Тогда поэта потребовали къ генералъ-губернатору Милорадовичу. На вопросъ послѣдняго о бумагахъ Пушкинъ отвѣчалъ: «Графъ, всѣ мои стихи сожжены; у меня ничего не найдется въ квартирѣ! Но если вамъ угодно, все найдется здѣсь (онъ указалъ пальцемъ на голову). Прикажите подать бумаги; я напишу все, что когда-либо написано мною (разумѣется кромѣ печатнаго), съ отмѣткою: что̀ мое и что̀ разошлось подъ моимъ именемъ». Подали бумаги, и Пушкинъ исписалъ цѣлую тетрадь **). Милорадовичъ, тронутый такой благородной откровенностью, передалъ государю всѣ подробности этой сцены и ходатайствовалъ за молодаго поэта. Въ то же время друзья Пушкина, услыхавъ о грозящей ему опасности, усиленно принялись хлопотать въ его пользу. П. Я. Чаадаевъ просилъ о заступничествѣ князя Васильчикова и Карамзина, котораго о томъ же умолялъ и самъ Пушкинъ, обѣщая впередъ быть сдержаннѣе; Гнѣдичъ хлопоталъ у Оленина; Жуковскій съ своей стороны принималъ всѣ зависящія отъ него мѣры къ смягченію участи своего молодаго друга; Е. А. Энгельгардтъ, лицейскій начальникъ Пушкина, при случаѣ тоже замолвилъ слово государю за своего бывшаго воспитанника. Общія усилія увѣнчались успѣхомъ. Ссылка въ Сибирь или Соловецкій монастырь, которая предназначалась поэту въ началѣ, была замѣнена удаленіемъ на югъ Россіи. Онъ былъ перечисленъ изъ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ на службу въ Екатеринославъ, въ канцелярію главнаго попечителя колонистовъ южнаго края, генерала Инзова.

Шестаго мая 1820 года, въ день Вознесенія, столь знаменательный въ его жизни, покинулъ Пушкинъ Петербургъ, куда ему суждено было возвратиться только послѣ долгихъ шести лѣтъ томительнаго изгнанія.

---

*) Не того ли самаго, который обладалъ страстью къ стихотворству?

**) „А. С. Пушкинъ“ К. П. П.

V.

НА ЮГѢ.

Въ сопровожденіи своего вѣрнаго Никиты, въ русской рубашкѣ и поярковой шляпѣ, имѣя въ карманѣ видъ на свободный проѣздъ и рекомендательное письмо гр. Каподистріи къ Инзову *), мчался Пушкинъ на перекладныхъ по Бѣлорусскому тракту. Дорога длилась около десяти дней, и 16-го или 17-го мая онъ прибылъ къ мѣсту своего назначенія, въ городъ Екатеринославъ, гдѣ находился новый его начальникъ, генералъ-лейтенантъ Иванъ Никитичъ Инзовъ. Сердечная доброта и дружеское участіе, съ какими принялъ этотъ достойный человѣкъ молодаго изгнанника, въ значительной мѣрѣ облегчили послѣднему первыя тяжелыя минуты ссылки въ бѣдномъ городкѣ, какимъ былъ Екатеринославъ.

Счастливое стеченіе обстоятельствъ избавило Пушкина отъ долгаго пребыванія въ уныломъ провинціальномъ захолустьѣ: черезъ нѣсколько дней по пріѣздѣ, катаясь въ лодкѣ по Днѣпру, онъ выкупался и схватилъ горячку. Одинокій, забытый всѣми, кромѣ старика Никиты, въ бреду, безъ лѣкаря, за кружкой оледенѣлаго лимонада лежалъ больной поэтъ въ грязной жидовской хатѣ, гдѣ пріютился на время, пріѣхавъ въ Екатеринославъ. Въ такомъ положеніи нашелъ его молодой Раевскій, знавшій его еще въ то время, когда онъ изъ Лицея

*) Письмо это, извлеченное изъ Архива Министерства Иностранныхъ Дѣлъ Л. И. Поливановымъ и напечатанное впервые въ „Русской Старинѣ“ (1887 г. № 1), характеризуетъ взглядъ на Пушкина просвѣщенныхъ людей его времени. Приводимъ это письмо съ незначительными пропусками: „Г. Пушкинъ, воспитанникъ Царскосельскаго Лицея“, причисленный къ департаменту иностранныхъ дѣлъ, будетъ имѣть честь передать письмо Вашему Превосходительству. Оно имѣетъ цѣлью просить Васъ, генералъ, принять сего молодаго человѣка подъ Ваше покровительство и просить для него Вашего благосклоннаго попеченія. Позвольте мнѣ сообщить Вамъ о немъ нѣкоторыя подробности. Исполненный горестей впродолженіе всего своего дѣтства, молодой Пушкинъ оставилъ родительскій домъ, не испытывая сожалѣнія. Лишенный сыновней привязанности, онъ могъ имѣть лишь одно чувство — страстное желаніе независимости. Этотъ ученикъ уже рано проявилъ геніальность необыкновенную. Успѣхи его въ Лицеѣ были быстры. Его умъ вызывалъ удивленіе, но характеръ, повидимому, ускользнулъ отъ взора наставниковъ... Нѣтъ той крайности, въ которую бы не впадалъ этотъ молодой человѣкъ, какъ нѣтъ и того совершенства, котораго не могъ бы онъ достигнуть высокимъ превосходствомъ своихъ дарованій. Нѣсколько поэтическихъ пьесъ, въ особенности же ода на вольность, обратили на Пушкина вниманіе правительства. При величайшихъ красотахъ концепціи и слога, это послѣднее произведеніе запечатлѣно опасными принципами... Г. Пушкинъ, кажется, желаетъ избрать дипломатическое поприще и началъ его въ департаментѣ. Не желаю ничего лучшаго, какъ дать ему мѣсто при себѣ, но онъ получитъ эту милость не иначе, какъ черезъ Ваше посредство, и когда Вы скажете, что онъ того достоинъ...

Примите и проч...“

хаживалъ на пирушки гусарскихъ офицеровъ, стоявшихъ въ Царскомъ Селѣ, и уже имѣвшій случай оказать ему какія-то важныя услуги. Этотъ Раевскій былъ младшимъ сыномъ знаменитаго героя отечественной войны, генерала Николая Николаевича Раевскаго, извѣстнаго тѣмъ, что въ сраженіи при Салтановкѣ онъ вывелъ на поле битвы двухъ малолѣтнихъ сыновей своихъ, Александра и Николая, того самаго, о которомъ идетъ рѣчь. Генералъ Раевскій, проѣзжая съ семействомъ на Кавказъ, остановился на нѣсколько дней въ Екатеринославѣ, и тутъ-то сынъ его и разыскалъ больнаго пріятеля. Старикъ Раевскій былъ человѣкъ образованный; онъ былъ хорошо знакомъ съ отечественной словесностью, чѣмъ болѣе всего обязанъ своимъ сношеніямъ съ поэтами Давыдовымъ и Батюшковымъ, и умѣлъ цѣнить литературныя заслуги. Онъ былъ радъ оказать помощь больному поэту и съ удовольствіемъ согласился на предложеніе сына взять Пушкина съ собой на Кавказъ. Со стороны Инзова препятствій не встрѣтилось. Добрый старикъ, не колеблясь, далъ своему чиновнику отпускъ и принялъ на себя отвѣтственность за такое потворство, которое могло весьма не понравиться въ Петербургѣ. Сборы были не долги, и путешественники тронулись въ путь.

Общество, къ которому присоединился Пушкинъ, состояло кромѣ самого генерала и его сына, о которыхъ уже говорено, еще изъ двухъ сестеръ послѣдняго, четырнадцатилѣтней Марьи Николаевны и Софьи Николаевны, бывшей еще ребенкомъ, и медика Рудыковскаго. При дѣвочкахъ находились гувернантка-англичанка и компаньонка. Перемѣна мѣста, разнообразіе впечатлѣній и заботы доктора благопріятно отразились на здоровьѣ Пушкина: въ теченіе недѣли онъ оправился совершенно, и единственнымъ слѣдомъ перенесенной горячки осталась обритая голова, для прикрытія которой онъ носилъ ермолку или молдаванскую феску.

Въ началѣ іюня, въ Пятигорскѣ къ путешествующему обществу присоединился старшій сынъ Раевскаго Александръ Николаевичъ, отставной гвардейскій полковникъ. Знакомство съ этой выдающейся личностью произвело на Пушкина сильное впечатлѣніе. Оригинальный, скептическій умъ, безпощадность сарказма и кажущаяся цѣльность и законченность міровоззрѣнія придавали Александру Раевскому какое-то обаяніе, противъ котораго не могли устоять даже люди, менѣе Пушкина склонные подчиняться чужому вліянію. О направленіи ума его лучше всего можно судить по тому, что многіе изъ современниковъ думали узнать портретъ Раевскаго въ пушкинскомъ «Демонѣ» *). Слѣдуетъ замѣтить, что

*) Въ тѣ дни, когда мнѣ были новы
Всѣ впечатлѣнья бытія,
И взоры дѣвъ, и шумъ дубровы,
И ночью пѣнье соловья;
Когда возвышенныя чувства,
Свобода, слава и любовь,
И вдохновенныя искусства
Такъ сильно волновали кровь:

Раевскому обязанъ Пушкинъ ближайшимъ знакомствомъ съ Байрономъ, котораго до тѣхъ поръ зналъ только по наслышкѣ. Нѣтъ ничего удивительнаго, что самая личность Раевскаго, при эффектномъ освѣщеніи Байроновой поэзіи, производила на нашего поэта какое-то подавляющее дѣйствіе. Онъ считалъ своего друга человѣкомъ недюжиннымъ, предсказывалъ ему будущность, выходящую изъ ряда обыкновенныхъ, и безпрекословно покорялся его вліянію. Два мѣсяца, проведенные на Кавказѣ, въ постоянныхъ бесѣдахъ съ Александромъ Раевскимъ, въ обществѣ его брата и отца, въ которомъ Пушкинъ не только чтилъ героя, славу русскаго войска, но и любилъ человѣка безъ предразсудковъ, съ сильнымъ характеромъ, яснымъ умомъ и простой прекрасной душою,— эти два мѣсяца навсегда остались для Пушкина однимъ изъ самыхъ поэтическихъ воспоминаній его жизни. Новизна обстановки увеличивала прелесть путешествія; величавая красота Кавказа, своеобычная жизнь полудикихъ народовъ, постоянный отголосокъ недалекой войны, многочисленные конвои, свидѣтельствующіе о близкой опасности,— все это нравилось мечтательному воображенію поэта и давало ему массу впечатлѣній, которыя до поры до времени укладывались въ его памяти.

Окончивъ курсъ лѣченія у подножія Бешту, Раевскіе, кромѣ Александра, оставшагося на Кавказѣ, отправились на южный берегъ Крыма, и поэтъ нашъ послѣдовалъ за ними. Дорóгой посѣтилъ онъ развалины Митридатова гроба и видѣлъ остатки Пантикапеи. Изъ Керчи путешественники наши поѣхали моремъ вдоль южнаго роскошнаго берега Крыма въ Юрзуфъ, гдѣ находилось семейство Раевскаго. Корабль плылъ въ виду горъ, покрытыхъ тополями, виноградомъ, лаврами и кипарисами; вездѣ мелькали татарскія селенія. Наконецъ показался Юрзуфъ. «Юрзуфъ», по словамъ г. Бартенева, «есть очаровательный уголокъ южнаго Крымскаго берега, нынѣ извѣстный богатыми виноградниками. Онъ лежитъ на восточной оконечности южнаго берега, на пути между Яйлою и Ялтою. Горы небольшимъ полукругомъ облегаютъ тамошнее море. Съ сѣвера его загораживаетъ Чатырдагъ; съ востока Аюдагъ заслоняетъ отъ палящихъ лучей солнца; оттого въ Юрзуфѣ такой превосходный, умѣренный климатъ и такая роскошь растительности... Юрзуфъ расположенъ на скатѣ. Лучшая дача при-

---

Часы надеждъ и наслажденій
Тоской внезапной осѣня,
Тогда какой-то злобный геній
Сталъ тайно навѣщать меня.
Печальны были наши встрѣчи:
Его улыбка, чудный взглядъ,
Его язвительныя рѣчи
Вливали въ душу хладный ядъ.
Неистощимой клеветою
Онъ Провидѣнье искушалъ;
Онъ звалъ прекрасное мечтою,
Онъ вдохновенье презиралъ;
Не вѣрилъ онъ любви, свободѣ,
На жизнь насмѣшливо глядѣлъ—
И ничего во всей природѣ
Благословить онъ не хотѣлъ.

надлежала тогда бывшему одесскому генералъ-губернатору герцогу Ришелье, который и предложилъ ее на лѣтнее житье своему товарищу по военной службѣ, генералу Раевскому. Это былъ довольно большой двухъ-этажный домъ, съ двумя балконами, однимъ на море, другимъ въ горы, и съ обширнымъ садомъ. Кругомъ и ближе къ морю разбросана татарская деревушка» *).

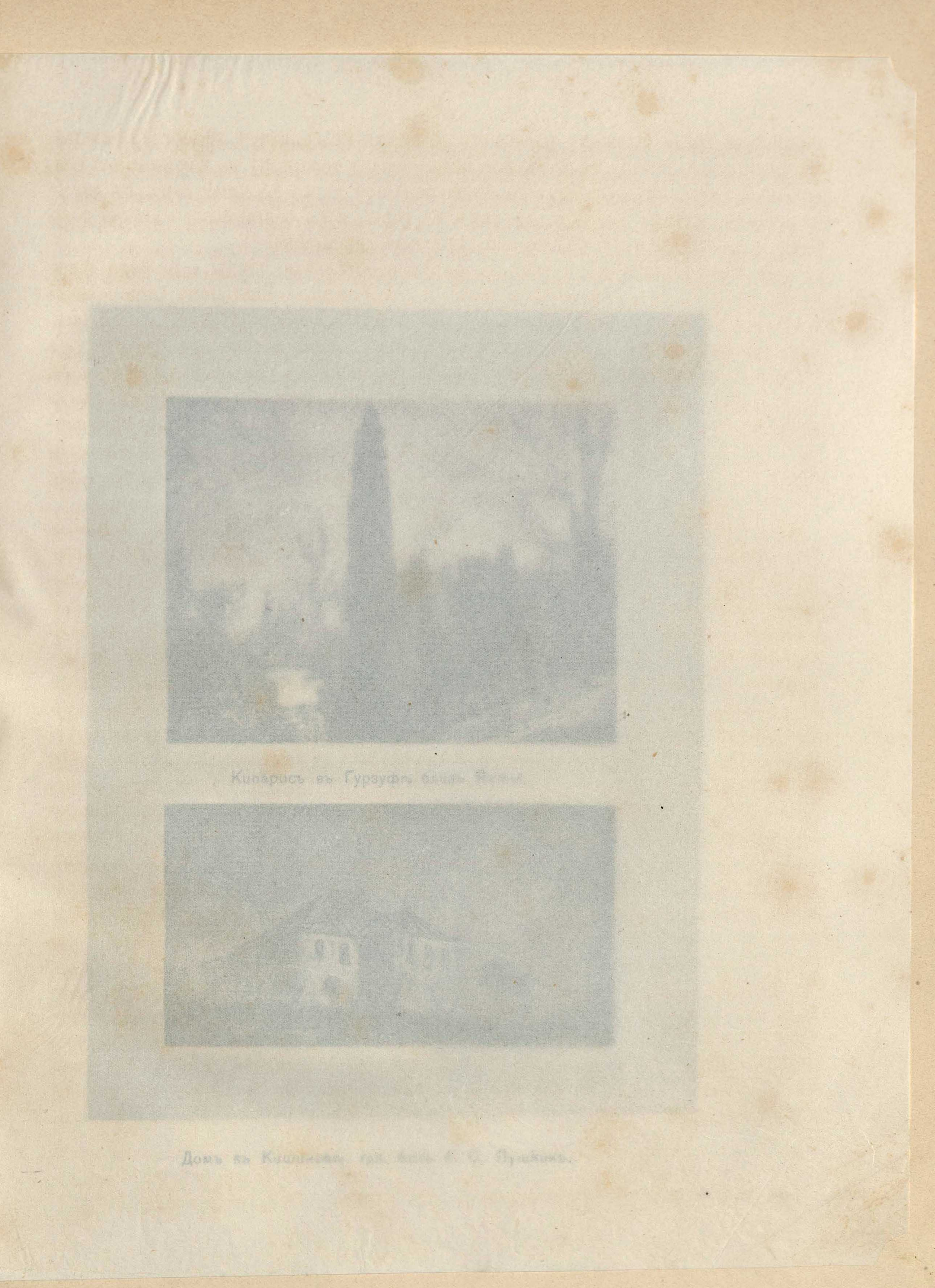
Въ Юрзуфѣ нашихъ путниковъ ожидали остальные члены семейства Раевскаго: супруга его, Софья Алексѣевна, и двѣ дочери — Екатерина Николаевна, о которой Пушкинъ писалъ брату, что она женщина необыкновенная, — и скромная, серьезная шестнадцати-лѣтняя красавица, Елена Николаевна. Въ Юрзуфѣ Пушкинъ провелъ три недѣли. Дружеское отношеніе къ нему всѣхъ спутниковъ и спутницъ, серьезныя бесѣды съ Екатериной Николаевной о литературѣ, съ самимъ генераломъ, живымъ памятникомъ Екатерининскаго вѣка, — объ отечественной исторіи, изученіе англійскаго языка съ помощію младшаго Раевскаго, прогулки, катанья и другія развлеченія въ веселомъ и умномъ обществѣ — все это навсегда оставило въ Пушкинѣ самое отрадное воспоминаніе.

Въ Юрзуфѣ же его посѣтила любовь, — любовь, не похожая на тѣ многочисленныя вспышки чувственной страсти, которыми такъ изобилуютъ первые годы его бурной юности. Имя той, которая возбудила это чувство, осталось неназваннымъ; поэтъ сумѣлъ сберечь любовь свою отъ постороннихъ взоровъ, и о предметѣ ея можно только догадываться. Любовь эта идеальная и чистая, безъ взаимности, безъ надежды, безъ бурныхъ порывовъ, ясная и спокойная, не помрачала того безмятежнаго счастія, которымъ наслаждался Пушкинъ въ Юрзуфѣ. «Суди, былъ-ли я счастливъ», пишетъ онъ брату изъ Кишинева отъ 24-го сентября: «свободная, безпечная жизнь въ кругу милаго семейства; жизнь, которую я такъ люблю и которой никогда не наслаждался; счастливое полуденное небо; прелестный край; природа, удовлетворяющая воображеніе, — горы, сады, море; другъ мой, любимая моя надежда — увидѣть опять полуденный берегъ и семейство Раевскаго...» То же настроеніе звучитъ и въ письмѣ къ Дельвигу: «Я тотчасъ привыкъ къ полуденной природѣ», пишетъ онъ, «и наслаждался ею со всѣмъ равнодушіемъ и безпечностью Неаполитанскаго lazzaroni. Я любилъ, проснувшись ночью, слушать шумъ моря и заслушивался цѣлые часы. Въ двухъ шагахъ отъ дома росъ кипарисъ; каждое утро я посѣщалъ его и къ нему привязался чувствомъ, похожимъ на дружество».

Кипарисъ этотъ пережилъ Пушкина. Онъ существуетъ до сихъ поръ, и жители Юрзуфа почтили память поэта трогательнымъ преданіемъ, донынѣ переходящимъ изъ устъ въ уста. Они разсказываютъ, что когда поэтъ приходилъ посидѣть подъ тѣнью любимаго дерева, то прилеталъ соловей и пѣлъ ему свои пѣсни. Поэтъ уѣхалъ, но соловей продолжалъ ежегодно прилетать на прежнее мѣсто. Когда же Пушкина не стало, — умолкъ и соловей на вѣтвяхъ кипариса.

---

*) „Пушкинъ въ южной Россіи“ Бартенева.

Кипарисъ въ Гурзуфѣ близъ Ялты.

Домъ въ Кишиневѣ, гдѣ жилъ А. С. Пушкинъ.

надлежала тогда бывшему одесскому генералъ-губернатору герцогу Ришелье, который и предложилъ ее на лѣтнее житье своему товарищу по военной службѣ, генералу Раевскому. Это былъ довольно большой двухъ-этажный домъ, съ двумя балконами, однимъ на море, другимъ въ горы, и съ обширнымъ садомъ. Кругомъ и ближе къ морю разбросана татарская деревушка» *).

Въ Юрзуфѣ нашихъ путниковъ ожидали остальные члены семейства Раевскаго: супруга его, Софья Алексѣевна, и двѣ дочери — Екатерина Николаевна, о которой Пушкинъ писалъ брату, что она женщина необыкновенная, — и скромная, серьезная шестнадцати-лѣтняя красавица, Елена Николаевна. Въ Юрзуфѣ Пушкинъ провелъ три недѣли. Дружеское отношеніе къ нему всѣхъ спутниковъ и спутницъ, серьезныя бесѣды съ Екатериной Николаевной о литературѣ, съ самимъ генераломъ, живымъ памятникомъ Екатерининскаго вѣка, — объ отечественной исторіи, изученіе англійскаго языка съ помощію младшаго Раевскаго, прогулки, катанья и другія развлеченія въ веселомъ и умномъ обществѣ — все это навсегда оставило въ Пушкинѣ самое отрадное воспоминаніе.

Въ Юрзуфѣ же его посѣтила любовь, — любовь, не похожая на тѣ многочисленныя вспышки чувственной страсти, которыми такъ изобилуютъ первые годы его бурной юности. Имя той, которая возбудила это чувство, осталось неназваннымъ; поэтъ сумѣлъ сберечь любовь свою отъ постороннихъ взоровъ, и о предметѣ ея можно только догадываться. Любовь эта идеальная и чистая, безъ взаимности, безъ надежды, безъ бурныхъ порывовъ, ясная и спокойная, не помрачала того безмятежнаго счастія, которымъ наслаждался Пушкинъ въ Юрзуфѣ. «Суди, былъ-ли я счастливъ», пишетъ онъ брату изъ Кишинева отъ 24-го сентября: «свободная, безпечная жизнь въ кругу милаго семейства; жизнь, которую я такъ люблю и которой никогда не наслаждался; счастливое полуденное небо; прелестный край; природа, удовлетворяющая воображеніе, — горы, сады, море; другъ мой, любимая моя надежда — увидѣть опять полуденный берегъ и семейство Раевскаго...» То же настроеніе звучитъ и въ письмѣ къ Дельвигу: «Я тотчасъ привыкъ къ полуденной природѣ», пишетъ онъ, «и наслаждался ею со всѣмъ равнодушіемъ и безпечностью Неаполитанскаго lazzaroni. Я любилъ, проснувшись ночью, слушать шумъ моря и заслушивался цѣлые часы. Въ двухъ шагахъ отъ дома росъ кипарисъ; каждое утро я посѣщалъ его и къ нему привязался чувствомъ, похожимъ на дружество».

Кипарисъ этотъ пережилъ Пушкина. Онъ существуетъ до сихъ поръ, и жители Юрзуфа почтили память поэта трогательнымъ преданіемъ, донынѣ переходящимъ изъ устъ въ уста. Они разсказываютъ, что когда поэтъ приходилъ посидѣть подъ тѣнью любимаго дерева, то прилеталъ соловей и пѣлъ ему свои пѣсни. Поэтъ уѣхалъ, но соловей продолжалъ ежегодно прилетать на прежнее мѣсто. Когда же Пушкина не стало, — умолкъ и соловей на вѣтвяхъ кипариса.

---

*) „Пушкинъ въ южной Россіи“ Бартенева.

Кипарисъ въ Гурзуфѣ близъ Ялты.

Домъ въ Кишиневѣ, гдѣ жилъ А. С. Пушкинъ.

Во время приготовленій къ открытію памятника Пушкину устроители выставки вспомнили о любимомъ кипарисѣ поэта и обратились къ ялтскому фотографу Ѳ. Орлову съ просьбою—выслать для выставки фотографію кипариса. Просьба эта была немедленно исполнена, благодаря чему мы имѣемъ возможность познакомить читателей съ наружнымъ видомъ знаменитаго дерева. На томъ же листѣ находится видъ дома въ Кишиневѣ, гдѣ квартировалъ Инзовъ и жилъ Пушкинъ, съ рисунка, доставленнаго на выставку вдовою Нащокина Вѣрою Александровною. Объ этомъ домѣ будетъ говорено ниже.

Изъ Юрзуфа старикъ Раевскій съ сыномъ уѣхалъ раньше жены и дочерей. Пушкинъ тоже присоединился къ нимъ. Остальные члены семьи Раевскаго, остававшіеся на время въ Юрзуфѣ, нагнали ихъ на пути. Проѣзжая Бахчисарай, вновь соединившееся общество осматривало остатки ханскаго дворца, гдѣ испорченный фонтанъ и развалины гарема особенно привлекли вниманіе поэта; затѣмъ всѣ вмѣстѣ тронулись въ обратный путь. Пушкинъ проводилъ своихъ друзей до с. Каменки, Кіевской губ., гдѣ жила мать генерала Раевскаго, по второму мужу Давыдова, съ двумя сыновьями своими отъ втораго брака, Александромъ и Василіемъ Львовичами. Жена старшаго Давыдова, урожденная графиня Грамонъ, родомъ француженка, бойкая и веселая, завладѣла тутъ на время вниманіемъ поэта; но эта вспышка была непродолжительна.

Въ Каменкѣ Пушкинъ долго оставаться не могъ: пора было возвратиться къ Инзову. Онъ распростился съ милымъ семействомъ, къ которому успѣлъ всей душой привязаться, и отправился къ мѣсту своего служенія, увозя тоску разлуки въ сердцѣ, а въ головѣ — богатый запасъ поэтическаго матеріала.

Покуда Пушкинъ странствовалъ по Кавказу и Крыму, имя его гремѣло въ обѣихъ столицахъ. Причиной этого было появленіе въ свѣтъ «Руслана и Людмилы». Уѣзжая изъ Петербурга, онъ не успѣлъ окончить печатаніе своей поэмы и оставилъ ее на попеченіе своего брата Льва, который въ то время былъ еще въ благородномъ пансіонѣ при педагогическомъ институтѣ, и его товарища С. А. Соболевскаго. Въ хлопотахъ изданія юношамъ помогали А. Н. Оленинъ и Н. И. Гнѣдичъ. Общими стараніями поэма была издана и появилась въ свѣтъ во второй половинѣ мая 1820 года, когда авторъ ея уже былъ далеко. Публика приняла «Руслана и Людмилу» съ восторгомъ; очарованная роскошью фантазіи и живою прелестью разсказа, она упивалась дивной причудой молодаго генія, не мудрствуя лукаво о томъ, къ какому роду произведеній слѣдуетъ причислить эту литературную новость. Не такъ отнеслась критика. Поклонники старины пришли въ ужасъ и разразились негодованіемъ; горячіе нападки вызвали не менѣе горячую защиту; завязалась ожесточенная борьба, до виновника которой долетали только слабые ея отголоски.

А онъ между тѣмъ изъ Каменки проѣхалъ въ Кишиневъ, куда во время его отсутствія былъ переведенъ и Попечительный Комитетъ о Колонистахъ южнаго края. Причиной этого перевода было назначеніе Инзова намѣстникомъ Бессарабской области, что и побудило его переселиться на жительство въ Кишиневъ.

Пушкинъ былъ очень доволенъ этой перемѣной, такъ какъ Кишиневъ съ его многочисленнымъ пестрымъ населеніемъ и своеобразною жизнію въ сравненіи съ безлюднымъ Екатеринославомъ представлялъ несравненно болѣе интереса для молодаго человѣка, привыкшаго къ обществу.

Двадцат перваго сентября прибылъ Пушкинъ въ Кишиневъ и пріютился въ мазанкѣ русскаго переселенца, Ивана Николаева. По пріѣздѣ въ Кишиневъ Пушкинъ сразу очутился въ кругу совершенно незнакомыхъ личностей. Но природная общительность характера вывела его изъ этого затрудненія, и онъ очень скоро перезнакомился и освоился съ окружающими. Первымъ поводомъ къ сближенію были служебныя отношенія. Съ непосредственнымъ начальникомъ своимъ, Иваномъ Никитичемъ Инзовымъ, Пушкинъ познакомился еще въ Екатеринославѣ и, не смотря на кратковременность этого знакомства, имѣлъ уже случай испытать на себѣ его доброту и чисто отеческую заботливость. Теперь онъ узналъ его еще ближе и могъ оцѣнить эту достойную личность. Инзовъ былъ человѣкъ образованный и начитанный; разговоръ его не былъ блестящъ, но за то отличался привѣтливостью, привлекавшею къ нему всѣхъ. Неподкупная честность, прямота характера, простота и мягкость въ обращеніи, соединявшаяся съ прекрасной душой, всегда готовой на всякое доброе дѣло, заслужили ему всеобщую любовь и уваженіе. Пушкинъ нашелъ въ Инзовѣ не строгаго начальника, но заботливаго друга, который, понявъ добрымъ сердцемъ своимъ всю тягость несоразмѣрнаго винѣ наказанія, всѣми силами старался облегчить участь молодаго изгнанника. Онъ помѣстилъ его въ одномъ домѣ съ собою, ходатайствовалъ за него передъ начальствомъ, дозволялъ ему на свой страхъ отлучки изъ Кишинева и всегда старался затушить въ самомъ началѣ многочисленныя исторіи, которыя безъ его вмѣшательства могли бы сильно повредить опальному поэту. Благодаря Инзову, много проказъ и шалостей Пушкина сходило ему съ рукъ безъ всякихъ послѣдствій, кромѣ снисходительныхъ выговоровъ добраго старика, который при этомъ часто говаривалъ: «свернуть тебѣ голову, Александръ Сергѣевичъ!» Трогательнымъ памятникомъ отеческаго къ Пушкину отношенія Инзова осталось письмо его къ Константину Яковлевичу Булгакову, писанное еще изъ Екатеринослава по поводу поѣздки Пушкина на Кавказъ. «Милостивый государь мой Константинъ Яковлевичъ», пишетъ онъ: «доставленныя отъ васъ тысячу рублей для г. Пушкина я получилъ, которые къ нему отправлю на Кавказскія воды. Разстроенное его здоровье въ столь молодыя лѣта и непріятное положеніе, въ коемъ онъ по молодости находится, требовали съ одной стороны помощи, а съ другой безвредной разсѣянности, а потому отпустилъ я его съ генераломъ Раевскимъ, который въ проѣздъ свой туда чрезъ Екатеринославъ охотно взялъ его съ собою. При оказіи прошу сказать объ ономъ графу Ивану Антоновичу Каподистріи. Я надѣюсь, что за сіе меня не побранитъ и не назоветъ баловствомъ; онъ малый право добрый, жаль только, что скоро кончилъ курсъ наукъ; одна ученая скорлупа останется навсегда скорлупою»... Не меньшимъ доброжелательствомъ дышетъ письмо Инзова,

написанное нѣсколько позднѣе (28 апрѣля 1821 г.) въ отвѣтъ на запросъ гр. Каподистріи о поведеніи Пушкина: «Милостивый государь, графъ Иванъ Антоновичъ! На почтеннѣйшій отзывъ вашего сіятельства отъ (14) 26-го апрѣля, я пріемлю честь увѣдомить васъ, милостивый государь, что присланный ко мнѣ изъ С.-Петербурга коллежскій секретарь Пушкинъ, живя въ одномъ со мной домѣ, ведетъ себя хорошо и при настоящихъ смутныхъ обстоятельствахъ не оказываетъ никакого участія въ сихъ дѣлахъ. Я занялъ его переводомъ на россійскій языкъ составленныхъ по-французски молдавскихъ законовъ, и тѣмъ, равно другими упражненіями по службѣ, отнимаю способы къ праздности... Въ бытность его въ столицѣ онъ пользовался отъ казны 700 рублями на годъ; но теперь, не получая сего содержанія и не имѣя пособій отъ родителя, при всемъ возможномъ отъ меня вспомоществованіи терпитъ, однакожъ, иногда недостатокъ въ приличномъ одѣяніи. По сему уваженію я долгомъ считаю покорнѣйше просить распоряженія вашего, милостивый государь, къ назначенію ему отпуска здѣсь того жалованья, какое онъ получалъ въ С.-Петербургѣ...»*) Пушкинъ съ своей стороны платилъ Инзову самой искренней привязанностью и уваженіемъ. Въ запискахъ его находимъ нѣсколько строкъ, посвященныхъ благодарному воспоминанію о добромъ начальникѣ: «Инзовъ меня очень любилъ», пишетъ онъ, «и за всякую ссору съ молдаванами объявлялъ мнѣ комнатный арестъ и присылалъ мнѣ—скуки ради—французскіе журналы... Генералъ Инзовъ—добрый, почтенный... Онъ русскій въ душѣ. Онъ не предпочитаетъ перваго англійскаго шелопая своимъ соотечественникамъ. Онъ уже не волочится; страсти въ немъ уже давно погасли; онъ довѣряетъ благородству чувствъ, потому что самъ имѣетъ ихъ; не боится насмѣшекъ, потому что выше ихъ, и никогда не подвергается заслуженной колкости, потому что онъ со всѣми вѣжливъ»...

Знакомство Пушкина съ кишиневскимъ обществомъ началось съ его сослуживцевъ — чиновниковъ канцеляріи Инзова. Изъ нихъ прежде всѣхъ слѣдуетъ назвать коллежскаго секретаря Николая Степановича Алексѣева, состоявшаго при Инзовѣ, и столоначальника Михаила Ивановича Лекса. Алексѣевъ, будучи человѣкомъ образованнымъ, безъ труда сумѣлъ заслужить довѣріе и уваженіе поэта. Сближенію ихъ способствовало еще и то, что у нихъ нашлись общіе знакомые въ Москвѣ и Петербургѣ. Съ Лексомъ Пушкинъ не былъ особенно близокъ. Незнаніе иностранныхъ языковъ мѣшало Лексу посѣщать дамское общество, гдѣ главнымъ образомъ вращался Пушкинъ, и они встрѣчались только въ холостыхъ, по преимуществу военныхъ кружкахъ. Здѣсь Лексъ былъ весьма пріятнымъ собесѣдникомъ: всегда былъ веселъ, съ огромнымъ запасомъ разсказовъ и анекдотовъ и не прочь отъ стакановъ.

Кромѣ Алексѣева и Лекса при канцеляріи Инзова состояло еще нѣсколько «субъектовъ», какъ ихъ называетъ г. Липранди въ своихъ воспоминаніяхъ**),

*) Русская Старина 1887 г. Январь. Сообщ. Л. Поливановъ.

**) Р. Архивъ 1866 г.

которые не замедлили сдѣлаться мишенями шутокъ поэта. Такимъ субъектомъ былъ во-первыхъ И. Н. Лановъ, старшій членъ управленія колоніями, съ которымъ Пушкинъ имѣлъ столкновеніе вскорѣ послѣ своего пріѣзда въ Кишиневъ. Дѣло было за обѣдомъ у Инзова. Лановъ, обидѣвшись на какое-то замѣчаніе Пушкина, назвалъ его молокососомъ, а тотъ въ отвѣтъ на это обозвалъ его «виносососмъ», намекая на пристрастіе Ланова къ спиртнымъ напиткамъ. Ссора эта обошлась безъ дуэли только благодаря вмѣшательству Инзова, но Лановъ, несмотря на примиреніе, съ этихъ поръ не могъ равнодушно слышать имени Пушкина.

Вторымъ субъектомъ былъ Иванъ Ивановичъ *К—но,* шестидесятилѣтній, маленькій, худенькій старичокъ, брошенный своей молодою женой. Разрывъ этотъ сопровождался самыми скандальными обстоятельствами, — и Пушкинъ, вкравшись въ довѣріе простодушнаго старичка, забавлялся тѣмъ, что подъ видомъ участія разспрашивалъ его при всѣхъ о подробностяхъ его дѣла съ женой, которыя К — но и излагалъ со всею откровенностью, не подозрѣвая жестокой шутки.

Но больше всѣхъ доставалось отъ Пушкина коллежскому совѣтнику Арт. Мак. Х.— Х. былъ родомъ армянинъ и прежде служилъ въ Одессѣ почтмейстеромъ, но за битву свою съ козломъ, произошедшую между театромъ и балкономъ, гдѣ находилось семейство гр. Ланжерона, — переведенъ въ Кишиневъ. Это былъ уже пожилой человѣкъ, кривобокій, съ огромнымъ носомъ и претензіями на остроуміе и знаніе французскаго языка, который на самомъ дѣлѣ онъ коверкалъ самымъ немилосердымъ образомъ. Встрѣчаясь съ Х. въ обществѣ, Пушкинъ говорилъ съ нимъ не иначе, какъ по-французски. Когда была написана «Черная шаль», то Х. принялъ на свой счетъ «Армянина, лобзавшаго невѣрную дѣву». Онъ былъ очень доволенъ своей ролью обольстителя и постоянно давалъ понять, что онъ дѣйствительно кого-то отбилъ у Пушкина. Послѣдній не старался выводить его изъ пріятнаго заблужденія и высмѣивалъ самымъ жестокимъ образомъ.

Въ семейные дома Кишинева Пушкинъ получилъ доступъ черезъ вышеупомянутаго Н. С. Алексѣева, который, будучи кишиневскимъ старожиломъ, имѣлъ знакомство во всѣхъ слояхъ общества. Черезъ Алексѣева познакомился Пушкинъ съ супругами Эйхфельдъ. Самъ оберъ-берггауптманъ Иванъ Ивановичъ Эйхфельдъ не представлялъ изъ себя ничего интереснаго. Это былъ ученый нѣмецъ, флегматикъ, равнодушный ко всему, не исключая и молоденькой жены. Единственною страстью его былъ пуншъ, отъ котораго онъ впослѣдствіи и покончилъ свое существованіе, вступивъ въ состязаніе съ генераломъ Ферстеромъ на вечерѣ у кн. Пхейзе въ Бендерахъ. Молодая жена его, Марія Егоровна, съ избыткомъ искупала флегматичность своего мужа. Веселая и привѣтливая, она соединяла въ себѣ недюжинное образованіе съ рѣдкой красотой, къ которой Пушкинъ не могъ оставаться равнодушнымъ.

Черезъ Алексѣева же познакомился онъ съ вице-губернаторомъ М. Е. Крупянскимъ. Крупянскій, по происхожденію молдавано-грекъ, былъ женатъ на

гречанкѣ. Они жили очень открыто. Почти каждый вечеръ собиралось у нихъ общество для игры въ карты, а иногда и къ обѣду.

Не менѣе открыто жилъ членъ верховнаго совѣта Варѳоломей, отецъ извѣстной Пульхерицы (Пульхеріи Егоровны), составлявшей въ числѣ многихъ другихъ предметъ ухаживанія Пушкина. У Варѳоломея часто устраивались танцы.

Изъ другихъ семейныхъ домовъ Пушкинъ довольно часто посѣщалъ семейство Рали, болѣе извѣстнаго подъ именемъ Земфираки. У Земфираки было три сына и двѣ дочери. Старшая, Екатерина Захарьевна, была замужемъ за А. К. Стамо, имѣвшимъ болѣе пятидесяти лѣтъ. Она была очень образована и начитана и по скромности своей составляла исключеніе между прочими кишиневскими дамами, поведеніе коихъ было далеко не безукоризненно. Несмотря на эту скромность, Пушкинъ любилъ бесѣдовать съ Екатериной Захарьевной и въ разговорѣ съ нею не позволялъ себѣ обычныхъ вольностей. Младшая сестра ея, 18-тилѣтняя красавица Маріола не могла не привлечь вниманія такого цѣнителя женской красоты, какимъ былъ Пушкинъ, и на танцовальныхъ вечерахъ онъ оказывалъ ей явное предпочтеніе передъ всѣми другими.

Кишиневское общество, столь разнообразное по своему составу и столь оригинальное по образу своей жизни, нравилось молодому поэту. Обиліе красивыхъ женщинъ, вольныхъ въ обращеніи, легкость нравовъ, вошедшая въ обычай, сладострастная атмосфера волокитствъ и любовныхъ интригъ—все это производило на Пушкина опьяняющее дѣйствіе и раздражало его горячее воображеніе. Онъ съ наслажденіемъ окунулся въ этотъ заманчивый міръ минутныхъ связей и легкихъ увлеченій. Въ этой сферѣ, чуждой всякаго великосвѣтскаго жеманства, онъ чувствовалъ себя совершенно свободно. Постоянная игра въ любовь, веселая и пикантная болтовня съ женщинами и шалости всякаго рода занимали его праздное время. Сохранилось множество преданій о проказахъ поэта въ Кишиневѣ. Такъ разсказываютъ, что однажды Пушкинъ выучилъ принадлежавшаго Инзову попугая одному скверному молдаванскому слову, которое тотъ и сказалъ преосвященному архіерею Димитрію. Въ другой разъ, замѣтивъ привычку одной дамы сбрасывать съ ногъ башмаки за столомъ, онъ осторожно похитилъ ихъ, чѣмъ конечно привелъ въ большое замѣшательство прекрасную ихъ обладательницу *). Вообще надо сказать, что Пушкинъ любилъ потѣшиться на чужой счетъ. Рѣдкій изъ Кишиневцевъ избѣгалъ его насмѣшекъ. На иныхъ онъ писалъ эпиграммы, на другихъ рисовалъ карикатуры. Такъ между прочимъ онъ любилъ забавляться сходствомъ своего лица съ восточною физіономіей M-me Крупянской. «Бывало», разсказываетъ В. П. Горчаковъ, «нарисуетъ Крупянскую—похожа; расчертитъ ей вокругъ лица волосы—выйдетъ самъ онъ; на ту же голову накинетъ карандашомъ чепчикъ — опять Крупянская» **). Не менѣе удачно изображалъ онъ сестру губернатора Катакази, Тар-

*) Матеріалы Анненкова.

**) „Пушкинъ въ южн. Россіи“ Бартенева.

сису—въ видѣ Мадонны, а на рукахъ у нея младенцемъ—генерала Шульмана, съ оригинальной большой головой, въ большихъ очкахъ и съ поднятыми руками. Пушкинъ дѣлалъ это вдругъ, съ поразительнымъ сходствомъ. Всѣ эти шалости, забавныя для постороннихъ, не могли конечно нравиться тѣмъ, противъ кого были направлены. У Пушкина явилось много недоброжелателей. Этому еще способствовала его занозчивость, не замедлившая обнаружиться въ Кишиневѣ. Нѣсколько довольно крупныхъ исторій разыгрались одна за другой. Мы уже упоминали о столкновеніи съ Лановымъ. Послѣ него въ октябрѣ 1820 года произошла ссора Пушкина съ Ѳ. Ѳ. Орловымъ и А. П. Алексѣевымъ; въ концѣ 1821—дуэль съ Зубовымъ изъ-за картъ;въ началѣ 1822-го—поединокъ съ Старовымъ, и наконецъ 4-го февраля 1822—возмутительная исторія съ Балшемъ*).

Всѣ эти похожденія не могли однако удовлетворять Пушкина. Въ минуты утомленія и реакціи онъ не могъ не сознавать всей пошлости окружающей обстановки и пустоты своей собственной жизни, и это сознаніе томило его; являлся какой-то душевный разладъ, недовольство жизнью и озлобленіе на все и на всѣхъ. Самая распущенность нравовъ пріѣдалась, дѣлалась противна и возбуждала то брезгливо-презрительное отношеніе къ людямъ, къ женщинамъ въ особенности, которое характеризуетъ Пушкина въ этотъ періодъ его жизни. Надо замѣтить, что кромѣ вышеописаннаго, полуазіатскаго по обычаямъ общества, въ Кишиневѣ были семейства и другаго характера, какъ напр. два дома князей Кантакузиныхъ. Старшій изъ нихъ, князь Александръ Матвѣевичъ съ женою своей, урожденною Дараганъ, былъ постояннымъ жителемъ Кишинева, а младшій, Георгій Матвѣевичъ, женатый на сестрѣ лицейскаго товарища Пушкина и давнишней его знакомой княжнѣ, Е. М. Горчаковой, той самой, къ которой относится лицейское его стихотвореніе «Красавицѣ, которая нюхала табакъ»,—пріѣзжалъ въ Кишиневъ только на зиму. Кантакузины жили открыто, но доступъ къ нимъ имѣли только избранные, и молдаванъ туда не пускали. Пушкинъ былъ принятъ у обоихъ братьевъ, но великосвѣтскій тонъ и этикетъ, царившій въ ихъ салонахъ, стѣснялъ его, и онъ предпочиталъ веселое общество обольстительныхъ молдаванокъ и гречанокъ высоконравственной скукѣ княжескихъ собраній.

Противовѣсомъ пошлости и пустотѣ кишиневской жизни является для Пушкина военный кружокъ, состоявшій изъ людей образованныхъ и умныхъ, изъ которыхъ многіе имѣли весьма серьезное вліяніе на нашего поэта. Изъ кишиневскихъ военныхъ слѣдуетъ назвать: начальника 16-й дивизіи М. Ѳ. Орлова, бригаднаго командира П. С. Пущина, генерала Д. Н. Бологовскаго, начальника дивизіонной ланкастерской школы В. Ѳ. Раевскаго и офицеровъ: К. А. Охотникова, В. П. Горчакова, И. П. Липранди, А. Ѳ. Вельтмана, князей Ипсиланти и другихъ. Кромѣ того наѣздомъ въ Кишиневѣ бывали двоюродные братья Пол-

*) Подробности этихъ столкновеній читатели могутъ найти въ ст. г. Бартенева „Пушкинъ въ южн. Россіи“ и въ дополненіяхъ къ ней г. Липранди. (Русск. Арх. 1866).

торацкіе, Михаилъ Александровичъ и Алексѣй Павловичъ, съ которымъ Пушкинъ былъ близокъ еще въ Петербургѣ. Въ числѣ прочихъ назовемъ Зубова, имѣвшаго съ Пушкинымъ столкновеніе изъ-за картъ, и Пестеля. Когда же генералъ М. Ѳ. Орловъ женился на Екатеринѣ Николаевнѣ Раевской, то въ Кишиневъ пріѣзжали и гостили всѣ Раевскіе, Давыдовы и Ѳ. Ѳ. Орловъ, братъ генерала.

Общество этихъ образованныхъ и серьезныхъ людей имѣло на Пушкина благотворное вліяніе. Здѣсь затѣвались горячіе споры и затрогивались серьезные вопросы. Слѣдствіемъ постояннаго общенія съ людьми образованными было то, что Пушкинъ яснѣе сознавалъ всю несостоятельность своего собственнаго образованія и, движимый отчасти самолюбіемъ, отчасти природной любознательностью, усиленно старался пополнить пробѣлы своихъ знаній. По свидѣтельству г. Липранди, для этой цѣли онъ прибѣгалъ даже къ хитрости: если разговоръ касался предмета, мало ему извѣстнаго, онъ тотчасъ же вмѣшивался въ споръ и искусно поставленными вопросами заставлялъ своего собесѣдника высказываться о томъ, что́ его интересовало. Помимо этой уловки онъ обращался и къ книгамъ. Послѣ всякаго интереснаго спора онъ доставалъ себѣ сочиненіе, трактующее о затронутомъ вопросѣ, и прочитывалъ его самымъ внимательнымъ образомъ. Въ этомъ стремленіи къ самообразованію особенно поддерживали Пушкина А. Ѳ. Вельтманъ и В. Ѳ. Раевскій, преимущественно послѣдній. Ни съ кѣмъ не спорилъ Пушкинъ такъ горячо, какъ съ нимъ, и никто лучше его не умѣлъ натолкнуть поэта на глубокіе вопросы жизни, политики и искусства. Слѣдствіемъ всего этого было то, что Пушкинъ сталъ смотрѣть серьезнѣе и на себя, и на свое призваніе. Онъ принялся читать внимательно и много. Для этого онъ бралъ книги у Инзова, у Орлова, главнымъ же образомъ у Липранди, обладавшаго довольно обширной библіотекой по преимуществу этнографическаго и историческаго содержанія. Но помимо всѣхъ этихъ научныхъ сочиненій настольною книгой Пушкина былъ Байронъ.

О вліяніи которое имѣлъ Байронъ на Пушкина, было уже много толковъ въ нашей литературѣ, и мы съ своей стороны считаемъ необходимостью остановиться на этомъ вопросѣ. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что Пушкинъ увлекся поэзіею Байрона съ самаго перваго съ нею знакомства. Величавая красота созданій британскаго генія, богатство фантазіи, сила изображенія, живость красокъ и прелесть разсказа обаятельно подѣйствовали на нашего поэта. Самые мотивы Байрона — гордость и непреклонность въ борьбѣ, высокомѣрное презрѣніе къ людямъ, необузданныя страсти и неудовлетворенность жизнью — были близки душѣ Пушкина, уже успѣвшаго пострадать отъ людской несправедливости, какою онъ почиталъ свое изгнаніе. Нѣтъ поэтому ничего удивительнаго въ его увлеченіи Байрономъ, какъ поэтомъ, которое и отразилось въ его собственномъ творчествѣ. Всѣ поэмы Пушкина, относящіяся ко времени пребыванія его на югѣ Россіи, начиная съ «Кавказскаго Плѣнника», носятъ на себѣ несомнѣнные признаки желанія во что бы то ни стало создавать байроническіе характеры. Но вліяніе Байрона не переступало области поэтическаго

творчества. Что же касается до жизни Пушкина, до его поступковъ и манеры обращенія,—то тутъ Байронъ рѣшительно не при чемъ. Чтобы убѣдиться въ этомъ, стоитъ только обратить вниманіе на то, что поведеніе Пушкина въ Кишиневѣ было прямымъ продолженіемъ его петербургскаго образа жизни, который съ байронизмомъ ничего общаго не имѣлъ. Роль Байрона въ жизни нашего поэта ограничивалась тѣмъ, что онъ освѣтилъ Пушкину его собственныя стремленія и наклонности, и теперь его поступки, дотолѣ безсознательные и случайные, являются осмысленными и какъ бы подведенными подъ извѣстную теорію. Въ нравственномъ кодексѣ Байрона онъ нашелъ себѣ оправданіе и, такъ сказать, философскую подкладку природнымъ инстинктамъ своей африканской крови, и, имѣя за собой авторитетъ британскаго поэта, сталъ дѣйствовать смѣлѣе и рѣшительнѣе. Въ сущности же, какъ уже сказано, кишиневское поведеніе его ничѣмъ не отличалось отъ жизни въ Петербургѣ: та же необузданная жажда жизни и наслажденій, тотъ же задоръ, та же наклонность къ издѣвательству и насмѣшкѣ, иногда только забавной, а подъ часъ и очень жестокой, то же щекотливое самолюбіе и то же сомнѣніе—вотъ характеристическія черты Пушкина во время пребыванія его въ Кишиневѣ.

Пустота и безсодержательность кишиневской жизни, какъ сказано выше, нерѣдко тяготили Пушкина, и тогда онъ запирался дома и искалъ спасенія въ своихъ кабинетныхъ трудахъ. Онъ жилъ въ это время въ нижнемъ этажѣ дома, занимаемаго Инзовымъ. Ему отведены были двѣ небольшія комнаты съ рѣшетчатыми окнами, выходившими въ садъ. Видъ изъ оконъ былъ прекрасный *). Обстановку одной изъ комнатъ составляли столъ у окна, нѣсколько стульевъ, кровать и голубыя стѣны, облѣпленныя восковыми пулями—слѣды упражненій хозяина въ стрѣльбѣ изъ пистолета. Въ другой комнатѣ жилъ Никита. Таково было жилище Пушкина, куда спасался онъ отъ праздной суеты общественной жизни. Здѣсь предавался онъ чтенію или писалъ. Поэтическаго матеріала у него накопилось много. Не говоря уже о впечатлѣніяхъ, вывезенныхъ съ Кавказа и Крыма, которымъ онъ далъ мѣсто въ своихъ поэмахъ,—въ самомъ Кишиневѣ было много такого, что́ говорило воображенію. Пѣсни, преданія и разсказы бессарабскихъ туземцевъ и разныхъ выходцевъ, въ особенности сербовъ, которыхъ во вторую половину пребыванія поэта въ Кишиневѣ появилось множество, живо интересовали Пушкина. Онъ собиралъ и записывалъ все, что ему казалось достойнымъ вниманія. Но, къ сожалѣнію, изъ этой богатой коллекціи сохранилось весьма немного: остальное онъ все растерялъ, не успѣвъ воспользоваться. Извѣстно, что многія его произведенія, какъ напр. «Черная шаль», пѣсня «Рѣжь меня, жги меня» въ «Цыганахъ», отчасти «Кирджали» и многія другія обязаны своимъ происхожденіемъ именно этимъ кишиневскимъ впечатлѣніямъ.

---

*) Домъ этотъ принадлежалъ бессарабскому помѣщику Доничу и всегда нанимался подъ помѣщеніе главноуправляющаго областью. Развалины его и до сихъ поръ цѣлы. Видъ развалинъ дома, гдѣ жилъ поэтъ въ Кишиневѣ, читатели найдутъ выше, рядомъ съ юрзуфскимъ кипарисомъ.

Но къ усидчивому труду Пушкинъ еще мало былъ способенъ. Не на долго удавалось ему запереться въ своемъ кабинетѣ, — и онъ возвращался къ шумной общественной жизни съ ея страстями и треволненіями.

Когда же общество ему снова наскучало, онъ выпрашивалъ у Инзова отпуски и уѣзжалъ на время изъ Кишинева, или въ Одессу — подышать европейскимъ воздухомъ, — или въ Акерманскія степи. Въ одну изъ этихъ поѣздокъ Пушкинъ посѣтилъ устье Днѣпра, Акерманъ и противолежащій ему Овидіополь; въ другую поѣздку въ Измаилъ, онъ видѣлъ цыганское кочевье. Охотнѣе же всего бывалъ онъ у Давыдовыхъ въ Каменкѣ. Сюда влекли его радушный пріемъ хозяевъ, умное, просвѣщенное общество и дружба Раевскихъ. Кромѣ того здѣсь встрѣчалъ онъ личности, интересовавшія его своими политическими взглядами и замыслами, которые впрочемъ Пушкинъ только подозрѣвалъ, и это разжигало его любопытство. Въ Каменкѣ встрѣтилъ Пушкинъ между прочими декабриста Якушкина, бывшаго дѣятельнаго члена «Союза благоденствія». Якушкинъ разсказываетъ въ своихъ запискахъ, что въ послѣдній вечеръ его пребыванія въ Каменкѣ возникъ вопросъ: насколько было бы полезно учрежденіе тайнаго общества въ Россіи? Орловъ высказалъ все, что можно было высказать за и противъ тайнаго общества. Пушкинъ съ жаромъ доказывалъ пользу, какую могло принести такое общество въ Россіи... Раевскій исчислилъ всѣ случаи, въ которыхъ оно могло бы дѣйствовать съ успѣхомъ и пользой. Весь разговоръ окончился шуткой. Всѣ смѣялись. Только Пушкинъ былъ очень взволнованъ. Онъ ожидалъ, что общество тутъ же получитъ начало, и онъ будетъ его членомъ; но когда увидѣлъ, что изъ этого вышла только шутка, онъ подошелъ къ Якушкину, раскраснѣвшись, и сказалъ: «Я никогда не былъ такъ несчастливъ, какъ теперь; я уже видѣлъ жизнь свою облагороженною и высокую цѣль предъ собою, и все это была злая шутка» *).

Изъ этого разсказа становится яснымъ, какого рода вопросы волновали обитателей Каменки, и съ какою горячностью относился къ нимъ Пушкинъ.

Отлучки изъ Кишинева не могли повторяться очень часто, а между тѣмъ Пушкинъ начиналъ все болѣе и болѣе тяготиться кишиневскою жизнью. Многочисленныя его ссоры и столкновенія съ людьми различныхъ слоевъ общества не прошли безслѣдно, и онъ не могъ не замѣчать непріязненнаго къ нему отношенія многихъ изъ окружающихъ. Это его тяготило. Враговъ было много, а друзей — ни одного. Были, правда, пріятели изъ числа военныхъ, но ни съ однимъ изъ нихъ Пушкинъ не могъ сблизиться до настоящей дружбы, а между тѣмъ потребность въ ней ощущалась. Не съ кѣмъ было ему подѣлиться задушевными мыслями, не кому открыть свою душу съ ея наболѣвшей тоской; не было такихъ друзей, какъ Кюхельбекеръ, Дельвигъ, Пущинъ, а ихъ-то именно и нужно было Пушкину. Все это томило бѣднаго изгнанника и порождало въ немъ душевный разладъ и недовольство собой и другими. Къ этому присое-

*) „А. С. Пушкинъ“ Стоюнина.

динялись и другія, чисто внѣшнія, причины, какъ напр. постоянное безденежье. Въ письмахъ его къ брату то и дѣло встрѣчаемъ жалобы на стѣсненныя обстоятельства и просьбы о высылкѣ денегъ.

Въ началѣ весны 1821 года Кишиневъ значительно оживился по случаю гетеріи. Съ половины марта начался наплывъ выходцевъ, и эти новые люди вносили освѣжающій элементъ въ однообразіе кишиневской жизни. Одинъ изъ первыхъ появился въ Кишиневѣ господарь Молдавіи Михаилъ Суцо съ отцомъ и братьями; за нимъ потянулись цѣлые десятки семействъ. Кишиневъ преобразился. Начались постоянныя сборища, танцы и другія развлеченія. Вечера у Варѳоломея продолжались своимъ чередомъ, также какъ и карточныя собранія Крупянскаго, но рядомъ съ ними явилось множество новыхъ домовъ, гдѣ могли искать развлеченія всѣ, кому прежніе знакомые уже надоѣли. Изъ новопріѣзжихъ особенно открыто жила М-me Богданъ, или «Богданша», какъ ее называли. Богданша была уже не молодая женщина, хорошо пожившая на своемъ вѣку. Дочь ея, Марія, была замужемъ за Балшемъ, который также появился въ Кишиневѣ при началѣ гетеріи. Мы упоминаемъ о немъ потому, что онъ имѣлъ съ Пушкинымъ столкновеніе, въ которомъ на его долю выпала весьма плачевная роль. У Богданши каждую недѣлю было три пріемныхъ вечера, изъ которыхъ одинъ танцовальный. Не менѣе открыто жила семья Маврогени: «Домъ ихъ былъ открытъ съ утра до вечера; на обѣдъ всегда собиралось много; карточная игра была въ большихъ размѣрахъ, а если къ вечеру съѣзжались молодыя дамы, то независимо отъ назначеннаго дня, тотчасъ начинались танцы. Иногда вмѣсто фортепіано отыскивали нѣсколько цыганскихъ виртуозовъ. Роксандра Суцо съ своей милой десятилѣтней дочкой Лизой и дочери Маврогени, Ирина и Елена, были всегда на лицо» *).

Изрѣдка семейные вечера бывали также у Кохановскаго. «У старика Рознавана каждый вечеръ можно было застать нѣсколько ломберныхъ столовъ, но не иначе, какъ для коммерческой игры и сытнаго ужина. У старшаго сына его Николая, не игравшаго въ карты, собирались политики и устроители волокитствъ, занимаясь передачей слуховъ и т. п. **).

Изъ новопріѣзжихъ нельзя не упомянуть о знаменитой Калипсо Полихрони, бѣжавшей изъ Константинополя и въ 1821 году поселившейся въ Кишиневѣ. «Калипсо была чрезвычайно маленькаго роста, съ едва замѣтной грудью; длинное сухое лицо ея, по обычаю нѣкоторыхъ мѣстъ Турціи, было всегда нарумянено; огромный носъ какъ бы сверху до низу раздѣлялъ ея лицо; густые длинные волосы и огненные глаза, которымъ она придавала еще болѣе сладострастное выраженіе употребленіемъ сурьме, довершали оригинальность ея наружности. Калипсо пѣла восточныя пѣсни и пѣла ихъ дѣйствительно по-восточному, т. е. въ носъ. Это очень забавляло Пушкина. Особенно же нравились ему

*) Изъ дневника Липранди.
**) Ibidem.

турецкія сладострастныя заунывныя пѣсни, которыя Калипсо сопровождала акомпаниментомъ глазъ, а иногда и жестовъ...» *). Главный же интересъ Калипсо заключался для Пушкина въ томъ, что она, по преданію, пользовалась любовью Байрона.

Эта новая общественная сфера, по замѣчанію г. Липранди, пробудила Пушкина: съ одной стороны она представляла болѣе простора его живому характеру, страстно преданному всевозможнымъ наслажденіямъ; съ другой — онъ встрѣтилъ въ нѣкоторыхъ изъ новоприбывшихъ — людей съ глубокими и серьезными познаніями. Пушкинъ оживился, но не на долго: скоро возвратилось къ нему его недовольное состояніе духа и не покидало его болѣе.

Двадцать восьмаго іюля 1823-го года Инзовъ сдалъ свою должность графу М. С. Воронцову, и Пушкинъ, зачисленный въ канцелярію генералъ-губернатора, переѣхалъ въ Одессу.

Переходъ изъ Кишинева въ Одессу былъ сдѣланъ Пушкинымъ добровольно, но онъ скоро долженъ былъ убѣдиться, что положеніе его перемѣнилось къ худшему. Надо было быть сердечнымъ и гуманнымъ Инзовымъ, чтобы ладить съ такимъ чиновникомъ, какъ Пушкинъ. Новый начальникъ его, гр. Воронцовъ, сразу поставилъ себя въ строго оффиціальныя отношенія съ своими подчиненными. Для Пушкина не было сдѣлано исключенія. Высокомѣрный начальническій тонъ «Милорда», какъ прозвалъ Пушкинъ Воронцова, оскорблялъ самолюбиваго поэта, претендовавшаго на привиллегированное положеніе. Избалованный патріархальными отношеніями, царившими въ канцеляріи Инзова, онъ не могъ мириться съ новыми порядками: все его раздражало и приводило въ мрачное настроеніе духа. Не разъ пришлось пожалѣть о покинутомъ Кишиневѣ.

Одесское высшее общество не могло развлечь поэта въ его уныніи. Онъ уже отвыкъ отъ чопорности свѣтскихъ собраній и ему трудно было отказаться отъ свободы обращенія, усвоенной въ Кишиневѣ. Поэтому въ обществѣ онъ показывался рѣдко, а если показывался, то бывалъ мраченъ и золъ. Веселость возвращалась къ нему только тогда, когда онъ бывалъ съ своимъ новымъ знакомцемъ, Мавромъ Али, или же когда встрѣчался съ кѣмъ-нибудь изъ старыхъ кишиневскихъ знакомыхъ. Изъ новыхъ знакомствъ, ожидавшихъ Пушкина въ Одессѣ, нельзя не упомянуть о г-жѣ Ризничъ. Встрѣча съ этой женщиной оставила въ душѣ Пушкина глубокое чувство, которое выразилось въ 4-хъ чудныхъ стихотвореніяхъ. Пушкинъ былъ разъ или два въ Одессѣ еще до 1823 года, и въ одну изъ этихъ поѣздокъ познакомился и сблизился съ негоціантомъ Ризничемъ, который былъ родомъ изъ Адріатическихъ славянъ. Въ то время Ризничъ былъ еще не женатъ, но въ 1822 году онъ съѣздилъ въ Вѣну, откуда вернулся съ красавицей-женой. Вскорѣ послѣ этого переселился въ Одессу и Пушкинъ и сталъ своимъ человѣкомъ въ домѣ новопріѣзжей дамы. Всѣ посѣ-

---

*) Ibidem.

щавшіе домъ Ризничей, въ томъ числѣ и Пушкинъ, были увѣрены, что г-жа Ризничъ была итальянка. На самомъ же дѣлѣ она была дочерью вѣнскаго банкира, по фамиліи Риппъ, полу-нѣмка и полу-итальянка, не безъ примѣси, быть можетъ, и еврейской крови. Она была молода, высока ростомъ, стройна и необыкновенно красива. Особенно привлекательны были ея пламенные глаза, шея удивительной формы и бѣлизны и черная коса, болѣе двухъ аршинъ длиною. Она ходила въ мужской шляпѣ и одѣвалась въ нарядъ полу-амазонки. Все это придавало ей оригинальность и увлекало молодыя сердца. Благодаря своей эксцентричности и нѣкоторымъ другимъ причинамъ, г-жа Ризничъ въ высшемъ кругу тогдашняго одесскаго общества принята не была, но молодежь тѣмъ охотнѣе толпилась около нея. Пушкинъ и нѣкій Исидоръ Собаньскій, немолодой богатый помѣщикъ изъ западныхъ губерній, болѣе всѣхъ пользовались ея вниманіемъ. Взаимныя отношенія этихъ трехъ личностей достаточно выясняются въ элегіи 1823 года, «Простишь ли мнѣ...» Весною 1824 года г-жа Ризничъ уѣхала за границу съ своимъ ребенкомъ. Собаньскій уѣхалъ вслѣдъ за ней. Стихотворенія «Иностранкѣ», «Заклинаніе» и «Для береговъ отчизны дальней» служатъ выраженіемъ чувства, внушеннаго Пушкину красавицей-иностранкой *). Таковы были сердечныя отношенія Пушкина въ Одессѣ.

А между тѣмъ отношенія его къ начальству становились все хуже и хуже. Презрительные отзывы гр. Воронцова о поэтическихъ занятіяхъ Пушкина подливали масла въ огонь. Плодомъ его озлобленнаго чувства было нѣсколько злыхъ эпиграммъ, изъ которыхъ едва ли не большая часть была имъ только сказана, но попала на бумагу и стала извѣстной. «Эпиграммы эти касались многихъ и изъ канцеляріи графа; такъ, напримѣръ, эпиграмма на начальника отдѣленія Артемьева особенно отличалась своими убійственными, но вѣрными выраженіями. Стихи Пушкина на нѣкоторыхъ дамъ, бывшихъ на балу у графа, своимъ содержаніемъ раздражили всѣхъ. Начались сплетни, интриги, которыя еще болѣе тревожили поэта. Говорили, что будто бы графъ черезъ кого-то изъявилъ Пушкину свое неудовольствіе, и что это было поводомъ злыхъ стиховъ о самомъ графѣ. Услужливость нѣкоторыхъ тотчасъ распространила ихъ. Не нужно было искать, къ чьему портрету они мѣтили. Графъ не показалъ вида какого-либо негодованія; по прежнему приглашалъ Пушкина къ обѣду, по прежнему обмѣнивался съ нимъ нѣсколькими словами...» **) Но во взаимныхъ отношеніяхъ ихъ слышалось уже скрытое раздраженіе.

Поводомъ къ взрыву послужило появленіе въ области саранчи. Для борьбы съ этимъ врагомъ понадобилась особая коммиссія, и Воронцовъ предложилъ Пушкину принять въ ней участіе. Этого было достаточно. Поэтъ почелъ предложеніе графа за обидную насмѣшку и отвѣтилъ дерзкимъ письмомъ. Раздоса-

---

*) Русск. Вѣстникъ 1856 г. № 11. Статья г. Зеленецкаго.

**) Липранди.

дованный «Милордъ» тотчасъ же послалъ въ Петербургъ на имя гр. Нессельроде слѣдующее письмо:*)

«Графъ! Вашему Сіятельству извѣстны причины, по которымъ нѣсколько времени тому назадъ молодой Пушкинъ былъ посланъ съ письмомъ отъ графа Каподистріи къ генералу Инзову. Во время моего пріѣзда сюда генералъ Инзовъ предоставилъ его въ мое распоряженіе, и съ тѣхъ поръ онъ живетъ въ Одессѣ, гдѣ находился еще до моего пріѣзда, когда генералъ Инзовъ былъ въ Кишиневѣ. Я не могу пожаловаться на Пушкина за что-либо; напротивъ, казалось, онъ сталъ гораздо сдержаннѣе и умѣреннѣе прежняго, но собственный интересъ молодаго человѣка, не лишеннаго дарованій, и котораго недостатки происходятъ скорѣе отъ ума, нежели отъ сердца, заставляетъ меня желать его удаленія изъ Одессы. Главный недостатокъ Пушкина — честолюбіе. Онъ прожилъ здѣсь сезонъ морскихъ купаній и имѣетъ уже множество льстецовъ, хвалящихъ его произведенія; это поддерживаетъ въ немъ вредное заблужденіе и кружитъ его голову тѣмъ, что онъ замѣчательный писатель, въ то время, какъ онъ только слабый подражатель писателя, въ пользу котораго можно сказать очень мало (лорда Байрона). Это обстоятельство отдаляетъ его отъ основательнаго изученія великихъ классическихъ поэтовъ, которые имѣли бы хорошее вліяніе на его талантъ, въ чемъ ему нельзя отказать, и сдѣлали бы изъ него современемъ замѣчательнаго писателя.

Удаленіе его отсюда будетъ лучшая услуга для него. Я не думаю, что служба при генералѣ Инзовѣ поведетъ къ чему-нибудь, потому что, хотя онъ и не будетъ въ Одессѣ, но Кишиневъ такъ близко отсюда, что ничто не помѣшаетъ его почитателямъ поѣхать туда; да и наконецъ въ самомъ Кишиневѣ онъ найдетъ въ молодыхъ боярахъ и въ молодыхъ грекахъ дурное общество.

По всѣмъ этимъ причинамъ я прошу Ваше Сіятельство довести объ этомъ дѣлѣ до свѣдѣнія Государя и испросить его рѣшенія по оному.

Ежели Пушкинъ будетъ жить въ другой губерніи, онъ найдетъ болѣе поощрителей къ занятіямъ и избѣжитъ здѣшняго опаснаго общества. Повторяю, графъ, что я прошу этого только ради его самого; надѣюсь, моя просьба не будетъ истолкована ему во вредъ, и вполнѣ убѣжденъ, что только, согласившись со мною, ему можно будетъ дать болѣе средствъ обработать его рождающійся талантъ, удаливъ его въ то же время отъ того, что ему такъ вредно, отъ лести и столкновенія съ заблужденіями и опасными идеями. Имѣю честь пребыть и пр. Графъ Михаилъ Воронцовъ. Одесса. 28 марта 1824 г.».

Отвѣтъ на донесеніе это послѣдовалъ тѣмъ скорѣе, что въ Петербургѣ уже былъ поднятъ вопросъ о Пушкинѣ. Дѣло въ томъ, что въ руки полиціи попалось частное письмо его, которое онъ самъ потомъ называлъ «глупымъ», и гдѣ онъ писалъ между прочимъ слѣдующее: «Читаю библію, святой духъ иногда мнѣ по сердцу, но предпочитаю Гёте и Шекспира. Ты хочешь узнать, что я дѣ-

*) А. С. Пушкинъ. Русская Старина 1879 г. Письмо писано по-французски.

лаю? Пишу пестрыя строфы романической поэмы и беру уроки чистаго атеизма. Здѣсь англичанинъ, глухой философъ и единственный умный атей, котораго я еще встрѣтилъ. Онъ написалъ листовъ тысячу, чтобъ доказать qu'il ne peut exister d'etre intelligent, créateur et legulateur, мимоходомъ уничтожая слабыя доказательства безсмертія души. Система не столь утѣшительная, какъ обыкновенно думаютъ, но, къ несчастію, болѣе чѣмъ правдоподобная». Результатомъ этого письма было обвиненіе Пушкина въ атеизмѣ. Письмо гр. Воронцова только ускорило развязку. Вотъ отвѣтъ гр. Нессельроде гр. Воронцову, отъ 11 іюля: «Графъ! Я подавалъ на разсмотрѣніе Императора письма, которыя Ваше Сіятельство прислали мнѣ по поводу коллежскаго секретаря Пушкина. Его Величество вполнѣ согласился съ Вашимъ предложеніемъ объ удаленіи его изъ Одессы, послѣ разсмотрѣнія тѣхъ основательныхъ доводовъ, на которыхъ Вы основываете Ваши предложенія и подкрѣпленныхъ въ это время другими свѣдѣніями, полученными Его Величествомъ объ этомъ молодомъ человѣкѣ. Все доказываетъ, къ несчастью, что онъ слишкомъ проникся вредными началами, такъ пагубно выразившимися при первомъ поступленіи его на общественное поприще. Вы убѣдитесь въ этомъ изъ приложеннаго при семъ письма. Его Величество поручилъ мнѣ переслать его Вамъ; объ этомъ узнала московская полиція, потому что оно ходило изъ рукъ въ руки и получило всеобщую извѣстность.

Вслѣдствіе этого Его Величество, въ видахъ законнаго наказанія, приказалъ мнѣ исключить его изъ списка чиновниковъ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ за дурное поведеніе; впрочемъ, Его Величество не соглашается оставить его совершенно безъ надзора, на томъ основаніи, что пользуясь своимъ независимымъ положеніемъ, онъ будетъ, безъ сомнѣнія, все болѣе и болѣе распространять тѣ вредныя идеи, которыхъ онъ держится, и вынудитъ начальство употребить противъ него самыя строгія мѣры. Чтобы отдалить, по возможности, такія послѣдствія, Императоръ думаетъ, что въ этомъ случаѣ нельзя ограничиться только его отставкою, но находитъ необходимымъ удалить его въ имѣніе родителей, въ Псковскую губернію, подъ надзоръ мѣстнаго начальства.

Ваше Сіятельство не замедлитъ сообщить г. Пушкину это рѣшеніе, которое онъ долженъ исполнить въ точности, и отправить его безъ отлагательства въ Псковъ, снабдивъ прогонными деньгами. Примите увѣреніе и проч. Графъ Нессельроде» *).

Воля начальства была немедленно исполнена.

Тринадцатаго іюля 1824 года выѣхалъ Пушкинъ изъ Одессы въ Михайловское, давъ подписку нигдѣ не останавливаться на пути и по пріѣздѣ во Псковъ явиться мѣстному начальству, которому былъ порученъ бдительный надзоръ за изгнанникомъ.

Нельзя не согласиться съ Липранди въ томъ, что удаленіе Пушкина изъ Одессы было для него большимъ счастіемъ, ибо вслѣдъ за его выѣздомъ посе-

*) Р. Старина 1879.

лился въ Одессѣ князь С. Т. Волконскій, женившійся на Раевской; пріѣхали оба графа Булгари, Поджіо и другіе; изъ Петербурга изъ гвардейскаго генеральнаго штаба шт.-кап. Корниловичъ делегатомъ Сѣвернаго общества; изъ арміи являлись: ген.-лейтенантъ Юшневскій, полковники Пестель, Абрамовъ, Бурцевъ и другіе. Всѣ они посѣщали князя Волконскаго, и Пушкинъ съ его мрачно-ожесточеннымъ духомъ, легко могъ быть свидѣтелемъ революціонныхъ замысловъ и невинно сдѣлаться жертвой общаго увлеченія. Судьба до времени хранила поэта.

VI.

МИХАЙЛОВСКОЕ.

А я отъ милыхъ южныхъ дамъ,
Отъ жирныхъ устрицъ черноморскихъ,
Отъ оперы, отъ темныхъ ложъ
И, слава Богу, отъ вельможъ—
Пріѣхалъ въ тѣнь лѣсовъ Тригорскихъ,
Въ далекій сѣверный уѣздъ,
И былъ печаленъ мой пріѣздъ.

Пушкинъ.

Сергѣй Львовичъ и Надежда Осиповна, съ дѣтьми, Ольгой Сергѣевной и Львомъ Сергѣевичемъ, по обыкновенію проводили лѣто въ Михайловскомъ, когда вдругъ нежданно-негаданно явился къ нимъ молодой изгнанникъ. Радость свиданія послѣ долгой разлуки устранила на первые дни всякія постороннія соображенія, и родные наперерывъ расточали новопріѣзжему нѣжныя ласки. Но эта картина семейнаго счастія длилась не долго. Едва только выяснились настоящія причины пріѣзда Пушкина, какъ Сергѣй Львовичъ совершенно измѣнилъ свое обращеніе съ сыномъ. Узнавъ, что поэтъ не прощенъ, а напротивъ подвергнутъ новому наказанію за новую вину, и что отношенія къ нему начальства еще ухудшились, Сергѣй Львовичъ испугался, какъ бы правительственная опала черезъ ея виновника не перешла и на прочихъ членовъ его семейства. Страхъ этотъ еще усилился, когда обнаружились другія подробности, дотолѣ неизвѣстныя. Началось съ того, что Пушкинъ былъ вытребованъ въ Псковъ, къ губернатору Б. А. Адеркасу, къ которому онъ по пріѣздѣ своемъ не являлся, несмотря на предписаніе, полученное въ Одессѣ. Въ Псковѣ съ него взяли подписку «жить безотлучно въ деревнѣ родителя и вести себя благонравно». Кромѣ того за нимъ учрежденъ былъ бдительный надзоръ, обязанности котораго раздѣлили между собой начальникъ края маркизъ Паулуччи, губернаторъ Адеркасъ, предводитель дворянства Пещуровъ и архимандритъ близлежащаго Святогорскаго монастыря. Но болѣе всего поразило мнительнаго Сергѣя Львовича дошедшее до него обвиненіе Александра Сергѣевича въ атеизмѣ, послужившее однимъ изъ главныхъ мотивовъ ссылки.

Зная тогдашнее богомольное настроеніе высшихъ правительственныхъ сферъ, Сергѣй Львовичъ струсилъ окончательно и сталъ смотрѣть на сына, какъ на

виновника ихъ общей неизбѣжной въ близкомъ будущемъ погибели. Начались упреки и колкости. Вся семья пришла въ напряженное состояніе. Отношенія стали натянуты. Ольга Сергѣевна и Левъ Сергѣевичъ, любившіе брата, очутились между двухъ огней и не знали, какъ вести себя. Къ довершенію всего Сергѣй Львовичъ согласился на предложеніе Пещурова принять участіе въ полицейскомъ надзорѣ за сыномъ, и дѣятельно принялся за свою роль соглядатая. Жизнь въ такой обстановкѣ дѣлалась невыносима, но Пушкинъ до поры до времени сдерживался и молчалъ. Легко понять, чего стоило это молчаніе ему, уже помятому и озлобленному неутомимымъ гоненіемъ судьбы!

Буря наконецъ разразилась. Вотъ что писалъ Пушкинъ Жуковскому 31-го октября 1824 года: «Милый, прибѣгаю къ тебѣ. Посуди о моемъ положеніи! Пріѣхавъ сюда, былъ я встрѣченъ какъ нельзя лучше; но скоро все перемѣнилось. Отецъ, испуганный моею ссылкою, безпрестанно твердилъ, что и его ожидаетъ та же участь. Пещуровъ, назначенный за мною смотрѣть, имѣлъ безстыдство предложить моему отцу должность распечатывать мою переписку, короче, быть моимъ шпіономъ. Вспыльчивость и раздражительная чувствительность отца не позволяли мнѣ съ нимъ объясниться; я рѣшился молчать. Отецъ началъ упрекать брата въ томъ, что я преподаю ему безбожіе. Я все молчалъ. Получаютъ бумагу, до меня касающуюся. Наконецъ, желая вывести себя изъ тягостнаго положенія, прихожу къ отцу моему и прошу позволенія говорить искренно — болѣе ни слова... Отецъ осердился. Я поклонился, сѣлъ верхомъ и уѣхалъ. Отецъ призываетъ брата и повелѣваетъ ему не знаться avec ce monstre, ce fils dénaturé. Жуковскій, думай о моемъ положеніи и суди. Голова моя закипѣла, когда я узналъ все это. Иду къ отцу; нахожу его въ спальнѣ и высказываю все, что у меня было на сердцѣ цѣлыхъ три мѣсяца; кончаю тѣмъ, что *говорю послѣдній разъ*... Отецъ мой, воспользовавшись отсутствіемъ свидѣтелей, выбѣгаетъ и всему дому объявляетъ, что я его билъ!... потомъ, что хотѣлъ бить!... Передъ тобою не оправдываюсь. Но чего же онъ хочетъ для меня съ уголовнымъ обвиненіемъ?... Рудниковъ сибирскихъ и лишенія чести? Спаси меня хоть крѣпостью, хоть Соловецкимъ монастыремъ. Не говорю тебѣ о томъ, что́ терпятъ за меня братъ и сестра. Еще разъ спаси меня».

31-го октября. А. П.

«Поспѣши: обвиненіе отца извѣстно всему дому. Никто не вѣритъ, но всѣ его повторяютъ. Сосѣди знаютъ. Я съ ними не могу объясняться. Дойдетъ до правительства; посуди, что будетъ. А на меня и суда нѣтъ. Я hors la loi»...

Такова была бурная сцена, разыгравшаяся въ Михайловскомъ. Теперь нашему поэту пришлось струсить въ свою очередь. Обвиненіе отца могло дойти до начальства, — и тогда послѣдствія были бы ужасны. Опасность положенія увеличивалась еще тѣмъ, что послѣ объясненія съ отцомъ, Пушкинъ имѣлъ неосторожность написать и сгоряча даже отправить губернатору Адеркасу письмо слѣдующаго содержанія:

«Милостивый Государь, Борисъ Александровичъ. Государь Императоръ Высочайше соизволилъ меня послать въ помѣстье моихъ родителей, думая тѣмъ облегчить ихъ горесть и участь сына. Но важныя обвиненія правительства пали на сердце отца моего и раздражили мнительность старости и нѣжной любви его къ прочимъ дѣтямъ. Рѣшаюсь для его спокойствія и своего собственнаго просить Его Императорское Величество, да соизволитъ меня перевести въ одну изъ своихъ крѣпостей. Ожидаю сей послѣдней милости отъ ходатайства Вашего Превосходительства» и проч...*)

Одумавшись, Пушкинъ понялъ, что письмо это можетъ сильно повредить ему въ глазахъ предубѣжденнаго начальства,—но было уже поздно. Счастливая случайность избавила его отъ новыхъ непріятностей. Посланный его не засталъ Адеркаса во Псковѣ и возвратился назадъ, не отдавъ письма, которое Пушкинъ и поспѣшилъ уничтожить. Въ то же время и Сергѣй Львовичъ началъ мало-по-малу успокоиваться. Этому особенно способствовало вмѣшательство близкой сосѣдки и давняго друга Пушкиныхъ, Прасковьи Александровны Осиповой. Не ограничиваясь личнымъ посредничествомъ въ семейной распрѣ, Прасковья Александровна съ своей стороны также обратилась къ Жуковскому. «Изъ здѣсь приложеннаго письма», писала она ему, посылая вышеприведенную просьбу Пушкина Адеркасу, «усмотрите вы, въ какомъ положеніи находится молодой, пылкій человѣкъ, который, кажется, увлеченный сильнымъ воображеніемъ, часто, къ несчастію своему и всѣхъ тѣхъ, кои берутъ въ немъ участіе, дѣйствуетъ прежде, а обдумываетъ послѣ... Я все сдѣлала, чтобы предупредить послѣдствія оной просьбы къ Адеркасу; но не знаю, удастся ли, потому что г. Адеркасъ, хотя человѣкъ и добрый, но былъ прежде полицеймейстеръ... Александръ, кажется, имѣетъ счастье пользоваться вашимъ доброжелательствомъ. Не дайте погибнуть сему молодому, но право хорошему любимцу Музъ. Помогите ему тамъ, гдѣ вы; а я, пользуясь нѣсколько его дружбой и довѣренностью, постараюсь, если не угасить вулканъ, по крайней мѣрѣ направить путь лавы безвредно для него».—«Причина сихъ вѣчныхъ между ними (т. е. Сергѣемъ Львовичемъ и Александромъ Сергѣевичемъ) несогласій», пишетъ она Жуковскому въ другомъ письмѣ (22 ноября 1824 г.), «есть странная мысль, которая, не знаю отчего, поселилась съ обѣихъ сторонъ въ ихъ умахъ. Сергѣй Львовичъ думаетъ, и его ничѣмъ не можно разувѣрить, что сынъ его не любитъ, а Александръ увѣренъ, что отецъ къ нему равнодушенъ и будто бы не имѣетъ попеченія о его благосостояніи. Отъ сего происходитъ, что они обоюдно толкуютъ каждый въ свою очередь поступки одинъ другаго ложно, а потому дѣйствуютъ равно ошибочно»**).

Жуковскій не остался равнодушенъ къ судьбѣ своего молодаго друга и не замедлилъ оказать свое вліяніе на благопріятный исходъ семейной драмы. Благодаря общимъ стараніямъ, все кончилось благополучно, и Сергѣй Львовичъ

*) Р. Архивъ 1872.
**) Р. Архивъ 1872.

взялъ свое обвиненіе назадъ. Пушкинъ поспѣшилъ увѣдомить Жуковскаго о счастливомъ окончаніи своей ссоры съ отцомъ. Изъ письма его видно однако, что полнаго примиренія не было, что въ душѣ его еще жило чувство обиды. «Мнѣ жаль, милый, почтенный другъ, что надѣлалъ эту всю тревогу», пишетъ онъ отъ 22-го ноября: «но что мнѣ было дѣлать! Я сосланъ за строчку глупаго письма. Что было бы, если бы правительство узнало обвиненіе отца? Отецъ говорилъ послѣ: «Дуракъ! Въ чемъ оправдывается! Да я бы связать его велѣлъ!» — Зачѣмъ же обвинять было сына?—«Да какъ онъ осмѣлился, говоря съ отцомъ, непристойно размахивать руками?»—Это дѣло десятое.—«Да онъ убилъ отца словами»... Каламбуръ и только. Воля твоя, тутъ и поэзія не поможетъ»...*).

Въ половинѣ ноября Михайловское опустѣло. Левъ Сергѣевичъ и Ольга Сергѣевна переѣхали въ Петербургъ еще въ концѣ октября. Теперь за ними послѣдовали и родители. Пушкинъ остался въ полномъ одиночествѣ. Глубокая ненастная осень и огромный пустой нетопленный домъ съ заколоченными ставнями представляли обстановку, весьма подходящую для поэтическихъ вдохновеній и серьезныхъ занятій. Пушкинъ засѣлъ за работу. Изъ переписки его съ братомъ и друзьями видно, какіе вопросы занимали его въ это время. Онъ съ живѣйшимъ участіемъ слѣдитъ за всѣми новостями литературы и ни одной изъ нихъ не пропускаетъ безъ того, чтобы не высказать о ней своего сужденія. Въ самыхъ сужденіяхъ этихъ, всегда мѣткихъ и зрѣло обдуманныхъ, видно стараніе выяснить общіе законы и сущность поэтическаго творчества. Мысль Пушкина постоянно вращается въ области художественныхъ теорій и силится выйти на свѣтъ изъ путаницы еще не ясно разграниченныхъ понятій классицизма, романтизма etc. etc. Онъ вдумывается глубже въ призваніе поэта. Вопросъ о коммерческой сторонѣ искусства, интересовавшій его и прежде, снова всплываетъ наружу, выясняется окончательно и облекается въ художественную форму въ «Разговорѣ книгопродавца съ поэтомъ». Кромѣ этого произведенія, плодами перваго періода михайловской жизни Пушкина были два «Посланія къ цензору» и много мелкихъ стихотвореній. Но главной и любимой его работой остается «Евгеній Онѣгинъ».

Приводимъ здѣсь нѣсколько выдержекъ изъ писемъ нашего поэта къ Льву Сергѣевичу, которыя даютъ понятіе какъ о самомъ образѣ жизни михайловскаго изгнанника, такъ и выборѣ книгъ, интересовавшихъ его въ это время. «Стиховъ, стиховъ, стиховъ!» пишетъ Пушкинъ брату въ послѣднихъ числахъ октября, «les conversations de Byron! Walter Scott! Это пища души. Знаешь ли мои занятія? до обѣда пишу записки, обѣдаю поздно; послѣ обѣда ѣзжу верхомъ, вечеромъ слушаю сказки — и вознаграждаю тѣмъ недостатки проклятаго своего воспитанія. Что за прелесть эти сказки! Каждая есть поэма! Ахъ! Боже мой, чуть не забылъ! Вотъ тебѣ задача: историческое сухое извѣстіе о Стенькѣ Разинѣ, единственномъ поэтическомъ лицѣ русской исторіи».

---

*) Р. Архивъ 1872.

(Въ началѣ ноября). «Пришли мнѣ: 1) Oeuvres de Lebrun, odes, élégies etc, найдешь у St. Florent, 2) сѣрныя спички, 3) карты, т. е. картежныя (объ этомъ скажи Михайлѣ, пусть онъ ихъ и держитъ и продаетъ), 4) Жизнь Емельки Пугачева, Путешествіе по Тавридѣ Муравьева, 5) горчицы и сыру, но это ты и самъ мнѣ привезешь. Что наши литературные паны, и что сволочь?

Я тружусь во славу Корана*) и написалъ еще кое-что—лѣнь прислать»...

(Въ половинѣ ноября). «Библію, библію! и французскую непремѣнно. Образъ жизни моей все тотъ же, стиховъ не пишу, продолжаю свои записки, да читаю Кларису; мочи нѣтъ, какая скучная дура!»...

(Въ началѣ декабря). «Пришли мнѣ «Эду» Баратынскую... Присылай мнѣ *старину*...**); это пріятная новость»...

Изъ приведенныхъ отрывковъ видно, что воображеніе Пушкина въ это время устремляется къ новымъ, дотолѣ неизвѣстнымъ ему источникамъ поэтическаго вдохновенія. Изученіе Библіи и Корана указываетъ на поиски религіозныхъ мотивовъ, потребность которыхъ начинаетъ просыпаться въ душѣ поэта. Рядомъ съ этимъ является интересъ къ прошлому своего народа. Выдающіяся личности русской исторіи овладѣваютъ его вниманіемъ. Кромѣ Разина и Пугачева, упоминаемыхъ въ письмахъ къ брату, образъ Бориса Годунова уже занимаетъ его мысли и въ головѣ его зрѣетъ планъ трагедіи по образцу Шекспира...

Уединенныя кабинетныя занятія не могли однако вполнѣ удовлетворить пылкую натуру Пушкина. Общество живыхъ людей было для него насущной потребностью, и въ этомъ отношеніи важную роль въ его михайловской жизни играетъ сосѣдство Тригорскаго. Сельцо Тригорское—помѣстье П. А. Осиповой, о которомъ упоминалось выше,—расположено на гористомъ живописномъ берегу извилистой рѣчки Сороти. Давнія связи Прасковьи Александровны съ семьей Пушкина давали ему право на радушный пріемъ въ ея домѣ, и онъ пользовался этимъ правомъ въ широкихъ размѣрахъ; едва ли не все свободное отъ занятій время онъ проводилъ въ Тригорскомъ. Сама Прасковья Александровна Осипова, по первому мужу Вульфъ, была женщина образованная; она много читала, внимательно слѣдила за всѣми новостями литературнаго міра и въ разговорахъ любила затрогивать серьезные вопросы. Теплое, почти родственное участіе и привѣтливость, съ которой она относилась къ Пушкину, не могли не расположить его въ ея пользу. Къ этому присоединялось еще поклоненіе Прасковьи Александровны его поэтическому генію, что пріятно щекотало самолюбіе поэта, всегда любившаго ѳиміамъ восторговъ и похвалъ. Но помимо Прасковьи Александровны, въ Тригорское влекло его молодое и веселое женское общество. Старшія дочери г-жи Осиповой отъ перваго ея брака съ Вульфомъ, Анна Николаевна и Евпраксія Николаевна, которую въ семьѣ звали «Зиной», были уже взрослыми дѣвицами; младшія—Марья и Екатирина Ивановны Оси-

*) Девять „Подражаній Корану", посвященныхъ П. А. Осиповой.

**) „Русская Старина, карманная книжка для любителей отечественнаго, на 1825 г. Изд. А. Корниловича".

повы — еще учились. Кромѣ нихъ въ Тригорское часто наѣзжали и гостили тамъ подолгу ихъ родственницы: падчерица Прасковьи Александровны, Александра Ивановна Осипова, кузина Netty, кузина Вельяшева и Анна Петровна Кернъ, о которой скажемъ въ своемъ мѣстѣ.

Простота деревенскихъ отношеній не замедлила поставить Пушкина на короткую ногу въ домѣ Осиповой. Всѣ его полюбили, начиная отъ хозяйки и кончая ея маленькими дочерьми, которымъ онъ дѣлалъ заданные учителями французскіе переводы. Что касается до старшихъ дѣвицъ, то въ ихъ кругу Пушкинъ игралъ совершенно исключительную роль. Ореолъ славы, его окружавшей, обаяніе его личности, веселость, остроуміе, его странности и рѣзкость сужденій неминуемо должны были произвести сильное впечатлѣніе на провинціальныхъ барышенъ, воспитанныхъ въ сельской глуши. Онъ, конечно, замѣчалъ свое привиллегированное положеніе и не могъ удержаться, чтобы не внести въ эту мирную деревенскую среду той заманчивой и опасной романической струйки, которая характеризуетъ его обращеніе съ женщинами вообще. Среди забавъ и удовольствій всякаго рода въ кружкѣ тригорской молодежи начинается цѣлый рядъ маленькихъ романовъ, съ ухаживаніями, измѣнами, ревностью и т. п. Для Пушкина все это, конечно, было забавой, развлеченіемъ въ однообразной деревенской жизни, но тригорскимъ обитательницамъ эта игра въ любовь обходилась далеко не такъ дешево, и Прасковья Александровна не разъ принуждена была увозить то одну, то другую изъ своихъ молодыхъ родственницъ, чтобы избѣжать непріятныхъ послѣдствій. Памятникомъ похожденій поэта въ Тригорскомъ осталось множество мелкихъ стихотвореній, посвященнымъ прелестнымъ сосѣдкамъ. Тонъ этихъ стихотвореній какъ нельзя лучше характеризуетъ отношенія Пушкина къ молодымъ дѣвушкамъ Тригорскаго. Всѣ эти посланія и мадригалы суть не болѣе, какъ простыя альбомныя любезности безъ всякаго признака серьезнаго чувства *).

Женское царство Тригорскаго по временамъ нарушалось пріѣздами сына Прасковьи Александровны, Алексѣя Николаевича Вульфа. Онъ былъ студентомъ Дерптскаго университета и, пользуясь недальнимъ разстояніемъ, всѣ праздники проводилъ у матери. Пушкинъ былъ съ нимъ очень друженъ и всегда съ большимъ нетерпѣніемъ ожидалъ его пріѣзда. Еще въ самомъ началѣ своего пребыванія въ Михайловскомъ, онъ писалъ ему извѣстное посланіе: «Здравствуй, Вульфъ, пріятель мой!» въ которомъ зоветъ его къ себѣ вмѣстѣ съ поэтомъ Языковымъ, товарищемъ Вульфа по университету, и прельщаетъ ихъ картиной веселаго время-препровожденія въ деревнѣ:

Запируемъ ужъ, молчи!
Чудо — жизнь анахорета!

*) „Признаніе“ А. И. Осиповой („Я васъ люблю, хоть я бѣшусь“); къ ней же: „Мнѣ нѣтъ ни въ чемъ отъ васъ потачки“; „Къ имянинницѣ“ („Хотя стишки на именины“); „Въ альбомъ“ Евпр. Ник. Вульфъ („Вотъ, Зина, вамъ совѣтъ — играйте!“) и др.

Въ Троегорскомъ до ночи,
А въ Михайловскомъ до свѣта.
Дни любви посвящены,
Ночью царствуютъ стаканы:
Мы же — то смертельно пьяны,
То мертвецки влюблены.

Предположенія поэта, выраженныя въ этомъ стихотвореніи, отчасти осуществлялись на дѣлѣ, когда пріѣзжалъ Алексѣй Николаевичъ. Но не однѣ попойки служили связью между молодыми людьми. Пушкинъ цѣнилъ умъ и солидную образованность Вульфа и относился къ нему съ довѣріемъ и уваженіемъ, не смотря на то, что былъ значительно старше. При первомъ же свиданіи онъ сообщилъ пріятелю свой давнишній планъ, зародившійся въ умѣ его еще въ Одессѣ, а именно — планъ бѣгства въ чужіе края. Послѣ многочисленныхъ попытокъ выйти законными средствами изъ-подъ опалы, послѣ прошеній на Высочайшее имя, послѣ неудачныхъ ходатайствъ друзей, Пушкину пришла въ голову мысль добиться свободы инымъ путемъ. Уѣзжая изъ Одессы и прощаясь съ моремъ въ стихотвореніи «Къ морю», онъ очень ясно намекаетъ на свой замыселъ *). Въ Михайловскомъ томленіе неволи овладѣло имъ съ новой силой, и онъ возвращается къ прежнимъ мечтамъ о побѣгѣ. Вульфъ отнесся весьма сочувственно къ смѣлому предпріятію Пушкина и выразилъ полную готовность оказать ему свою помощь. Въ заговоръ былъ принятъ и братъ поэта, Левъ Сергѣевичъ, и они втроемъ принялись за обсужденіе различныхъ, иногда совершенно несбыточныхъ проектовъ бѣгства изъ Россіи.

Сначала рѣшено было, что Вульфъ перевезетъ Пушкина черезъ границу подъ видомъ своего слуги, но это оказалось неисполнимымъ, такъ какъ предполагавшаяся поѣздка Вульфа за границу не состоялась. Тогда старанія друзей направились къ тому, чтобы выхлопотать Пушкину возможность поѣхать въ Дерптъ, откуда уже легко было добраться до границы. Предлогомъ избрана была болѣзнь поэта, «аневризмъ въ ногѣ», требующая будто бы немедленной медицинской помощи. Существовала-ли болѣзнь эта на самомъ дѣлѣ, или была чистой выдумкой, — рѣшить трудно. Въ пользу послѣдняго предположенія говоритъ то, что по возвращеніи своемъ изъ ссылки Пушкинъ о болѣзни своей болѣе не упоминаетъ. Какъ бы то ни было, но предлогъ оказался подходящимъ, и Пушкинъ

*) . . . .
Моей души предѣлъ желанный!
Какъ часто по брегамъ твоимъ
Бродилъ я тихій и туманный,
Завѣтнымъ умысломъ томимъ.
. . . .
Не удалось на вѣкъ оставить
Мнѣ скучный, неподвижный брегъ
И по хребтамъ твоимъ направить
Мой поэтическій побѣгъ.
. . . .

послалъ въ Петербургъ просьбу о дозволеніи ему отправиться для совѣта съ докторами если не въ одну изъ столицъ, то по крайней мѣрѣ въ Дерптъ. Эффектъ просьбы вышелъ совершенно неожиданный; всѣ близкіе Пушкина въ Петербургѣ, услыхавъ о его болѣзни, встревожились не на шутку. Надежда Осиповна перепугалась и написала патетическое прошеніе Государю. Жуковскій, хотя и предупрежденный Прасковьей Александровной о замыслахъ поэта, тѣмъ не менѣе повѣрилъ его болѣзни и обратился къ извѣстному дерптскому хирургу Мойеру съ просьбой поѣхать къ больному для подания ему скорѣйшей помощи. Къ ужасу Пушкина Мойеръ согласился. Дѣла начинали принимать серьезный оборотъ, и виновникъ всего этого переполоха почувствовалъ, что попалъ въ глупое положеніе. Большаго труда стоило ему замять эту непріятную исторію и отдѣлаться отъ посѣщенія Мойера. Несмотря на эту вторичную неудачу, Пушкинъ не отказался отъ своего замысла. Мысль о чужихъ краяхъ занимала его вплоть до отъѣзда изъ Михайловскаго. Въ письмахъ его къ друзьямъ до самаго 1826-го года находимъ мы намеки на планы тайнаго бѣгства. Такъ въ іюнѣ 1826 года онъ пишетъ между прочимъ кн. Вяземскому: «Въ 4-й пѣснѣ Онѣгина я изобразилъ свою жизнь; когда-нибудь прочтешь его и спросишь съ милой улыбкой: Гдѣ же мой поэтъ? Въ немъ дарованіе примѣтно. Услышишь, милая, въ отвѣтъ: онъ удралъ въ Парижъ и никогда въ проклятую Русь не вернется...»

Покуда шли переговоры и переписка съ Вульфомъ и Львомъ Сергѣевичемъ о предполагаемомъ бѣгствѣ, уединеніе Пушкина внезапно было нарушено неожиданнымъ посѣщеніемъ одного изъ его лучшихъ друзей. Около 10-го января 1825 года совершенно неожиданно пріѣхалъ лицейскій товарищъ поэта И. И. Пущинъ. Радостна была эта встрѣча друзей дѣтства, не видавшихся почти со школьной скамейки. Въ запискахъ покойнаго И. И. Пущина сохранился любопытный разсказъ о поѣздкѣ его въ Михайловское. Разсказъ этотъ заключаетъ въ себѣ такія драгоцѣнныя подробности, такъ живо рисуетъ деревенскую обстановку Пушкина и въ то же время проникнутъ такимъ теплымъ участіемъ къ судьбѣ опальнаго поэта, что не находимъ ничего лучшаго, какъ передать эпизодъ свиданія товарищей словами самого И. И. Пущина.

«Съ той минуты», говорилъ онъ, «какъ я узналъ, что Пушкинъ безвыѣздно въ деревнѣ, во мнѣ зародилась мысль непремѣнно навѣстить его. Собираясь на Рождество въ Петербургъ для свиданія съ родными, я предположилъ съѣздить и въ Псковъ къ сестрѣ Н—ой; мужъ ея командовалъ тогда дивизіей, которая тамъ стояла, а оттуда рукой подать въ Михайловское. Вслѣдствіе этой программы я подалъ въ отпускъ на 28 дней въ Петербургскую и Псковскую губерніи. Передъ отъѣздомъ, на вечерѣ у князя Голицына, встрѣтился я съ А. И. Т—мъ (Алекс. Иван. Тургеневымъ), который не задолго до того пріѣхалъ въ Москву. Я подсѣлъ къ нему и спрашиваю: не имѣетъ-ли онъ какихъ-нибудь порученій къ Пушкину, потому что я въ январѣ буду у него.

— Какъ! Вы хотите къ нему ѣхать? развѣ не знаете, что онъ подъ двойнымъ надзоромъ, и политическимъ и духовнымъ?

— Все это знаю, но знаю также, что нельзя не навѣстить друга послѣ пятилѣтней разлуки въ теперешнемъ его положеніи, особенно когда буду отъ него съ небольшимъ въ ста верстахъ. Если не пустятъ къ нему, уѣду назадъ.

— Не совѣтовалъ бы; впрочемъ дѣлайте какъ знаете, прибавилъ Т.

Опасенія добраго А. И. меня удивили, и оказалось, что они были совершенно напрасны. Почти тѣ же предостереженія выслушалъ я отъ В. Л. Пушкина, къ которому заѣзжалъ проститься и сказать, что увижу его племянника. Со слезами на глазахъ дядя просилъ разцѣловать его.

Какъ сказано, такъ и сдѣлано.

Проведя праздникъ у отца въ Петербургѣ, послѣ Крещенія я поѣхалъ во Псковъ. Погостилъ у матери нѣсколько дней, и отъ нея вечеромъ пустился изъ Пскова; въ Островѣ, проѣздомъ, ночью, взялъ три бутылки клико и къ утру слѣдующаго дня уже приближался къ желанной цѣли.

Свернули мы наконецъ съ дороги въ сторону, мчались среди лѣса по гористому проселку; все мнѣ казалось не довольно скоро. Спускаясь съ горы, недалеко уже отъ усадьбы, которой за частыми соснами нельзя было видѣть, сани наши въ ухабѣ такъ наклонились на бокъ, что ямщикъ слетѣлъ. Я съ Алексѣемъ, неизмѣннымъ моимъ спутникомъ отъ лицейскаго порога, кое-какъ удержались въ саняхъ. Схватили возжи. Кони несутъ среди сугробовъ, опасности нѣтъ: въ сторону не бросятся, все лѣсъ, и снѣгъ имъ по брюхо, править не нужно. Скачемъ опять въ гору извилистой тропой; вдругъ крутой поворотъ, и какъ будто неожиданно вломились смаху въ притворенныя ворота, при громѣ колокольчика. Не было силы остановить лошадей у крыльца, протащили мимо и засѣли въ снѣгу не расчищеннаго двора.

Я оглядываюсь: вижу на крыльцѣ Пушкина босикомъ, въ одной рубашкѣ, съ поднятыми вверхъ руками. Не нужно говорить, что́ тогда во мнѣ происходило. Выскакиваю изъ саней, беру его въ охабку и тащу въ комнату. На дворѣ страшный холодъ, но въ иныя минуты человѣкъ не простужается. Смотримъ другъ на друга, цѣлуемся, молчимъ! Онъ забылъ, что надобно прикрыть наготу, я не думалъ о заиндивѣвшей шубѣ и шапкѣ. Было около 8-ми часовъ утра. Не знаю, что́ дѣлалось. Прибѣжавшая старуха застала насъ въ объятіяхъ другъ у друга, въ томъ самомъ видѣ, какъ мы попали въ домъ: одинъ — почти голый, другой — весь забросанный снѣгомъ. Наконецъ пробила слеза (она и теперь черезъ 33 года мѣшаетъ писать въ очкахъ); мы очнулись. Совѣстно стало передъ этой женщиной, впрочемъ она все поняла. Не знаю, за кого она приняла меня, только, ничего не спрашивая, бросилась обнимать. Я тотчасъ догадался, что это добрая его няня, столько разъ имъ воспѣтая, и чуть не задушилъ ее въ объятіяхъ.

Все это происходило въ маленькомъ пространствѣ. Комната Александра была возлѣ крыльца съ окномъ на дворъ, въ которое онъ увидѣлъ меня, услышавъ колокольчикъ. Въ этой небольшой комнатѣ помѣщалась кровать его съ пологомъ, письменный столъ, диванъ, шкафъ съ книгами и проч. и проч.; во всемъ

поэтическій безпорядокъ, вездѣ разбросаны исписанные листы бумаги, всюду валяются искусанные, обожженные куски перьевъ (онъ всегда съ самаго Лицея писалъ оглодками, которые едва можно было держать въ пальцахъ). Входъ къ нему прямо изъ корридора; противъ его двери — дверь въ комнату няни, гдѣ стояло множество пяльцевъ.

Послѣ первыхъ нашихъ обниманій пришелъ и Алексѣй, который въ свою очередь кинулся цѣловать Пушкина; онъ не только близко зналъ и любилъ поэта, но и читалъ наизусть многіе изъ его стиховъ. Я между тѣмъ приглядывался, гдѣ бы умыться и хоть сколько-нибудь оправиться. Дверь во внутреннія комнаты была заперта, домъ не топленъ. Кое-какъ все это тутъ же уладили, копошась среди отрывистыхъ вопросовъ: что? какъ? гдѣ? Вопросы большею частью не ожидали отвѣтовъ; наконецъ помаленьку прибрались. Подали намъ кофе, — мы усѣлись съ трубками. Бесѣда пошла правильнѣе; многое надо было хронологически разсказать, о многомъ разспросить другъ друга. Теперь не берусь всего этого передать.

Вообще Пушкинъ показался мнѣ нѣсколько серьезнѣе прежняго, сохраняя однакожъ ту же веселость; можетъ быть, самое положеніе его произвело на меня это впечатлѣніе. Онъ какъ дитя былъ радъ нашему свиданію, нѣсколько разъ повторялъ, что ему еще не вѣрится, что мы вмѣстѣ. Прежняя его живость во всемъ проявлялась, въ каждомъ словѣ, въ каждомъ воспоминаніи: имъ не было конца въ неумолкаемой нашей болтовнѣ.

Наружно онъ мало перемѣнился, оброс только бакенбардами; я нашелъ, что онъ тогда былъ очень похожъ на портретъ, который потомъ видѣлъ въ «Сѣверныхъ цвѣтахъ» и теперь при изданіи его сочиненій П. В. Анненковымъ.

Пушкинъ самъ не зналъ настоящимъ образомъ причины своего удаленія въ деревню. (Здѣсь авторъ упоминаетъ о предположеніяхъ Пушкина на этотъ счетъ). Мнѣ показалось, что онъ вообще не охотно объ этомъ говоритъ, — я это заключилъ по лаконическимъ отрывистымъ его отвѣтамъ на нѣкоторые мои спросы, и потому я его просилъ оставить эту статью, тѣмъ болѣе, что всѣ наши толкованія ни къ чему не вели, а только отклоняли насъ отъ другой, близкой намъ бесѣды.

Замѣтно было, что ему какъ будто нѣсколько наскучила прежняя, шумная жизнь, въ которой онъ частенько терялся. Среди разговоровъ ex abrupto онъ спросилъ меня: что объ немъ говорятъ въ Петербургѣ и Москвѣ?.. На это я отвѣчалъ... что вообще читающая наша публика благодаритъ его за всякій литературный подарокъ, что стихи его пріобрѣли народность во всей Россіи, и наконецъ, что близкіе и друзья помнятъ и любятъ его, желая искренно, чтобъ скорѣй кончилось его изгнаніе.

Онъ терпѣливо выслушалъ меня и сказалъ, что нѣсколько примирился въ эти 4 мѣсяца съ новымъ своимъ бытомъ, вначалѣ очень для него тягостнымъ; что тутъ, хотя невольно, но все-таки отдыхаетъ отъ прежняго шума и волненій; съ музой живетъ въ ладу и трудится охотно и усердно. Скорбѣлъ только,

что съ нимъ нѣтъ сестры его, но что съ другой стороны, никакъ не согласится, чтобы она по привязанности къ нему проскучала цѣлую зиму въ деревнѣ. Хвалилъ своихъ сосѣдей въ Тригорскомъ, хотѣлъ даже везти меня къ нимъ, но я отговорился тѣмъ, что пріѣхалъ на такое короткое время, что не успѣю и на него самого наглядѣться. Среди всего этого много было шутокъ, анекдотовъ, хохоту отъ полноты сердечной. Уцѣлѣли бы всѣ эти дорогія подробности, если бы тогда при насъ былъ стенографъ.

Пушкинъ заставилъ меня разсказать ему о всѣхъ нашихъ первокурсныхъ Лицея; потребовалъ объясненія, какимъ образомъ изъ артиллериста я преобразился въ судьи. Это было ему по сердцу—онъ гордился мною и за меня!

(Пушкинъ въ теченіи разговора незамѣтно перешелъ было къ своимъ подозрѣніямъ на счетъ тѣхъ связей автора, которыя послѣдній отъ него тщательно скрывалъ, и это немного взволновало поэта).

Потомъ, успокоившись, онъ продолжалъ: «Впрочемъ я не заставляю тебя, любезный Пущинъ, говорить. Можетъ быть, ты и правъ, что мнѣ не довѣряешь. Вѣрно я этого довѣрія не стою по многимъ глупостямъ». Молча, я крѣпко поцѣловалъ его—мы обнялись и пошли ходить: обоимъ нужно было вздохнуть. Вошли въ нянину комнату, гдѣ собирались уже швеи. Я тотчасъ замѣтилъ между ними одну фигурку, рѣзко отличавшуюся отъ другихъ, не сообщая однако Пушкину моихъ заключеній. Я невольно смотрѣлъ на него съ какимъ-то новымъ чувствомъ, порожденнымъ исключительнымъ его положеніемъ; оно высоко ставило его въ моихъ глазахъ,—и я боялся оскорбить его какимъ-нибудь неумѣстнымъ замѣчаніемъ. Впрочемъ онъ тотчасъ прозрѣлъ шаловливую мысль,—улыбнулся значительно. Мнѣ ничего больше не нужно было; я, въ свою очередь, моргнулъ ему,—и все было понято безъ всякихъ словъ. Среди молодой своей команды няня преважно разгуливала съ чулкомъ въ рукахъ. Мы полюбовались работами, побалагурили и возвратились во-свояси. Настало время обѣда. Алексѣй хлопнулъ пробкой,—начались тосты за Русь, за Лицей, за отсутствующихъ друзей и за нее. Незамѣтно полетѣла въ потолокъ и другая пробка, попотчевали искрометнымъ няню, а всѣхъ другихъ хозяйской наливкой. Все домашнее населеніе нѣсколько развеселилось; кругомъ насъ стало пошумнѣе,—праздновали наше свиданье.

Я привезъ Пушкину въ подарокъ «Горе отъ ума»; онъ былъ очень доволенъ этой, тогда рукописной, комедіей, до того ему вовсе почти незнакомой. Послѣ обѣда за чашкой кофе онъ началъ читать ее вслухъ; но опять жаль, что не припомню теперь мѣткихъ его замѣчаній, которыя, впрочемъ, потомъ частію явились въ печати*).

Среди этого чтенія кто-то подъѣхалъ къ крыльцу. Пушкинъ выглянулъ въ окно, какъ будто смутился и торопливо раскрылъ лежащія на столѣ Четьи-минеи. Замѣтивъ его смущеніе и недоразумѣвая причины, я спросилъ его: что

---

*) Прилагаемъ копію съ картины Ге, выбравшаго именно этотъ моментъ.

А. С. Пушкинъ въ селѣ Михайловскомъ.

Съ картины Ге.

что съ нимъ нѣтъ сестры его, но что съ другой стороны, никакъ не согласится, чтобы она по привязанности къ нему проскучала цѣлую зиму въ деревнѣ. Хвалилъ своихъ сосѣдей въ Тригорскомъ, хотѣлъ даже везти меня къ нимъ, но я отговорился тѣмъ, что пріѣхалъ на такое короткое время, что не успѣю и на него самого наглядѣться. Среди всего этого много было шутокъ, анекдотовъ, хохоту отъ полноты сердечной. Уцѣлѣли бы всѣ эти дорогія подробности, если бы тогда при насъ былъ стенографъ.

Пушкинъ заставилъ меня разсказать ему о всѣхъ нашихъ первокурсныхъ Лицея; потребовалъ объясненія, какимъ образомъ изъ артиллериста я преобразился въ судьи. Это было ему по сердцу — онъ гордился мною и за меня!

(Пушкинъ въ теченіи разговора незамѣтно перешелъ было къ своимъ подозрѣніямъ на счетъ тѣхъ связей автора, которыя послѣдній отъ него тщательно скрывалъ, и это немного взволновало поэта).

Потомъ, успокоившись, онъ продолжалъ: «Впрочемъ я не заставляю тебя, любезный Пущинъ, говорить. Можетъ быть, ты и правъ, что мнѣ не довѣряешь. Вѣрно я этого довѣрія не стою по многимъ глупостямъ». Молча, я крѣпко поцѣловалъ его — мы обнялись и пошли ходить: обоимъ нужно было вздохнуть. Вошли въ нянину комнату, гдѣ собирались уже швеи. Я тотчасъ замѣтилъ между ними одну фигурку, рѣзко отличавшуюся отъ другихъ, не сообщая однако Пушкину моихъ заключеній. Я невольно смотрѣлъ на него съ какимъ-то новымъ чувствомъ, порожденнымъ исключительнымъ его положеніемъ; оно высоко ставило его въ моихъ глазахъ, — и я боялся оскорбить его какимъ-нибудь неумѣстнымъ замѣчаніемъ. Впрочемъ онъ тотчасъ прозрѣлъ шаловливую мысль, — улыбнулся значительно. Мнѣ ничего больше не нужно было; я, въ свою очередь, моргнулъ ему, — и все было понято безъ всякихъ словъ. Среди молодой своей команды няня преважно разгуливала съ чулкомъ въ рукахъ. Мы полюбовались работами, побалагурили и возвратились во-свояси. Настало время обѣда. Алексѣй хлопнулъ пробкой, — начались тосты за Русь, за Лицей, за отсутствующихъ друзей и за нее. Незамѣтно полетѣла въ потолокъ и другая пробка, попотчевали искрометнымъ няню, а всѣхъ другихъ хозяйской наливкой. Все домашнее населеніе нѣсколько развеселилось; кругомъ насъ стало пошумнѣе, — праздновали наше свиданье.

Я привезъ Пушкину въ подарокъ «Горе отъ ума»; онъ былъ очень доволенъ этой, тогда рукописной, комедіей, до того ему вовсе почти незнакомой. Послѣ обѣда за чашкой кофе онъ началъ читать ее вслухъ; но опять жаль, что не припомню теперь мѣткихъ его замѣчаній, которыя, впрочемъ, потомъ частію явились въ печати *).

Среди этого чтенія кто-то подъѣхалъ къ крыльцу. Пушкинъ взглянулъ въ окно, какъ будто смутился и торопливо раскрылъ лежащія на столѣ Четьи-минеи. Замѣтивъ его смущеніе и недоразумѣвая причины, я спросилъ его: что

*) Прилагаемъ копію съ картины Ге, выбравшаго именно этотъ моментъ.

А. С. Пушкинъ въ селѣ Михайловскомъ.

съ картины Ге.

это значитъ? Не успѣлъ онъ отвѣтить, какъ вошелъ въ комнату низенькій, рыжеватый монахъ и рекомендовался мнѣ настоятелемъ сосѣдняго монастыря. Я подошелъ подъ благословеніе; Пушкинъ тоже, прося его сѣсть. Монахъ началъ извиненіемъ въ томъ, что, можетъ быть, помѣшалъ намъ, потомъ сказалъ, что, узнавъ мою фамилію, ожидалъ найти знакомаго ему П. С. Пущина, уроженца Великолуцкаго, котораго очень давно не видалъ. Ясно было, что настоятелю донесли о моемъ пріѣздѣ. Хотя посѣщеніе его было вовсе не кстати но, я все-таки хотѣлъ faire bonne mine au mauvais jeu, и старался увѣрить его въ противномъ; объяснилъ ему, что я Пущинъ такой-то, лицейскій товарищъ хозяина, а что генералъ Пущинъ, его знакомый, командуетъ бригадой въ Кишиневѣ, гдѣ я въ 1820 году съ нимъ встрѣчался. Разговоръ завязался о томъ, о семъ. Между тѣмъ подали чай. Пушкинъ спросилъ рому... Настоятель выпилъ два стакана чаю,—и послѣ этого началъ прощаться, извиняясь снова, что прервалъ нашу товарищескую бесѣду.

Я радъ былъ, что мы остались одни, но мнѣ неловко было за Пушкина: онъ какъ школьникъ присмирѣлъ при появленіи настоятеля. Я ему высказалъ свою досаду, что накликалъ это посѣщеніе. «Перестань, любезный другъ! онъ и безъ того бываетъ у меня; я порученъ его наблюденію. Что говорить объ этомъ?...»

Тутъ Пушкинъ какъ ни въ чемъ не бывало продолжалъ читать комедію; я съ необыкновеннымъ удовольствіемъ слушалъ его выразительное и исполненное жизни чтеніе, довольный тѣмъ, что мнѣ удалось доставить ему такое высокое наслажденіе.

Потомъ онъ мнѣ прочелъ кое-что свое, большею частію въ отрывкахъ, которые впослѣдствіи вошли въ составъ замѣчательныхъ его піесъ; продиктовалъ начало изъ поэмы «Цыганы»—для «Полярной Звѣзды» и просилъ, обнявши крѣпко Р. (Рылѣева), благодарить за его патріотическія думы.

Время не стояло. Къ несчастію, вдругъ запахло угаромъ. У меня собачье чутье, и голова моя не выноситъ угара. Тотчасъ же я отправился узнавать, откуда эта бѣда, неожиданная въ такую пору дня. Вышло, что няня, воображая, что я останусь погостить, велѣла въ другихъ комнатахъ затопить печи, которыя съ самаго начала зимы не топились. Когда закрыли трубы — хоть бѣги изъ дому! Я тотчасъ распорядился за беззаботнаго сына въ отцовскомъ домѣ: велѣлъ открыть трубы, заперъ на замокъ дверь, а форточки открылъ. Все это непріятно на меня подѣйствовало, не только въ физическомъ, но и въ нравственномъ отношеніи. Какъ, подумалъ я, хоть въ этомъ не успокоить его? — какъ не устроить такъ, чтобъ ему, бѣдному поэту, было гдѣ подвигаться въ зимнее ненастье? Въ залѣ былъ билліардъ; это могло бы служить для него развлеченіемъ. Въ порывѣ досады я даже упрекнулъ няню, зачѣмъ она не велитъ отапливать весь домъ. Видно однако мое ворчанье имѣло нѣкоторое дѣйствіе, потому что послѣ моего посѣщенія перестали экономничать дровами...

Между тѣмъ время шло за полночь. Намъ подали закусить,—на прощанье хлопнула третья пробка. Мы крѣпко обнялись въ надеждѣ, можетъ быть, скоро

увидаться въ Москвѣ. Шаткая эта надежда облегчала разставанье послѣ такъ отрадно проведеннаго дня. Ямщикъ уже запрягъ лошадей, колокольчикъ брякалъ у крыльца, на часахъ ударило три. Мы еще чокнулись стаканами, но грустно пилось: какъ будто чувствовалось, что въ послѣднiй разъ вмѣстѣ пьемъ, и пьемъ на вѣчную разлуку! Молча я набросилъ на плечи шубу и убѣжалъ въ сани. Пушкинъ еще что-то говорилъ мнѣ вслѣдъ; ничего не слыша, я глядѣлъ на него; онъ остановился на крыльцѣ со свѣчой въ рукѣ. Кони рванулись подъ гору. Послышалось: прощай, другъ!»... Ворота скрыпнули за мной» *).

Описанное свиданiе было послѣднимъ въ жизни двухъ друзей. Замѣшанный въ политическомъ заговорѣ Пущинъ былъ арестованъ во время смуты 14-го декабря и заключенъ въ Петербургскую крѣпость. Вскорѣ затѣмъ онъ былъ отправленъ въ Шлиссельбургъ, оттуда въ Читу; потомъ съ другими декабристами на Петровскiй заводъ, а въ 1839 году на поселенiе въ Тобольскую губернiю; потомъ жилъ въ Ялотуровскѣ. Когда послѣ амнистiи 1859 года онъ возвратился въ Россiю, Пушкина давно не было въ живыхъ. Памятникомъ этого послѣдняго свиданiя друзей дѣтства остаются нѣсколько прелестныхъ строкъ Пушкина въ стихотворенiи на лицейскую годовщину 1825 года:

«Поэта домъ опальный,
О Пущинъ мой, ты первый посѣтилъ;
Ты усладилъ изгнанья день печальный,
Ты въ день его Лицея превратилъ!»

Прилагаемъ здѣсь портретъ И. И. Пущина, обязательно доставленный на пушкинскую выставку племянникомъ покойнаго друга нашего поэта, извѣстнымъ московскимъ докторомъ И. И. Пущинымъ.

Вслѣдъ за Пущинымъ еще двое лицейскихъ товарищей посѣтили Пушкина въ его деревнѣ. Первымъ прiѣхалъ кн. Горчаковъ, случайно попавшiй въ окрестности Михайловскаго.

«Ты, Горчаковъ, счастливецъ съ первыхъ дней,
Хвала тебѣ — Фортуны блескъ холодный
Не измѣнилъ души твоей свободной:
Все тотъ же ты для чести и друзей.
Намъ разный путь судьбой назначенъ строгой;
Ступая въ жизнь, мы быстро разошлись,
Но невзначай проселочной дорогой
Мы встрѣтились и братски обнялись».

Третьимъ гостемъ, и едва ли не самымъ дорогимъ, былъ баронъ Дельвигъ. Давно уже Пушкинъ звалъ его къ себѣ и со дня на день ожидалъ его прибы-

*) Атеней 1859 г.

увидаться въ Москвѣ. Шаткая эта надежда облегчала разставанье послѣ такъ отрадно проведеннаго дня. Ямщикъ уже запрягъ лошадей, колокольчикъ брякалъ у крыльца, на часахъ ударило три. Мы еще чокнулись стаканами, но грустно пилось: какъ будто чувствовалось, что въ послѣдній разъ вмѣстѣ пьемъ, и пьемъ на вѣчную разлуку! Молча я набросилъ на плечи шубу и убѣжалъ въ сани. Пушкинъ еще что-то говорилъ мнѣ вслѣдъ; ничего не слыша, я глядѣлъ на него; онъ остановился на крыльцѣ со свѣчой въ рукѣ. Кони рванулись подъ гору. Послышалось: прощай, другъ!»... Ворота скрыпнули за мной» *).

Описанное свиданіе было послѣднимъ въ жизни двухъ друзей. Замѣшанный въ политическомъ заговорѣ Пущинъ былъ арестованъ во время смуты 14-го декабря и заключенъ въ Петербургскую крѣпость. Вскорѣ затѣмъ онъ былъ отправленъ въ Шлиссельбургъ, оттуда въ Читу; потомъ съ другими декабристами на Петровскій заводъ, а въ 1839 году на поселеніе въ Тобольскую губернію; потомъ жилъ въ Ялуторовскѣ. Когда послѣ амнистіи 1859 года онъ возвратился въ Россію, Пушкина давно не было въ живыхъ. Памятникомъ этого послѣдняго свиданія друзей дѣтства остается нѣсколько прелестныхъ строкъ Пушкина въ стихотвореніи на лицейскую годовщину 1825 года:

«Поэта домъ опальный,
О Пущинъ мой, ты первый посѣтилъ;
Ты усладилъ изгнанья день печальный,
Ты въ день его Лицея превратилъ!»

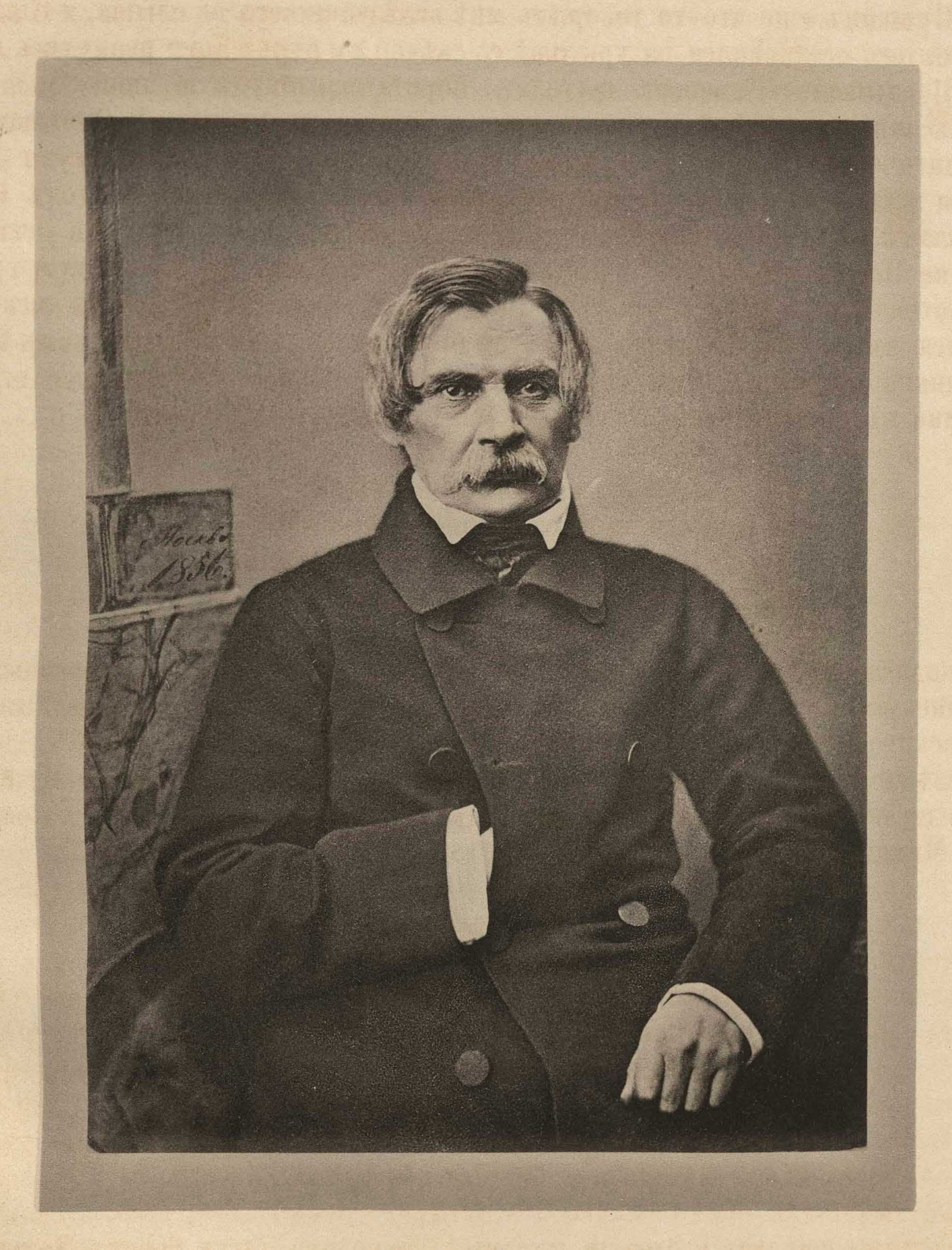
Прилагаемъ здѣсь портретъ И. И. Пущина, обязательно доставленный на пушкинскую выставку племянникомъ покойнаго друга нашего поэта, извѣстнымъ московскимъ докторомъ И. И. Пущинымъ.

Вслѣдъ за Пущинымъ еще двое лицейскихъ товарищей посѣтили Пушкина въ его деревнѣ. Первымъ пріѣхалъ кн. Горчаковъ, случайно попавшій въ окрестности Михайловскаго.

«Ты, Горчаковъ, счастливецъ съ первыхъ дней,
Хвала тебѣ — Фортуны блескъ холодный
Не измѣнилъ души твоей свободной:
Все тотъ же ты для чести и друзей.
Намъ разный путь судьбой назначенъ строгой;
Ступая въ жизнь, мы быстро разошлись,
Но невзначай проселочной дорогой
Мы встрѣтились и братски обнялись».

Третьимъ гостемъ, и едва ли не самымъ дорогимъ, былъ баронъ Дельвигъ. Давно уже Пушкинъ звалъ его къ себѣ и со дня на день ожидалъ его прибы-

*) Атеней 1859 г.

И. И. Пущинъ.

Государственный Канцлеръ Кн. А. М. Горчаковъ.

тія. Наконецъ въ апрѣлѣ 1825 г. Дельвигъ пріѣхалъ. «Какъ я былъ радъ баронову пріѣзду!» пишетъ Пушкинъ брату отъ 22-го апрѣля. «Онъ очень милъ! Наши барышни всѣ въ него влюбились, — а онъ равнодушенъ какъ колода, любитъ лежать на постелѣ, восхищаясь Чигиринскимъ старостою*), — приказываетъ тебѣ кланяться; мысленно тебя цѣлуя 100 разъ, желаетъ тебѣ 1000 хорошихъ вещей (наприм. устрицъ)».

Въ лицейской годовщинѣ Дельвигъ тоже не былъ забытъ:

«Когда постигъ меня судьбины гнѣвъ,
Для всѣхъ чужой, какъ сирота бездомной,
Подъ бурею главой поникъ я томной,
И ждалъ тебя, вѣщунъ пермесскихъ дѣвъ.
И ты пришелъ, сынъ лѣни вдохновенный,
О, Дельвигъ мой! твой голосъ пробудилъ
Сердечный жаръ, такъ долго усыпленный,
И бодро я судьбу благословилъ».

Лѣтомъ 1825 года Тригорское получило для Пушкина особенное значеніе: туда пріѣхала гостить племянница Прасковьи Александровны Осиповой, Анна Петровна Кернъ. Пушкинъ помнилъ свою первую встрѣчу съ m-me Кернъ, которая тогда еще произвела на него сильное впечатлѣніе. Это было въ Петербургѣ, въ домѣ А. Н. Оленина, но тогда блестящая свѣтская красавица, окруженная толпой поклонниковъ, едва обратила вниманіе на девятнадцатилѣтняго мальчика, не отличавшагося ничѣмъ, кромѣ задорныхъ выходокъ и довольно дерзкихъ шутокъ. Теперь обстоятельства измѣнились. Пушкинъ уже не былъ мальчикомъ, слава его гремѣла, имя его съ восторгомъ произносилось по всей Россіи, и вниманіе его было лестно каждой женщинѣ. «Восхищенная Пушкинымъ,» пишетъ А. П. Кернъ въ своихъ воспоминаніяхъ, «я страстно хотѣла увидѣть его, и это желаніе исполнилось во время пребыванія моего въ домѣ тетки моей въ Тригорскомъ, въ 1825 году, въ іюнѣ мѣсяцѣ. Вотъ, какъ это было: мы сидѣли за обѣдомъ и смѣялись надъ привычкою одного г-на Рокотова, повторяющаго безпрестанно: «pardonnez ma franchise, и je tiens beaucoup à votre opinion». Какъ вдругъ вошелъ Пушкинъ съ большой толстой палкой въ рукахъ. Онъ послѣ часто къ намъ являлся во время обѣда, но не садился за столъ; онъ обѣдалъ у себя, гораздо раньше и ѣлъ очень мало. Приходилъ онъ всегда съ большими дворовыми собаками, chien-loup. Тетка, подлѣ которой я сидѣла, мнѣ его представила; онъ очень низко поклонился, но не сказалъ ни слова: робость видна была въ его движеніяхъ. Я тоже не нашлась ничего ему сказать, и мы не скоро ознакомились и заговорили. Да и трудно съ нимъ было вдругъ сблизиться: онъ былъ очень неровенъ въ обращеніи: то шумно веселъ,

*) Изъ поэмы Рылѣева „Наливайко".

то грустенъ, то робокъ, то дерзокъ, то нескончаемо любезенъ, то томительно скученъ—и нельзя было угадать, въ какомъ расположеніи духа онъ будетъ черезъ минуту. Разъ онъ былъ такъ нелюбезенъ, что самъ въ этомъ сознался сестрѣ, говоря: ai-je été assez vulgaire aujourd'hui? Вообще же надо сказать, что онъ не умѣлъ скрывать своихъ чувствъ, выражалъ ихъ всегда искренно, и былъ неописанно хорошъ, когда что-нибудь пріятно волновало его. Такъ, одинъ разъ, мы восхищались его тихою радостью, когда онъ получилъ отъ какого-то помѣщика, при любезномъ письмѣ, охотничій рогъ на бронзовой цѣпочкѣ, который ему нравился. Читая это письмо и любуясь рогомъ, онъ сіялъ удовольствіемъ и повторялъ: charmant! charmant! Когда же онъ рѣшился быть любезнымъ, то ничто не могло сравниться съ блескомъ, остроуміемъ и увлекательностью его рѣчи. Въ одномъ изъ такихъ настроеній, собравши насъ въ кружокъ, разсказалъ сказку про чорта, который ѣздилъ на извощикѣ на Васильевскій островъ. Эту сказку съ его словъ записалъ нѣкто Титовъ и помѣстилъ, кажется, въ «Подснѣжникѣ». Пушкинъ былъ невыразимо милъ, когда задавалъ себѣ тему, угощать и занимать общество. Однажды съ этою цѣлію явился онъ въ Тригорское со своею большою черною книгою, на поляхъ которой были начерчены ножки и головки, и сказалъ, что онъ принесъ ее для меня. Вскорѣ мы усѣлись вокругъ него, и онъ прочиталъ намъ своихъ «Цыганъ». Впервые мы слышали эту чудную поэму, и я никогда не забуду того восторга, который охватилъ мою душу!... Я была въ упоеніи какъ отъ текучихъ стиховъ этой чудной поэмы, такъ и отъ его чтенія, въ которомъ было столько музыкальности, что я истаивала отъ наслажденія; онъ имѣлъ голосъ пѣвучій, мелодическій, и, какъ онъ говорилъ про Овидія въ своихъ цыганахъ, «голосъ шуму водъ подобный»...

«Черезъ нѣсколько дней послѣ этого чтенія, тетушка предложила намъ всѣмъ послѣ ужина прогулку въ Михайловское. Пушкинъ очень обрадовался этому, и мы поѣхали. Погода была чудесная: лунная іюньская ночь дышала прохладой и ароматомъ полей. Мы ѣхали въ двухъ экипажахъ: тетушка съ сыномъ въ одномъ, сестра, Пушкинъ и я въ другомъ. Ни прежде, ни послѣ я не видала его такъ добродушнымъ и любезнымъ. Онъ шутилъ безъ остротъ и сарказмовъ, хвалилъ луну; не называлъ ее «глупою», а говорилъ: j'aime la lune quand elle éclaire un beau visage»; хвалилъ природу и говорилъ, что онъ торжествуетъ, воображая въ ту минуту, будто Александръ Полторацкій остался на крыльцѣ у Олениныхъ, а онъ уѣхалъ со мной: это былъ намекъ на то, какъ онъ завидовалъ при нашей первой встрѣчѣ А. Полторацкому, когда тотъ уѣхалъ со мной. Пріѣхавши въ Михайловское, мы не вошли въ домъ, а пошли прямо въ старый, запущенный садъ — «пріютъ задумчивыхъ дріадъ», съ длинными аллеями старыхъ деревъ, корни которыхъ, сплетаясь, вились по дорожкамъ, что заставляло меня спотыкаться, а моего спутника вздрагивать. Тетушка, пріѣхавши туда вслѣдъ за нами, сказала: Mon cher Pouchkine, faite les honneurs de votre jardin à madame. Онъ быстро подалъ мнѣ руку и побѣжалъ

скоро, скоро, какъ ученикъ, неожиданно получившій позволеніе прогуляться. Подробностей разговора нашего не помню; онъ вспомнилъ нашу первую встрѣчу у Олениныхъ, выражался о ней увлекательно-восторженно и въ концѣ разговора сказалъ: vous aviez un air si virginal; n'est ce pas que vous aviez sur vous quelque chose comme une croix?»...

Мудрено ли, что встрѣча съ красавицей произвела на Пушкина опьяняющее дѣйствіе. Въ его сердцѣ вспыхнула любовь, не похожая на тѣ полушуточныя увлеченія, которыми онъ платилъ долгъ красотѣ тригорскихъ барышенъ. Это была страсть безумная и необузданная, на которую только способна была африканская натура поэта, страсть со всѣми ея порывами, сомнѣніями, восторгами и страданіями. Чтобы убѣдиться въ этомъ, стоитъ только прослѣдить тѣ бѣшеные скачки отъ безграничной нѣжности къ упрекамъ, ревности, почти ненависти, которыми переполнены письма Пушкина къ Аннѣ Петровнѣ Кернъ. Мы не будемъ приводить здѣсь этихъ писемъ, которыя уже много разъ появлялись въ печати: выдержки объясняли бы слишкомъ мало, а приводить всю переписку цѣликомъ не позволяетъ намъ мѣсто.

Пребываніе Анны Петровны въ Тригорскомъ длилось не долго. Прасковья Александровна, зная необузданность поэта и испуганная бѣшенствомъ его страсти, поспѣшила увезти племянницу къ ея супругу, Ермолаю Ѳедоровичу Кернъ, который въ это время находился въ Ригѣ.

....«Я должна была уѣхать въ Ригу вмѣстѣ съ сестрою, Анною Николаевною Вульфъ», говоритъ Анна Петровна въ своихъ запискахъ. «Онъ (Пушкинъ) пришелъ рано утромъ и на прощанье принесъ мнѣ экземпляръ 2-й главы Онѣгина, въ неразрѣзанныхъ листкахъ, между которыми я нашла вчетверо сложенный почтовый листъ бумаги со стихами:

«Я помню чудное мгновенье:
Передо мной явилась ты,
Какъ мимолетное видѣнье,
Какъ геній чистой красоты»—и т. д.

Когда я собиралась спрятать въ шкатулку поэтическій подарокъ, онъ долго на меня смотрѣлъ, потомъ судорожно выхватилъ и не хотѣлъ возвращать; насилу выпросила я ихъ опять; что у него промелькнуло тогда въ головѣ, не знаю»...

Молодая женщина уѣхала, и съ тѣхъ поръ отношенія ея съ поэтомъ долгое время поддерживались одной порепиской. Анна Петровна пережила своего восторженнаго обожателя. Она умерла въ Москвѣ за годъ до открытія памятника Пушкину. По поводу ея смерти уже успѣла сложиться легенда. Разсказываютъ, что Анна Петровна лежала при смерти въ одномъ изъ домовъ той улицы, по которой должны были провозить мраморную глыбу, предназначенную для пьедестала статуи Пушкина. Когда камень поровнялся съ домомъ, гдѣ лежала умирающая женщина, онъ вдругъ безъ всякой причины съ ужаснымъ трескомъ

разсѣлся пополамъ. Выведенная изъ забытья необычайнымъ шумомъ, больная спросила, что это значитъ. Ей объяснили. Услышавъ имя Пушкина, она какъ будто на мгновенье оживилась, проговорила: «пора и мнѣ къ нему», и съ этими словами скончалась.

Съ отъѣздомъ Прасковьи Александровны и ея семейства Тригорское опустѣло. Пушкинъ остался въ полномъ одиночествѣ. Приближалась осень, время наиболѣе располагавшее Пушкина къ поэтическимъ трудамъ. Сосѣдей, отвлекавшихъ его отъ занятій, не было, и онъ принялся за работу. Осенью 1825 г. онъ пишетъ кн. Вяземскому:

«Поздравляю тебя, моя радость, съ романтическою трагедіей, въ ней же первая персона Борисъ Годуновъ! Трагедія моя кончена. Я перечелъ ее вслухъ одинъ и билъ въ ладоши, и кричалъ: ай да Пушкинъ! ай да.... Юродивый мой— малый презабавный; Марина тебѣ понравится, ибо она полька и собою преизрядна (въ родѣ К. О.—сказывалъ это я тебѣ?) Прочіе также очень милы, кромѣ капитана Маржерета, который все сквернословитъ; цензура его не пропуститъ. Жуковскій говоритъ, что царь меня проститъ за трагедію. Наврядъ, мой милый! Хоть она и въ хорошемъ духѣ писана, да никакъ не могъ упрятать всѣхъ моихъ ушей подъ колпакъ юродиваго: торчатъ!»...

«Борисъ Годуновъ» былъ любимымъ произведеніемъ Пушкина. Увлеченный величіемъ Шекспирова генія, Пушкинъ давно уже лелѣялъ мысль примѣнить законы искусства, указанные Шекспиромъ, къ русской національной трагедіи. Мысли и замѣчанія по этому поводу, разбросанныя въ его письмахъ, запискахъ и статьяхъ, показываютъ ясно, какому зрѣлому обсужденію подвергались нашимъ поэтомъ требованія драматическаго искусства. «Правдоподобіе положеній, истина разговора—вотъ настоящіе законы трагедіи,» пишетъ онъ по поводу Бориса Годунова. «Я не читалъ ни Кальдерона, ни Вегу, но что за человѣкъ Шекспиръ! Я не могу опомниться отъ удивленія. Какъ ничтоженъ передъ нимъ Байронъ-трагикъ, Байронъ, во всю свою жизнь понявшій только одинъ характеръ—именно свой собственный (женщины не имѣютъ характера, онѣ имѣютъ страсти въ молодости—отъ того не трудно выводить ихъ). И вотъ Байронъ одному лицу далъ свою гордость, другому ненависть, третьему меланхолическое настроеніе; такимъ образомъ изъ одного полнаго, мрачнаго и энергическаго характера вышло у него множество незначительныхъ характеровъ. Развѣ это трагедія?»

«Существуетъ и еще заблужденіе. Придумавъ разъ какой-нибудь характеръ, писатель старается высказать его въ самыхъ обыкновенныхъ вещахъ, наподобіе моряковъ и педантовъ въ старыхъ романахъ Фильдинга. Злодѣй говоритъ: *дайте мнѣ пить,* какъ злодѣй—а это смѣшно. Вспомните Байронова Озлобленнаго: Ha pagato! (Онъ заплатилъ!). Это однообразіе, этотъ придуманный лаконизмъ и безпрерывная ярость—все это далеко отъ природы. Отсюда неловкость разговора и бѣдность его. Но разверните Шекспира. Никогда не выдастъ онъ своего дѣйствующаго лица преждевременно. Оно гово-

ритъ у него со всею беззаботностью жизни, потому что въ данную минуту, въ настоящее время, поэтъ уже знаетъ, какъ заставить его говорить, сообразно характеру, имъ выражаемому»...

Таковы были законы драматическаго искусства, выведенные Пушкинымъ изъ изученія Шекспира и которые онъ старался перенести на русскую почву. «Признаюсь искренно», писалъ онъ позднѣе, «неуспѣхъ драмы моей огорчилъ бы меня, ибо я твердо увѣренъ, что нашему театру приличны народные законы драмы Шекспировой, а не свѣтскій обычай трагедіи Расина, и что всякій неудачный опытъ можетъ замедлить преобразованіе нашей сцены».

Рядомъ съ созданіемъ трагедіи идутъ и многія другія работы Пушкина. Онъ съ любовію продолжаетъ «Онѣгина», котораго доводитъ въ Михайловскомъ приблизительно до 7-й главы; осенью же пишетъ онъ стихотвореніе на 19-е октября 1825 г.; около того же времени занимается онъ «Графомъ Нулинымъ». Кромѣ того мысли его заняты чисто практическими соображеніями по поводу задуманнаго перваго изданія его стихотвореній. Переписка его съ братомъ и друзьями, помогавшими ему въ этомъ дѣлѣ, свидѣтельствуетъ о заботливости, съ какою относился онъ къ своимъ произведеніямъ, готовящимся предстать предъ судомъ публики. Въ такихъ занятіяхъ проходила осень.

Между тѣмъ въ Петербургѣ совершались событія исторической важности. Смерть Государя Александра Павловича дала толчокъ уже давно подготовлявшейся смутѣ. Наступило 14-е декабря. Вѣсть о петербургскихъ волненіяхъ дошла наконецъ и до михайловскаго изгнанника. Пушкинъ проводилъ вечеръ въ Тригорскомъ, хозяева котораго уже возвратились изъ своего путешествія. Вдругъ докладываютъ, что поваръ Прасковьи Александровны, посланный на-дняхъ въ Петербургъ за покупками, внезапно возвратился, разсказалъ, что въ Петербургъ нѣтъ проѣзду, что тамъ бунтъ, и въ городъ никого не пускаютъ. Услыхавъ это, Пушкинъ страшно поблѣднѣлъ и немедленно уѣхалъ домой. Семейное преданіе разсказываетъ, что только суевѣріе удержало Пушкина отъ немедленной поѣздки въ Петербургъ, которая могла бы привести его къ окончательной гибели. Какъ бы то ни было, дурныя ли примѣты остановили Пушкина отъ безразсудной поѣздки, или хладнокровное размышленіе остудило его первоначальный пылъ,—но онъ остался въ Михайловскомъ и сталъ выжидать удобнаго случая, чтобы заявить о своемъ существованіи. Обстоятельства, казалось, способствовали тому, чтобы Пушкинъ былъ наконецъ прощенъ. Новое правительство не могло имѣть никакого неудовольствія на присмирѣвшаго поэта; отзывы мѣстнаго начальства, внимательно слѣдившаго за нимъ, были самые успокоительные. Слѣдствіе надъ декабристами показало ясно, что Пушкинъ не былъ причастенъ къ замысламъ. Несмотря на все это, освобожденіе Пушкина затянулось почти на цѣлый годъ. Послѣ многочисленныхъ писемъ Жуковскому и другимъ друзьямъ своимъ съ просьбами о ходатайствѣ, послѣ нѣсколькихъ попытокъ доставить черезъ посредство Жуковскаго просьбу самому Государю, Пушкинъ рѣшился наконецъ дѣйствовать инымъ путемъ. Онъ написалъ соб-

ственноручно просьбу на Высочайшее имя и представилъ ее губернатору Адеркасу. Содержаніе просьбы было слѣдующее:

«Всемилостивѣйшій Государь!

Въ 1824 году, имѣвъ несчастіе заслужить гнѣвъ покойнаго Императора легкомысленнымъ сужденіемъ касательно аѳеизма, изложеннымъ въ одномъ письмѣ, я былъ выключенъ изъ службы и сосланъ въ деревню, гдѣ и нахожусь подъ надзоромъ губернскаго начальства.

Нынѣ съ надеждой на великодушіе Вашего Императорскаго Величества, съ истиннымъ раскаяніемъ и съ твердымъ намѣреніемъ не противорѣчить моими мнѣніями общепринятому порядку (въ чемъ готовъ обязаться подпиской и честнымъ словомъ), рѣшился я прибѣгнуть къ Вашему Императорскому Величеству со всеподданнѣйшею моею просьбою. Здоровье мое, разстроенное въ первой молодости, и родъ аневризма давно уже требуютъ постояннаго лѣченія, въ чемъ и представляю свидѣтельство медиковъ: осмѣливаюсь всеподданнѣйше просить позволенія ѣхать для сего или въ Москву, или въ Петербургъ, или въ чужіе края.

Всемилостивѣйшій Государь,
Ваше Императорское Величество,
Вѣрноподданный

Александръ Пушкинъ.»

Къ прошенію приложено было обязательство не принадлежать къ тайнымъ обществамъ и заявленіе, не только что и прежде проситель—къ тайному обществу не принадлежалъ, но даже и не зналъ о его существованіи. Кромѣ того приложено было формальное медицинское свидѣтельство Псковской врачебной управы, удостовѣряющее, что коллежскій секретарь А. С. Пушкинъ, «дѣйствительно имѣетъ на нижнихъ конечностяхъ, а въ особенности въ правой голени, повсемѣстное расширеніе крововозвратныхъ жилъ (varicositas totius cruris dextri), отъ чего г. коллежскій секретарь Пушкинъ затрудненъ въ движеніи вообще». Отправивъ прошеніе, Пушкинъ возвратился въ деревню и сталъ ожидать результатовъ своего ходатайства.

Между тѣмъ настало лѣто. Тригорское снова оживилось. Давно жданный поэтъ Языковъ наконецъ собрался посѣтить семью своего друга и товарища А. Н. Вульфа. Свѣжій, румяный, русокудрый, голубоокій юноша, дышавшій избыткомъ жизненныхъ силъ—таковъ былъ Языковъ, по описанію г. Семевскаго (Р. Архивъ, 1867). Такимъ же представляется онъ и на прилагаемомъ портретѣ*).

---

*) Оригиналъ, рисованный масляными красками, обязательно доставленъ былъ на Пушкинскую выставку Д. М. Погодинымъ.

Языковъ явился въ Тригорское, уже предшествуемый славой, озарившей его юношескія произведенія. Пушкинъ, не зная его лично, уже былъ знакомъ съ нимъ по его стихамъ, любилъ его и предрекалъ ему блестящую будущность. Населеніе Тригорскаго привѣтствовало юнаго поэта съ обычнымъ радушіемъ. До самой смерти своей Языковъ вспоминалъ съ умиленіемъ дни, проведенные въ Тригорскомъ. Онъ говорилъ, что это время было счастливѣйшимъ въ его жизни. Оба поэта очень скоро сошлись и полюбили другъ друга. Въ обществѣ радушныхъ хозяекъ Тригорскаго, среди забавъ и развлеченій всякаго рода, въ остроумныхъ затѣяхъ и вдохновенныхъ бесѣдахъ друзей-поэтовъ лѣто прошло незамѣтно. Языковъ все время былъ въ какомъ-то счастливомъ настроеніи духа: онъ по цѣлымъ часамъ декламировалъ оживленные, дышащіе нѣгой и силой стихи. Пушкинъ съ наслажденіемъ внималъ вдохновенному пѣвцу свободы, вина и грацій. Нѣсколько прелестныхъ стихотвореній Языкова посвящены воспоминанію этого лѣта, проведеннаго въ обществѣ Пушкина. Таково напримѣръ посланіе его къ Пушкину, гдѣ онъ съ восторгомъ вспоминаетъ ихъ дружескія бесѣды, подогрѣтыя вдохновительнымъ ромомъ:

«О ты, чья дружба мнѣ дороже
Привѣтовъ ласковой молвы,
Милѣе дѣвицы пригожей,
Святѣе всякой головы!
Огнемъ стиховъ ознаменую
Тѣ достохвальные края
И ту годину золотую,
Гдѣ и когда мы — ты да я —
Два сына Руси православной,
Постановили своенравно
Нашъ поэтическій союзъ.
Пророкъ изящнаго, забуду-ль,
Какъ волновалася во мнѣ
На самой сердца глубинѣ
Восторговъ пламенная удаль,
Когда могущественный ромъ
Съ плодами сладостной Мессины,
Съ немного сахара, съ виномъ,
Переработанный огнемъ,
Лился въ стаканы-исполины;
Какъ мы, бывало, пьемъ да пьемъ,
Творимъ обѣты нашей Гебѣ,
Зовемъ свободу въ нашу Русь —
И я на вѣчѣ, я на небѣ!
И славой прадѣдовъ горжусь!» и т. д.

Въ другомъ стихотвореніи, написанномъ черезъ годъ послѣ посѣщенія Тригорскаго и посвященномъ П. А. Осиповой, Языковъ слѣдующимъ образомъ вспоминаетъ берега Сороти и своего друга-поэта:

«Благодарю васъ за цвѣты,
Они священны мнѣ: порою
На нихъ задумчиво покою
Мои любимыя мечты.
Они плѣнительно и живо
Тѣ дни напоминаютъ мнѣ,
Когда на волѣ, въ тишинѣ,
Съ моей Каменою лѣнивой
Я своенравно отдыхалъ
Вдали удушливаго свѣта,
И вдохновеннаго поэта
Къ груди кипучей прижималъ.
И нынѣ съ грустью безутѣшной
Мои желанія летятъ
Въ тотъ край возвышенныхъ отрадъ
Свободы милой и безгрѣшной.
И часто вижу я во снѣ:
И три горы и домъ красивый,
И свѣтлой Сороти извивы
Златаго мѣсяца въ огнѣ,
И тамъ, у берега, тѣнь ивы...
И тѣ отлогости, тѣ нивы,
Изъ-за которыхъ, вдалекѣ
На ворономъ аргамакѣ,
Заморской шляпою покрытый,
Спѣша въ Тригорское, одинъ—
Вольтеръ и Гёте и Расинъ—
Являлся Пушкинъ знаменитый». И т. д.

По замѣчанію А. Н. Вульфа*), стихотворное это изображеніе Пушкина нѣсколько грѣшитъ противъ истины, такъ какъ Пушкинъ появлялся вовсе не на ворономъ аргамакѣ, а просто на старой клячѣ...

Покуда Пушкинъ наслаждался обществомъ Языкова, прошеніе его получило надлежащій ходъ. Оно было доложено Государю, и 28-го августа состоялась слѣдующая резолюція, записанная начальникомъ главнаго штаба Е. И. В., барономъ Дибичемъ:

---

*) Р. Старина, 1870.

Н. М. Языковъ

Въ другомъ стихотвореніи, написанномъ черезъ годъ послѣ посѣщенія Тригорскаго и посвященномъ П. А. Осиповой, Языковъ слѣдующимъ образомъ вспоминаетъ берега Сороти и своего друга-поэта:

«Благодарю васъ за цвѣты,
Они священны мнѣ: порою
На нихъ задумчиво покою
Мои любимыя мечты.
Они плѣнительно и живо
Тѣ дни напоминаютъ мнѣ,
Когда на волѣ, въ тишинѣ,
Съ моей Каменою лѣнивой
Я своенравно отдыхалъ
Вдали удушливаго свѣта.
И вдохновеннаго поэта
Къ груди кипучей прижималъ.
И нынѣ съ грустью безутѣшной
Мои желанія летятъ
Въ тотъ край возвышенныхъ отрадъ
Свободы милой и безгрѣшной.
И часто вижу я во снѣ:
И три горы и домъ красивый,
И свѣтлой Сороти извивы
Златаго мѣсяца въ огнѣ,
И тамъ, у берега, тѣнь ивы...
И тѣ отлогости, тѣ нивы,
Изъ-за которыхъ, вдалекѣ
На ворономъ аргамакѣ,
Заморской шляпою покрытый,
Спѣша въ Тригорское, одинъ —
Вольтеръ и Гёте и Расинъ —
Являлся Пушкинъ знаменитый». И т. д.

По замѣчанію А. Н. Вульфа*), стихотворное это изображеніе Пушкина нѣсколько грѣшитъ противъ истины, такъ какъ Пушкинъ появлялся вовсе не на ворономъ аргамакѣ, а просто на старой клячѣ...

Покуда Пушкинъ наслаждался обществомъ Языкова, прошеніе его получило надлежащій ходъ. Оно было доложено Государю, и 28-го августа состоялась слѣдующая резолюція, записанная начальникомъ главнаго штаба Е. И. В., барономъ Дибичемъ:

---

*) Р. Старина, 1870.

Н. М. Языковъ.

«Высочайше повелѣно Пушкина призвать сюда. Для сопровожденія его командировать фельдъегеря. Пушкину дозволяется ѣхать въ своемъ экипажѣ свободно, подъ надзоромъ фельдъегеря, не въ видѣ арестанта. Пушкину прибыть прямо ко мнѣ. Писать о семъ Псковскому гражданскому губернатору. 28 августа».

Рано утромъ, 4-го сентября, въ Тригорское прибѣжала запыхавшаяся и встревоженная няня Пушкина, Арина Родіоновна. Она плакала навзрыдъ и съ трудомъ могла объяснить причину своего волненія. Оказалось, что наканунѣ подъ вечеръ въ Михайловское прискакалъ «какой-то не то офицеръ, не то солдатъ» и объявилъ Пушкину приказъ немедленно ѣхать съ нимъ въ Москву. Испуганный Пушкинъ едва успѣлъ захватить деньги и накинуть шинель. Черезъ полчаса его уже не было. Въ Псковѣ онъ получилъ успокоительное извѣстіе о своей участи и немедленно же пустился въ дальнѣйшій путь. Дорога длилась 4 дня, и 8-го сентября 1826-го года исполнилось наконецъ страстное желаніе Пушкина: онъ въѣхалъ въ столицу.

VII.

ПЕРЕДЪ ЖЕНИТЬБОЙ.

Мой путь унылъ. Сулитъ мнѣ трудъ и горе
Грядущаго волнуемое море.

Пушкинъ.

Свиданіе Пушкина съ Государемъ Николаемъ Павловичемъ состоялось тотчасъ же по пріѣздѣ поэта въ Москву. Не успѣвъ отдохнуть послѣ долгаго путешествія, не успѣвъ даже скинуть дорожнаго платья, онъ былъ потребованъ во дворецъ. Государь принялъ Пушкина очень милостиво, долго разговаривалъ съ нимъ и между прочимъ спросилъ, принялъ ли бы онъ участіе въ декабрьской смутѣ, если бъ находился въ Петербургѣ.

— «Безъ сомнѣнія, Ваше Величество», отвѣчалъ поэтъ: «всѣ друзья мои были участниками заговора, и я не могъ бы отъ него уклониться. Только отсутствіе спасло меня, и я благодарю за то Небо».

— «Ты надѣлалъ довольно глупостей», возразилъ Государь: «надѣюсь, что теперь ты будешь благоразумнѣе, и мы больше ссориться не будемъ. Ты будешь присылать ко мнѣ все, что сочинишь. Съ этихъ поръ я самъ буду твоимъ цензоромъ»,

Бесѣда продолжалась въ томъ же духѣ.

Ободренный снисходительностью Государя, Пушкинъ дѣлался все болѣе и болѣе свободенъ въ разговорѣ; наконецъ дошло до того, что онъ незамѣтно для себя самого приперся къ столу, который былъ позади его, и почти сѣлъ на этотъ столъ. Государь быстро отвернулся отъ Пушкина и потомъ говорилъ: «Съ поэтомъ нельзя быть милостивымъ» *).

Преданіе сохранило и еще одну подробность этого свиданія. Говорятъ, что во время бесѣды Государь спросилъ Пушкина, нѣтъ ли при немъ какого-нибудь новаго его произведенія. Пушкинъ обшарилъ свои карманы, но ничего не нашелъ. Выйдя отъ Государя, онъ увидалъ на лѣстницѣ клочокъ бумаги, поднялъ его и съ ужасомъ узналъ одно изъ своихъ вольныхъ стихотвореній, которое, по всей вѣроятности, выпало изъ его кармана, когда онъ вынималъ платокъ, поднимаясь по лѣстницѣ. По свидѣтельству нѣкоторыхъ, листокъ за-

*) Р. Старина. 1874 г. „А. С. П., новые матеріалы“.

ключалъ стихи къ друзьямъ, сосланнымъ въ Сибирь; по другому свидѣтельству — это былъ первоначальный текстъ «Пророка».

Обласканный Государемъ, Пушкинъ воспрянулъ духомъ. Ему показалось, что оковы, такъ долго тяготившія его, наконецъ упали, и онъ почувствовалъ себя самостоятельнымъ человѣкомъ. Но скоро пришлось разочароваться. Оказалось, что Государь въ своихъ сношеніяхъ съ Пушкинымъ избралъ посредникомъ шефа жандармовъ, главнаго начальника грознаго въ то время Третьяго Отдѣленія Собственной Его Величества Канцеляріи, генералъ-адъютанта Александра Христофоровича Бенкендорфа.

Бенкендорфъ, по отзывамъ современниковъ, былъ человѣкъ добрый, но совершенно равнодушный къ просвѣщенію и не питавшій ни малѣйшаго сочувствія къ литературѣ. При кажущейся мягкости пріемовъ онъ относился въ сущности весьма жестко и недоброжелательно къ литературному міру, не щадя и цензурнаго вѣдомства.

Служебная карьера Бенкендорфа началась при Императорѣ Павлѣ, и началась блестящимъ образомъ. Въ 1798 году Бенкендорфъ вступилъ въ лейбъ-гвардіи Семеновскій полкъ унтеръ-офицеромъ и въ томъ же году произведенъ въ прапорщики, съ назначеніемъ въ флигель-адъютанты къ Его Императорскому Величеству. Находясь въ военной службѣ, онъ участвовалъ въ нѣсколькихъ походахъ и сраженіяхъ. Въ 1804 году командированъ въ Корфу, гдѣ формировалъ легіоны изъ суліотовъ и албанцевъ. Въ 1811 году былъ за Дунаемъ въ первой аттакѣ крѣпости Силистріи и въ другихъ дѣлахъ при ея блокадѣ. Въ 1814 году при переправѣ черезъ Рейнъ посланъ съ отрядомъ въ Эпернэ, откуда вытѣснилъ непріятеля и взялъ въ плѣнъ до четырехсотъ человѣкъ. Въ турецкую войну находился въ Валахіи при осадѣ крѣпости Браилова; при переправѣ русскихъ войскъ черезъ Дунай «былъ въ дѣйствительномъ сраженіи». Участвовалъ въ отечественной войнѣ, и въ 1812 году за отличіе въ сраженіи произведенъ въ генералъ-маіоры. Въ 1826 году, будучи генералъ-адъютантомъ и генералъ-лейтенантомъ, назначенъ шефомъ жандармовъ, командующимъ Императорскою главною квартирой и главнымъ начальникомъ Третьяго Отдѣленія Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи.

Истинный представитель «желѣзнаго вѣка», полагавшій, что усердіе и безусловная покорность несравненно выше всѣхъ добродѣтелей и талантовъ, Бенкендорфъ питалъ инстинктивное отвращеніе ко всякаго рода свободѣ, и всего пуще — къ свободѣ мысли и слова*). Намѣренія Государя касательно Пушкина онъ истолковалъ по-своему. Помня юношескіе проступки Пушкина, онъ взглянулъ на него какъ на человѣка политически-неблагонадежнаго, отъ котораго каждую минуту можно ожидать неожиданнаго, и счелъ своимъ долгомъ взять его подъ свою опеку. Тридцатаго сентября онъ обратился къ Пушкину съ слѣдующимъ письмомъ:

---

*) Истор. Вѣстникъ 1884 г. № 1. Императоръ Николай и Пушкинъ, Сухомлинова.

«Милостивый государь Александръ Сергѣевичъ!

Я ожидалъ пріѣзда вашего, чтобы объявить Высочайшую волю по просьбѣ Вашей; но, отправляясь теперь въ С.-Петербургъ и не надѣясь видѣть здѣсь, честь имѣю увѣдомить, что Государь Императоръ не только не запрещаетъ пріѣзда Вамъ въ столицу, но предоставляетъ совершенно на Вашу волю, съ тѣмъ только, чтобы предварительно испрашивали разрѣшенія чрезъ письмо.

Его Величество совершенно остается увѣреннымъ, что Вы употребите отличныя способности Ваши на переданіе потомству славы нашего отечества, передавъ вмѣстѣ безсмертію имя Ваше. Въ сей увѣренности, Его Императорскому Величеству благоугодно, чтобы Вы занялись предметами о воспитаніи юношества. Вы можете употребить весь досугъ; Вамъ предоставляется совершенная и полная свобода — когда и какъ представить Ваши мысли и соображенія, и предметъ сей долженъ представить Вамъ тѣмъ обширнѣйшій кругъ, что на опытѣ видѣли совершенно всѣ пагубныя послѣдствія ложной системы воспитанія.

Сочиненій Вашихъ никто разсматривать не будетъ: на нихъ нѣтъ никакой цензуры. Государь Императоръ самъ будетъ и первымъ цѣнителемъ произведеній Вашихъ и цензоромъ. Объявляя Вамъ сію Монаршую волю, честь имѣю присовокупить, что какъ сочиненія Ваши, такъ и письма можете для представленія Его Величеству доставлять ко мнѣ; но, впрочемъ, отъ Васъ зависитъ и прямо адресовать на Высочайшее имя.

Примите при семъ увѣреніе въ истинномъ почтеніи и преданности, съ которыми честь имѣю быть, милостивый государь, Вашимъ покорнѣйшимъ слугою. — А. Бенкендорфъ».

Несмотря на строгій гувернерскій тонъ и попреки прежними грѣхами, Пушкинъ не понялъ настоящаго смысла письма Бенкендорфа. Находясь подъ свѣжимъ еще впечатлѣніемъ милостиваго пріема Государя, онъ обратилъ такъ мало вниманія на это письмо, что даже не удостоилъ его отвѣтомъ, и продолжалъ съ яснымъ духомъ наслаждаться свободой и увеселеніями столицы, ликовавшей по случаю коронаціи.

Москва съ искреннею радостью привѣтствовала прибытіе Пушкина. Въ самый день его пріѣзда былъ балъ у герцога Девонширскаго, гдѣ присутствовалъ и Государь. «Знаешь-ли», сказалъ онъ, обращаясь къ гр. Блудову, «что я нынче долго говорилъ съ умнѣйшимъ человѣкомъ въ Россіи». На вопросительное недоумѣнье гр. Блудова Николай Павловичъ назвалъ Пушкина. Съ многолюднаго бала вѣсть о пріѣздѣ поэта облетѣла всю Москву.

Вся читающая публика съ восторгомъ встрѣтила возвращеніе изгнанника. Старые друзья спѣшили повидать его; незнакомые старались съ нимъ познакомиться. Великосвѣтскіе салоны радушно открыли ему свои двери. Литературныя сборища стали многолюднѣе: всякій спѣшилъ на нихъ въ надеждѣ увидѣть Пушкина.

ГРАФЪ

А. Х Бенкендорфъ.

Окруженный многочисленными поклонниками и отуманенный ихъ восторженными похвалами, поэтъ очень скоро забылъ всякую осторожность. Жадное любопытство друзей къ его новымъ, еще неизвѣстнымъ произведеніямъ кружило ему голову, и онъ съ удовольствіемъ поддавался ихъ просьбамъ и дѣлился съ ними неизданными сокровищами своего портфеля. Такъ на одномъ изъ вечеровъ С. А. Соболевскаго, въ присутствіи Д. В. Веневитинова, гр. М. Ю. Вьельгорскаго, И. В. Кирѣевскаго и П. Я. Чаадаева, онъ прочелъ своего «Бориса Годунова». Черезъ нѣсколько дней чтеніе это повторилось въ кружкѣ университетскихъ молодыхъ ученыхъ: Шевырева, Погодина и др., съ которыми Пушкинъ сошелся чрезъ кн. Вяземскаго и поэта Веневитинова.

«Октября 12, поутру», разсказываетъ г. Погодинъ въ своихъ «Воспоминаніяхъ»*), «спозаранку мы собрались всѣ къ Веневитинову (между Мясницкою и Покровкою, на повороте къ Армянскому переулку) и съ трепещущимъ сердцемъ ожидали Пушкина. Въ 12 часовъ онъ явился.

Какое дѣйствіе произвело на всѣхъ насъ это чтеніе, передать невозможно. До сихъ поръ еще, а этому прошло почти 40 лѣтъ, кровь приходитъ въ движеніе при одномъ воспоминаніи. Надо припомнить, — мы собрались слушать Пушкина, воспитанные на стихахъ Ломоносова, Державина, Хераскова, Озерова, которыхъ всѣ мы знали наизусть. Учителемъ нашимъ былъ Мерзляковъ. Надо припомнить и образъ чтенія стиховъ, господствовавшій въ то время. Это былъ распѣвъ, завѣщанный французскою декламаціей, которой мастеромъ считался Кокошкинъ и послѣднимъ представителемъ былъ въ наше время графъ Блудовъ. Наконецъ надо представить себѣ самую фигуру Пушкина. Ожиданный нами величавый жрецъ искусства — это былъ средняго роста, почти низенькій человѣчекъ, вертлявый, съ длинными, нѣсколько курчавыми по концамъ волосами, безъ всякихъ притязаній, съ живыми быстрыми глазами, съ тихимъ, пріятнымъ голосомъ, въ черномъ сюртукѣ, въ темномъ жилетѣ, застегнутомъ наглухо, въ небрежно подвязанномъ галстухѣ. Вмѣсто высокопарнаго языка боговъ мы услышали простую, ясную, обыкновенную и между тѣмъ піитическую, увлекательную рѣчь!

Первыя явленія выслушаны тихо и спокойно, или, лучше сказать, въ какомъ-то недоумѣніи. Но чѣмъ дальше, тѣмъ ощущенія усиливались. Сцена лѣтописателя съ Григоріемъ всѣхъ ошеломила. Мнѣ показалось, что мой родной и любезный Несторъ поднялся изъ могилы и говоритъ устами Пимена, мнѣ послышался живой голосъ русскаго древняго лѣтописателя. А когда Пушкинъ дошелъ до разсказа о посѣщеніи Кириллова монастыря Іоанномъ Грознымъ, о молитвѣ иноковъ, «да ниспошлетъ Господь покой его душѣ страдающей и бурной», мы просто какъ-будто обезпамятѣли. Кого бросало въ жаръ, кого въ ознобъ. Волосы становились дыбомъ. Не стало силъ воздерживаться.

*) Р. Архивъ 1865 г. № 1.

ГРАФЪ

А. Х Бенкендорфъ.

Окруженный многочисленными поклонниками и отуманенный ихъ восторженными похвалами, поэтъ нашъ скоро забылъ всякую осторожность. Жадное любопытство друзей къ его новымъ, еще неизвѣстнымъ произведеніямъ кружило ему голову, и онъ съ удовольствіемъ поддавался ихъ просьбамъ и дѣлился съ ними неизданными сокровищами своего портфеля. Такъ на одномъ изъ вечеровъ С. А. Соболевскаго, въ присутствіи Д. В. Веневитинова, гр. М. Ю. Вьельгорскаго, И. В. Кирѣевскаго и П. Я. Чаадаева, онъ прочелъ своего «Бориса Годунова». Черезъ нѣсколько дней чтеніе это повторилось въ кружкѣ университетскихъ молодыхъ ученыхъ: Шевырева, Погодина и др., съ которыми Пушкинъ сошелся чрезъ кн. Вяземскаго и поэта Веневитинова.

«Октября 12, поутру», разсказываетъ г. Погодинъ въ своихъ «Воспоминаніяхъ»*), «спозаранку мы собрались всѣ къ Веневитинову (между Мясницкою и Покровкою, на поворотѣ къ Армянскому переулку) и съ трепещущимъ сердцемъ ожидали Пушкина. Въ 12 часовъ онъ явился.

Какое дѣйствіе произвело на всѣхъ насъ это чтеніе, передать невозможно. До сихъ поръ еще, а этому прошло почти 40 лѣтъ, кровь приходитъ въ движеніе при одномъ воспоминаніи. Надо припомнить, — мы собрались слушать Пушкина, воспитанные на стихахъ Ломоносова, Державина, Хераскова, Озерова, которыхъ всѣ мы знали наизусть. Учителемъ нашимъ былъ Мерзляковъ. Надо припомнить и образъ чтенія стиховъ, господствовавшій въ то время. Это былъ распѣвъ, завѣщанный французскою декламаціей, которой мастеромъ считался Кокошкинъ и послѣднимъ представителемъ былъ въ наше время графъ Блудовъ. Наконецъ надо представить себѣ самую фигуру Пушкина. Ожиданный нами величавый жрецъ искусства — это былъ средняго роста, почти низенькій человѣчекъ, вертлявый, съ длинными, нѣсколько курчавыми по концамъ волосами, безъ всякихъ притязаній, съ живыми быстрыми глазами, съ тихимъ, пріятнымъ голосомъ, въ черномъ сюртукѣ, въ темномъ жилетѣ, застегнутомъ наглухо, въ небрежно подвязанномъ галстухѣ. Вмѣсто высокопарнаго языка боговъ, мы услышали простую, ясную, обыкновенную и между тѣмъ піитическую, увлекательную рѣчь!

Первыя явленія выслушаны тихо и спокойно, или, лучше сказать, въ какомъ-то недоумѣніи. Но чѣмъ дальше, тѣмъ ощущенія усиливались. Сцена лѣтописателя съ Григоріемъ всѣхъ ошеломила. Мнѣ показалось, что мой родной и любезный Несторъ поднялся изъ могилы и говоритъ устами Пимена, мнѣ послышался живой голосъ русскаго древняго лѣтописателя. А когда Пушкинъ дошелъ до разсказа о посѣщеніи Кириллова монастыря Іоанномъ Грознымъ, о молитвѣ иноковъ, «да ниспошлетъ Господь покой его душѣ страдающей и бурной», мы просто какъ-будто обезпамятѣли. Кого бросало въ жаръ, кого въ ознобъ. Волосы становились дыбомъ. Не стало силъ воздерживаться.

---

*) Р. Архивъ 1865 г. № 1.

Кто вдругъ вскочитъ съ мѣста, кто вскрикнетъ, То молчаніе, то взрывъ восклицаній; напримѣръ при стихахъ Самозванца:

Тѣнь Грознаго меня усыновила,
Димитріемъ изъ гроба нарекла,
Вокругъ меня народы возмутила
И въ жертву мнѣ Бориса обрекла.

Кончилось чтеніе. Мы смотрѣли другъ на друга долго и потомъ бросились къ Пушкину. Начались объятія, поднялся шумъ, раздался смѣхъ, полились слезы, поздравленія. Эванъ, эвое, дайте чаши! Явилось шампанское, и Пушкинъ одушевился, видя такое свое дѣйствіе на избранную молодежь. Ему было пріятно наше волненіе. Онъ началъ намъ, поддавая жару, читать пѣсни о Стенькѣ Разинѣ, — какъ онъ выплывалъ ночью по Волгѣ на востроносой своей лодкѣ, предисловіе къ Руслану и Людмилѣ:

У лукоморья дубъ зеленый,
Златая цѣпь на дубѣ томъ;
И днемъ и ночью котъ ученый
Тамъ ходитъ по цѣпи кругомъ:
Идетъ направо — пѣснь заводитъ,
Налѣво — сказку говоритъ.

Началъ разсказывать о планѣ для Дмитрія Самозванца, о палачѣ, который шутитъ съ чернью, стоя у плахи на Красной площади, въ ожиданіи Шуйскаго, о Маринѣ Мнишекъ съ Самозванцемъ, — сцену, которую написалъ онъ, гуляя верхомъ, и потомъ позабылъ въ половину, о чемъ глубоко сожалѣлъ.

О, какое удивительное то было утро, оставившее слѣды на всю жизнь. Не помню, какъ мы разошлись, какъ докончили день, какъ улеглись спать. Да едва ли кто и спалъ изъ насъ въ эту ночь. Такъ былъ потрясенъ весь нашъ организмъ».

Въ ноябрѣ мѣсяцѣ Пушкину представилась надобность побывать въ деревнѣ, и онъ покинулъ Москву, нисколько не подозрѣвая тѣхъ непріятностей, которыя ему готовились. А между тѣмъ слухъ о прочтенной трагедіи, распространившись въ обѣихъ столицахъ, достигъ и до шефа жандармовъ. Въ самомъ концѣ ноября въ Михайловское пришло слѣдующее письмо Бенкендорфа:

«Милостивый государь Александръ Сергѣевичъ!

При отъѣздѣ моемъ изъ Москвы, не имѣя времени лично съ Вами переговорить, обратился я къ Вамъ письменно съ объявленіемъ Высочайшаго соизволенія, дабы Вы, въ случаѣ какихъ-либо новыхъ литературныхъ произведеній

Вашихъ, до напечатанія или распространенія оныхъ въ рукописяхъ, представляли бы предварительно о разсмотрѣніи оныхъ, или чрезъ посредство мое, или даже прямо Его Императорскому Величеству.

Не имѣя отъ Васъ извѣщенія о полученіи сего моего отзыва, я долженъ, однако же, заключить, что оный къ Вамъ дошелъ, ибо Вы сообщили о содержаніи онаго нѣкоторымъ особамъ.

Нынѣ доходятъ до меня свѣдѣнія, что Вы изволили читать въ нѣкоторыхъ обществахъ сочиненную Вами вновь трагедію. Сіе меня побуждаетъ Васъ покорнѣйше просить объ увѣдомленіи меня, справедливо ли такое извѣстіе, или нѣтъ? Я увѣренъ впрочемъ, что Вы слишкомъ благомыслящи, чтобы не чувствовать въ полной мѣрѣ великодушнаго къ Вамъ Монаршаго снисхожденія и не стремиться учинить себя достойнымъ онаго. — А. Бенкендорфъ».

Смыслъ этого письма былъ ясенъ: это былъ уже прямо выговоръ. Пушкинъ наконецъ понялъ свое положеніе. Было очевидно, что онъ находится подъ строгимъ контролемъ. Даже частные разговоры его извѣстны Бенкендорфу. Ему запрещалось не только печатать свои произведенія, но даже читать ихъ въ дружескихъ кружкахъ помимо Высочайшей цензуры. Такимъ образомъ высокая честь, оказанная Государемъ поэту, при посредствѣ шефа жандармовъ обращалась въ новое стѣсненіе. Пушкинъ почувствовалъ, что слишкомъ рано началъ торжествовать свою свободу, и гнетъ снова тяжелымъ камнемъ налегъ на его вольнолюбивую душу. А между тѣмъ не оставалось ничего дѣлать, какъ покориться. Напуганный прежними невзгодами, онъ не смѣлъ протестовать и бороться. Пришлось отвѣчать почтительно и покорно. — Вотъ отвѣтъ Пушкина отъ 29-го ноября 1826 года:

«Будучи совершенно чуждъ ходу дѣловыхъ бумагъ, я не зналъ, должно-ли мнѣ было отвѣчать на письмо, которое удостоился получить отъ Вашего Превосходительства, и которымъ я былъ тронутъ до глубины сердца. Конечно, никто живѣе меня не чувствуетъ милость и великодушіе Государя Императора, также какъ снисходительную благосклонность Вашего Превосходительства. Такъ какъ я, дѣйствительно, въ Москвѣ читалъ свою трагедію нѣкоторымъ особамъ — конечно, не изъ ослушанія, но только потому, что худо понялъ Высочайшую волю Государя, — то поставляю за долгъ препроводить ее Вашему Превосходительству въ томъ самомъ видѣ, какъ она была мною читана, дабы Вы сами изволили видѣть духъ, въ которомъ она сочинена. Я не осмѣлился прежде сего представить ее глазамъ Императора, намѣреваясь сперва выбросить нѣкоторыя непристойныя выраженія. Такъ какъ другаго списка у меня не находится, то пріемлю смѣлость просить Ваше Превосходительство оный мнѣ возвратить.

Мнѣ было совѣстно безпокоить ничтожными литературными занятіями моими человѣка государственнаго, среди огромныхъ его заботъ; я роздалъ нѣсколько мелкихъ моихъ сочиненій въ разные журналы и альманахи, по просьбѣ

издателей. Прошу отъ Вашего Превосходительства разрѣшеніе сей неумышленной вины, если не успѣю остановить ихъ въ цензурѣ.—Съ глубочайшимъ чувствомъ уваженія, благодарности и преданности честь имѣю быть, Милостивый Государь, Вашего Превосходительства, всепокорнѣйшій слуга Александръ Пушкинъ».

Бенкендорфъ не замедлилъ отвѣтомъ.

«Милостивый государь Александръ Сергѣевичъ!» пишетъ онъ отъ 9-го декабря, «получивъ письмо Ваше вмѣстѣ съ препровожденною при ономъ драматическою піесою, я поспѣшаю Васъ о томъ извѣстить, съ присовокупленіемъ, что я оную представлю Его Императорскому Величеству и дамъ Вамъ знать о воспослѣдовать имѣющемъ Высочайшемъ отзывѣ.

Между тѣмъ прошу Васъ сообщить мнѣ на сей же предметъ всѣ и мелкіе труды блистательнаго Вашего пера.

Примите увѣреніе отличнаго моего уваженія и искренней преданности.— А. Бенкендорфъ».

Обмѣнъ вышеприведенныхъ писемъ окончательно опредѣлилъ взаимныя отношенія Пушкина и Бенкендорфа. Между ними начинается до приторности вѣжливая переписка, въ которой однако, несмотря на льстивость выраженій, сквозитъ съ обѣихъ сторонъ худо скрытое недовѣріе и недоброжелательство.

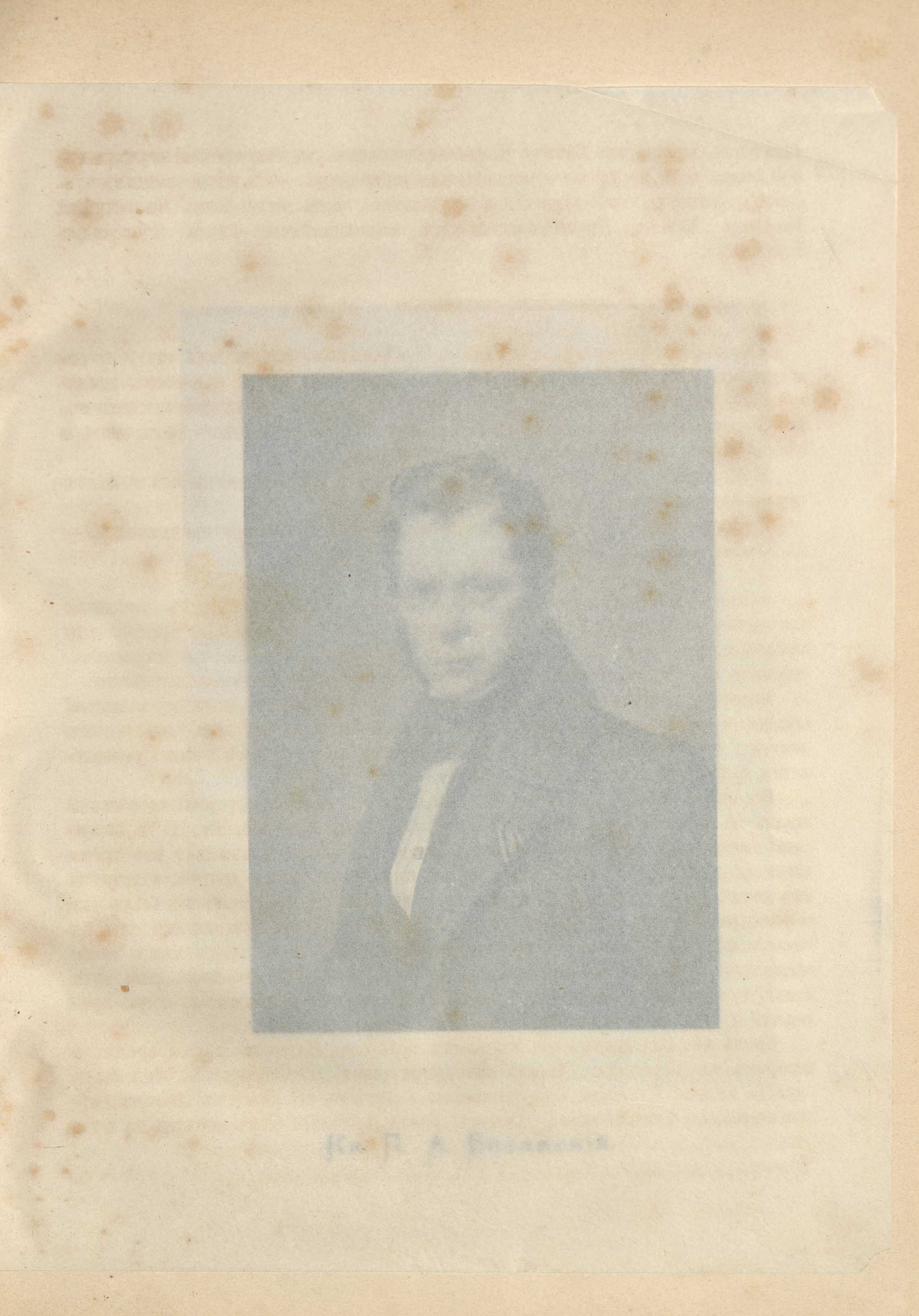
Понятно, что новыя оковы, явившіяся столь неожиданно на смѣну недавней ссылки, весьма непріятно подѣйствовали на нашего поэта, и не удивительно, поэтому, что онъ возвратился въ Москву далеко не въ такомъ ясномъ расположеніи духа, какъ уѣхалъ.

Все это не помѣшало ему однако быстро втянуться въ интересы московской жизни. Въ Москвѣ нашелъ онъ многихъ изъ старыхъ друзей. Кн. П. А. Вяземскій*) встрѣтилъ его какъ роднаго. Частая переписка, длившаяся все время изгнанія поэта, поддерживала искреннія отношенія двухъ друзей, и встрѣча ихъ послѣ долгой разлуки была радостна для обоихъ. Кн. Вяземскій былъ уже семейнымъ человѣкомъ. Жена его, познакомившаяся съ Пушкинымъ еще въ Одессѣ, не меньше мужа обрадовалась его возвращенію, и поэтъ нашъ скоро сталъ совершенно своимъ человѣкомъ въ ихъ домѣ. Всѣ домашніе, даже дѣти и ихъ гувернеры и гувернантки, всей душой къ нему привязались, и онъ проводилъ у кн. Вяземскихъ большую часть своего времени.

Кромѣ кн. Вяземскихъ изъ прежнихъ пріятелей Пушкина въ то время, о которомъ идетъ рѣчь, въ Москвѣ находился еще С. А. Соболевскій. Онъ былъ гораздо моложе Пушкина и воспитывался вмѣстѣ съ его братомъ, Львомъ Сергѣевичемъ, въ Благородномъ пансіонѣ. Когда Пушкинъ былъ сосланъ на югъ,

---

*) Прилагаемъ снимокъ съ прекрасной литографіи портрета покойнаго поэта.

издателей. Прошу отъ Вашего Превосходительства разрѣшеніе сей неумышленной вины, если не успѣю остановить ихъ въ цензурѣ. — Съ глубочайшимъ чувствомъ уваженія, благодарности и преданности честь имѣю быть, Милостивый Государь, Вашего Превосходительства, всепокорнѣйшій слуга Александръ Пушкинъ».

Бенкендорфъ не замедлилъ отвѣтомъ.

«Милостивый государь Александръ Сергѣевичъ!» пишетъ онъ отъ 9-го декабря, «получивъ письмо Ваше вмѣстѣ съ препровожденною при ономъ драматическою піесою, я поспѣшаю Васъ о томъ извѣстить, съ присовокупленіемъ, что я оную представлю Его Императорскому Величеству и дамъ Вамъ знать о воспослѣдовать имѣющемъ Высочайшемъ отзывѣ.

Между тѣмъ прошу Васъ сообщить мнѣ на сей же предметъ всѣ и мелкіе труды блистательнаго Вашего пера.

Примите увѣреніе отличнаго моего уваженія и искренней преданности. — А. Бенкендорфъ».

Обмѣнъ вышеприведенныхъ писемъ окончательно опредѣлилъ взаимныя отношенія Пушкина и Бенкендорфа. Между ними начинается до приторности вѣжливая переписка, въ которой однако, несмотря на льстивость выраженій, сквозитъ съ обѣихъ сторонъ худо скрытое недовѣріе и недоброжелательство.

Понятно, что новыя оковы, явившіяся столь неожиданно на смѣну недавней ссылки, весьма непріятно подѣйствовали на нашего поэта, и не удивительно, поэтому, что онъ возвратился въ Москву далеко не въ такомъ ясномъ расположеніи духа, какъ уѣхалъ.

Все это не помѣшало ему однако быстро втянуться въ интересы московской жизни. Въ Москвѣ нашелъ онъ многихъ изъ старыхъ друзей. Кн. П. А. Вяземскій*) встрѣтилъ его какъ роднаго. Частая переписка, длившаяся все время изгнанія поэта, поддерживала искреннія отношенія двухъ друзей, и встрѣча ихъ послѣ долгой разлуки была радостна для обоихъ. Кн. Вяземскій былъ уже семейнымъ человѣкомъ. Жена его, познакомившаяся съ Пушкинымъ еще въ Одессѣ, не меньше мужа обрадовалась его возвращенію, и поэтъ нашъ скоро сталъ совершенно своимъ человѣкомъ въ ихъ домѣ. Всѣ домашніе, даже дѣти и ихъ гувернеры и гувернантки, всей душой къ нему привязались, и онъ проводилъ у кн. Вяземскихъ большую часть своего времени.

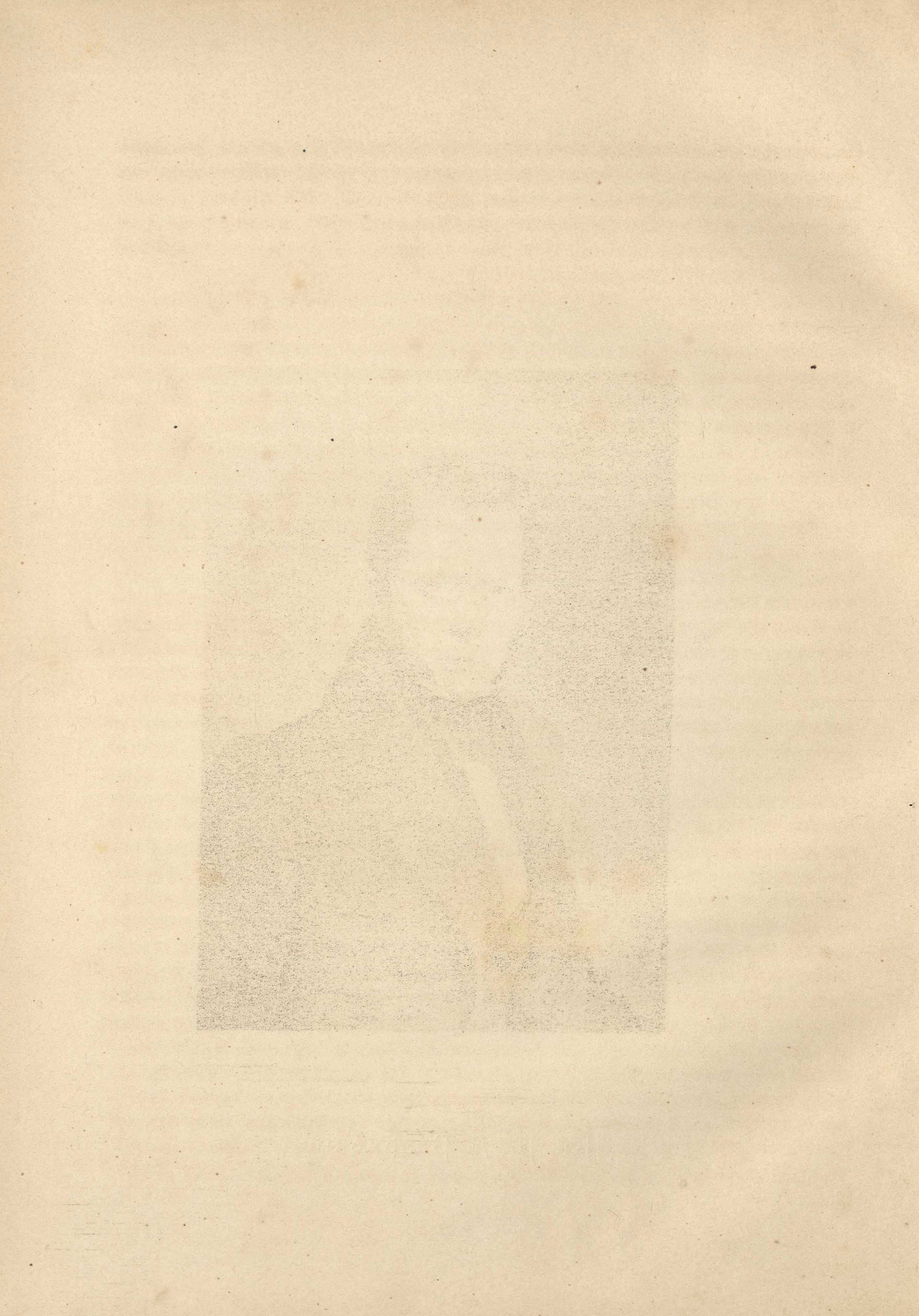
Кромѣ кн. Вяземскихъ изъ прежнихъ пріятелей Пушкина въ то время, о которомъ идетъ рѣчь, въ Москвѣ находился еще С. А. Соболевскій. Онъ былъ гораздо моложе Пушкина и воспитывался вмѣстѣ съ его братомъ, Львомъ Сергѣевичемъ, въ Благородномъ пансіонѣ. Когда Пушкинъ былъ сосланъ на югъ,

---

*) Прилагаемъ снимокъ съ прекрасной литографіи портрета покойнаго поэта.

Кн. П. А. Вяземскій.

П. В. Нащокинъ.

П. В. Нащокинъ.

Соболевскій раздѣлялъ со Львомъ Сергѣевичемъ заботы объ изданіи «Руслана и Людмилы», «Братьевъ Разбойниковъ» и другихъ произведеній Александра Сергѣевича. Это и послужило началомъ ихъ сношеній, перешедшихъ позднѣе въ прочную дружбу. Соболевскій пережилъ Пушкина и достигъ извѣстности какъ библіофилъ и библіографъ, но въ то время, когда Пушкинъ былъ возвращенъ изъ ссылки, онъ былъ извѣстенъ только нѣсколькими сантиментальными стихотвореніями и считался однимъ изъ многихъ, такъ-называемыхъ, «архивныхъ юношей». Онъ жилъ въ то время на Собачьей площадкѣ, и Пушкинъ по пріѣздѣ въ Москву остановился у него.

Приблизительно въ это же время переѣхалъ въ Москву и П. В. Нащокинъ *). Проживъ, а главнымъ образомъ проигравъ въ карты все доставшееся ему отъ богатой матери состояніе, онъ вышелъ въ отставку и перебрался на жительство въ Москву, гдѣ имя его вскорѣ сдѣлалось очень популярнымъ.

«Въ Москвѣ», разсказываетъ г. Куликовъ въ своихъ воспоминаніяхъ **), «Нащокинъ тоже велъ большую, но уже воздержную игру у себя, у пріятелей, а впослѣдствіи постоянно въ англійскомъ клубѣ, гдѣ въ то время свирѣпствовала хотя дозволенная, но безразсудно-разорительная игра! Нащокинъ, проигрывая, не унывалъ; платилъ долгъ чести (т. е. карточный) акуратно, жилъ въ довольствѣ и открыто, въ случаѣ же большаго выигрыша жилъ ужъ именно по широкой русско-барской натурѣ, и гдѣ только требовалось — дѣлалъ добро, помогая бѣднымъ, и давалъ взаймы просящимъ, никогда не требуя отдачи и довольствуясь только добровольнымъ возвращеніемъ».

«Вскорѣ по переселеніи своемъ въ древнюю столицу, онъ на «всякій случай» (любимое прибавленіе, впервые имъ пущенное) интимно сблизился съ хорошенькой цыганкой Ольгой — не знаю, по имени какого отца — Андреевной. Не помню тоже, на Пречистенкѣ или на Остоженкѣ, онъ занималъ квартиру весьма удобную въ одноэтажномъ деревянномъ домѣ. Держалъ карету и пару лошадей для себя, а пару вятокъ или казанокъ для Оленьки, съ лѣтнимъ и зимнимъ экипажами».

«У него чуть не ежедневно собиралось разнообразное общество: франты, цыганы, литераторы, актеры, купцы-подрядчики; иногда являлись заѣзжіе петербургскіе друзья, въ томъ числѣ и Пушкинъ, всегда (кромѣ перваго пріѣзда) останавливавшійся у него».

Изо всего, что сказано было о Нащокинѣ, какъ въ IV главѣ очерка нашего, такъ и здѣсь, можетъ показаться непонятнымъ, чѣмъ же собственно привлекалъ къ себѣ Павелъ Воиновичъ такихъ людей, какъ Пушкинъ, кн. Вяземскій, гр. Вьельгорскій, позднѣе Гоголь и др. — Отвѣтъ на это находимъ въ тѣхъ же воспоминаніяхъ г. Куликова, откуда заимствованы нами прочія свѣдѣнія о Нащокинѣ. «Онъ привлекалъ къ себѣ всѣхъ не прежнимъ богатствомъ, не кутежами

---

*) Доставленіемъ прилагаемаго портрета его выставка обязана А. М. Сливицкому.

**) Р. Старина 1880 г. Декабрь.

молодости съ ночлежнымъ пріютомъ и т. п., но умомъ необыкновеннымъ, переполненнымъ не научной, а врожденной, природной логикой и здравымъ смысломъ; а разсудокъ, не смотря на безразсудное увлеченіе или страсть къ игрѣ, обладавшей имъ отъ юности до старости,—во всѣхъ остальныхъ перипетіяхъ жизни разсудокъ царствовалъ въ его умной головѣ и даже былъ полезенъ для другихъ людей, обращавшихся къ его совѣту или суду при крайнихъ столкновеніяхъ въ жизни».

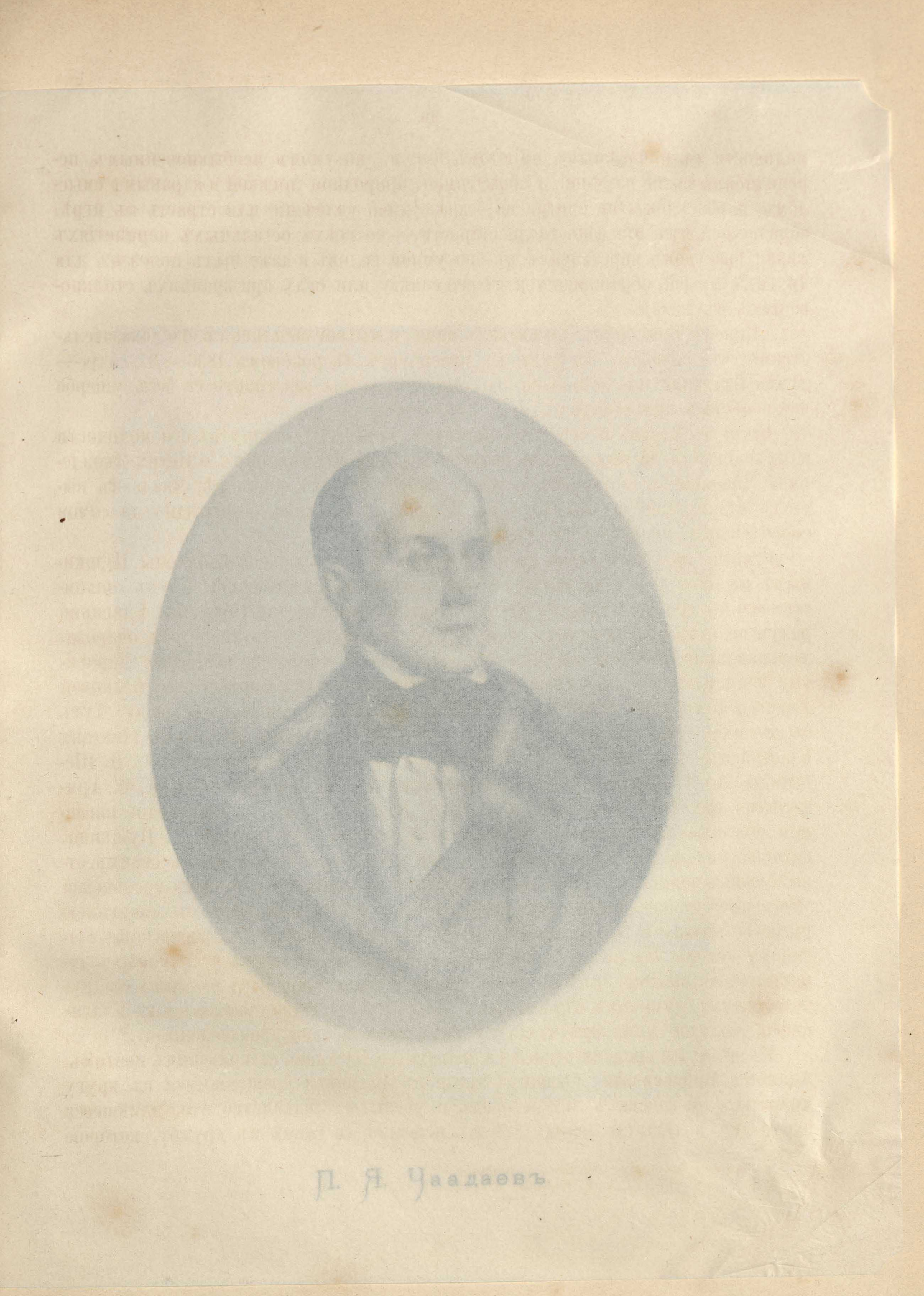
«Павелъ Воиновичъ доказывалъ намъ, и мы согласились съ его доказательствами, что если бы онъ жилъ въ Петербургѣ въ роковомъ 1836—37 году,—дуэль Пушкина не состоялась бы: онъ сумѣлъ бы разстроить ее безъ ущерба чести обоихъ противниковъ.

Была въ Москвѣ и еще одна личность, близкая Пушкину въ его молодости и имѣвшая всегда неотразимое на него вліяніе. Мы говоримъ о Петрѣ Яковлевичѣ Чаадаевѣ*). Потерпѣвъ неудачу на служебномъ поприщѣ, Чаадаевъ вышелъ въ отставку и поселился въ Москвѣ, гдѣ и жилъ безвыѣздно до самой своей смерти, пользуясь всеобщимъ уваженіемъ,

Старыя дружескія связи были, конечно, тотчасъ же возобновлены Пушкинымъ по пріѣздѣ его въ Москву. Но онъ этимъ не ограничился. Кругъ знакомства его быстро расширялся. Гостепріимный домъ Авдотьи Петровны Елагиной радушно открылъ ему свои двери. «Умъ, обширная начитанность и очаровательная привѣтливость хозяйки привлекали сюда избранное общество. Даровитые юноши, товарищи и сверстники молодыхъ братьевъ Кирѣевскихъ (сыновей Авдотьи Петровны) встрѣчали въ ихъ матери самую искреннюю ласку. Тутъ были князь Одоевскій, В. П. Титовъ, Николай Матвѣевичъ Рожалинъ (знатокъ классическихъ языковъ), А. И. Кошелевъ (другъ И. В. Кирѣевскаго), С. П. Шевыревъ, А. П. Петерсонъ, М. А. Максимовичъ, Д. В. Веневитиновъ, А. О. Армфельдтъ, архивные юноши С. А. Соболевскій и С. С. Мальцовъ (свободно писавшій по-латыни). Жуковскій и Языковъ ввели къ Елагиной А. С. Пушкина, который полюбилъ старшаго Кирѣевскаго и упоминаетъ о немъ въ своихъ отрывочныхъ запискахъ. Домъ А. П. Елагиной сдѣлался средоточіемъ московской умственной и художественной жизни. Языковъ совмѣстничалъ съ «княгинею русскаго стиха» К. К. Павловой... П. Я. Чаадаевъ являлся на воскресные елагинскіе вечера. Возвращенный изъ ссылки Баратынскій жилъ у Елагиныхъ домашнимъ человѣкомъ и цѣлые дни проводилъ въ задушевныхъ бесѣдахъ съ другомъ своимъ, старшимъ Кирѣевскимъ. Погодинъ сердечно привязался къ Елагинымъ. Молодой Хомяковъ читалъ у нихъ первыя свои произведенія»... **)

Къ этому же времени относится знакомство Пушкина съ польскимъ поэтомъ, Адамомъ Мицкевичемъ, бывшимъ тогда въ Москвѣ и вращавшимся въ кругу молодыхъ московскихъ литераторовъ и ученыхъ. Знакомство это, длившееся около двухъ лѣтъ (до марта 1829 г.), перешло въ концѣ въ дружбу, которою

*) Портретъ Чаадаева — собственность автора.
**) Р. Архивъ 1877 г. „А. П. Елагина“ біографич. очеркъ.

П. Я. Чаадаевъ

молодости съ ночлежнымъ пріютомъ и т. п., но умомъ необыкновеннымъ, переполненнымъ не научной, а врожденной, природной логикой и здравымъ смысломъ; а разсудокъ, не смотря на безразсудное увлеченіе или страсть къ игрѣ, обладавшей имъ отъ юности до старости,—во всѣхъ остальныхъ перипетіяхъ жизни разсудокъ царствовалъ въ его умной головѣ и даже былъ полезенъ для другихъ людей, обращавшихся къ его совѣту или суду при крайнихъ столкновеніяхъ въ жизни».

«Павелъ Воиновичъ доказывалъ намъ, и мы соглашались съ его доказательствами, что если бы онъ жилъ въ Петербургѣ въ роковомъ 1836—37 году,—дуэль Пушкина не состоялась бы: онъ сумѣлъ бы разстроить ее безъ ущерба чести обоихъ противниковъ.

Была въ Москвѣ и еще одна личность, близкая Пушкину въ его молодости и имѣвшая всегда неотразимое на него вліяніе. Мы говоримъ о Петрѣ Яковлевичѣ Чаадаевѣ*). Потерпѣвъ неудачу на служебномъ поприщѣ, Чаадаевъ вышелъ въ отставку и поселился въ Москвѣ, гдѣ и жилъ безвыѣздно до самой своей смерти, пользуясь всеобщимъ уваженіемъ.

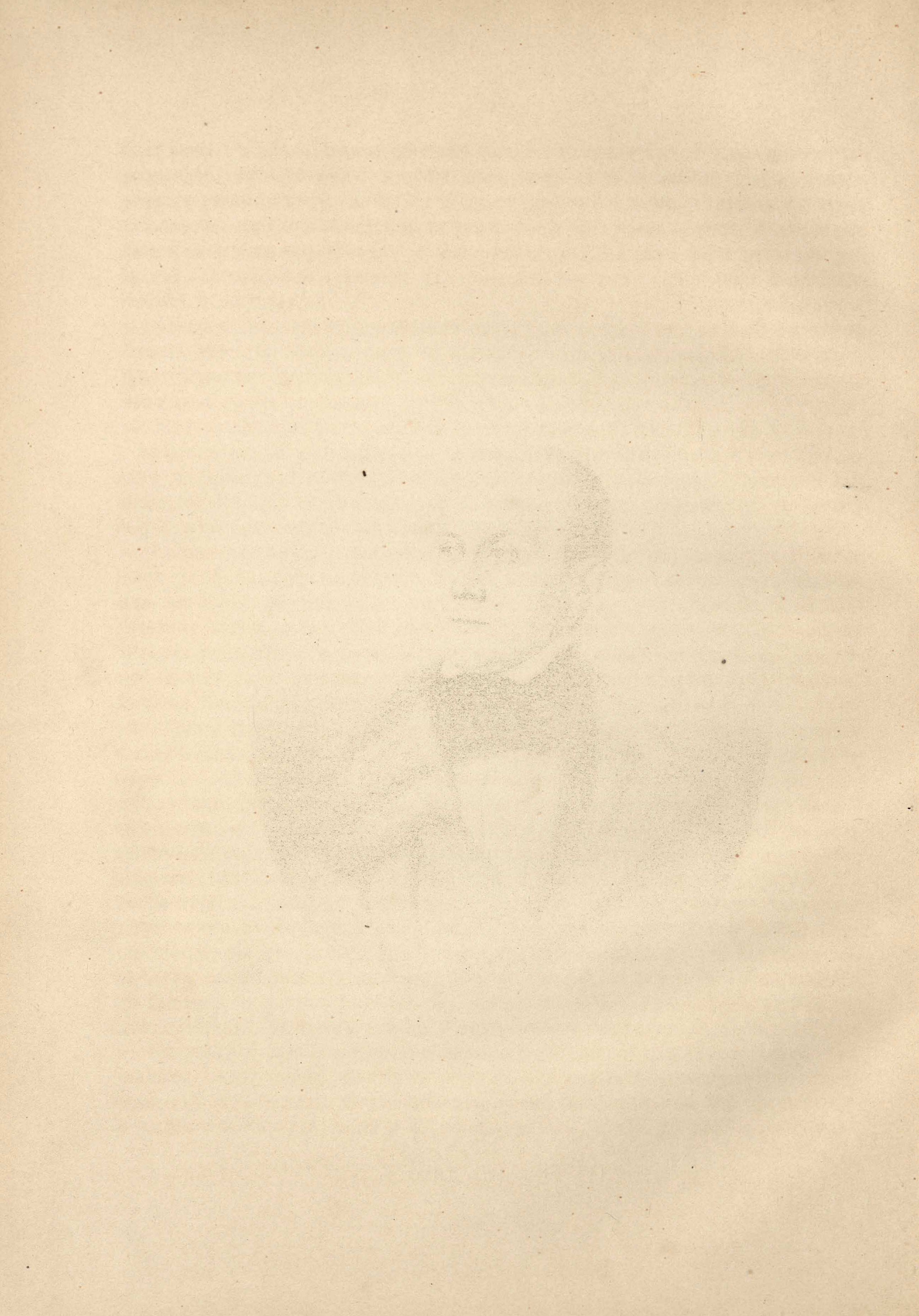
Старыя дружескія связи были, конечно, тотчасъ же возобновлены Пушкинымъ по пріѣздѣ его въ Москву. Но онъ этимъ не ограничился. Кругъ знакомства его быстро расширялся. Гостепріимный домъ Авдотьи Петровны Елагиной радушно открылъ ему свои двери. «Умъ, обширная начитанность и очаровательная привѣтливость хозяйки привлекали сюда избранное общество. Даровитые юноши, товарищи и сверстники молодыхъ братьевъ Кирѣевскихъ (сыновей Авдотьи Петровны) встрѣчали въ ихъ матери самую искреннюю ласку. Тутъ были князь Одоевскій, В. П. Титовъ, Николай Матвѣевичъ Рожалинъ (знатокъ классическихъ языковъ), А. И. Кошелевъ (другъ И. В. Кирѣевскаго), С. П. Шевыревъ, А. П. Петерсонъ, М. А. Максимовичъ, Д. В. Веневитиновъ, А. Ө. Армфельдтъ, архивные юноши С. А. Соболевскій и С. С. Мальцовъ (свободно писавшій по-латыни). Жуковскій и Языковъ ввели къ Елагиной А. С. Пушкина, который полюбилъ старшаго Кирѣевскаго и упоминаетъ о немъ въ своихъ отрывочныхъ запискахъ. Домъ А. П. Елагиной сдѣлался средоточіемъ московской умственной и художественной жизни. Языковъ соперничалъ съ «княгинею русскаго стиха» К. К. Павловой... П. Я. Чаадаевъ являлся на воскресные елагинскіе вечера. Возвращенный изъ ссылки Баратынскій жилъ у Елагиныхъ домашнимъ человѣкомъ и цѣлые дни проводилъ въ задушевныхъ бесѣдахъ съ другомъ своимъ, старшимъ Кирѣевскимъ. Погодинъ сердечно привязался къ Елагинымъ. Молодой Хомяковъ читалъ у нихъ первыя свои произведенія»... **)

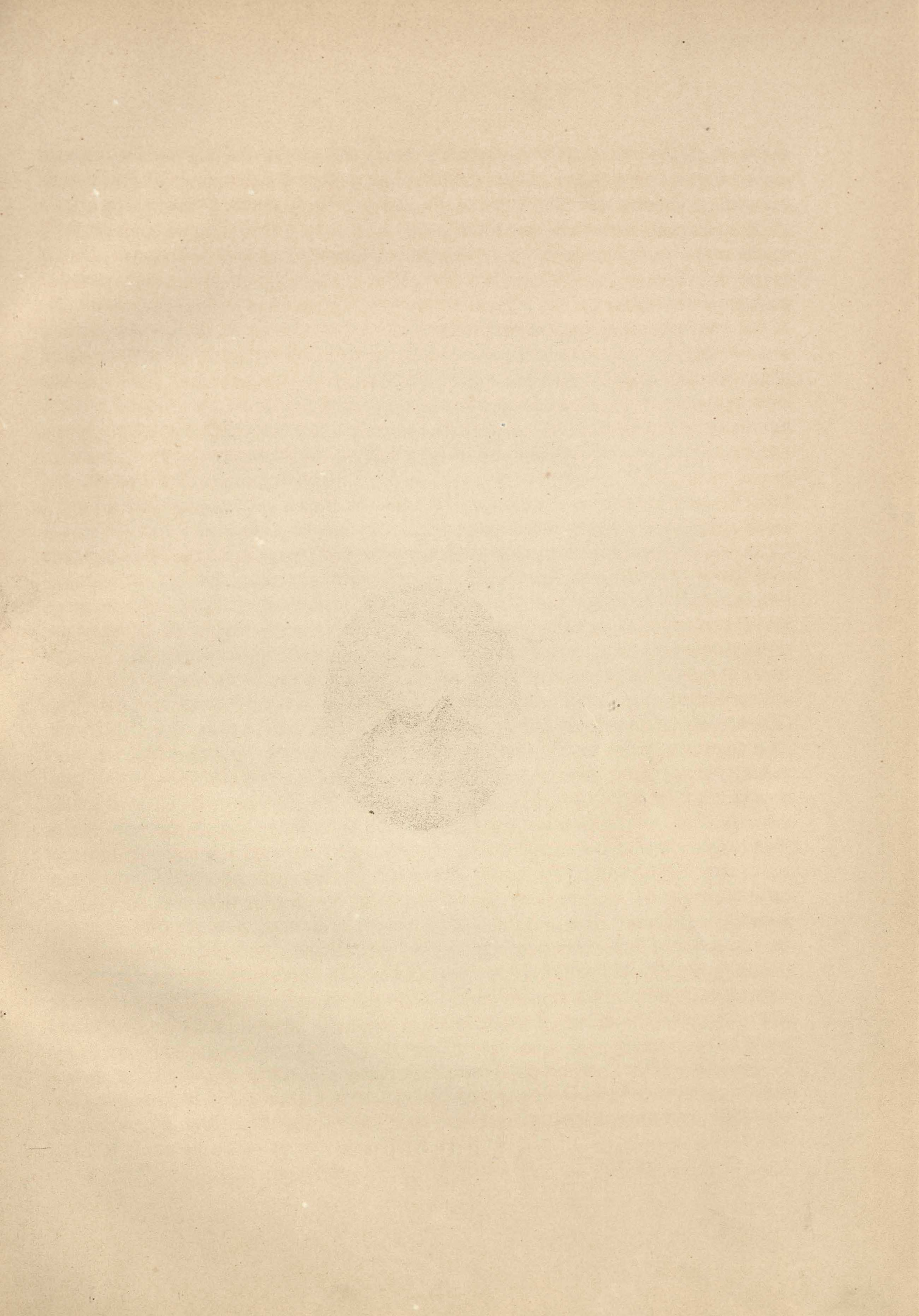
Къ этому же времени относится знакомство Пушкина съ польскимъ поэтомъ, Адамомъ Мицкевичемъ, бывшимъ тогда въ Москвѣ и вращавшимся въ кругу молодыхъ московскихъ литераторовъ и ученыхъ. Знакомство это, длившееся около двухъ лѣтъ (до марта 1829 г.), перешло въ концѣ въ дружбу, которою

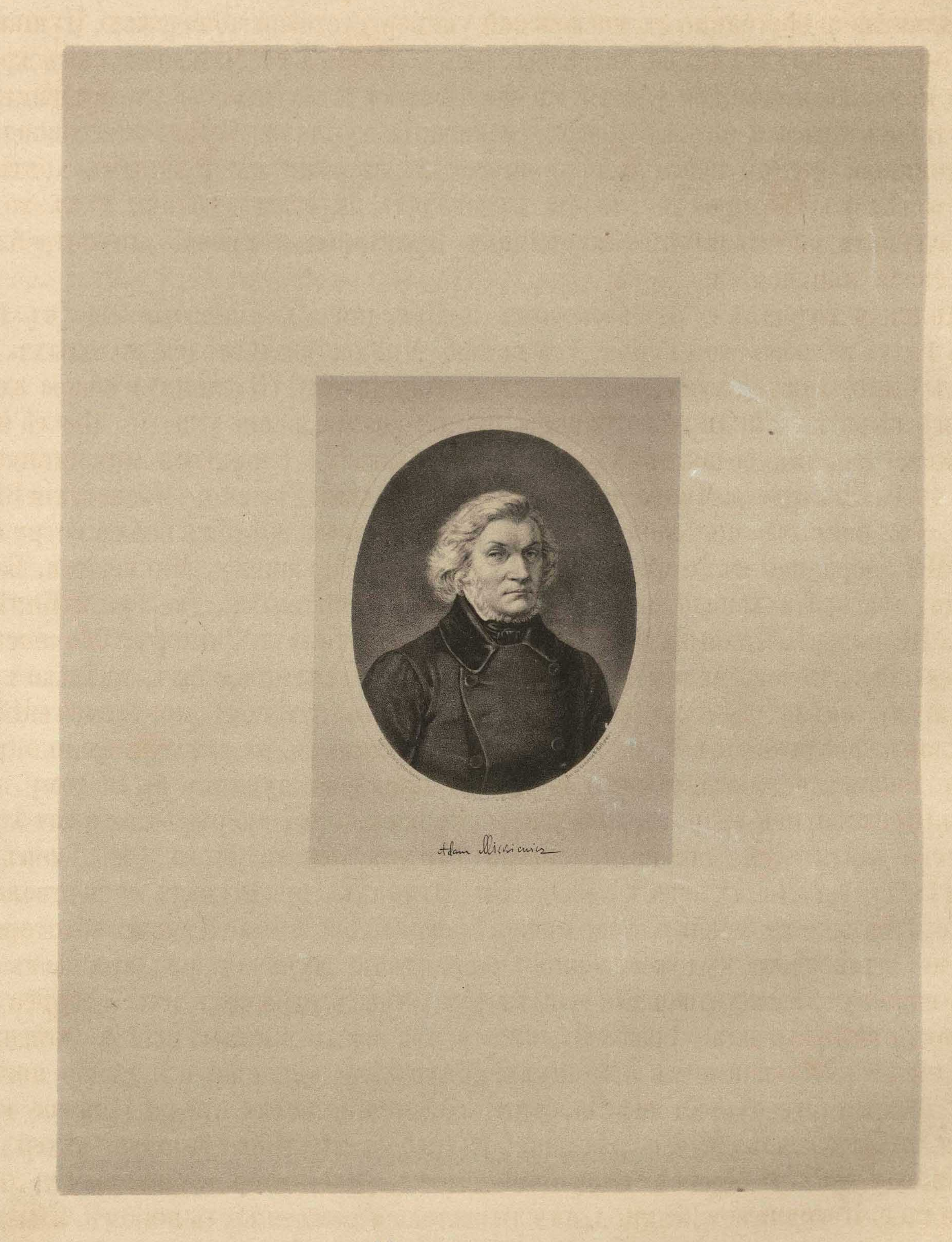
*) Портретъ Чаадаева — собственность автора.
**) Р. Архивъ 1877 г. „А. П. Елагина" біографич. очеркъ.

П. Я. Чаадаевъ.

Мицкевичъ.

равно гордились и дорожили оба поэта. Разставшись въ 1829 году, Пушкинъ и Мицкевичъ больше не видались и не переписывались, но помнили другъ друга и издалека перекликались поэтическими произведеніями. Мицкевичъ вспомнилъ Пушкина въ своихъ «Дѣдахъ», а позднѣе Пушкинъ отозвался на голосъ Мицкевича, сказавшаго проклятія Россіи, извѣстнымъ стихотвореніемъ: «Онъ между нами живалъ» и т. д.

Сталкиваясь постоянно съ московской университетской молодежью, Пушкинъ мало-по-малу втянулся въ ея интересы. Онъ сблизился съ Шевыревскимъ кружкомъ и принялъ живѣйшее участіе въ его планахъ и замыслахъ. Съ особеннымъ сочувствіемъ отнесся онъ къ проекту основанія журнала. Мысль эта совпадала съ давнишней мечтой поэта о періодическомъ изданіи съ дѣльнымъ критическимъ отдѣломъ, которое могло бы руководить вкусами публики и въ то же время служить противовѣсомъ журналамъ Булгарина и Греча, злоупотреблявшихъ своей монополіей.

«Толки о журналѣ», разсказываетъ г. Погодинъ *), «начатые еще въ 1824 и 1825 году, въ обществѣ Раича, усилились. Множество дѣятелей молодыхъ, ретивыхъ было, можно сказать, на лицо, и сообщили ему (Пушкину) общее желаніе. Онъ выразилъ полную готовность принять самое живое участіе. Послѣ многихъ переговоровъ редакторомъ назначенъ былъ я. Главнымъ помощникомъ моимъ былъ Шевыревъ. Много толковъ было о заглавіи. Рѣшено: «Московскій Вѣстникъ». Рожденіе его положено отпраздновать общимъ обѣдомъ всѣхъ сотрудниковъ. Мы собрались въ домѣ бывшемъ Хомякова: Пушкинъ, Мицкевичъ, Баратынскій, два брата Веневитиновыхъ, два брата Хомяковыхъ, два брата Кирѣевскихъ, Шевыревъ, Титовъ, Мальцовъ, Рожалинъ, Раичъ, Рихтеръ, Оболенскій, Соболевскій... Нечего описывать, какъ веселъ былъ этотъ обѣдъ, сколько тутъ было шуму, смѣху, сколько разсказано анекдотовъ, плановъ, предположеній!... Надеждамъ, возлагавшимся на «Московскій Вѣстникъ», не суждено было оправдаться. Неопытность издателей и неумѣнье привлечь публику были тому причиной. Но главнымъ ударомъ для новаго журнала была смерть одного изъ главныхъ его двигателей, даровитаго поэта Дмитрія Веневитинова. Онъ умеръ въ мартѣ 1827 года. Послѣ него «Московскій Вѣстникъ» продолжалъ существовать, но уже клонился къ упадку, и наконецъ прекратился вовсе. Пушкинъ, которому было по душѣ чисто-художественное направленіе журнала, поддерживалъ его всѣми силами: 23 стихотворенія его, въ томъ числѣ отрывокъ изъ «Бориса Годунова», отрывокъ изъ «Графа Нулина» и два отрывка изъ «Евгенія Онѣгина» появились въ «Московскомъ Вѣстникѣ»; но все было напрасно, и журналъ погибъ послѣ трехлѣтняго существованія. Этого конечно не могли предвидѣть его основатели, и торжествовали его рожденіе, полные самыхъ радужныхъ надеждъ».

«Между тѣмъ въ Москвѣ наступило самое жаркое литературное время», продолжаетъ г. Погодинъ. «Каждый день слышалось о чемъ-нибудь новомъ. Языковъ

---

*) Р. Архивъ 1865 г.

Мицкевичъ.

равно гордились и дорожили оба поэта. Разставшись въ 1829 году, Пушкинъ и Мицкевичъ больше не видались и не переписывались, но помнили другъ друга и издалека перекликались поэтическими произведеніями. Мицкевичъ вспомнилъ Пушкина въ своихъ «Дѣдахъ», а позднѣе Пушкинъ отозвался на голосъ Мицкевича, славшаго проклятія Россіи, извѣстнымъ стихотвореніемъ: «Онъ между нами жилъ»... и т. д.

Сталкиваясь постоянно съ московской университетской молодежью, Пушкинъ мало-по-малу втянулся въ ея интересы. Онъ сблизился съ Шевыревскимъ кружкомъ и принялъ живѣйшее участіе въ его планахъ и замыслахъ. Съ особеннымъ сочувствіемъ отнесся онъ къ проекту основанія журнала. Мысль эта совпадала съ давнишней мечтой поэта о періодическомъ изданіи съ дѣльнымъ критическимъ отдѣломъ, которое могло бы руководить вкусами публики и въ то же время служить противовѣсомъ журналамъ Булгарина и Греча, злоупотреблявшихъ своей монополіей.

«Толки о журналѣ», разсказываетъ г. Погодинъ *), «начатые еще въ 1824 и 1825 году, въ обществѣ Раича, усилились. Множество дѣятелей молодыхъ, ретивыхъ было, такъ-сказать, на лицо, и сообщили ему (Пушкину) общее желаніе. Онъ выразилъ полную готовность принять самое живое участіе. Послѣ многихъ переговоровъ редакторомъ назначенъ былъ я. Главнымъ помощникомъ моимъ былъ Шевыревъ. Много толковъ было о заглавіи. Рѣшено: «Московскій Вѣстникъ». Рожденіе его положено отпраздновать общимъ обѣдомъ всѣхъ сотрудниковъ. Мы собрались въ домѣ бывшемъ Хомякова: Пушкинъ, Мицкевичъ, Баратынскій, два брата Веневитиновыхъ, два брата Хомяковыхъ, два брата Кирѣевскихъ, Шевыревъ, Титовъ, Мальцовъ, Рожалинъ, Раичъ, Рихтеръ, Оболенскій, Соболевскій... Нечего описывать, какъ веселъ былъ этотъ обѣдъ, сколько тутъ было шуму, смѣху, сколько разсказано анекдотовъ, плановъ, предположеній!... Надеждамъ, возлагавшимся на «Московскій Вѣстникъ», не суждено было оправдаться. Неопытность издателей и неумѣнье привлечь публику были тому причиной. Но главнымъ ударомъ для новаго журнала была смерть одного изъ главныхъ его двигателей, даровитаго поэта Дмитрія Веневитинова. Онъ умеръ въ мартѣ 1827 года. Послѣ него «Московскій Вѣстникъ» продолжалъ существовать, но уже клонился къ упадку, и наконецъ прекратился вовсе. Пушкинъ, которому было по душѣ чисто художественное направленіе журнала, поддерживалъ его всѣми силами; 33 стихотворенія его, въ томъ числѣ отрывокъ изъ «Бориса Годунова», отрывокъ изъ «Графа Нулина» и два отрывка изъ «Евгенія Онѣгина» появились въ «Московскомъ Вѣстникѣ»; но все было напрасно, и журналъ погибъ послѣ трехлѣтняго существованія. Этого конечно не могли предвидѣть его основатели, и торжествовали его рожденіе, полные самыхъ радужныхъ надеждъ».

«Между тѣмъ въ Москвѣ наступило самое жаркое литературное время», продолжаетъ г. Погодинъ. «Всякій день слышалось о чемъ-нибудь новомъ. Языковъ

*) Р. Архивъ 1865 г.

присылалъ изъ Дерпта свои вдохновенные стихи, славившіе любовь, поэзію, молодость, вино; Денисъ Давыдовъ съ Кавказа; Баратынскій выдавалъ свои поэмы; «Горе отъ ума» Грибоѣдова только-что начало распространяться. Пушкинъ прочелъ «Пророка» (который послѣ «Бориса» произвелъ наибольшее дѣйствіе) и познакомилъ насъ съ слѣдующими главами Онѣгина, котораго до тѣхъ поръ напечатана только первая глава. Между тѣмъ на сценѣ представлялись водевили Писарева съ остроумными его куплетами и музыкою Верстовскаго. Шаховской ставилъ свои комедіи вмѣстѣ съ Кокошкинымъ, Щепкинъ работалъ надъ Мольеромъ, и С. Т. Аксаковъ, тогда еще не старикъ, переводилъ ему «Скупаго». Загоскинъ писалъ «Юрія Милославскаго». Дмитріевъ выступилъ на поприще со своими переводами изъ Шиллера и Гёте. Всѣ они составляли особый отъ нашего приходъ, который вскорѣ соединился съ нами или, вѣрнѣе, къ которому мы съ Шевыревымъ присоединились, потому что всѣ наши товарищи, оставаясь впрочемъ въ постоянныхъ сношеніяхъ съ нами, отправились въ Петербургъ. Оппозиція Полеваго въ Телеграфѣ, союзъ его съ Сѣверной Пчелой Булгарина, желчныя выходки Каченовскаго, къ которому явился вскорѣ на помощь Надоумко (Н. И. Надеждинъ), давали новую пищу. А тамъ еще Дельвигъ съ Сѣверными Цвѣтами, Жуковскій съ новыми балладами, Крыловъ съ баснями, которыхъ выходило по одной, по двѣ въ годъ, Гнѣдичъ съ Иліадой, Раичъ съ Тассомъ и Павловъ съ лекціями о натуральной философіи, гремѣвшими въ университетѣ, Давыдовъ съ философскими статьями. Вечера, живые и веселые, слѣдовали одинъ за другимъ, у Елагиныхъ и Кирѣевскихъ за Красными воротами, у Веневитиновыхъ, у меня, у Соболевскаго въ домѣ на Дмитровкѣ, у княгини Волконской на Тверской. Въ Мицкевичѣ открылся даръ импровизаціи. Пріѣхалъ Глинка, связанный болѣе другихъ съ Мельгуновымъ, и присоединилась музыка». Таковы были интересы, начавшіе съ зимы 1826—27 года волновать московское интеллигентное общество, а съ нимъ вмѣстѣ и нашего поэта. Всю эту зиму онъ прожилъ безвыѣздно въ Москвѣ, раздѣляя свое время между литературными сборищами, картами и пирушками, охота къ которымъ въ немъ еще не остыла.

Весной Пушкинъ собрался въ Петербургъ. Черезъ Бенкендорфа обратился онъ къ Государю съ просьбой о позволеніи переѣхать въ Петербургъ. Разрѣшеніе было немедленно дано, но сообщая его Пушкину, Бенкендорфъ не могъ обойтись безъ нѣкоторой колкости. «Его Величество»,—такъ оканчиваетъ онъ свое письмо,—«не сомнѣвается въ томъ, что данное русскимъ дворяниномъ государю своему честное слово: вести себя благородно и пристойно, будетъ въ полномъ смыслѣ сдержано». Получивъ позволеніе, Пушкинъ тотчасъ же оставилъ Москву.

Прежде, однако, чѣмъ продолжать наше повѣствованіе, намъ кажется умѣстнымъ сдѣлать здѣсь небольшое отступленіе, чтобы сказать нѣсколько словъ о портретѣ Пушкина, сдѣланномъ именно въ 1827 году знаменитымъ художникомъ Василіемъ Андреевичемъ Тропининымъ. Извѣстно, что изъ всѣхъ портретовъ Пушкина—портреты работы Тропинина и Кипренскаго считаются наилучшими, и

А. С. Пушкинъ

присылалъ изъ Дерпта свои вдохновенные стихи, славившіе любовь, поэзію, молодость, вино; Денисъ Давыдовъ съ Кавказа; Баратынскій выдавалъ свои поэмы; «Горе отъ ума» Грибоѣдова только-что начало распространяться. Пушкинъ прочелъ «Пророка» (который послѣ «Бориса» произвелъ наибольшее дѣйствіе) и познакомилъ насъ съ слѣдующими главами Онѣгина, котораго до тѣхъ поръ напечатана только первая глава. Между тѣмъ на сценѣ представлялись водевили Писарева съ остроумными его куплетами и музыкою Верстовскаго. Шаховской ставилъ свои комедіи вмѣстѣ съ Кокошкинымъ, Щепкинъ работалъ надъ Мольеромъ, и С. Т. Аксаковъ, тогда еще не старикъ, переводилъ ему «Скупаго». Загоскинъ писалъ «Юрія Милославскаго». Дмитріевъ выступилъ на поприще со своими переводами изъ Шиллера и Гёте. Всѣ они составляли особый отъ нашего приходъ, который вскорѣ соединился съ нами или, вѣрнѣе, къ которому мы съ Шевыревымъ присоединились, потому что всѣ наши товарищи, оставаясь впрочемъ въ постоянныхъ сношеніяхъ съ нами, отправились въ Петербургъ. Оппозиція Полеваго въ Телеграфѣ, союзъ его съ Сѣверной Пчелой Булгарина, желчныя выходки Каченовскаго, къ которому явился вскорѣ на помощь Надоумко (Н. И. Надеждинъ), давали новую пищу. А тамъ еще Дельвигъ съ Сѣверными Цвѣтами, Жуковскій съ новыми балладами, Крыловъ съ баснями, которыхъ выходило по одной, по двѣ въ годъ, Гнѣдичъ съ Иліадой, Раичъ съ Тассомъ и Павловъ съ лекціями о натуральной философіи, гремѣвшими въ университетѣ, Давыдовъ съ философскими статьями. Вечера, живые и веселые, слѣдовали одинъ за другимъ, у Елагиныхъ и Кирѣевскихъ за Красными воротами, у Веневитиновыхъ, у меня, у Соболевскаго въ домѣ на Дмитровкѣ, у княгини Волконской на Тверской. Въ Мицкевичѣ открылся даръ импровизаціи. Пріѣхалъ Глинка, связанный болѣе другихъ съ Мельгуновымъ, и присоединилась музыка». Таковы были интересы, начавшіе съ зимы 1826—27 года волновать московское интеллигентное общество, а съ нимъ вмѣстѣ и нашего поэта. Всю эту зиму онъ прожилъ безвыѣздно въ Москвѣ, раздѣляя свое время между литературными сборищами, картами и пирушками, охота къ которымъ въ немъ еще не остыла.

Весной Пушкинъ собрался въ Петербургъ. Черезъ Бенкендорфа обратился онъ къ Государю съ просьбой о позволеніи переѣхать въ Петербургъ. Разрѣшеніе было немедленно дано, но сообщая его Пушкину, Бенкендорфъ не могъ обойтись безъ нѣкоторой колкости. «Его Величество», — такъ оканчиваетъ онъ свое письмо, — «не сомнѣвается въ томъ, что данное русскимъ дворяниномъ государю своему честное слово: вести себя благородно и пристойно, будетъ въ полномъ смыслѣ сдержано». Получивъ позволеніе, Пушкинъ тотчасъ же оставилъ Москву.

Прежде, однако, чѣмъ продолжать наше повѣствованіе, намъ кажется умѣстнымъ сдѣлать здѣсь небольшое отступленіе, чтобы сказать нѣсколько словъ о портретѣ Пушкина, сдѣланномъ именно въ 1827 году знаменитымъ художникомъ Василіемъ Андреевичемъ Тропининымъ. Извѣстно, что изъ всѣхъ портретовъ Пушкина — портреты работы Тропинина и Кипренскаго считаются наилучшими, и

А. С. Пушкинъ.

Тропинина.

А. С. Пушкинъ.

Кипренскаго.

люди, знавшіе Пушкина, часто затрудняются, которому изъ нихъ отдать предпочтеніе. Какъ тотъ, такъ и другой давно уже извѣстны русской публикѣ по многочисленнымъ снимкамъ. Тѣ копіи, которыя мы предлагаемъ здѣсь нашимъ читателямъ, ближе другихъ подходятъ къ оригиналамъ. Для сравненія мы помѣщаемъ оба портрета рядомъ. О портретѣ работы Кипренскаго извѣстно мало; что же касается Тропининскаго, то вотъ его исторія:

«Соболевскій былъ недоволенъ приглаженными и припомаженными портретами Пушкина, какіе тогда появлялись. Ему хотѣлось сохранить изображеніе поэта, какъ онъ есть, какъ онъ бывалъ чаще, и онъ просилъ Тропинина, одного изъ тогдашнихъ (двадцатыхъ годовъ этого столѣтія) портретистовъ Москвы, если только не Россіи, нарисовать ему Пушкина въ домашнемъ его халатѣ, растрепаннаго, съ завѣтнымъ мистическимъ перстнемъ на большомъ пальцѣ одной руки, — перстнемъ, которому поэтъ придавалъ особенное значеніе. Кажется, дѣло шло также и объ изображеніи какого-то ногтя на рукѣ Пушкина, особенно отрощеннаго. Тропининъ согласился, только съ тѣмъ, чтобы Пушкинъ ходилъ къ нему на квартиру, въ домъ Писарева, на улицѣ Лѣнивкѣ, близъ Каменнаго моста, гдѣ Тропининъ жилъ до смерти, и гдѣ писались у него очень многіе москвичи, — между прочимъ изъ поэтовъ графиня Ростопчина, помнится, въ 1852 году. Тутъ, на двери, хранилъ художникъ, какъ святыню, надпись Брюлова, который былъ у него и не засталъ его дома. Пушкинъ сталъ ходить, и портретъ скоро былъ оконченъ» *). Слухъ о портретѣ быстро распространился, многіе имъ интересовались, и въ «Московскомъ Телеграфѣ» 1827 г. (часть XV, № 9, смѣсь, стр. 33) **) появилась слѣдующая замѣтка о новомъ произведеніи Тропинина:

«Русскій живописецъ Тропининъ недавно окончилъ портретъ Пушкина. Пушкинъ изображенъ en trois quarts, въ халатѣ, сидящій подлѣ столика. Сходство портрета съ подлинникомъ поразительно, хотя намъ кажется, что художникъ не могъ совершенно схватить быстроты взгляда и живаго выраженія лица поэта. Впрочемъ физіогномія Пушкина столь опредѣленная, выразительная, что всякій живописецъ можетъ схватить ее, вмѣстѣ съ тѣмъ и такъ измѣнчива, зыбка, что трудно предположить, чтобы одинъ портретъ Пушкина могъ дать о ней истинное понятіе. Дѣйствительно: геній пламенный, оживляющійся при каждомъ новомъ впечатлѣніи, долженъ измѣнять выраженіе лица своего, которое составляетъ душу лица. Не отъ того ли замѣчаютъ и такое несходство въ лучшихъ портретахъ Байрона, хотя всѣ они имѣютъ нѣчто общее, выражающее подлинникъ?»

Когда портретъ былъ конченъ, Соболевскій былъ за границей. «Тропининъ велѣлъ уложить портретъ и отправить по адресу къ заказчику. Укупоркою за-

*) Разсказъ этотъ точно также, какъ и его продолженіе послѣ выписки изъ „М. Телеграфа", мы заимствуемъ изъ статьи г. Берга: „Изъ разсказовъ С. А. Соболевскаго". Р. Архивъ 1871 г. № 1.

**) Выписку изъ „М. Телеграфа" мы заимствуемъ изъ брошюры кн. А. Оболенскаго о портретѣ А. С. Пушкина работы Тропинина.

нялся одинъ бѣдный живописецъ Смирновъ, надъ которымъ Соболевскій позволилъ себѣ нѣсколько неосторожно подтрунивать. Изъ мести или ради другихъ какихъ причинъ, Смирновъ сыгралъ надъ Соболевскимъ такую шутку: скопировавъ портретъ довольно недурно и спрятавъ оригиналъ, уложилъ копію, и она полетѣла отыскивать хозяина, который, получивъ портретъ, кажется, не вдругъ узналъ подлогъ. Вѣрно только то, что эта копія не брошена и очутилась опять въ Москвѣ, гдѣ, впослѣдствіи, пріобрѣтена за ничтожную цѣну Н. И. Ш—вымъ. А подлинникъ лежалъ себѣ да лежалъ у Смирнова, подвергаясь разнымъ приключеніямъ во время скитаній хозяина по недорогимъ квартирамъ. Ничего не знали о немъ до пятидесятыхъ годовъ. Вдругъ Смирновъ умеръ, и его имущество продано съ аукціона. Портретъ Пушкина, съ разными другими картинами, попалъ къ извѣстному мѣнялѣ Волкову, имѣвшему тогда свой магазинъ на Волхонкѣ, какъ-разъ противъ того мѣста, гдѣ начинается Лѣнивка, въ трехъ шагахъ отъ квартиры Тропинина. Заходитъ въ магазинъ князь М. А. О—ій (Оболенскій) и видитъ портретъ. «Что это? Никакъ Пушкинъ?»—Волковъ разсказалъ всю исторію. «Да чѣмъ же вы докажете, что это Тропининъ, что это писано съ самого Пушкина?» спросилъ князь.—«Это подтвердитъ безъ сомнѣнія самъ Тропининъ, живущій отсюда въ двухъ шагахъ»,—отвѣтилъ Волковъ. Пошли къ Тропинину. Встрѣча художника съ его произведеніемъ черезъ столько лѣтъ была трогательна. «Судите, что взглянуло на меня этими глазами, чѣмъ пахнуло на меня изъ ветхихъ рамъ!»... говорилъ потомъ Тропининъ: «какія минуты я провелъ, разсматривая черты, мною же самимъ когда-то положенныя!» Князь просилъ поправить портретъ, если можно. Честный художникъ сказалъ: «Нѣтъ! на это рука моя не подымется! Это будетъ святотатствомъ. Это писано здѣсь съ самого Пушкина... Я могу только почистить».—Такъ и сдѣлали. Портретъ пріобрѣтенъ княземъ за сто съ чѣмъ-то рублей.

Возвратимся къ Пушкину. Первое посѣщеніе имъ Петербурга было непродолжительно. Суета столичной жизни уже успѣла утомить его: онъ былъ не въ духѣ и стремился на покой, въ деревню. «Что мнѣ сказать вамъ», пишетъ онъ П. А. Осиповой, «о моемъ пребываніи въ Москвѣ и моемъ прибытіи въ Спб.? Пошлость и глупость нашихъ обѣихъ столицъ одна и та же, хотя и въ различномъ родѣ; и такъ какъ я имѣю претензію быть безпристрастнымъ, то скажу, что если бы мнѣ дали обѣ на выборъ, я бы выбралъ Тригорское, почти такъ же, какъ арлекинъ, который на вопросъ, хочетъ ли онъ быть колесованъ или повѣшенъ, отвѣчалъ: «Я предпочитаю молочный супъ.»—Я здѣсь на отъѣздѣ и навѣрно разсчитываю пріѣхать на нѣсколько дней въ Михайловское» *).

Изъ Петербурга Пушкинъ дѣйствительно отправился въ деревню, гдѣ провелъ все лѣто, но въ октябрѣ снова возвратился въ Петербургъ.

Переѣздъ изъ деревни ознаменованъ былъ для Пушкина встрѣчей, которая произвела на него неизгладимое впечатлѣніе. Вотъ что пишетъ онъ въ своихъ

---

*) Р. Архивъ 1867 г.

запискахъ: «15 октября 1827 года. Вчерашній день былъ для меня замѣчателенъ: пріѣхавъ въ Боровичи въ 12 часовъ утра, засталъ проѣзжаго въ постелѣ. Онъ металъ банкъ гусарскому офицеру. Передъ тѣмъ я обѣдалъ. При расплатѣ недоставало мнѣ 5 рублей, я поставилъ ихъ на карту. Карта за картой проигралъ 1600. Я расплатился довольно сердито, взялъ взаймы 200 руб. и уѣхалъ очень недоволенъ самъ собой. На слѣдующей станціи нашелъ я Шиллерова «Духовидца»; но едва успѣлъ я прочитать первыя страницы, какъ вдругъ подъѣхали четыре тройки съ фельдъегеремъ. Вѣроятно, полякъ, сказалъ я хозяйкѣ.—Да, отвѣчала она, ихъ нынче отвозятъ назадъ.—Я вышелъ взглянуть на нихъ. Одинъ изъ арестантовъ стоялъ опершись у колонны. Къ нему подошелъ высокій блѣдный и худой молодой человѣкъ, съ черною бородою, во фризовой шинели, и съ виду настоящій жидъ—и я принялъ его за жида, и неразлучныя понятія жида и шпіона произвели во мнѣ обыкновенное дѣйствіе; я поворотился имъ спиною, подумавъ, что онъ былъ потребованъ въ Петербургъ для допросовъ или поясненій... Увидѣвъ меня, онъ съ живостью на меня взглянулъ; я невольно обратился къ нему. Мы пристально смотримъ другъ на друга—и я узнаю Кюхельбекера. Мы кинулись другъ другу въ объятія. Жандармы насъ растащили. Фельдъегерь взялъ меня за руку съ угрозами и ругательствомъ. Я его не слышалъ. Кюхельбекеру сдѣлалось дурно. Жандармы дали ему воды, посадили въ телѣжку и ускакали.

Я поѣхалъ въ свою сторону. На слѣдующей станціи узналъ я, что ихъ везутъ изъ Шлиссельбурга, но куда же?»

Таково было послѣднее свиданіе Пушкина съ Кюхельбекеромъ, однимъ изъ самыхъ близкихъ друзей дѣтства и юности поэта. Осужденный за участіе въ декабрьской смутѣ на 20-ти-лѣтнюю каторгу, Кюхельбекеръ не возвращался болѣе изъ Сибири. Свиданіе его съ Пушкинымъ произошло во время переѣзда изъ Шлиссельбурга въ Динабургъ, куда преступники были переведены передъ отправленіемъ въ Сибирь.

Пріѣхавъ въ Петербургъ, Пушкинъ поселяется въ гостинницѣ Демута и возобновляетъ прежнія связи. Тревожное настроеніе духа, покинувшее его на лѣто, снова возвращается. Онъ становится нервенъ, раздражителенъ, избѣгаетъ людей. Въ обществѣ бываетъ рѣдко, а если и бываетъ, то является или скучающимъ, или же рѣзкимъ, придирчивымъ, озлобленнымъ, непріятнымъ для собесѣдниковъ. Неровность характера, которую мы имѣли уже случай наблюдать въ юности поэта, теперь проявляется съ новою силой. Въ немъ постоянно видна какая-то занозчивость, желаніе «показать себя», особенно передъ мало знакомыми. По словамъ людей, знавшихъ поэта въ этомъ періодѣ его жизни, онъ бывалъ самимъ собой только съ близкими друзьями; но стоило войти въ комнату постороннему человѣку, и онъ мгновенно мѣнялся: веселость его становилась нервной и натянутой, начинались шутки, переходившія всякія границы, и выходки, часто до того циничныя, что слушавшій ихъ приходилъ въ ужасъ и конечно составлялъ себѣ весьма невыгодное о Пушкинѣ мнѣніе. Въ

многолюдныхъ великосвѣтскихъ салонахъ Пушкинъ по большей части молчитъ и скучаетъ.

По свидѣтельству А. П. Кернъ, онъ въ эту зиму часто бывалъ мрачнымъ, разсѣяннымъ и апатичнымъ. Въ немъ проявляется недовольство собой и другими. «Это житье (т. е. петербургское)», говоритъ онъ въ одномъ изъ своихъ писемъ къ Осиповой, «довольно пошло, и я горю желаніемъ измѣнить его тѣмъ или другимъ образомъ... Признаюсь, что шумъ и суета Петербурга сдѣлались мнѣ совершенно чужды, я съ трудомъ ихъ переношу. Я предпочитаю вашъ прекрасный садъ и красивый берегъ Сороти. Вы видите, что у меня вкусъ еще поэтическій, не смотря на скверную прозу моего настоящаго существованія». Подъ вліяніемъ этого тревожнаго состоянія духа и какой-то безотчетной тоски Пушкинъ начинаетъ метаться изъ стороны въ сторону и нигдѣ не находитъ себѣ мѣста: то ѣдетъ въ Москву, то снова возвращается въ Петербургъ.

Въ исходѣ зимы открылась турецкая кампанія, и Пушкинъ, воображенію котораго всегда нравилась война съ ея подвигами и опасностями, просится въ Турцію. Получивъ отказъ, онъ собирается въ Парижъ, но снова не получаетъ разрѣшенія. Неудача эта такъ огорчила его, что онъ сдѣлался боленъ. Въ то же время тянется исторія, весьма непріятная для нашего поэта. Дѣло въ томъ, что еще въ 1826 г. въ руки полиціи попался запрещенный отрывокъ изъ стихотворенія Пушкина «Андрей Шенье» *). Отрывокъ этотъ былъ извѣстенъ друзьямъ Пушкина и ходилъ по Москвѣ въ рукописи.

Штабсъ-капитанъ конно-егерскаго полка Александръ Алексѣевъ сообщилъ его прапорщику лейбъ-гвардіи конно-піонернаго эскадрона Молчанову. Послѣдній, передавая стихи эти кандидату московскаго университета Андрею Леопольдову, сказалъ, что стихи эти написаны на 14-е декабря 1825 г., а Леопольдовъ поставилъ это уже и въ заглавіе отрывка. Такимъ образомъ стихи, переведенные изъ Андрея Шенье и относящіеся до кровавой сцены изъ французской исторіи, пошли за стихи о декабрьской смутѣ... На бѣду отрывокъ этотъ перешелъ отъ Леопольдова къ чиновнику Коноплеву, агенту генерала Скобелева. Послѣдній употреблялся тогда по дѣламъ секретной полиціи. Скобелевъ, впослѣдствіи самъ писатель, въ то время не разумѣя цѣны Пушкину, слышалъ о немъ только, какъ о вольнодумномъ молодомъ человѣкѣ, удаленномъ за какія-то сочиненія въ деревню, и предалъ его. Заварилась исторія! Алексѣевъ, Молчановъ и Леопольдовъ были посажены въ тюрьму и судились: первые два — военнымъ, а послѣдній — уголовнымъ судомъ. Гражданскій судъ продолжался два года; къ отвѣту его былъ призываемъ и Пушкинъ. Поэтъ доказывалъ, что стихи изъ А. Шенье переведены имъ гораздо прежде 14-го декабря 1825 г., что они явно относятся къ французской революціи, въ которой Шенье погибъ, и никакъ, безъ совершенной безсмыслицы, не могутъ быть относимы къ 14-му декабря; что онъ не знаетъ, кѣмъ надъ этими стихами поставлено ошибочное

---

*) „Привѣтствую тебя, мое свѣтило"...

заглавіе, и не помнитъ, кому онъ могъ передать элегію. Далѣе же, объясняя, что въ этомъ отрывкѣ Шенье говоритъ о взятіи Бастиліи, о клятвѣ du jeu de paume, о перенесеніи тѣхъ славныхъ изгнанниковъ въ Пантеонъ, о побѣдѣ революціонныхъ идей, о торжественномъ провозглашеніи равенства, объ уничтоженіи царей,—Пушкинъ заключилъ вопросомъ: «Что же тутъ общаго съ несчастнымъ бунтомъ 14-го декабря, уничтоженнымъ тремя выстрѣлами картечи и взятіемъ подъ стражу всѣхъ заговорщиковъ?»

На вопросъ суда: какимъ образомъ непропущенный цензурою отрывокъ сталъ переходить изъ рукъ въ руки, Пушкинъ отвѣчалъ, что элегія его «Андрей Шенье» была всѣмъ извѣстна еще до напечатанія, и онъ не думалъ дѣлать изъ нея тайны.

Правительствующій сенатъ, соображая духъ этого творенія съ тѣмъ временемъ, въ которое оно выпущено въ публику, призналъ это сочиненіе «соблазнительнымъ и служившимъ къ распространенію въ неблагонамѣренныхъ людяхъ того пагубнаго духа, который правительство обнаружило во всемъ его пространствѣ», и постановилъ, что «хотя Пушкина надлежало бы подвергнуть отвѣту передъ судомъ, но какъ преступленіе сдѣлано имъ до всемилостивѣйшаго манифеста 22-го августа 1826 года, то, избавя его отъ суда и слѣдствія, обязать подпискою, чтобы впредь никакихъ своихъ твореній безъ разсмотрѣнія цензуры не осмѣливался выпускать въ свѣтъ, подъ опасеніемъ строгаго по законамъ взысканія».

Государственный совѣтъ прибавилъ къ этому, чтобы за Пушкинымъ, по неприличному выраженію его въ отвѣтѣ на счетъ происшествія 14-го декабря 1825 года и по духу самаго сочиненія его, въ октябрѣ мѣсяцѣ того года напечатаннаго, имѣлся секретный надзоръ».

Все это было Высочайше утверждено въ августѣ 1828 года. Такъ разыгралась для Пушкина эта непріятная исторія*).

На этотъ разъ гроза миновала. Пушкинъ отдѣлался однимъ страхомъ. Но процессъ этотъ, несмотря на свой благопріятный исходъ, не остался все-таки безъ послѣдствій: во-первыхъ, полицейскій надзоръ, учрежденный Бенкендорфомъ, былъ теперь Высочайше утвержденъ и вошелъ, такъ-сказать, въ законную силу. Хотя онъ и названъ «секретнымъ», но тѣмъ не менѣе давалъ себя чувствовать. Во-вторыхъ, перспектива новой ссылки или чего-либо еще худшаго, въ продолженіе двухъ лѣтъ Дамокловымъ мечомъ висѣвшая надъ головой поэта, разстроила его окончательно. И наконецъ, въ-третьихъ, послѣ этой исторіи онъ не могъ быть спокоенъ за будущее, такъ какъ всякую минуту можно было ожидать, что выплыветъ наружу еще какой-нибудь забытый грѣшокъ молодости,—и тогда уже на пощаду разсчитывать было трудно.

Всѣ эти мелкіе житейскіе дрязги и непріятности отвлекали Пушкина отъ поэзіи. За весь этотъ періодъ времени онъ пишетъ очень мало. Только одинъ

---

*) Р. Старина 1874 г. Кн. VIII.

разъ, въ октябрѣ 1828 года, его посѣщаетъ вдохновеніе, и онъ въ нѣсколько дней пишетъ «Полтаву». Но и этотъ приливъ вдохновенія былъ какой-то лихорадочный, безпокойный. Самъ Пушкинъ разсказывалъ впослѣдствіи, какъ написана имъ «Полтава», и М. В. Юзефовичъ въ своихъ воспоминаніяхъ*) передаетъ намъ этотъ разсказъ поэта: «Это было въ Петербургѣ. Погода стояла отвратительная. Онъ усѣлся дома, писалъ цѣлый день. Стихи ему грезились даже во снѣ, такъ что онъ ночью вскакивалъ и записывалъ ихъ въ потьмахъ. Когда голодъ его прохватывалъ, онъ бѣжалъ въ ближайшій трактиръ, стихи преслѣдовали его и туда; онъ ѣлъ на скорую руку, что попало, и убѣгалъ домой, чтобъ записать то, что набралось у него на бѣгу и за обѣдомъ. Такимъ образомъ слагались у него цѣлыя сотни стиховъ въ сутки. Иногда мысли, не укладывавшіяся въ стихи, записывались имъ прозой. Но затѣмъ слѣдовала отдѣлка, при которой изъ набросковъ не осталось и четвертой части».

«Я видѣлъ у него черновые листы», прибавляетъ г. Юзефовичъ, «до того измаранные, что на нихъ нельзя было ничего разобрать; надъ зачеркнутыми строками было по нѣскольку рядовъ зачеркнутыхъ же строкъ, такъ что на бумагѣ не оставалось уже ни одного чистаго мѣста».

Быстрота написанія «Полтавы» по истинѣ изумительна. Первая пѣсня окончена 3-го октября, вторая—9-го, третья—16-го. Такимъ образомъ, если предположить, что первая пѣсня писалась не дольше остальныхъ, то окажется, что вся поэма окончена приблизительно въ три недѣли. По признанію самого поэта, останавливаться долѣе на мрачныхъ картинахъ новаго произведенія было бы ему не подъ силу. «Однако, какой отвратительный предметъ!»—говоритъ онъ о Мазепѣ. «Ни одного добраго, благосклоннаго чувства! Ни одной утѣшительной черты! Соблазнъ, вражда, измѣна, лукавство, малодушіе, свирѣпость!... Сильные характеры и глубокая трагическая тѣнь, набросанная на всѣ эти ужасы—вотъ что увлекло меня. Полтаву написалъ я въ нѣсколько дней, долѣе не могъ бы ею заниматься и бросилъ бы все».

По окончаніи «Полтавы» Пушкинъ немедленно уѣхалъ изъ Петербурга и 27 октября былъ уже въ Тверской губерніи, въ деревнѣ Малинникахъ, имѣніи Вульфовъ.

Душевная тревога покинула поэта, едва только вырвался онъ изъ душной столичной атмосферы. Въ Малинникахъ мы находимъ его въ спокойномъ и ясномъ состояніи духа. Онъ принимается за работу. Въ самый день пріѣзда въ деревню написано имъ посвященіе поэмы:

«Тебѣ,... но голосъ музы темной
Коснется-ль уха твоего?» и т. д.

съ эпиграфомъ: J love this sweet name (люблю это нѣжное имя). 4-го ноября

---

*) Р. Архивъ 1880, III.

1828 г. окончена тамъ же послѣдняя шуточная строфа VII главы «Онѣгина»; 9 ноября написанъ «Анчаръ»; за нимъ (10 ноября) «Отвѣтъ Катенину»... Потомъ «Отвѣтъ Готовцевой», въ весьма милыхъ стихахъ упрекавшей Пушкина (см. Сѣверные Цвѣты на 1829 г.) въ непониманіи женскаго достоинства, поводомъ къ чему послужилъ, вѣроятно, отрывокъ изъ Евгенія Онѣгина, напечатанный въ Московскомъ Вѣстникѣ 1827, № XX, подъ названіемъ «Женщины», а можетъ быть и нѣсколько строкъ въ «Мысляхъ и Замѣткахъ» Пушкина 1828 г. Ранѣе «Отвѣта Катенину» написано и веселое «Посланіе къ В**» (Великопольскому), сочинителю сатиры на игроковъ,—посланіе, не попавшее въ полное собраніе сочиненій нашего автора, но напечатанное въ Сѣверной Пчелѣ 1828 г., № 9, съ выноской издателей: «Имени сочинителя сихъ стиховъ не подписываемъ: ex ungue leonem)».

Въ поименованныхъ произведеніяхъ нѣтъ и слѣдовъ нравственнаго безпокойства, какіе отличаютъ его произведенія, писанныя весной и лѣтомъ: они ясны и спокойны. Въ дружеской перепискѣ съ Дельвигомъ, посылая ему свои стихотворенія, Пушкинъ беззаботно шутитъ и разсказываетъ дѣтскій анекдотъ съ удовольствіемъ человѣка, готоваго веселиться при малѣйшемъ поводѣ: «Вотъ тебѣ въ «Цвѣты» Отвѣтъ Катенину, вмѣсто отвѣта Готовцевой, который «не готовъ». Я совершенно разучился любезничать... Не знаю, долго ли останусь въ этомъ краю. Жду отвѣта отъ Баратынскаго. Къ новому году, вѣроятно, явлюсь къ вамъ, въ Чухляндію. Здѣсь мнѣ очень весело. П. А. (Осипову) я люблю; душевно жаль, что она хвораетъ и все безпокоится. Сосѣди ѣздятъ смотрѣть на меня, какъ на собаку Мунито—скажи это графу Хвостову. П. М. (Полтарацкій) здѣсь повеселѣлъ и уморительно милъ. На дняхъ было сборище у одного сосѣда, я долженъ былъ туда пріѣхать. Дѣти его родственницы, балованные ребятишки, хотѣли непремѣнно туда же ѣхать. Мать принесла имъ изюму и черносливу и думала тихонько отъ нихъ убраться, но П. М. ихъ взбудоражилъ. Онъ къ нимъ прибѣжалъ: дѣти, дѣти! мать васъ обманываетъ; не ѣшьте черносливу, поѣзжайте съ нею. Тамъ будетъ Пушкинъ—онъ весь сахарный... его разрѣжутъ и всѣмъ вамъ будетъ по кусочку. Дѣти разревѣлись: не хотимъ чернослива, хотимъ Пушкина. Нечего дѣлать, ихъ повезли, и они сбѣжались ко мнѣ, облизываясь, но увидѣвъ, что я не сахарный, а кожаный,—совсѣмъ опѣшили... Я толстѣю и поправляюсь въ моемъ здоровьѣ...» и проч.

Въ другомъ письмѣ, слѣдовавшемъ вскорѣ за этимъ, онъ повторяетъ, что весело ему, и прибавляетъ, что любитъ деревенскую жизнь. «Вотъ тебѣ отвѣтъ Готовцевой... Какъ ты находишь «ces petits vers froids et coulants?» Правда ли, что ты ѣдешь зарыться въ смоленской крупѣ? Видишь, какую ты кашу заварилъ. Посылаешь меня за Баратынскимъ, а самъ и драла. Что мнѣ съ тобою дѣлать? Здѣсь мнѣ очень весело, ибо я деревенскую жизнь очень люблю. Здѣсь думаютъ, что я пріѣхалъ набирать строфы въ «Онѣгина», и стращаютъ мною ребятъ, какъ букою. А я ѣзжу на паромѣ и играю въ вистъ по 8 гривенъ ро-

беръ... Скажи это нашимъ... я пріѣду къ нимъ. Полно. Я что-то сегодня съ тобой разоврался. 26 ноября 1828. Что Иліада и что Гнѣдичъ?»...*)

Возвратившись въ Петербургъ, Пушкинъ снова началъ скучать и хандрить. Поѣздки его въ Москву учащаются и на этотъ разъ не безъ причины. Зимой 1828—29 года начала выѣзжать въ свѣтъ и обратила на себя всеобщее вниманіе молодая красавица, Наталья Николаевна Гончарова. Трудно опредѣлить, встрѣча ли съ Гончаровой внушила Пушкину мысль о женитьбѣ, или намѣреніе это явилось у него прежде, и красота Натальи Николаевны только рѣшила его выборъ. По нашему мнѣнію, послѣднее предположеніе правдоподобнѣе. Неопредѣленное положеніе въ обществѣ, постоянная тоска и неудовлетворенность давно уже томили его желаніемъ измѣнить тѣмъ или другимъ образомъ свою жизнь. Къ этому присоединилось чувство бездомности и одиночества. Отношенія поэта къ семьѣ, несмотря на примиреніе послѣ михайловской исторіи, оставались довольно сухими. Дома онъ бывалъ такъ неохотно и рѣдко, что друзья принуждены были уговаривать его навѣщать родителей. Такъ напр. кн. П. А. Вяземскій пишетъ ему отъ 22 ноября 1827 года: «Кстати! Часто ли обѣдаешь дома, т. е. въ нѣдрахъ Авраама? Сдѣлай милость обѣдай чаще».

Въ слѣдующемъ 1828 году, когда любимая сестра поэта, Ольга Сергѣевна, тайкомъ повѣнчалась съ г. Павлищевымъ и покинула семью, Пушкинъ еще неохотнѣе сталъ посѣщать родителей. Такимъ образомъ дома у него не было. А между тѣмъ онъ былъ уже не мальчикъ; у него явились потребности покоя и комфорта, и трактирная жизнь у Демута его утомляла. По свидѣтельству кн. П. П. Вяземскаго**), онъ самъ говорилъ, что началъ помышлять о женитьбѣ, желая покончить жизнь молодаго человѣка и выйти изъ того положенія, при которомъ какой-нибудь юноша могъ трепать его по плечу и звать въ неприличное общество. Всѣ эти данныя заставляютъ предполагать, что Пушкинъ давно уже втайнѣ мечталъ о женитьбѣ, когда встрѣча съ Н. Н. Гончаровой рѣшила его судьбу.

Увлеченный красотою молодой дѣвушки, онъ рѣшился добиться ея руки. Вотъ выдержка изъ записаннаго г. Бартеневымъ разсказа Сергѣя Николаевича Гончарова***): «Пушкинъ, влюбившись въ Гончарову, просилъ Американца графа Толстаго, стариннаго знакомаго Гончаровыхъ, чтобъ онъ съѣздилъ къ нимъ и испросилъ позволенія привезти Пушкина. На первыхъ порахъ Пушкинъ былъ очень застѣнчивъ, тѣмъ болѣе, что вся семья обращала на него большое вниманіе. Наталья Николаевна была младшая дочь. Пушкину позволили ѣздить. Онъ безпрестанно бывалъ. А. П. Малиновская (супруга извѣстнаго археолога) по его просьбѣ уговаривала въ его пользу; но съ Натальей Ивановной (матерью) у нихъ бывали частыя размолвки, потому что Пушкину случалось проговариваться о проявленіяхъ благочестія и объ Императорѣ Александрѣ Павловичѣ, а у Натальи

---

*) Эти свѣдѣнія о пребываніи Пушкина въ Маленникахъ заимств. нами изъ „Матеріаловъ" г. Анненкова.
**) „А. С. П. по докум. Астафьевскаго архива".
***) Бумаги А. С. Пушкина. Изд. г. Бартенева 1881 г.

Ивановны была особая молельня со множествомъ образовъ, и про покойнаго Государя она выражалась не иначе, какъ съ благоговѣніемъ. Пушкину напрямикъ не отказали, но отозвались, что надо подождать и посмотрѣть, что дочь еще слишкомъ молода и пр.»...

Уклончивость отвѣта этого, кромѣ причинъ, указанныхъ С. Н. Гончаровымъ, объясняется еще репутаціей, которую составилъ себѣ Пушкинъ своей бурной молодостью и которая до сихъ поръ не была забыта. Цѣлыя легенды о похожденіяхъ повѣсы, Донъ-Жуана и вольнодумца, какимъ изображался Пушкинъ, еще переходили изъ устъ въ уста и конечно не могли миновать Гончаровыхъ. Говорили также, что Пушкинъ въ немилости у Государя и состоитъ подъ тайнымъ надзоромъ. Очень понятно, что всѣ эти слухи пугали благочестивую и благонамѣренную Наталью Ивановну.

Отвѣтъ ея, переданный Пушкину гр. Толстымъ, привелъ поэта въ отчаяніе. Въ одномъ изъ писемъ къ Натальѣ Ивановнѣ, писанномъ гораздо позже, онъ самъ говорилъ о своемъ увлеченіи Натальей Николаевной и о впечатлѣніи, которое произвелъ на него неопредѣленный отвѣтъ, болѣе похожій на отказъ, нежели на согласіе: «Когда я увидѣлъ ее въ первый разъ», пишетъ онъ, «красоту ея только-что начинали замѣчать въ обществѣ. Я ее полюбилъ, голова у меня закружилась; я просилъ руки ея. Отвѣтъ вашъ, при всей его неопредѣленности, едва не свелъ меня съ ума; въ ту же ночь я уѣхалъ въ армію. Спросите, зачѣмъ? Клянусь, самъ не умѣю сказать; но тоска непроизвольная гнала меня изъ Москвы: я бы не могъ въ ней вынести присутствія вашего и ея. Я къ вамъ писалъ, надѣялся, ждалъ отвѣта. Отвѣта не приходило. Ошибки первоначальной моей юности представлялись моему воображенію. Онѣ были слишкомъ рѣзки, клевета преувеличивала ихъ; по несчастью, молва о нихъ сдѣлалась всеобщею. Вы могли ей повѣрить; я не смѣлъ жаловаться на то, но я былъ въ отчаяніи» *).

Итакъ настоящею причиною внезапнаго отъѣзда Пушкина на Кавказъ было неудачное сватовство. Онъ рѣшился уѣхать, и уѣхать подальше. Потребность сильныхъ впечатлѣній, которыя могли бы заглушить тоску души его, война, издавна манившая воображеніе поэта, наконецъ желаніе повидать нѣкоторыхъ друзей и брата Льва Сергѣевича (служившаго въ Нижегородскомъ драгунскомъ полку),—все это заставило Пушкина избрать цѣлью своей поѣздки Кавказъ. Не испросивши разрѣшенія начальства, не сказавшись даже никому изъ друзей, онъ пустился въ далекій путь.

Надежда его на благотворное дѣйствіе путешествія оправдалась какъ нельзя болѣе: чѣмъ дальше отъѣзжалъ онъ отъ столицы, тѣмъ спокойнѣе и отраднѣе становилось у него на душѣ. Достигнувъ Кавказа, онъ дѣлается неузнаваемъ. Куда дѣвались тоска и усталость! Онъ снова является прежнимъ Пушкинымъ, подвижнымъ, веселымъ и бодрымъ. По свидѣтельству Н. Б. Потокскаго **), встрѣ-

*) Бумаги А. С. Пушкина. Изд. г. Бертенева 1881 г. Приведенное письмо писано по-французски.
**) Воспоминанія Н. Б. Потокскаго. Р. Старина. 1880 г. іюль.

тившаго Пушкина въ Екатериноградской станицѣ и сопровождавшаго его до самаго Тифлиса, Александръ Сергѣевичъ все время путешествія былъ душою многочисленнаго общества офицеровъ, чиновниковъ, купцовъ и проч., слѣдовавшихъ въ армію, къ которымъ онъ присоединился. «Пушкинъ одинъ изъ первыхъ одѣлся въ черкесскій костюмъ, вооружился шашкой, кинжаломъ, пистолетомъ; подражая ему, многіе изъ мирныхъ людей накупили у казаковъ кавказскихъ нарядовъ и оружія... На пути онъ затѣвалъ скачки; другіе, тоже подражая ему, далеко удалялись за цѣпь, но всегда бывали возвращаемы обратно командовавшимъ транспортомъ офицеромъ, предупреждавшимъ объ опасности быть захваченными или подстрѣленными хищниками. Тогда Пушкинъ, подъѣзжая къ офицеру, бралъ подъ козырекъ и произносилъ: «слушаемъ, отецъ-командиръ!»... На ночлегахъ начиналось чаепитіе, ужины, веселые разговоры, пѣсни, иногда до разсвѣта. Александръ Сергѣевичъ очень любилъ расписывать двери и стѣны мѣломъ и углемъ въ отводившихся для ночлега казенныхъ домикахъ. Его рисунки и стихи очень забавляли публику, но вмѣстѣ съ тѣмъ возбуждали неудовольствіе и ворчаніе старыхъ инвалидовъ-сторожей, которые, замѣтивъ гдѣ-нибудь нарисованную карикатуру или написанное, немедленно стирали все тряпкой; когда же ихъ останавливали, говоря: «братцы, не троньте, вѣдь это писалъ Пушкинъ»,—то разъ одинъ изъ старыхъ ветерановъ отвѣтилъ: «Пушкинъ или Кукушкинъ—все равно, но зачѣмъ же казенныя стѣны пачкать? Комендантъ за это съ нашего брата строго взыскиваетъ». Александръ Сергѣевичъ, услыхавъ такую рѣчь старика-инвалида и подойдя къ нему, просилъ не сердиться, потрепалъ его по плечу и далъ на водку серебряную монету.

Въ крѣпости Владикавказѣ остановка продолжалась цѣлыя сутки. Всѣ проѣзжавшіе являлись къ коменданту, старому кавказскому служакѣ генералу Скворцову. Многихъ онъ пригласилъ къ себѣ обѣдать, въ томъ числѣ и Александра Сергѣевича Пушкина.

Во время сытнаго обѣда, за добрымъ кахетинскимъ виномъ, Александръ Сергѣевичъ внимательно слушалъ разсказы почтеннаго хозяина объ эпизодахъ изъ его кавказской боевой жизни, отъ души смѣялся, подшучивалъ и дѣлалъ ему разные вопросы, при которыхъ старикъ задумывался. «Такъ по вашему, генералъ, Александръ Македонскій проходилъ Дарьяльскимъ ущельемъ въ Индію?» Когда же пиръ кончился и всѣ разошлись по квартирамъ, А. С. Пушкинъ взялъ кусокъ мѣлу, исписалъ всю дверь стихами, начало коихъ приблизительно было слѣдующее:

Не черкесъ, не узбекъ,
Сѣдовласый Казбекъ—
Генералъ Скворцовъ*)
Угостилъ молодцовъ—
Славно! и т. д.

---

*) У него была бѣлая голова, подобно горѣ Казбеку, убѣленному снѣгомъ и тутъ же ясно видимому.—Примѣч. г. Потокскаго.

Выѣхавъ изъ Владикавказа, путешествующее общество черезъ Дарьяльское ущелье мимо горы Казбека направилось къ посту Коби. Прибыли вечеромъ. «Постовой начальникъ», продолжаетъ г. Потоцкій, «казачій офицеръ, не совѣтовалъ рисковать переѣзжать ночью чрезъ снѣжныя горы—Крестовую и Гутъ, а остаться до утра. Вся публика тотчасъ согласилась съ умною рѣчью, такъ какъ всѣ порядочно устали отъ долгой верховой ѣзды на неудобныхъ сѣдлахъ, а главное—проголодались; даже и очень торопившіеся въ армію гвардейцы, и тѣ предпочли остаться ночевать въ Коби.

Въ ожиданіи приготовленія чая и ужина, наше общество разбрелось по окрестностямъ поста любоваться окружавшими его скалами. Не далѣе какъ въ двухъ верстахъ находился довольно большой аулъ, у самаго ущелья, изъ котораго беретъ свое начало р. Терекъ.

Александру Сергѣевичу пришла мысль отправиться въ этотъ аулъ и осмотрѣть его; все общество, конечно, согласилось, и насъ человѣкъ 20 отправились въ путь, пригласивъ съ собою какого-то оборваннаго туземца вмѣсто переводчика, такъ какъ онъ оказался довольно знающимъ по-русски. АлександръСергѣевичъ набросилъ на плечи плащъ и на голову надѣлъ красную турецкую фессъ, захвативъ по дорогѣ толстую суковатую палку, и такъ выступая впереди публики, открылъ шествіе. У самаго аула толпа мальчишекъ встрѣтила насъ и робко начала отступать, но тутъ появилось множество горцевъ, взрослыхъ мужчинъ и женщинъ съ малютками на рукахъ. Началось осматриваніе внутренности саклей, которыя охотно отворялись, но, конечно, ничего не было въ нихъ привлекательнаго; разумѣется, при этомъ дарились мелкія серебряныя деньги, принимаемыя съ видимымъ удовольствіемъ; наконецъ мы обошли весь аулъ и, собравшись вмѣстѣ, располагали вернуться на постъ къ чаю. Густая толпа всетаки насъ не оставляла. Осетины, обыватели аула, разспрашивали нашего переводчика о «красномъ человѣкѣ»; тотъ отвѣчалъ имъ, что это «большой господинъ». Александръ Сергѣевичъ, желая знать, о чемъ переводчикъ съ горцами бесѣдуетъ, вышелъ впередъ и приказалъ переводчику сказать имъ, что «красный — не человѣкъ, а шайтанъ (чортъ), что его поймали еще маленькимъ въ горахъ русскіе; между ними онъ привыкъ, выросъ и теперь живетъ подобно имъ». И когда тотъ передалъ имъ все это, толпа начала понемногу отступать, видимо испуганная; въ это время Александръ Сергѣевичъ поднялъ руки вверхъ, состроилъ сатирическую гримасу и бросился въ толпу. Поднялся страшный шумъ, визгъ, пискъ дѣтей—горцы бросились вразсыпную, но, отбѣжавъ, начали издали бросать въ насъ камнями, а потомъ и приближаться все ближе, такъ что камни засвистѣли надъ нашими головами. Эта шутка Александра Сергѣевича могла кончиться для насъ очень печально, если бы постовый начальникъ не поспѣшилъ къ намъ съ казаками; къ счастью, онъ увидалъ густую толпу горцевъ, окружившую насъ съ шумомъ и гамомъ, и подумалъ о чемъ-то недобромъ. Извѣстно, насколько суевѣрный, дикій горецъ вѣритъ въ существованіе злыхъ духовъ въ Кавказскихъ горахъ. Итакъ мы отретировались благополучно.

Пріѣхавъ въ Тифлисъ, Пушкинъ не нашелъ тамъ никого изъ тѣхъ, кого хотѣлъ и надѣялся видѣть: армія уже выступила въ походъ. Онъ рѣшился ѣхать въ лагерь и обратился къ гр. Паскевичу съ просьбой дозволить ему пріѣхать въ армію. Въ ожиданіи отвѣта прошло около двухъ недѣль, которыя Пушкинъ употребилъ на осмотръ достопримѣчательностей Тифлиса.

«Я съ нетерпѣніемъ ожидалъ разрѣшенія моей участи», разсказываетъ онъ *). «Наконецъ получилъ я записку отъ Раевскаго. Онъ писалъ мнѣ, чтобы я спѣшилъ къ Карсу, потому что черезъ нѣсколько дней войско должно было итти далѣе. Я выѣхалъ на другой же день. Я ѣхалъ верхомъ, перемѣняя лошадей на казачьихъ постахъ. Вокругъ меня земля была опалена зноемъ. Грузинскія деревни издали казались мнѣ прекрасными садами, но, подъѣзжая къ нимъ, видѣлъ я нѣсколько бѣдныхъ сакель, осѣненныхъ пыльными тополями. Солнце сѣло, но воздухъ все еще былъ душенъ:

Ночи знойныя!
Звѣзды чудныя!...

«Луна сіяла; все было тихо; топотъ моей лошади одинъ раздавался въ ночномъ безмолвіи. Я ѣхалъ долго, не встрѣчая признаковъ жилья. Наконецъ увидѣлъ уединенную саклю. Я сталъ стучаться въ дверь. Вышелъ хозяинъ. Я попросилъ воды, сперва по-русски, а потомъ по-татарски. Онъ меня не понялъ. Удивительная безпечность! Въ тридцати верстахъ отъ Тифлиса, и на дорогѣ въ Персію и Турцію, онъ не зналъ ни слова ни по-русски, ни по-татарски.

«Переночевавъ на казачьемъ посту, на разсвѣтѣ я отправился далѣе. Дорога шла горами и лѣсомъ. Я встрѣтилъ путешествующихъ татаръ; между ними было нѣсколько женщинъ. Онѣ сидѣли верхами, окутанныя въ чадры; видны были у нихъ только глаза да каблуки.

«Я сталъ подыматься на Безобдалъ, гору, отдѣляющую Грузію отъ древней Арменіи. Широкая дорога, осѣненная деревьями, извивается около горы. На вершинѣ Безобдала я проѣхалъ сквозь малое ущелье, называемое, кажется, Волчьими воротами, и очутился на естественной границѣ Грузіи. Мнѣ представились новыя горы, новый горизонтъ; подо мною разстилались злачныя зеленыя нивы. Я взглянулъ еще разъ на опаленную Грузію и сталъ спускаться по отлогому склоненію горы къ свѣжимъ равнинамъ Арменіи. Съ неописаннымъ удовольствіемъ замѣтилъ я, что зной вдругъ уменьшился: климатъ былъ другой.

«Человѣкъ мой съ вьючными лошадьми отъ меня отсталъ. Я ѣхалъ въ цвѣтущей пустынѣ, окруженной издали горами. Въ разсѣянности проѣхалъ я мимо поста, гдѣ долженъ былъ перемѣнить лошадей. Прошло болѣе шести часовъ, и я началъ удивляться пространству перехода. Я увидѣлъ въ сторонѣ груды камней, похожія на сакли, и отправился къ нимъ. Въ самомъ дѣлѣ, я пріѣхалъ

---

*) „Путешествіе въ Арзрумъ".

въ армянскую деревню. Нѣсколько женщинъ въ пестрыхъ лохмотьяхъ сидѣли на плоской кровлѣ низменной сакли. Я изъяснился кое-какъ. Одна изъ нихъ сошла въ саклю и вынесла мнѣ сыру и молока. Отдохнувъ нѣсколько минутъ, я пустился далѣе и на высокомъ берегу рѣки увидѣлъ противъ себя крѣпость Гергеры. Три потока съ шумомъ и пѣной низвергались съ высокаго берега. Я переѣхалъ черезъ рѣку. Два вола, впряженные въ арбу, подымались по крутой дорогѣ. Нѣсколько грузинъ сопровождали арбу. «Откуда вы?» спросилъ я ихъ.— «Изъ Тегерана.» — «Что вы везете?» — «Грибоѣда»... Это было тѣло убитаго Грибоѣдова, которое препровождали въ Тифлисъ.

«Не думалъ я встрѣтить уже когда-нибудь нашего Грибоѣдова! Я разстался съ нимъ въ прошломъ году въ Петербургѣ, предъ отъѣздомъ его въ Персію. Онъ былъ печаленъ и имѣлъ странныя предчувствія. Я было хотѣлъ его успокоить, онъ мнѣ сказалъ: Vous ne connaissez pas ces gens-là: vous verrez qu'il faudra jouer des couteaux. Онъ полагалъ, что причиною кровопролитія будетъ смерть шаха и междоусобица его семидесяти сыновей. Но престарѣлый шахъ еще живъ, а пророческія слова Грибоѣдова сбылись. Онъ погибъ подъ кинжалами персіянъ, жертвой невѣжества и вѣроломства. Обезображенный трупъ его, бывшій три дня игралищемъ тегеранской черни, узнанъ былъ только по рукѣ, нѣкогда прострѣленной пистолетною пулею».

Послѣ этой печальной встрѣчи, Пушкинъ черезъ Гергеры и Пернике продолжалъ свой путь, направляясь къ Гумрамъ. Онъ достигъ ихъ около полуночи, иззябшій, усталый и промокшій до нитки подъ проливнымъ дождемъ.

На слѣдующее утро, выйдя изъ палатки, въ которой провелъ ночь, онъ увидѣлъ двуглавую снѣговую гору, сверкавшую на солнцѣ. Ему сказали, что это Араратъ. «Какъ сильно дѣйствіе звуковъ!» восклицаетъ онъ, разсказывая этотъ эпизодъ. «Жадно глядѣлъ я на библейскую гору, видѣлъ ковчегъ, причалившій къ ея вершинѣ съ надеждой обновленія и жизни — и врана и голубицу излетающихъ, символы казни и примиренія»...

Ему подали лошадь. «Я поѣхалъ съ проводникомъ», продолжаетъ онъ свое повѣствованіе. «Утро было прекрасно. Солнце сіяло. Мы ѣхали по широкому лугу, по густой зеленой травѣ, орошенной росою и каплями вчерашняго дождя. Передъ нами блистала рѣчка, черезъ которую должны мы были переправиться. — Вотъ и Арпачай, — сказалъ мнѣ казакъ. Арпачай! Наша граница! Это стоило Арарата. Я поскакалъ къ рѣкѣ съ чувствомъ неизъяснимымъ. Никогда еще не видалъ я чужой земли. Граница имѣла для меня что-то таинственное; съ дѣтскихъ лѣтъ путешествія были моею любимою мечтою. Долго велъ я потомъ жизнь кочующую, скитаясь то по югу, то по сѣверу, и никогда еще не вырывался изъ предѣловъ необъятной Россіи. Я весело въѣхалъ въ завѣтную рѣку, и добрый конь вынесъ меня на турецкій берегъ. Но этотъ берегъ былъ уже завоеванъ; я все еще находился въ Россіи».

Отъ Арпачая до Карса оставалось 75 верстъ. Въ нетерпѣніи увидѣть брата и друзей, Пушкинъ совершилъ этотъ переѣздъ, не останавливаясь. Несмотря

на это, онъ все-таки опоздалъ: армія уже выступила. Переночевавъ, онъ пустился вслѣдъ за нею. Наконецъ 13-го іюня онъ увидѣлъ русскій лагерь, расположенный на берегу Карсъ-Чая. Цѣль пути его была достигнута.

Черезъ пять минутъ по прибытіи въ лагерь Пушкинъ былъ уже въ палаткѣ Н. Н. Раевскаго и обнималъ стараго друга. Вѣсть о его пріѣздѣ быстро распространилась. Явился Левъ Сергѣевичъ, Вальховскій и другіе знакомые поэта. Въ тотъ же день его представили графу Паскевичу. Послѣдній принялъ его весьма радушно и даже велѣлъ поставить ему палатку возлѣ своей, но Пушкинъ предпочелъ пріютиться у Раевскаго.

Съ этого дня онъ уже не покидалъ армію, раздѣляя съ братомъ всѣ труды и лишенія похода.

Здѣсь только, на тридцатомъ году своей жизни, познакомился Пушкинъ какъ слѣдуетъ съ своимъ братомъ Львомъ, съ которымъ дотолѣ упорно разлучала его судьба. Дѣтство братья провели розно. Льву Сергѣевичу было только четыре года, когда брата его отвезли въ Лицей. Съ тѣхъ поръ они видались лишь мелькомъ. Когда Александръ Сергѣевичъ кончилъ курсъ ученья и появился въ свѣтѣ, Левъ Сергѣевичъ былъ еще въ пансіонѣ. Затѣмъ поэтъ былъ сосланъ, и братья шесть лѣтъ не видались вовсе; сношенія ихъ ограничивались одной перепиской. Въ 1824 году, когда, по прибытіи изгнанника въ Михайловское, разыгралась вышеописанная семейная драма, отношенія всѣхъ членовъ семьи были крайне натянуты; Ольга Сергѣевна и Левъ Сергѣевичъ были между двухъ огней, и такое положеніе дѣлъ не могло конечно содѣйствовать сближенію братьевъ. Да и пробыли они вмѣстѣ недолго: Левъ Сергѣевичъ скоро уѣхалъ въ Петербургъ; а когда Александръ Сергѣевичъ былъ возвращенъ изъ ссылки, братъ его былъ уже на Кавказѣ.

Такимъ образомъ теперь впервые встрѣтились они при условіяхъ, способныхъ содѣйствовать взаимному сближенію: разница лѣтъ уже сгладилась; простота бивачной жизни, общность интересовъ и впечатлѣній, наконецъ постоянное пребываніе вмѣстѣ,— все это дало имъ полную возможность короче ознакомиться между собой и скрѣпить тѣ дружескія чувства, которыя они до тѣхъ поръ заочно питали другъ къ другу.

Между братьями было много общаго.

Вотъ какъ И. И. Лореръ въ своихъ воспоминаніяхъ характеризуетъ Льва Сергѣевича *):

«Левъ Сергѣевичъ одинъ изъ пріятнѣйшихъ собесѣдниковъ, какихъ я когда-нибудь зналъ, съ отличнымъ сердцемъ и высокаго благородства. Въ душѣ поэтъ, а въ жизни циникъ страшный. Много написалъ онъ хорошихъ стихотвореній, но изъ скромности ничего не напечаталъ, не желая стоять на лѣстницѣ поэтовъ ниже своего брата. Левъ Сергѣевичъ похожъ лицомъ на своего брата **): тотъ

---

*) Р. Архивъ 1874.

**) Портретъ Льва Сергѣевича Пушкина, работы знаменитаго Орловскаго, доставленъ на выставку племянникомъ покойнаго поэта, Л. Н. Павлищевымъ.

Левъ Сергѣевичъ Пушкинъ

за это, онъ все-таки опоздалъ: армія уже выступила. Переправившись, онъ пустился вслѣдъ за нею. Наконецъ 13-го Іюня онъ увидѣлъ русскій лагерь, расположенный на берегу Карсъ-Чая. Цѣль пути его была достигнута.

Черезъ пять минутъ по прибытіи въ лагерь Пушкинъ былъ уже въ палаткѣ Н. Н. Раевскаго и обнималъ стараго друга. Вѣсть о его пріѣздѣ быстро распространилась. Явился Левъ Сергѣевичъ, Вальховскій и другіе знакомые поэта. Въ тотъ же день его представили графу Паскевичу. Послѣдній принялъ его весьма радушно и даже велѣлъ поставить ему палатку возлѣ своей, но Пушкинъ предпочелъ пріютиться у Раевскаго.

Съ этого дня онъ уже не покидалъ армію, раздѣляя съ братомъ всѣ труды и лишенія похода.

Здѣсь только, на тридцатомъ году своей жизни, познакомился Пушкинъ какъ слѣдуетъ съ своимъ братомъ Львомъ, съ которымъ дотолѣ упорно разлучала его судьба. Разлука братьевъ началась рано. Льву Сергѣевичу было только четыре года, когда брата его отвезли въ Лицей. Съ тѣхъ поръ они видались лишь мелькомъ. Когда Александръ Сергѣевичъ кончилъ курсъ ученья и появился въ свѣтѣ, Левъ Сергѣевичъ былъ еще въ пансіонѣ. Затѣмъ поэтъ былъ сосланъ, и братья шесть лѣтъ не видались вовсе; сношенія ихъ ограничивались одной перепиской. Въ 1824 году, когда, по прибытіи изгнанника въ Михайловское, разыгралась вышеописанная семейная драма, отношенія всѣхъ членовъ семьи были крайне натянуты; Ольга Сергѣевна и Левъ Сергѣевичъ были между двухъ огней, и такое положеніе дѣлъ не могло конечно содѣйствовать сближенію братьевъ. Да и пробыли они вмѣстѣ недолго: Левъ Сергѣевичъ скоро уѣхалъ въ Петербургъ; а когда Александръ Сергѣевичъ былъ возвращенъ изъ ссылки, братъ его былъ уже на Кавказѣ.

Такимъ образомъ теперь впервые встрѣтились они при условіяхъ, способныхъ содѣйствовать взаимному сближенію: разница лѣтъ уже сгладилась; простота бивачной жизни, общность интересовъ и впечатлѣній, наконецъ постоянное пребываніе вмѣстѣ,— все это дало имъ полную возможность короче ознакомиться между собой и скрѣпить тѣ дружескія чувства, которыя они до тѣхъ поръ заочно питали другъ къ другу.

Между братьями было много общаго.

Вотъ какъ И. И. Лореръ въ своихъ воспоминаніяхъ характеризуетъ Льва Сергѣевича *):

«Левъ Сергѣевичъ одинъ изъ пріятнѣйшихъ собесѣдниковъ, какихъ я когда-нибудь зналъ, съ отличнымъ сердцемъ и высокаго благородства. Въ душѣ поэтъ, а въ жизни циникъ страшный. Много написалъ онъ хорошихъ стихотвореній, но изъ скромности ничего не напечаталъ, не желая стоять на лѣстницѣ поэтовъ ниже своего брата. Левъ Сергѣевичъ похожъ лицомъ на своего брата **): тотъ

---

*) Р. Архивъ 1874.

**) Портретъ Льва Сергѣевича Пушкина, работы знаменитаго Орловскаго, доставленъ на выставку племянникомъ покойнаго поэта, Л. Н. Павлищевымъ.

Левъ Сергѣевичъ Пушкинъ.

же африканскій типъ, тѣ же толстыя губы, умные глаза; но онъ блондинъ, хотя волосы его такъ же вьются, какъ черныя *) кудри Александра Сергѣевича. Левъ Пушкинъ ростомъ ниже своего брата, широкоплечъ, вѣчно веселъ, надо всѣмъ смѣется, находчивъ и остеръ въ своихъ отвѣтахъ; пьетъ одно вино, хорошее или дурное—все равно, пьетъ много, и вино никогда на него не дѣйствуетъ. Онъ не знаетъ вкуса чая, кофе, супа, потому что въ нихъ есть вода... Разсказываютъ, что однажды ему сдѣлалось дурно въ какой-то гостиной, и дамы, тутъ бывшія, засуетились около него, стали кричать: воды, воды! — и будто бы Л. С. Пушкинъ, услыхавъ это ненавистное слово, пришелъ въ себя и вскочилъ какъ ни въ чемъ не бывало. Ѣстъ онъ обыкновенно соленое и острое, сельди, сыръ и проч. Память имѣетъ необыкновенную и читаетъ стихи вообще, своего брата въ особенности, превосходно, хотя не доставляетъ этого удовольствія своимъ жаднымъ слушателямъ до тѣхъ поръ, покуда не поставятъ передъ нимъ лимбургскаго сыра и нѣсколько бутылокъ вина. Весь лагерь былъ въ восторгѣ отъ Л. С. Пушкина, и можно было быть увѣрену, что гдѣ Пушкинъ, тамъ кружокъ — и весело.

«Всю экспедицію онъ сдѣлалъ съ одной кожаной подушкой, старой поношенной шинелью, парой платья на плечахъ и шашкой, которую никогда не снималъ. Л. С. Пушкинъ обыкновенно заглядываетъ по палаткамъ, и гдѣ ѣдятъ или пьютъ, онъ тамъ вездѣ садится, ѣстъ и пьетъ. Въ карты Л. С. Пушкинъ игралъ и всегда проигрывалъ; табаку не нюхалъ и не курилъ. Вѣчно безъ денегъ, а если и заведутся кой-какія — то не на долго: или прокутитъ, или раздастъ. У него не было слуги или деньщика. Однимъ словомъ, Л. С. Пушкинъ имѣлъ много странностей, но всѣ онѣ какъ-то шли къ нему, можетъ быть, потому, что были натуральны, и онъ былъ самый безпечный милый человѣкъ, какого я зналъ когда-либо».

Н. Н. Раевскій, оба Пушкина, В. Д. Вальховскій, поэтъ М. В. Юзефовичъ и нѣкоторые другіе во все продолженіе похода были неразлучны. Это время, проведенное въ дружескомъ обществѣ близкихъ людей, среди тревогъ и опасностей войны, въ безыскусственной походной обстановкѣ, гдѣ всѣ живутъ нараспашку оставило по себѣ пріятное воспоминаніе во всѣхъ членахъ этого пріятельскаго кружка.

М. В. Юзефовичъ въ своихъ запискахъ **) сообщаетъ нѣсколько интересныхъ подробностей, живо рисующихъ Пушкина во время пребыванія его на Кавказѣ.

«А. С. Пушкинъ жилъ съ Ник. Ник. Раевскимъ, а я съ его братомъ Львомъ», разсказываетъ г. Юзефовичъ... «Какъ теперь вижу его, живаго, простаго въ обращеніи, хохотуна, очень подвижнаго, даже вертляваго, съ великолѣпными большими, чистыми и ясными глазами, въ которыхъ, казалось, отражалось все

---

*) Здѣсь неточность: Александръ Сергѣевичъ, судя по портретамъ и по общему свидѣтельству имѣлъ волосы темно-русые.

**) Р. Архивъ 1880, III.

прекрасное въ природѣ, съ бѣлыми блестящими зубами, о которыхъ онъ очень заботился, какъ Байронъ. Онъ вовсе не былъ смуглъ, ни черноволосъ, какъ увѣряютъ нѣкоторые, а былъ вполнѣ бѣлокожъ и съ вьющимися волосами каштановаго цвѣта. Въ дѣтствѣ онъ былъ бѣлокуръ, какимъ и остался братъ его Левъ. Въ его обликѣ было что-то родное африканскому типу; но не было того, чтó оправдывало бы его стихъ о самомъ себѣ:

«Потомокъ негровъ безобразный».

«Напротивъ того, черты лица у него были пріятныя и общее выраженіе очень симпатичное. Его портретъ работы Кипренскаго похожъ безукоризненно. Въ одеждѣ и во всей его наружности была замѣтна свѣтская заботливость о себѣ. Носилъ онъ у насъ щегольской черный сюртукъ, съ блестящимъ цилиндромъ на головѣ; а потому солдаты, не зная, кто онъ такой, и видя его постоянно при Нижегородскомъ драгунскомъ полку, которымъ командовалъ Раевскій, принимали его за полковаго священника и звали драгунскимъ батюшкой... Во всѣхъ его рѣчахъ и поступкахъ не было уже слѣда прежняго разнузданнаго повѣсы. Онъ даже оказывался, къ нашему сожалѣнію, слишкомъ воздержнымъ застольнымъ собутыльникомъ. Онъ отсталъ уже окончательно отъ всѣхъ излишествъ, а въ большихъ грѣхахъ покаялся торжественно... Я помню, какъ однажды одинъ болтунъ, думая, конечно, ему угодить, напомнилъ ему объ одной его библейской поэмѣ, и сталъ было читать изъ нея отрывокъ. Пушкинъ вспыхнулъ, на лицѣ его выразилась такая боль, что тотъ понялъ и замолчалъ. Послѣ Пушкинъ, коснувшись этой глупой выходки, говорилъ, что онъ дорого бы далъ, чтобы взять назадъ нѣкоторыя стихотворенія, написанныя имъ въ первой легкомысленной молодости. И ежели въ немъ еще иногда прорывались наружу неумѣренныя страсти, то міровоззрѣніе его перемѣнилось уже вполнѣ и безповоротно. Онъ былъ уже глубоко-вѣрующимъ человѣкомъ и одумавшимся гражданиномъ, понявшимъ требованіе русской жизни и отрѣшившимся отъ утопическихъ иллюзій...

«Что же касается до ходячаго повѣрья, будто онъ участвовалъ въ затѣѣ декабристовъ, то я имѣю полное основаніе утверждать, что онъ оставался въ сторонѣ отъ нея. Я это утверждаю со словъ нѣсколькихъ изъ нихъ, хорошо знакомыхъ съ дѣломъ...

«Однажды Пушкинъ коснулся аристократическаго начала, какъ необходимаго въ развитіи всѣхъ народовъ; я же щеголялъ тогда демократизмомъ. Пушкинъ наконецъ съ жаромъ воскликнулъ: «Я не понимаю, какъ можно не гордиться своими историческими предками! Я горжусь тѣмъ, что подъ выборною грамотою Михаила Ѳедоровича есть пять подписей Пушкиныхъ». Тутъ Раевскій очень смѣшнымъ сарказмомъ обдалъ его какъ ушатомъ холодной воды, и споръ нашъ окончился. Уже послѣ узналъ я по нѣсколькимъ подобнымъ случаямъ объ одной замѣчательной чертѣ въ характерѣ Пушкина: объ его почти невѣ-

вѣроятной чувствительности ко всякой насмѣшкѣ, хотя бы самой невинной и даже пошлой. Противъ насмѣшки онъ оказывался всегда почти безоружнымъ и безотвѣтнымъ».

Во все время похода Пушкинъ былъ чрезвычайно веселъ, оживленъ, подвиженъ. Онъ живо интересовался всѣмъ ходомъ войны, присутствовалъ при всѣхъ стычкахъ съ непріятелемъ, при чемъ часто до того увлекался, что, забывая всякую осторожность, опережалъ казаковъ и драгунъ и носился верхомъ въ самомъ жаркомъ огнѣ перестрѣлки. Такое участіе принималъ онъ въ стычкѣ съ турками 14-го іюня, т. е. на другой день по прибытіи въ лагерь. Объ этомъ эпизодѣ упоминается въ «Исторіи военныхъ дѣйствій въ Азіатской Турціи» Ушакова. Тамъ говорится, что Пушкинъ, услыхавъ перестрѣлку, «выскочилъ изъ ставки, сѣлъ на лошадь и мгновенно очутился на аванпостахъ... Маіоръ Семичевъ едва настигнулъ его и вывелъ насильно изъ передовой цѣпи казаковъ въ ту минуту, когда Пушкинъ, одушевленный отвагою, схвативъ пику послѣ одного изъ убитыхъ казаковъ, устремился противъ непріятельскихъ всадниковъ» *). Послѣ этой незначительной стычки, Пушкинъ участвовалъ еще въ нѣсколькихъ сраженіяхъ: онъ присутствовалъ при пораженіи сераскира Арзрумскаго, при разбитіи Гаки-Паши, наконецъ при взятіи Арзрума.

Необузданная отвага и удаль, выказываемыя поэтомъ въ сраженіяхъ, не могли не внушать опасеній друзьямъ его, а въ начальствѣ возбуждали даже явное неудовольствіе. Г. Потоцкій разсказываетъ **), что Пушкинъ «до того рыскалъ по лагерю, что иногда посланные отъ главнокомандующаго звать Пушкина къ обѣду не находили его. При всякой перестрѣлкѣ съ непріятелемъ, во время движенія войскъ впередъ, Пушкина видѣли всегда впереди скачущихъ казаковъ или драгунъ прямо подъ выстрѣлами. Паскевичъ неоднократно предупреждалъ Александра Сергѣевича, что ему опасно зарываться такъ далеко, и совѣтовалъ находиться во время дѣла неотлучно при себѣ, точь-въ-точь какъ будто адъютанту. Это всегда возмущало пылкость характера и нетерпѣніе Александра Сергѣевича Пушкина — стоять сложа руки и бездѣйствовать. Онъ, какъ будто нарочно, дразнилъ главнокомандующаго и, не слушая его совѣтовъ, при первой возможности скрывался отъ него и являлся гдѣ-нибудь впереди въ самой свалкѣ сраженія. Послѣ всего этого вышла открытая ссора между И. Ѳ. Паскевичемъ и А. С. Пушкинымъ. Наконецъ главнокомандующій, видя, что Александръ Сергѣевичъ явно удаляется отъ него, призвалъ его къ себѣ въ палатку (во время доклада бумагъ Вальховскимъ) и рѣзко объявилъ:

— Господинъ Пушкинъ! мнѣ васъ жаль, жизнь ваша дорога для Россіи; вамъ здѣсь дѣлать нечего, а потому я совѣтую вамъ немедленно уѣхать изъ арміи обратно; я уже велѣлъ приготовить для васъ благонадежный конвой.

В. Д. Вальховскій передавалъ впослѣдствіи, что Александръ Сергѣевичъ порывисто поклонился Паскевичу, выбѣжалъ изъ палатки, немедленно собрался

*) Сочиненія Пушкина, изд. подъ ред. П. А. Ефремова 1881 г., т. V, стр. 293, выноска.

**) Р. Старина 1880 г. Юль.

въ путь, попрощавшись съ знакомыми и друзьями, и въ тотъ же день уѣхалъ. Вальховскій же разсказывалъ подъ секретомъ еще то, что одною изъ главныхъ причинъ неудовольствія главнокомандующаго было нерѣдкое свиданіе Александра Сергѣевича съ нѣкоторыми изъ декабристовъ, находившимися въ арміи рядовыми. Говорили потомъ, что нѣкоторыя личности шпіонили за поведеніемъ Пушкина и передавали свои наблюденія Паскевичу, разумѣется, съ прибавленіями, желая тѣмъ выслужиться».

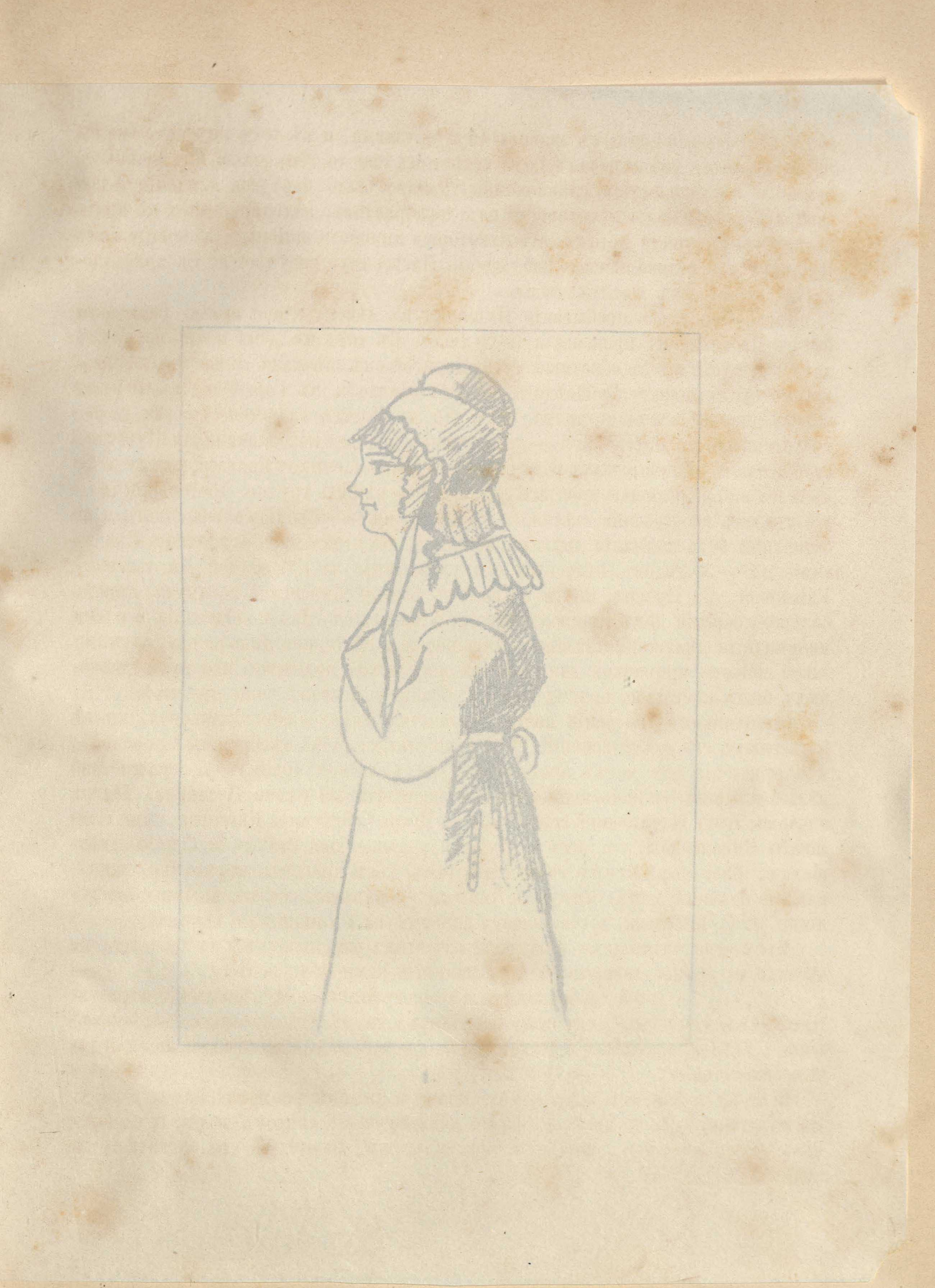
Такъ окончилось пребываніе Пушкина въ дѣйствующей арміи. Размолвка его съ Паскевичемъ произошла 19-го іюля. Въ тотъ же день поэтъ покинулъ лагерь и пустился въ обратный путь. Дорогой онъ заѣзжалъ снова въ Тифлисъ, гдѣ посѣтилъ могилу Грибоѣдова, во Владикавказъ, въ Горячеводскъ, и вездѣ останавливался довольно долго, такъ что въ Москвѣ является онъ уже глубокой осенью, а въ Петербургѣ — въ половинѣ ноября. Возобновилъ ли Пушкинъ свои исканія у Гончаровыхъ немедленно по возвращеніи съ Кавказа, или же ограничился на время ролью простаго знакомаго—рѣшить трудно. Достовѣрно только, что онъ не особенно стѣснялся въ это время своей ролью влюбленнаго и не оставлялъ безъ вниманія другихъ женщинъ. Къ этому именно времени, т. е. къ зимѣ 1829—30 годовъ, относится его ухаживанье за Елизаветой Николаевной Ушаковой. На Прѣснѣ, почти на самомъ берегу Прѣсненскаго пруда, стоялъ большой барскій домъ, принадлежавшій Ушаковымъ. Двѣ молоденькія и очень миловидныя дѣвушки, Елизавета Николаевна и Екатерина Николаевна, служили такой сильной приманкой для холостой московской молодежи, что домъ Ушаковыхъ былъ постоянно полонъ народу. Пушкинъ бывалъ чаще другихъ.

Памятникомъ увлеченія поэта Елизаветой Николаевной Ушаковой, кромѣ извѣстныхъ его стихотвореній, ей посвященныхъ («Вы избалованы природой», «Въ отдаленіи отъ васъ» и «Я васъ узналъ, о мой оракулъ»), остался еще цѣлый альбомъ, сплошь исписанный и изрисованный рукой Пушкина. Теперь альбомъ этотъ составляетъ собственность Петра Сергѣевича Киселева, сына Елизаветы Николаевны, въ томъ же 1829 году вышедшей замужъ за Сергѣя Дмитріевича Киселева. Нечего говорить о томъ, какъ драгоцѣнны рисунки, наполняющіе альбомъ этотъ. Интересъ ихъ еще удваивается обязательными объясненіями П. С. Киселева, доставившаго альбомъ на Пушкинскую выставку.

Предлагая читателямъ нѣкоторые изъ этихъ рисунковъ, мы постараемся, на сколько возможно, припомнить и слышанныя нами объясненія:

№№ 1-й, 2-й и 3-й изображаютъ Елизавету Николаевну Киселеву, которую Пушкинъ, подшучивая надъ фамиліей ея мужа, называлъ: «кисенька» или «кисъ-кисъ». Котята, окружающіе ее, какъ можно догадываться, намекаютъ на ея будущее семейство.

№№ 4-й и 5-й составляютъ одно цѣлое и должны разсматриваться вмѣстѣ. По объясненію П. С. Киселева — это донъ-жуанскій списокъ поэта, т. е. перечень всѣхъ женщинъ, которыми онъ увлекался. Окончаніе его захватываетъ край № 6-го.

въ путь, попрощавшись съ знакомыми и друзьями, и въ тотъ же день уѣхалъ. Вольховскій же разсказывалъ подъ секретомъ еще то, что одною изъ главныхъ причинъ неудовольствія главнокомандующаго было нерѣдкое свиданіе Александра Сергѣевича съ нѣкоторыми изъ декабристовъ, находившимися въ арміи рядовыми. Говорили потомъ, что нѣкоторыя личности шпіонили за поведеніемъ Пушкина и передавали свои наблюденія Паскевичу, разумѣется, съ прибавленіями, желая тѣмъ выслужиться».

Такъ окончилось пребываніе Пушкина въ дѣйствующей арміи. Размолвка его съ Паскевичемъ произошла 19-го іюля. Въ тотъ же день поэтъ покинулъ лагерь и пустился въ обратный путь. Дорогой онъ заѣзжалъ снова въ Тифлисъ, гдѣ посѣтилъ могилу Грибоѣдова, во Владикавказъ, въ Горячеводскъ, и вездѣ останавливался довольно долго, такъ что въ Москвѣ является онъ уже глубокой осенью, а въ Петербургѣ — въ половинѣ ноября. Возобновилъ ли Пушкинъ свои визиты у Гончаровыхъ немедленно по возвращеніи съ Кавказа, или же ограничился на время ролью простаго знакомаго — рѣшить трудно. Достовѣрно только, что онъ не особенно стѣснялся въ это время своей ролью влюбленнаго и не оставлялъ безъ вниманія другихъ женщинъ. Къ этому именно времени, т. е. къ зимѣ 1829—30 годовъ, относится его ухаживанье за Елизаветой Николаевной Ушаковой. На Прѣснѣ, почти на самомъ берегу Прѣсненскаго пруда, стоялъ большой барскій домъ, принадлежавшій Ушаковымъ. Двѣ молоденькія и очень миловидныя дѣвушки, Елизавета Николаевна и Екатерина Николаевна, служили такой сильной приманкой для холостой московской молодежи, что домъ Ушаковыхъ былъ постоянно полонъ народу. Пушкинъ бывалъ чаще другихъ.

Памятникомъ увлеченія поэта Елизаветой Николаевной Ушаковой, кромѣ извѣстныхъ его стихотвореній, ей посвященныхъ («Вы избалованы природой», «Въ отдаленіи отъ васъ» и «Я васъ узналъ, о мой оракулъ»), остался еще цѣлый альбомъ, сплошь исписанный и изрисованный рукой Пушкина. Теперь альбомъ этотъ составляетъ собственность Петра Сергѣевича Киселева, сына Елизаветы Николаевны, въ томъ же 1829 году вышедшей замужъ за Сергѣя Дмитріевича Киселева. Нечего говорить о томъ, какъ драгоцѣнны рисунки, наполняющіе альбомъ этотъ. Интересъ ихъ еще удваивается обязательными объясненіями П. С. Киселева, доставившаго альбомъ на Пушкинскую выставку.

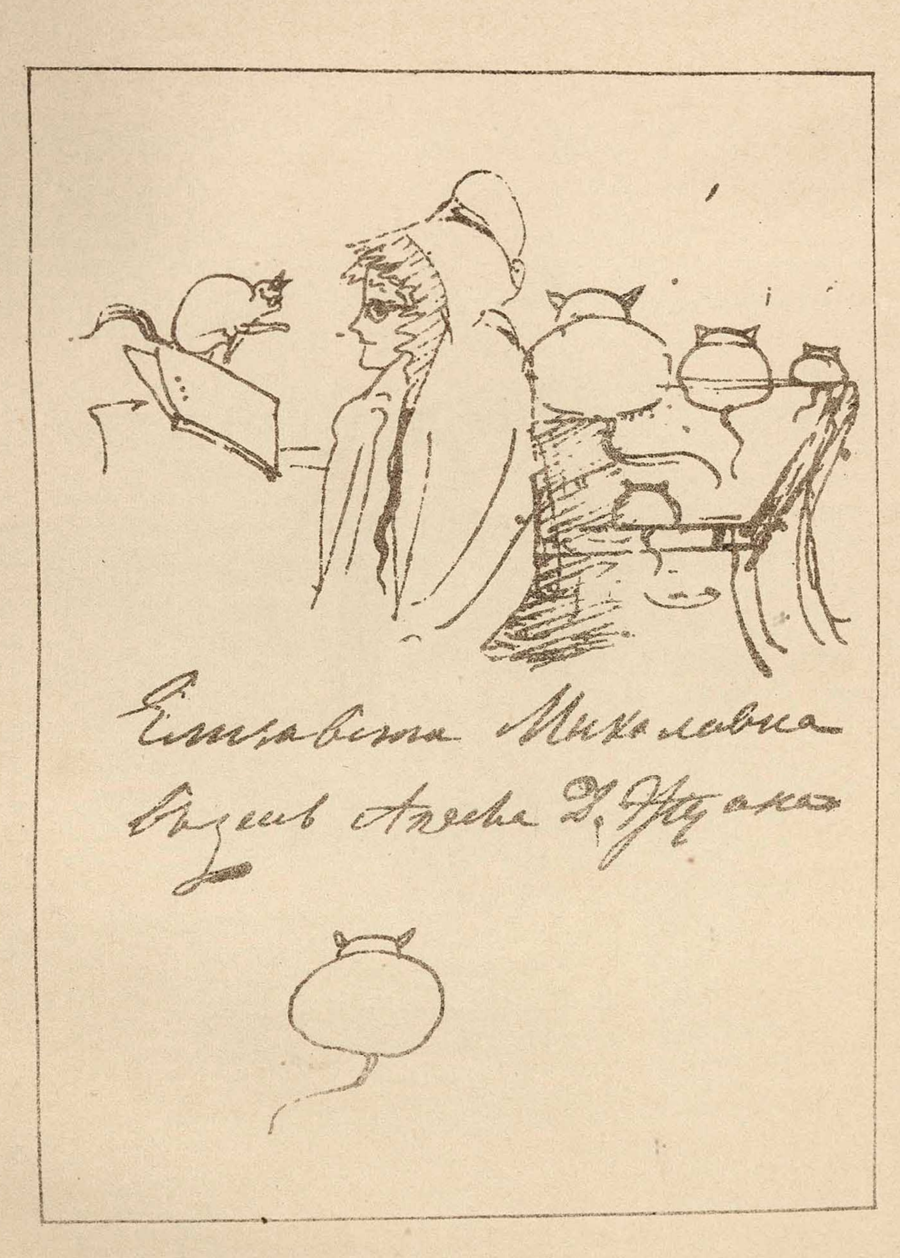
Предлагая читателямъ нѣкоторые изъ этихъ рисунковъ, мы постараемся, на сколько возможно, припомнить и слышанныя нами объясненія:

№№ 1-й, 2-й и 3-й изображаютъ Елизавету Николаевну Киселеву, которую Пушкинъ, подшучивая надъ фамиліей ея мужа, называлъ: «кисенька» или «кисъ-кисъ». Котята, окружающіе ее, какъ можно догадываться, намекаютъ на ея будущее семейство.

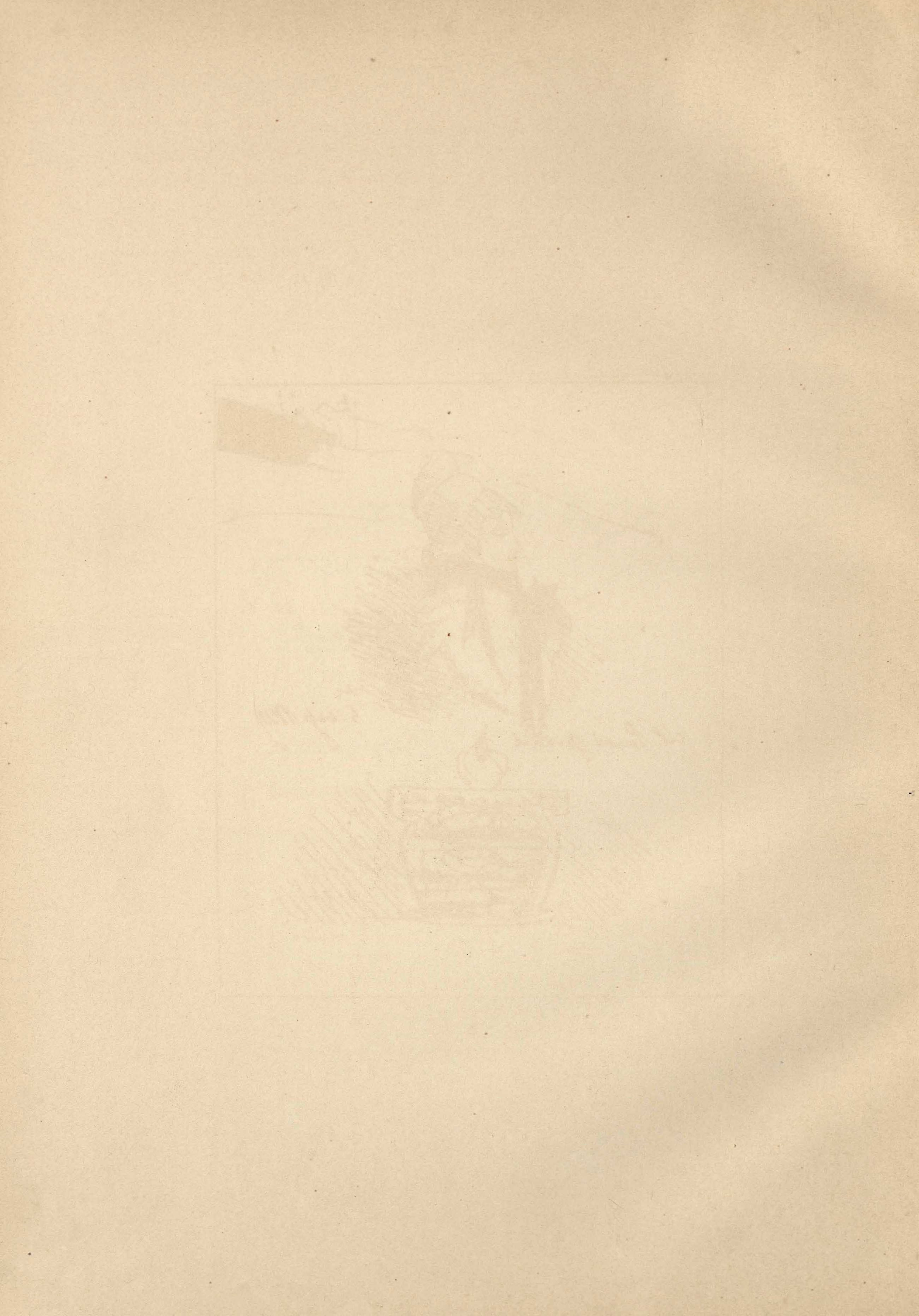
№№ 4-й и 5-й составляютъ одно цѣлое и должны разсматриваться вмѣстѣ. По объясненію П. С. Киселева — это донъ-жуанскій списокъ поэта, т. е. перечень всѣхъ женщинъ, которыми онъ увлекался. Окончаніе его захватываетъ край № 6-го.

1.

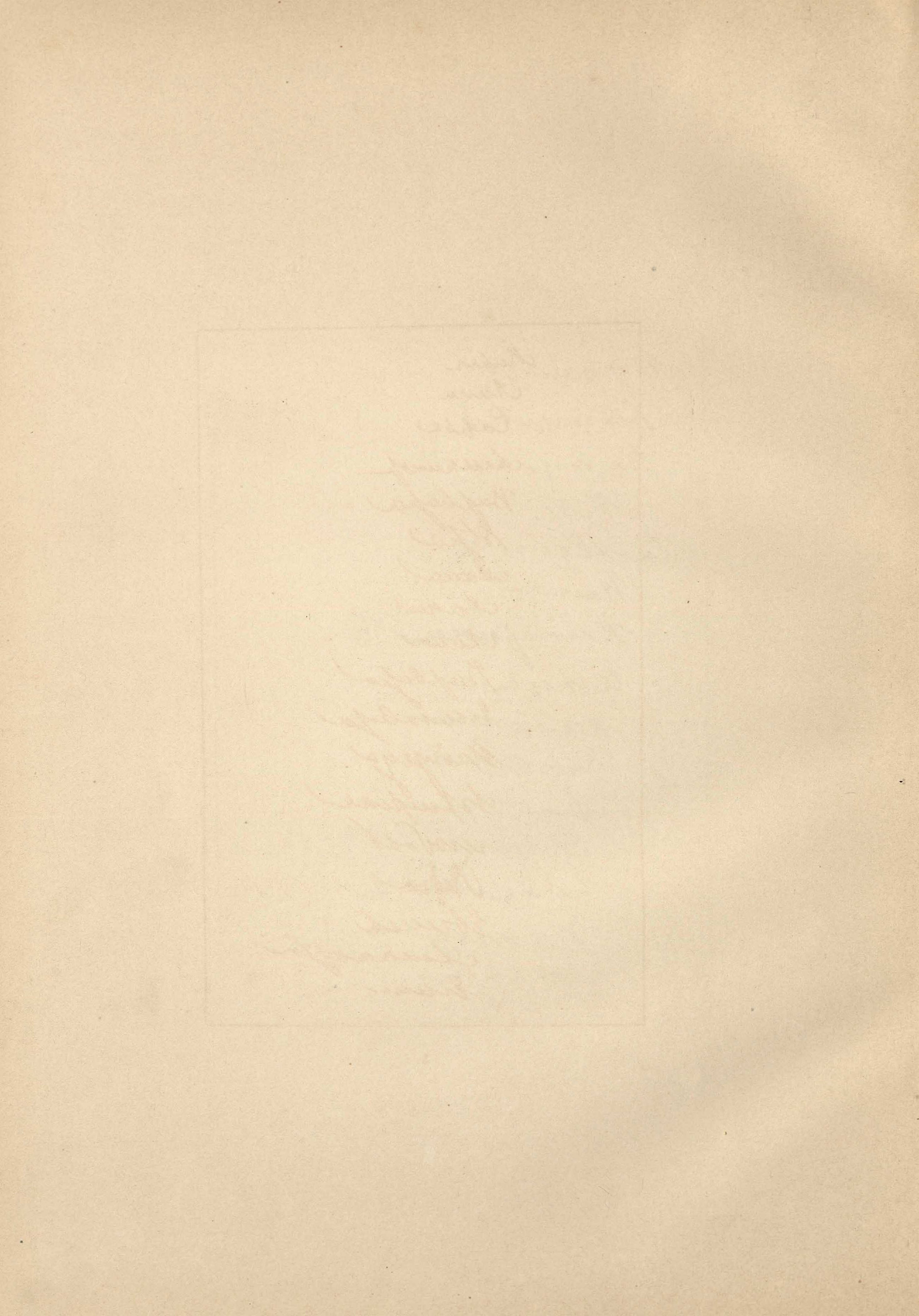
2.

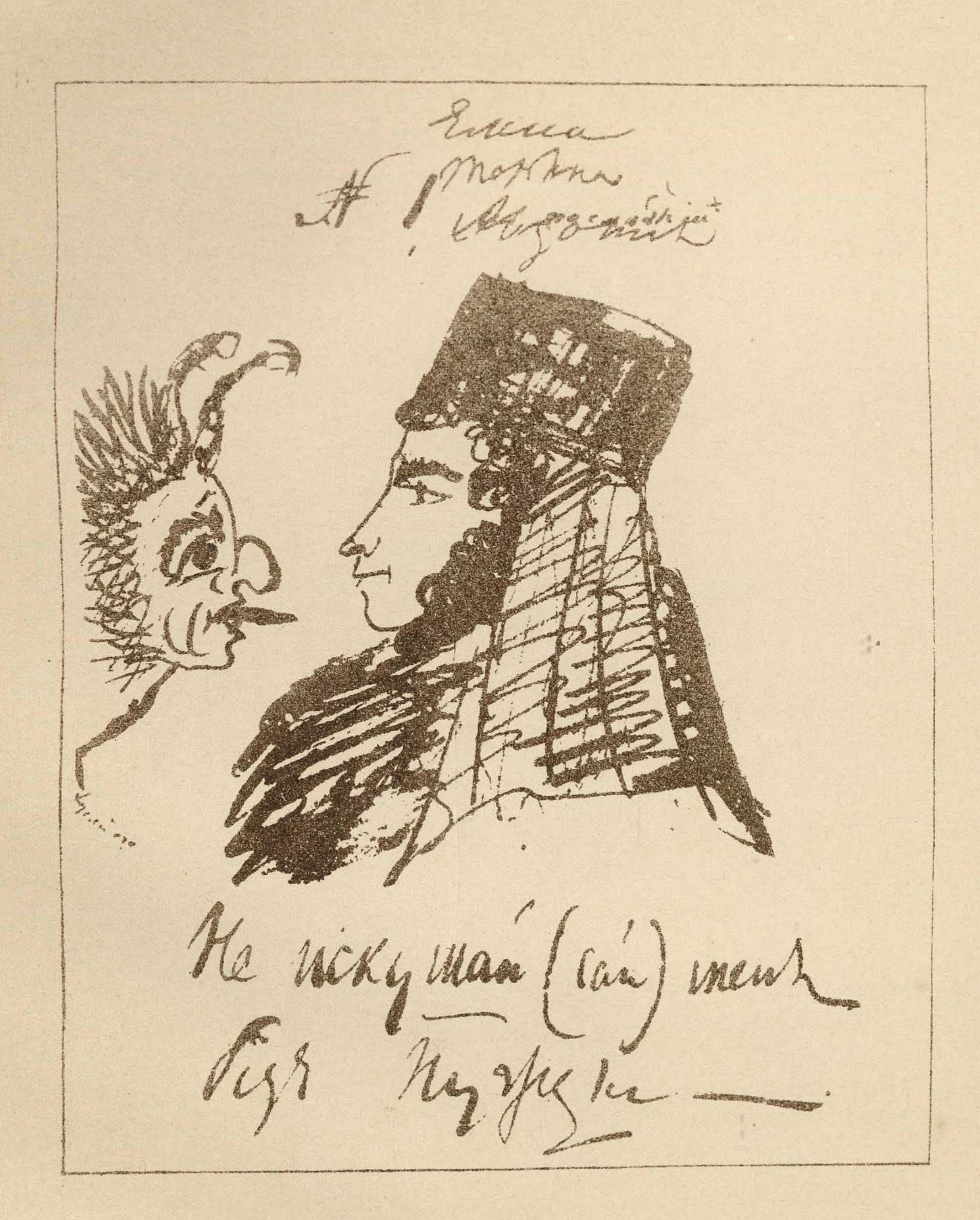

3.

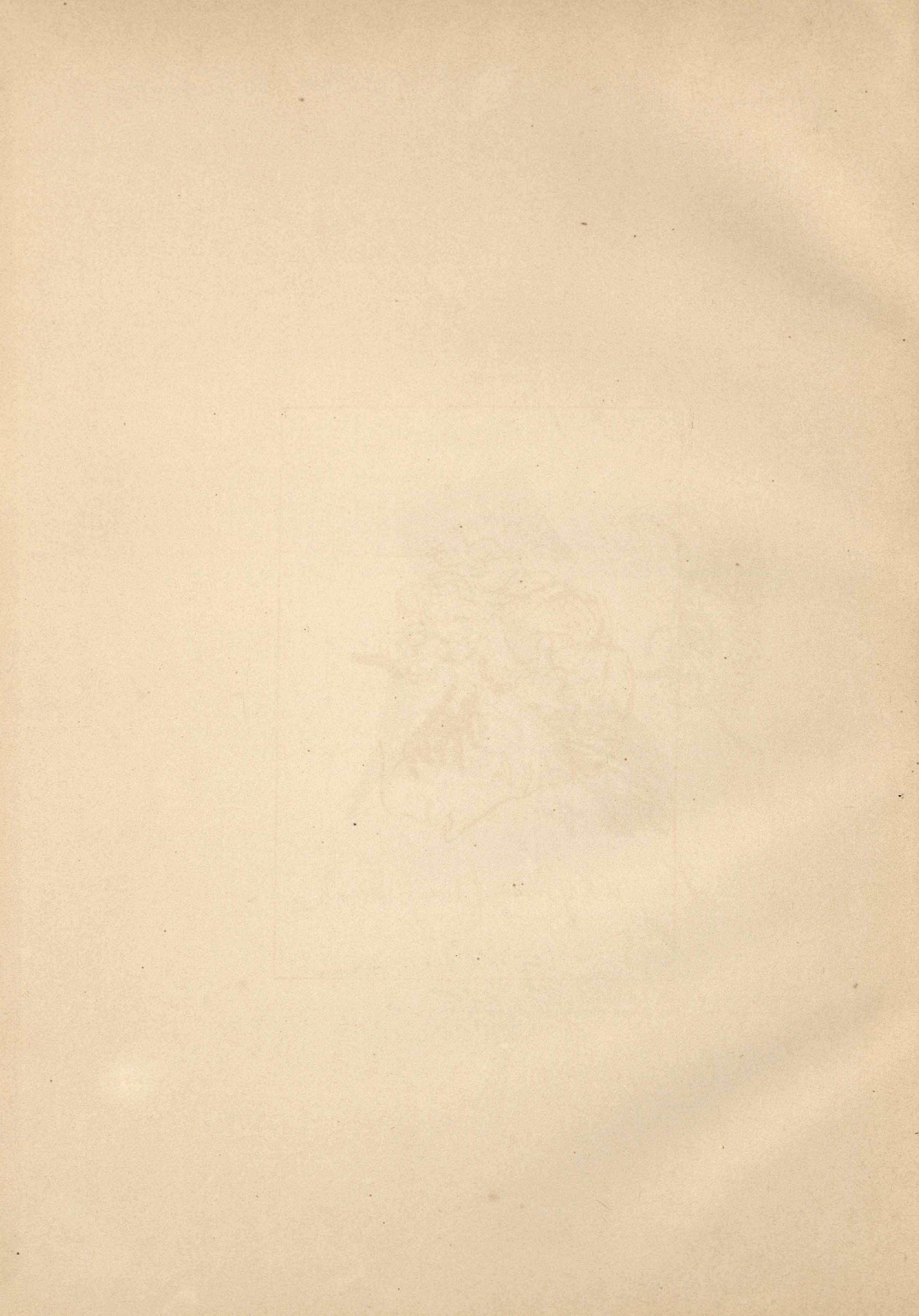
Наталья I
Катерина I
Катерина II
N.N.
Кн. Авдотья
Настасья
Катерина III
Аглая
Калипсо
Пульхерия
Амалия
Элиза
Евпраксия
Катерина IV.
Анна
Наталья

Марья
Анна
Софья
Александр
Варвара
Вѣра
Анна
Анна
Анна
Варвара
Елизавета
Надежда
Агриппина
Любовь
Вѣра
Евгенія
Александра
Елена

6.

I.

8.

Арзрумъ взятый помощію
Божіей и молитвами Екатерины Ни-
колаевны 27 іюня 1829

10.

11.

12.

№№ 6-й и 7-й — каррикатуры Пушкина на самого себя. Къ сожалѣнію, объясненіе перваго рисунка и его подписи — неизвѣстно.

Слѣдующіе три рисунка (№№ 8-й, 9-й и 10-й) суть плоды недавнихъ кавказскихъ впечатлѣній поэта. № 8-й изображаетъ опять-таки самого Пушкина, ѣдущаго въ буркѣ и круглой шляпѣ въ Арзрумъ. № 9, какъ видно изъ подписи, представляетъ самый Арзрумъ, «взятый помощію Божьей и молитвами Екатерины Николаевны 27 іюня 1829 г.».

№ 10-й есть портретъ Льва Сергѣевича Пушкина.

№ 11-й изображаетъ кн. П. А. Вяземскаго въ то время, когда онъ, по своей обязанности церковнаго старосты, обходитъ молящихся съ тарелочкой. № 12-й — гр. А. А. Закревскій съ женою.

Ушаковы, какъ и Гончаровы, жили постоянно въ Москвѣ; поэтому Пушкинъ видалъ ихъ только во время своихъ пріѣздовъ изъ Петербурга, который, несмотря на московскія сердечныя дѣла, все-таки оставался центромъ его жизни.

Въ Петербургъ пріѣхалъ онъ, какъ сказано выше, въ половинѣ ноября и провелъ тамъ всю зиму, за исключеніемъ нѣсколькихъ кратковременныхъ отлучекъ въ Москву. Въ эту зиму онъ принималъ дѣятельное участіе въ «Литературной Газетѣ» Дельвига, имѣвшей цѣлью здравую художественную критику, которой такъ добивался Пушкинъ для отечественной словесности. Несмотря, однако, на эту горячую дѣятельность, безпокойное настроеніе, преслѣдовавшее его до отъѣзда на Кавказъ, теперь снова возвращается. Онъ опять начинаетъ метаться и искать выхода изъ гнетущей обстановки. Такъ въ январѣ 1830 года онъ проситъ позволенія ѣхать за-границу или присоединиться къ миссіи, отправляющейся въ Китай. Само собой разумѣется, что начальство не разрѣшило ни того, ни другаго. Тогда Пушкинъ уѣзжаетъ въ Москву съ твердымъ намѣреніемъ выйти, наконецъ, изъ тяжелаго и неопредѣленнаго положенія и добиться окончательнаго отвѣта Н. Н. Гончаровой.

На этотъ разъ сватовство его имѣло успѣхъ: въ мартѣ мѣсяцѣ 1830 г. онъ сталъ женихомъ. Извѣщая Бенкендорфа о своемъ намѣреніи жениться, Пушкинъ проситъ о томъ доложить Государю. При этомъ онъ жалуется на свое поднадзорное положеніе. «Мать невѣсты», пишетъ онъ, «страшится выдать дочь свою за человѣка, который имѣетъ несчастіе быть подъ гнѣвомъ Государя».

Бенкендорфъ отъ 28-го апрѣля отвѣчалъ, что Государь съ удовольствіемъ услышалъ о намѣреніи поэта жениться и вполнѣ одобряетъ его выборъ; что Государь поручилъ ему, Бенкендорфу, увѣрить Пушкина, что онъ находится не подъ гнѣвомъ, но подъ отеческимъ попеченіемъ Его Величества; что онъ довѣренъ Бенкендорфу, не какъ шефу жандармовъ, но какъ человѣку, въ которомъ найдетъ себѣ друга и покровителя, который оберегаетъ его своими совѣтами и руководитъ имъ только къ его пользѣ.

Единовременно съ письмомъ къ Бенкендорфу Пушкинъ увѣдомилъ о своей помолвкѣ родителей.

Сергѣй Львовичъ отвѣчалъ ему патетическимъ посланіемъ отъ 16-го апрѣля:

«Béni soit mille et mille fois le jour d'hier, mon cher Alexandre, pour la lettre, que nous avons reçue de toi. Elle m'a pénetré de joie et de reconnaissance. Oui, mon ami, c'est le mot. Depuis longtemps j'avais oublié la douceur des larmes, que j'ai versées en la lisant. Que le ciel répande sur toi toutes ses bénédictions et sur l'aimable compagne qui va faire ton bonheur. J'aurais desiré lui écrire, mais je n'ose encore le faire, crainte de n'en avoir pas le droit... Mon bon ami», пишетъ Сергѣй Львовичъ далѣе, «j'attends ta réponse avec la même impatience que tu pourrois éprouver en entendant l'assurance de ton bonheur de la bouche de M-lle Гончаровъ elle-même, car si je suis heureux — c'est de votre bonheur, fier de vos succès, calme et tranquille, quand je vous crois tels. Adieu. Puisse le ciel te combler de ses bénédictions, mes prières journalières ont été et seront toujours pour implorer de lui votre bienêtre. Je t'embrasse bien tendrement et te prie, si tu le juge à propos de me recommander à M-lle Гончаровъ, comme un ami bien et bien tendre»*).

Слухъ о женитьбѣ поэта скоро распространился въ Москвѣ и Петербургѣ. Друзья сочувствовали его счастію. Семья его была въ восторгѣ. Особенно радовался Сергѣй Львовичъ. «Я сейчасъ съ обѣда Сергѣя Львовича», пишетъ Пушкину кн. П. А. Вяземскій отъ 26-го апрѣля, «и твои письма, которыя я тамъ прочелъ, убѣдили меня, что жена меня не мистифируетъ, и что ты точно женихъ. Гряди, женихъ, въ мои объятія! А болѣе всего убѣдила меня въ истинѣ женитьбы твоей вторая, экстренная бутылка шампанскаго, которую отецъ твой розлилъ намъ при полученіи твоего послѣдняго письма. Я тутъ ясно увидалъ, что дѣло не на шутку. Я могъ не вѣрить письмамъ твоимъ, но не могъ не повѣрить его шампанскому».

Свадьба была отложена на нѣсколько мѣсяцевъ и Пушкинъ употребилъ это время на устройство своихъ денежныхъ дѣлъ. Онъ возобновилъ ходатайство о дозволеніи напечатать «Бориса Годунова»,—ходатайство, въ которомъ ему уже два раза было отказано. Третья попытка была успѣшнѣе: трагедія была разрѣшена къ обнародованію въ октябрѣ 1830 г.

Въ концѣ лѣта онъ поѣхалъ въ Петербургъ для дѣловыхъ переговоровъ съ Сергѣемъ Львовичемъ. Послѣдній выдѣлилъ сыну свое Нижегородское имѣніе Болдино, и Пушкинъ поспѣшилъ туда, чтобы привести хоть немного въ

*) „Матеріалы“ Анненкова. Переводъ: Да будетъ благословенъ тысячу разъ вчерашній день, мой дорогой Александръ, за письмо, которое мы отъ тебя получили. Оно преисполнило меня радости и благодарности. Да, мой другъ, это именно подходящее слово. Съ давнихъ поръ уже забылъ я сладость слезъ, которыя проливалъ при его чтеніи. Да ниспошлетъ небо всѣ блага свои на тебя и на твою милую подругу, которая дастъ тебѣ счастіе. Мнѣ хотѣлось бы ей написать, но я боюсь, что еще не имѣю на это права. Мой добрый другъ (пишетъ Сергѣй Львовичъ далѣе), я ожидаю твоего отвѣта съ тѣмъ же нетерпѣніемъ, которое ты испытывалъ, слушая увѣреніе въ твоемъ счастіи изъ устъ самой m-lle Гончаровой, — ибо я счастливъ вашимъ счастьемъ, гордъ — вашими успѣхами, безмятеженъ и покоенъ, когда знаю, что вы счастливы. Прощай. Пусть наградитъ тебя небо всѣми своими благами; мои ежедневныя молитвы всегда были и будутъ за ваше счастіе. Нѣжно тебя обнимаю и прошу, если ты это сочтешь кстати, поручить вниманію m-lle Гончаровой меня, какъ очень нѣжнаго друга.

порядокъ заброшенное хозяйство и чтобы выхлопотать документы, необходимые для залога имѣнія въ Опекунскій Совѣтъ.

Задержанный холерными карантинами, Пушкинъ принужденъ былъ прожить въ Болдинѣ гораздо дольше, чѣмъ предполагалъ. Деревенская тишина и глубокая осень, любимое время года поэта, какъ всегда, расположили его къ творчеству. Обиліе и художественная красота произведеній этой эпохи поистинѣ изумительна. Самъ Пушкинъ удивлялся плодовитости своей музы и писалъ безъ отдыха.

Двадцать шестаго октября былъ уже совершенно конченъ, отдѣланъ и перебѣленъ «Скупой Рыцарь». Г. Анненковъ въ своихъ «Матеріалахъ» посвящаетъ нѣсколько страницъ вопросу о происхожденіи этой трагедіи, —вопросу, преднамѣренно затемненному самимъ поэтомъ. Вотъ это интересное изслѣдованіе.

«Пушкинъ, какъ извѣстно, приписывалъ «Скупаго», какъ прежде называлась драма, Ченстону и указалъ на трагедію: «The cavetous Knigth», какъ на первую мысль своего произведенія, но до сихъ поръ всѣ справки наши для отысканія этого источника остались безуспѣшны. Въ спискѣ предшественниковъ и современниковъ Шекспира на драматическомъ поприщѣ, обыкновенно прилагаемомъ къ полнымъ изданіямъ твореній его, въ числѣ 39 именъ не находится ни имени Ченстона, ни трагедіи, ему приписываемой Пушкинымъ. Въ концѣ 17 столѣтія послѣ перерыва, произведеннаго реформаціей, являются опять въ Англіи трагики Шекспировской школы, но между именами Драйдена, Роу, Конгрева, Отвая etc., напрасно стали бы искать имени и трагедіи Ченстона. Съ Адиссона наступаетъ подражаніе французскимъ классикамъ, и объ этомъ періодѣ англійской словесности говорить нечего. Точно такое же молчаніе въ отношеніи Ченстона сохраняютъ и всѣ диксіонеры: Conversations-Lexicon, Biographie universelle и проч. Самъ Пушкинъ въ бумагахъ своихъ никогда не обозначалъ драму свою, какъ переводъ, между тѣмъ какъ «Пиръ во время чумы» онъ постоянно называетъ по-англійски въ сокращенномъ видѣ: The Plague». Не маловажно для разъясненія дѣла и то, что Пушкинъ сочинялъ, придумывалъ названіе Ченстоновой трагедіи, чего, разумѣется, не могло бы случиться, если бы трагедія дѣйствительно существовала. Такъ онъ написалъ на заглавномъ листѣ послѣ титла: «Скупой» и эпиграфа изъ Державина слѣдующую фразу въ скобкахъ: The cavetous Knight безъ имени Ченстона. Не довольствуясь этимъ, онъ зачеркнулъ прилагательное «cavetous», однако жъ при печатаніи драмы въ Современникѣ 1836 г. (томъ первый) прилагательное снова очутилось, но съ другимъ правописаніемъ: «The caveteous Knight». Всего этого, разумѣется, не могло бы случиться, если бы нужно было только списать просто заглавіе подлинника. Тогда же явилось и имя Ченстона, да и самый «Скупой» сдѣлался уже «Скупой Рыцарь» *). Такого рода проба заглавія указываетъ на

*) Не смотря на убѣдительность этихъ соображеній, г. Анненковъ черезъ посредство одного изъ своихъ знакомыхъ сносился съ издателями „Athaenaeum" въ Англіи, прося у нихъ свѣдѣній о загадочномъ Ченстонѣ. Отвѣтъ былъ таковъ вкратцѣ: „Вашъ великій поэтъ подшутилъ надъ своей публикой, сославшись на небывалаго въ Англіи писателя".

соображеніе и придумываніе источника уже послѣ созданія, особенно, когда вспомнимъ, что рукопись наша, помѣченная числомъ: «23 октября 1830, Болдино», есть послѣдняя перебѣленная рукопись, съ которой драма уже печаталась въ журналѣ. Причину, побудившую Пушкина отстранить отъ себя честь первой идеи, должно искать въ боязни примѣненій и неосновательныхъ толковъ, что у него часто было поводомъ къ неизъяснимому потворству толпѣ, которую съ другой стороны онъ такъ много презиралъ въ стихахъ своихъ».

Для поясненія приведеннаго изслѣдованія г. Анненкова мы прилагаемъ здѣсь снимки: 1) съ заглавія «Скупаго» вмѣстѣ съ эпиграфомъ и англійской фразой (№ 5), 2) зачеркнутыя строки, которыми трагедія начиналась (№ 6), и 3) первую страницу перебѣленнаго текста.

За «Скупымъ Рыцаремъ» послѣдовалъ «Моцартъ и Сальери» (26 октября), затѣмъ «Каменный Гость» или «Донъ-Гуанъ» по правописанію Пушкина. Драма эта окончена 4-го ноября.

Много было говорено о привычкѣ Пушкина пестрить свои рукописи рисунками. И дѣйствительно, всѣ черновыя тетради его**), какъ могли въ томъ убѣдиться читатели наши, побывавшіе на Пушкинской выставкѣ 1879 года, изобилуютъ самыми разнообразными набросками.

Весьма часто рисунки эти служатъ иллюстраціей тѣхъ произведеній, въ текстѣ которыхъ находятся. Таково, напримѣръ, изображеніе испанца, завернутаго въ плащъ, на прилагаемомъ снимкѣ съ рукописи «Каменнаго Гостя».

Такое же соотвѣтствіе рисунка съ текстомъ находимъ въ рукописи «Гробовщика». Портретъ Вольтера на первой страницѣ статьи о немъ Пушкина (№ 13).

На другихъ страницахъ видимъ изображенія женскихъ ножекъ, головокъ, различные росчерки и проч. Таковъ прилагаемый снимокъ (№ 1) съ черновой рукописи отрывка «Осень» («Октябрь ужъ наступилъ; ужъ роща отряхаетъ» и пр.) съ отрывка изъ «Евгенія Онѣгина» (№ 2). Наконецъ попадаются рисунки вовсе безъ текста, такъ что трудно даже объяснить ихъ значеніе (№№ 3 и 4).

Возвратимся къ перечню произведеній осени 1830 года. Кромѣ вышепоименованныхъ драмъ, ко времени пребыванія поэта въ Болдинѣ относятся: «Пиръ во время чумы», «Русалка», «Повѣсти Бѣлкина», «Лѣтопись с. Горохина», «Домикъ въ Коломнѣ», «Моя родословная» и параллельно съ нею «Родословная Пушкиныхъ и Ганнибаловыхъ» въ Запискахъ.

По поводу послѣднихъ двухъ произведеній необходимо сказать нѣсколько словъ. Многіе и много разъ упрекали Пушкина въ «аристократизмѣ», въ хвастовствѣ и чванствѣ своимъ происхожденіемъ. Основаніемъ этихъ упрековъ служили между прочимъ и такія произведенія Пушкина, какъ «Моя родословная», «Родословная моего героя» и т. п. Теперь, когда число данныхъ для біографіи поэта значительно возрасло, когда уже въ достаточной мѣрѣ выяснены его исто-

**) Тетради эти были доставлены на выставку Александромъ Александровичемъ Пушкинымъ, сыномъ покойнаго поэта, и затѣмъ пожертвованы имъ въ Румянцевскій музей.

Ελγκούλι

[illegible]
[illegible]
[illegible]

([illegible])

соображеніе и придумываніе источника уже послѣ созданія, особенно, когда вспомнимъ, что рукопись наша, помѣченная числомъ: «23 октября 1830, Болдино», есть послѣдняя перебѣленная рукопись, съ которой драма уже печаталась въ журналѣ. Причину, побудившую Пушкина отстранить отъ себя честь первой идеи, должно искать въ боязни примѣненій и неосновательныхъ толковъ, что у него часто было поводомъ къ неизъяснимому потворству толпѣ, которую съ другой стороны онъ такъ много презиралъ въ стихахъ своихъ».

Для поясненія приведеннаго изслѣдованія г. Анненкова мы прилагаемъ здѣсь снимки: 1) съ заглавія «Скупаго» вмѣстѣ съ эпиграфомъ и англійской фразой (№ 5), 2) зачеркнутыя строки, которыми трагедія начиналась (№ 6), и 3) первую страницу перебѣленнаго текста.

За «Скупымъ Рыцаремъ» послѣдовалъ «Моцартъ и Сальери» (26 октября), затѣмъ «Каменный Гость» или «Донъ-Гуанъ» по правописанію Пушкина. Драма эта окончена 4-го ноября.

Много было говорено о привычкѣ Пушкина пестрить свои рукописи рисунками. И дѣйствительно, всѣ черновыя тетради его**), какъ могли въ томъ убѣдиться читатели наши, побывавшіе на Пушкинской выставкѣ 1879 года, изобилуютъ самыми разнообразными набросками.

Весьма часто рисунки эти служатъ иллюстраціей тѣхъ произведеній, въ текстѣ которыхъ находятся. Таково, напримѣръ, изображеніе испанца, завернутаго въ плащъ, на прилагаемомъ снимкѣ съ рукописи «Каменнаго Гостя».

Такое же соотвѣтствіе рисунка съ текстомъ находимъ въ рукописи «Гробовщика». Портретъ Вольтера на первой страницѣ статьи о немъ Пушкина (№ 13).

На другихъ страницахъ видимъ изображенія женскихъ ножекъ, головокъ, различные росчерки и проч. Таковъ прилагаемый снимокъ (№ 1) съ черновой рукописи отрывка «Осень» («Октябрь ужъ наступилъ; ужъ роща отряхаетъ» и пр.) съ отрывка изъ «Евгенія Онѣгина» (№ 2). Наконецъ попадаются рисунки вовсе безъ текста, такъ что трудно даже объяснить ихъ значеніе (№№ 3 и 4).

Возвратимся къ перечню произведеній осени 1830 года. Кромѣ вышепоименованныхъ драмъ, ко времени пребыванія поэта въ Болдинѣ относятся: «Пиръ во время чумы», «Русалка», «Повѣсти Бѣлкина», «Лѣтопись с. Горохина», «Домикъ въ Коломнѣ», «Моя родословная» и параллельно съ нею «Родословная Пушкиныхъ и Ганнибаловыхъ» въ Запискахъ.

По поводу послѣднихъ двухъ произведеній необходимо сказать нѣсколько словъ. Многіе и много разъ упрекали Пушкина въ «аристократизмѣ», въ хвастовствѣ и чванствѣ своимъ происхожденіемъ. Основаніемъ этихъ упрековъ служили между прочимъ и такія произведенія Пушкина, какъ «Моя родословная», «Родословная моего героя» и т. п. Теперь, когда число данныхъ для біографіи поэта значительно возрасло, когда уже въ достаточной мѣрѣ выяснены его исто-

---

**) Тетради эти были доставлены на выставку Александромъ Александровичемъ Пушкинымъ, сыномъ покойнаго поэта, и затѣмъ пожертвованы имъ въ Румянцевскій музей.

Скупой

[illegible]

[illegible]

Державинъ

(the ~~covetous~~ Knight)

5.

[illegible]
[illegible]

6.

Сцена I. (въ башнѣ.)

Альберъ, Иванъ.

Альб. Во чтобы то ни стало, на турниръ
Явлюсь я. Покажи мнѣ шлемъ, Иванъ. (Иванъ подаетъ ему шлемъ)
Пробитъ насквозь, испорченъ. Невозможно
Его надѣть. Достать мнѣ надо новый.
Какой ударъ! проклятый Графъ Делоржъ!
Иванъ. И вы ему порядкомъ отплатили,
Какъ изъ стремянъ вы вышибли его
Онъ сутки замертво лежалъ — и врядъ-ли
Оправился.
8 Альб. А все-же онъ въ убыткѣ:
Его нагрудникъ цѣлъ Венеціанской
А грудь ему не стоила гроша ломаннаго
Другой ужъ не станетъ покупать.
Зачѣмъ-же съ него не снялъ я шлема тутъ-же!
А снялъ бы я когда бы не было стыдно
Мнѣ дамъ и Герцога. Проклятый Графъ!
Онъ лучше-бъ мнѣ голову пробилъ ~~мнѣ~~.
И платье нужно мнѣ. Въ послѣдній разъ
Всѣ рыцари сидѣли тутъ въ атласѣ
Да бархатѣ; я въ латахъ былъ одинъ
За Герцогскимъ столомъ. Отговорился
Я тѣмъ что на турниръ попалъ случайно
А нынче что скажу? о бѣдность, бѣдность!
Какъ унижаетъ сердце намъ она!
Когда Делоржъ копьемъ своимъ тяжелымъ
Пробилъ мнѣ шлемъ и мимо проскакалъ

ИЗЪ „КАМЕННАГО ГОСТЯ“.

Пригласили его выпить чашку чаю — Гробовщик против сапожника сидел и выкушал

чашку чаю, и благодаря открытому нраву Гот-

-либа Шульца вскоре они разговорились

дружелюбно — Каково торгует ваша милость —

спросил Адриан. У хе хе, отвечал Шульц,

и так и сяк — пожаловаться не могу хоть ко-

нечно мой товар не то что ваш — живой обойдется

без сапогов, а мертвый без гроба не живет.

— Сущая правда, заметил

Адриан; однако ж если живому не на что купить

сапогов, то не прогневайся ходит он и босой; а нищий мертвец

и даром берет гроб. Таким образом беседа

продолжалась у них еще несколько времени —

наконец сапожник встал и простился

с гробовщиком возобновляя свое приглашение.

ИЗЪ ПОВѢСТИ „ГРОБОВЩИКЪ“.

Bauzer

[illegible]

[illegible] — [illegible]

[illegible] —

[illegible] —

и — солнце [illegible] —

[illegible] —

[illegible] —

[illegible] —

[illegible] —

79.

89

Аристократія! ~~[illegible]~~ [illegible] соперникомъ

Всегда была ~~[illegible] [illegible]~~;

~~[illegible] аристократіи [illegible]~~

~~[illegible]~~ [illegible]

250

Виды с. Болдина.

рическіе и политическіе взгляды, — [illegible]. Послѣднее слово въ вопросѣ объ аристократизмѣ Пушкина принадлежитъ [illegible] Ключевскому. «Пушкинъ», сказалъ онъ въ своей рѣчи на торжествѣ открытія памятника поэту, «дѣйствительно зналъ и любилъ своихъ предковъ. Что же изъ этого? Было бы желательно, чтобъ связь преданій и чувство исторической преемственности было доступно не одному дворянству (гдѣ оно почти не живетъ), но и всѣмъ сословіямъ; чтобы память о предкахъ жила и въ купечествѣ, и въ духовенствѣ, и у крестьянъ. Да и теперь между ними уцѣлѣвшіе старинные частные роды... Но что въ сущности давала душѣ Пушкина эта любовь къ предкамъ? Давала и питала лишь живое, здоровое историческое чувство. Ему пріятно было видѣть черезъ нихъ, такъ-сказать, реальную связь съ русской исторіей, состоять черезъ нихъ въ историческомъ свойствѣ и съ Александромъ Невскимъ, и съ Іоанномъ IV, и съ Годуновымъ. Русская исторія тѣмъ не представлялась ему чѣмъ-то отвлеченнымъ, мертвою хартіей, но какъ бы и семейнымъ преданіемъ... Онъ и въ современности чувствовалъ себя всегда какъ бы въ исторической рамкѣ, въ предѣлахъ живой, продолжающейся исторіи. Какое обширное, ясное различіе между такимъ чувствомъ и «аристократизмомъ» въ томъ узкомъ и дурномъ смыслѣ, въ какомъ у насъ привыкли употреблять это слово».

Кромѣ вышеназванныхъ произведеній въ Болдинѣ написано множество мелкихъ стихотвореній, изъ коихъ важнѣйшія: элегія «Безумныхъ лѣтъ угасшее веселье», «Мадонна», «Бѣсы», «Осень» и др. И все это въ три съ небольшимъ мѣсяца! Такой плодотворной осени еще не бывало въ жизни нашего поэта.

Чтобы дать читателямъ хотя слабое понятіе о той обстановкѣ, среди которой протекли эти знаменитые мѣсяцы, мы прилагаемъ здѣсь четыре вида с. Болдина, снятые спеціально для Пушкинской выставки мѣстнымъ фотографомъ-любителемъ г. [illegible] и доставленные въ Москву племянникомъ покойнаго поэта Анатоліемъ Львовичемъ Пушкинымъ, теперешнимъ обладателемъ с. Болдина.

Въ Москву Пушкинъ вернулся въ декабрѣ и сталъ готовиться къ свадьбѣ. Въ самыхъ хлопотахъ застала его вѣсть о кончинѣ Дельвига, умершаго въ Петербургѣ въ январѣ 1831 года. Тяжело было Пушкину перенести эту потерю, — тѣмъ болѣе тяжело, что Дельвигъ былъ послѣднимъ изъ того дружескаго кружка, который составился еще въ Лицеѣ. Друзей у Пушкина было много, пріятелей — еще больше, но изъ такихъ друзей, почти братьевъ, какими были для него нѣкоторые изъ товарищей дѣтства, не оставалось никого: Пущинъ былъ въ далекой ссылкѣ, Кюхельбекеръ — тоже. Теперь и Дельвига не стало. Понятно, что поэтъ вдругъ почувствовалъ себя одинокимъ и осиротѣлымъ. «Что скажу тебѣ, мой милый», пишетъ онъ отъ 21 января П. А. Плетневу, «ужасное извѣстіе получилъ я въ воскресенье. На другой день оно подтвердилось. Вчера ѣздилъ я къ Салтыкову объявить ему все — и не имѣлъ духу. Вечеромъ получилъ твои письма. Грустно, тоска. Вотъ первая смерть, мною оплаканная. Карамзинъ подъ конецъ былъ мнѣ чуждъ; я глубоко сожалѣлъ о немъ какъ рус-

Виды с. Болдина.

рическіе и политическіе взгляды,—такое обвиненіе врядъ ли возможно. Послѣднее слово въ вопросѣ объ аристократизмѣ Пушкина принадлежитъ И. С. Аксакову. «Пушкинъ», сказалъ онъ въ своей рѣчи на торжествѣ открытія памятника поэту, «дѣйствительно зналъ и любилъ своихъ предковъ. Что жъ изъ этого? Было бы желательно, чтобъ связь преданій и чувство исторической преемственности было доступно не одному дворянству (гдѣ оно почти не живетъ), но и всѣмъ сословіямъ; чтобы память о предкахъ жила и въ купечествѣ, и въ духовенствѣ, и у крестьянъ. Да и теперь между ними уважаются старинные *честные роды*. Но что въ сущности давала душѣ Пушкина эта любовь къ предкамъ? Давала и питала лишь живое, здоровое *историческое* чувство. Ему пріятно было имѣть черезъ нихъ, такъ-сказать, реальную связь съ родной исторіей, состоять какъ бы въ историческомъ свойствѣ и съ Александромъ Невскимъ, и съ Іоаннами и съ Годуновымъ. Русская лѣтопись уже не представлялась ему чѣмъ-то отрѣшеннымъ, мертвою хартіей, но какъ бы и семейною хроникою... Онъ и въ современности чувствовалъ себя всегда какъ въ исторической рамкѣ, въ предѣлахъ живой, продолжающейся исторіи». Безъ объясненія ясна разница между такимъ чувствомъ и «аристократизмомъ» въ томъ узкомъ и пошломъ смыслѣ, въ какомъ у насъ привыкли употреблять это слово.

Кромѣ названныхъ произведеній въ Болдинѣ написано множество мелкихъ стихотвореній, изъ коихъ важнѣйшія: элегія «Безумныхъ лѣтъ угасшее веселье», «Мадонна», «Бѣсы», «Осень» и др. И все это въ три съ небольшимъ мѣсяца! Такой плодотворной осени еще не бывало въ жизни нашего поэта.

Чтобы дать читателямъ хотя слабое понятіе о той обстановкѣ, среди которой протекли эти вдохновенные мѣсяцы, мы прилагаемъ здѣсь четыре вида с. Болдина, снятые спеціально для Пушкинской выставки мѣстнымъ фотографомъ-любителемъ г. Морозовымъ и доставленные въ Москву племянникомъ покойнаго поэта Анатоліемъ Львовичемъ Пушкинымъ, теперешнимъ обладателемъ с. Болдина.

Въ Москву Пушкинъ вернулся въ декабрѣ и сталъ готовиться къ свадьбѣ. Въ этихъ хлопотахъ застала его вѣсть о кончинѣ Дельвига, умершаго въ Петербургѣ въ январѣ 1831 года. Тяжело было Пушкину перенести эту потерю,—тѣмъ болѣе тяжело, что Дельвигъ былъ послѣднимъ изъ того дружескаго кружка, который составился еще въ Лицеѣ. Друзей у Пушкина было много, пріятелей — еще больше, но изъ такихъ друзей, почти братьевъ, какими были для него нѣкоторые изъ товарищей дѣтства, не оставалось никого: Пущинъ былъ въ далекой ссылкѣ, Кюхельбекеръ — тоже. Теперь и Дельвига не стало. Понятно, что поэтъ нашъ почувствовалъ себя одинокимъ и осиротѣлымъ. «Что скажу тебѣ, мой милый!» пишетъ онъ отъ 21 января П. А. Плетневу: «ужасное извѣстіе получилъ я въ воскресенье. На другой день оно подтвердилось. Вчера ѣздилъ я къ Салтыкову объявить ему все—и не имѣлъ духу. Вечеромъ получилъ твое письмо. Грустно, тоска. Вотъ первая смерть, мною оплаканная. Карамзинъ подъ конецъ былъ мнѣ чуждъ: я глубоко сожалѣлъ о немъ какъ рус-

скій, но никто на свѣтѣ не былъ мнѣ ближе Дельвига. Изъ всѣхъ связей дѣтства онъ одинъ оставался на виду: около него собиралась наша бѣдная кучка. Безъ него мы точно осиротѣли. Считай по пальцамъ: сколько насъ? Ты, я, Б—й, вотъ и всѣ. Вчера провелъ я день съ Н*, который сильно пораженъ его смертью. Говорили о немъ, называя его *покойникъ* Дельвигъ, и этотъ эпитетъ былъ столько же страненъ, какъ и страшенъ. Нечего дѣлать! Согласимся—покойникъ Дельвигъ—быть такъ; Б—й боленъ съ огорченія. Меня не такъ-то легко съ ногъ свалить. Будь здоровъ, и постараемся быть живы».

Между тѣмъ день свадьбы Пушкина приближался. Холостая, бурная жизнь его приходила къ концу; наступала новая—неизвѣстная.

Какъ же относился онъ самъ къ этой перемѣнѣ судьбы своей? Чего ожидалъ онъ въ будущемъ, и что побудило его на женитьбу,—его, который четыре года тому назадъ говорилъ, что «законная жена есть родъ теплой шапки съ ушами, въ которую голова вся уходитъ», и что «бракъ холодитъ душу?» (Изъ письма къ кн. Вяземскому по поводу женитьбы Баратынскаго 1826 г. Р. Арх. 1874). Былъ ли это неудержимый порывъ страсти или хладнокровно обдуманный шагъ?—Вѣрнѣе, что послѣднее.—Измученный неутомимымъ гоненіемъ судьбы, неудовлетворенный жизнью, безъ опредѣленнаго положенія въ свѣтѣ, безъ дома, безъ семьи, обезсиленный и усталый,—онъ искалъ покоя и отдохновенія. Онъ долго боролся и наконецъ призналъ себя побѣжденнымъ. Зная Пушкина, можно смѣло сказать, что счастье любви никогда не рисовалось ему во образѣ буржуазныхъ радостей семейнаго очага. Онъ искалъ иного счастія, не нашелъ его и... покорился. «Я почти женатъ», пишетъ онъ за недѣлю до свадьбы своему другу Кривцову. «Все, что ты бы могъ сказать въ пользу холостой жизни и противу женитьбы, все уже мною передумано. Я хладнокровно взвѣсилъ выгоды и невыгоды состоянія, мною избираемаго. Молодость моя прошла шумно и безплодно. До сихъ поръ я жилъ иначе, какъ обыкновенно живутъ. Счастья мнѣ не было. Il n'est de bonheur que dans les voies communes (внѣ обычной колеи нѣтъ счастія). Мнѣ за 30 лѣтъ. Въ тридцать лѣтъ люди обыкновенно женятся. Я поступаю какъ люди и, вѣроятно не буду въ томъ раскаяваться. Къ тому же женюсь безъ упоенія, безъ ребяческаго очарованія. Будущность является мнѣ не въ розахъ, но въ строгой наготѣ своей. Горести не удивятъ меня: они входятъ въ мои домашніе разсчеты. Всякая радость будетъ мнѣ неожиданностью»*). Что-то надломленное и безнадежное звучитъ въ этомъ откровенномъ признаніи. Съ недовѣріемъ смотритъ поэтъ въ свое будущее.

Въ августѣ 30-го года онъ пишетъ одному изъ друзей своихъ: «Жизнь жениха тридцатилѣтняго хуже 30-ти лѣтъ жизни игрока. Дѣла будущей тещи моей разстроены: свадьба моя отлагается день ото дня далѣе. Между тѣмъ я хладѣю, думаю о заботахъ женатаго человѣка, о прелестяхъ холостой жизни... Словомъ, если я несчастливъ, то по крайней мѣрѣ не счастливъ **).

*) Р. Архивъ 1864.
**) Р. Архивъ 1872.

Въ сентябрѣ того же года онъ пишетъ въ элегіи:

«Мой путь унылъ. Сулитъ мнѣ трудъ и горе
Грядущаго волнуемое море».

То же недовѣріе къ своему счастію звучитъ и въ извѣстномъ отрывкѣ: «Участь моя рѣшена»... имѣющемъ очевидно біографическое значеніе: «Я женюсь, т. е. жертвую независимостью, моей безпечной, прихотливой независимостью, моими роскошными привычками, странствіями безъ цѣли, уединеніемъ... Я удвоиваю жизнь, я стану думать: мы. Счастіе есть цѣль жизни, но я никогда не хлопоталъ о счастіи: я могъ обойтись и безъ него. Теперь мнѣ нужно его на двоихъ, а гдѣ мнѣ взять его?»

Очень ярко обрисовано настроеніе духа Пушкина передъ свадьбой въ простомъ, безыскусственномъ разсказѣ цыганки Тани, восхищавшей когда-то поэта своимъ пѣніемъ. Разсказъ этотъ помѣщенъ былъ въ «Добрякѣ» кн. Мещерскаго и затѣмъ перепечатанъ въ «Новомъ Времени» (1882 г. № 2316). Вотъ выдержка изъ повѣствованія цыганки:

«Разъ, вечеркомъ — аккуратъ два дня до его свадьбы оставалось — зашла я къ Нащокину съ Ольгой (тоже цыганка изъ хора). Не успѣли мы и поздороваться, какъ подъ крыльцо сани подкатили, и въ сѣни вошелъ Пушкинъ. Увидалъ меня изъ сѣней и кричитъ; «Ахъ, радость моя, какъ я радъ тебѣ, здорово, моя безцѣнная» — поцѣловалъ меня въ щеку и усѣлся на софу. Сѣлъ и задумался, да такъ какъ будто тяжко, голову на руку оперъ, глядитъ на меня: «Спой мнѣ», говоритъ, «Таня, что-нибудь на счастье; слышала, можетъ быть, я женюсь?» — Какъ не слыхать, говорю, дай вамъ Богъ, Александръ Сергѣевичъ. «Ну, спой мнѣ, спой!» —Давай, говорю, Оля, гитару, споемъ барину! Она принесла гитару; стала я подбирать, да и думаю: что мнѣ спѣть?... Только на сердцѣ у меня у самой не весело было въ ту пору; потому былъ у меня свой предметъ, — женатый былъ онъ человѣкъ, и жена увезла его отъ меня, въ деревнѣ заставила на всю зиму съ собой жить — и очень тосковала я отъ того. И думаючи объ этомъ, запѣла я Пушкину пѣсню — она хоть и подблюдною считается, а только не годится было мнѣ ее теперича пѣть; потому она будто, сказываютъ, не къ добру:

Ахъ, матушка, что такъ въ полѣ пыльно?
Государыня, что такъ пыльно?
Кони разыгралися... А чьи-то кони, чьи-то кони?
Кони Александра Сергѣевича, вороные...

Пою я эту пѣсню, а самой-то грустнехонько, чувствую — и голосомъ тоже передаю, и ужъ какъ быть, не знаю, глазъ отъ струнъ не подвину... Какъ вдругъ слышу, громко зарыдалъ Пушкинъ. Подняла я глаза, а онъ рукой за

голову схватился, какъ ребеночекъ плачетъ... Кинулся къ нему Павелъ Воиновичъ: «Что съ тобой, что съ тобой, Пушкинъ?» Ахъ, говоритъ, эта ея пѣсня всю мнѣ внутрь перевернула, она мнѣ не радость, а большую потерю предвѣщаетъ!... И не долго онъ послѣ того оставался тутъ, уѣхалъ, ни съ кѣмъ не простился».

Самое положеніе жениха тяготило Пушкина. Вотъ еще нѣсколько строкъ изъ вышеупомянутаго отрывка: «Я женихъ. Итакъ это уже не тайна двухъ сердецъ. Сегодня это была новость домашняя, завтра будетъ площадная. Такъ поэма, обдуманная въ уединеніи, въ лѣтнія ночи, при свѣтѣ луны — печатается въ сальной типографіи, продается потомъ въ книжной лавкѣ и разбирается въ журналѣ»...

И далѣе: «Всѣ радуются моему счастью, всѣ полюбили меня. Всякій предлагаетъ мнѣ свои услуги: кто свой домъ, кто денегъ взаймы, кто знакомаго бухарца съ шалями.

Молодые люди начинаютъ со мной чиниться, обхожденіе молодыхъ дѣвицъ сдѣлалось проще. Дамы въ глаза хвалятъ мой выборъ, а заочно жалѣютъ о «бѣдной моей невѣстѣ». — «Бѣдная! она такъ молода, такъ невинна, а онъ такой вѣтреный, такой безнравственный». Признаюсь, это начинаетъ мнѣ надоѣдать»...

Изъ приведенныхъ отрывковъ видно, что Пушкинъ далеко не былъ въ томъ блаженно-расплавленномъ состояніи, въ какомъ такъ часто бываютъ женихи въ ожиданіи свадьбы.

Осьмнадцатаго февраля 1831 года въ Москвѣ, на Никитской, въ церкви Стараго Вознесенія состоялось бракосочетаніе Александра Сергѣевича Пушкина и Натальи Николаевны Гончаровой. Во время обряда, женихъ, задѣвъ нечаянно за аналой, уронилъ крестъ; говорятъ, при обмѣнѣ колецъ, одно изъ нихъ упало на полъ... поэтъ измѣнился въ лицѣ и тутъ же шепнулъ одному изъ присутствующихъ: «tous les mauvais augures» (всѣ дурныя примѣты).

Предчувствіе его вскорѣ оправдалось.

VIII.

ПОСЛѢДНІЕ ГОДЫ.

Не вынесла душа поэта
Позора мелочныхъ обидъ.
Возсталъ онъ противъ мнѣній свѣта
Одинъ, какъ прежде, и убитъ!

Лермонтовъ.

Послѣ свадьбы новобрачные Пушкины прожили въ Москвѣ два мѣсяца слишкомъ и только въ концѣ апрѣля перебрались въ Петербургъ, въ окрестностяхъ котораго намѣревались провести лѣто. Покуда пріискивалась дача, молодые пристали у Демута и вскорѣ же переѣхали оттуда въ Царское Село, на Колпинскую улицу, въ домъ Китаева, гдѣ и поселились на все лѣто.

Жизнь потекла спокойно и безмятежно. Дачное общество, несмотря на присутствіе двора, было немногочисленно, и кругъ знакомства Пушкиныхъ ограничивался нѣсколькими близкими друзьями, которыхъ они могли принимать безъ всякихъ претензій, запросто, по дачному. Чаще всего видались они за это время съ Жуковскимъ, жившимъ въ Александровскомъ дворцѣ въ качествѣ воспитателя Великаго Князя, и Александрой Осиповной Смирновой, которая при посредствѣ Жуковскаго вошла въ самую тѣсную дружбу какъ съ Пушкинымъ, такъ и съ его женой. Въ своихъ интересныхъ «Воспоминаніяхъ» *) А. О. Смирнова сохранила намъ много драгоцѣнныхъ подробностей, касающихся дачной жизни друзей-поэтовъ и своихъ отношеній съ ними. По утрамъ, разсказываетъ она, и Жуковскій и Пушкинъ были каждый при своемъ дѣлѣ: Жуковскій занимался съ Великимъ Княземъ, или работалъ у себя,—Пушкинъ писалъ. Имѣя много свободнаго времени, Александра Осиповна часто утромъ заходила къ Пушкинымъ. Наталья Николаевна обыкновенно сидѣла за книгой внизу, а самъ Пушкинъ находился наверху въ своемъ кабинетѣ. Узнавъ гостью по голосу, онъ тотчасъ же зазывалъ ее и жену въ свою комнату. Кабинетъ поэта былъ въ порядкѣ. На большомъ кругломъ столѣ передъ диваномъ лежали бумаги и тетради; тутъ же стояла простая чернильница и разбросаны были перья. На ма-

*) Русскій Архивъ 1871 г.

ленькомъ столикѣ помѣщался графинъ воды, ледъ и банка съ любимымъ лакомствомъ Пушкина—вареньемъ изъ крыжовника. На столахъ, на полкахъ и даже на полу разложены были книги. Въ комнатѣ не было ни гардинъ, ни шторъ, и жара вслѣдствіе этого была невыносимая, но Пушкинъ это любилъ и сидѣлъ въ кабинетѣ по цѣлымъ днямъ въ сюртукѣ безъ галстуха. Тутъ онъ писалъ, прохаживался по комнатѣ, на ходу пилъ воду и снова садился за работу. Когда по утрамъ приходила А. О. Смирнова, и Пушкинъ приглашалъ ее съ Натальей Николаевной въ свой кабинетъ, волосы его бывали еще мокры отъ утренней ванны. Гостьи находили поэта всегда въ добродушномъ и оживленномъ настроеніи духа. Онъ весело болталъ съ ними, бродя взадъ и впередъ по комнатѣ, смѣшилъ ихъ остроумными шутками и, выходя по временамъ на балконъ, начиналъ прибирать всякую чепуху на счетъ своей сосѣдки, графини Ламберъ. Иногда читалъ онъ имъ отрывки своихъ произведеній и спрашивалъ мнѣнія, которымъ очень дорожилъ. «Ваша критика, мои милыя»,—говорилъ онъ,—«лучше всѣхъ; вы просто говорите: этотъ стихъ не хорошъ, мнѣ не нравится».

Такъ проходило утро. Послѣ обѣда Пушкинъ ходилъ съ женою гулять вокругъ озера. Наталья Николаевна обыкновенно бывала при этомъ въ бѣломъ платьѣ и круглой шляпѣ, а на плечахъ имѣла сложенную по тогдашней модѣ красную шаль *). Иногда случалось, что А. О. Смирнова заѣзжала за Натальей Николаевной въ дрожкахъ и увозила ее кататься. Тогда Пушкинъ оставался одинъ и шелъ разыскивать Жуковскаго.

Въ 7 часовъ оба поэта заходили къ А. О. Смирновой и проводили въ дружеской веселой бесѣдѣ часть вечера передъ собраніемъ у Императрицы.

Слѣдующій день проходилъ въ томъ же порядкѣ, и такъ, день за днемъ, однообразно, спокойно и пріятно текла дачная жизнь Пушкиныхъ. Постоянное присутствіе Жуковскаго, этого умнаго, веселаго, дѣтски-кроткаго и душевнаго человѣка, придавало особую тихую прелесть немногочисленному дружескому кружку. Добродушная шутка и незлобивый смѣхъ царили въ ихъ интимныхъ собраніяхъ. Между Жуковскимъ и Пушкинымъ затѣялось состязаніе на аренѣ народной поэзіи, и Пушкинъ съ увлеченіемъ принялся за свои сказки. Исходъ состязанія извѣстенъ: сказки Жуковскаго «Берендей» и «Спящая Царевна» не имѣли успѣха, тогда какъ Пушкинскій «Царь Салтанъ» вызвалъ цѣлую бурю восторговъ. Поклонники сочли эту сказку предвозвѣстницей новаго направленія въ литературѣ и хоромъ привѣтствовали ея автора. Однимъ изъ самыхъ ярыхъ почитателей новаго произведенія оказался Н. И. Гнѣдичъ. Онъ послалъ поэту слѣдующіе стихи подъ заглавіемъ: «Пушкину по прочтеніи сказки про Царя Салтана»:

Пушкинъ, Протей
Гибкимъ твоимъ языкомъ и волшебствомъ твоихъ пѣснопѣній!
Уши закрой отъ похвалъ и сравненій
Добрыхъ друзей!

*) „Изъ разсказовъ А. О. Россета про Пушкина". Р. Архивъ 1882 г.

Пой, какъ поешь ты, родной соловей!
Байрона генiй, иль Гёте, Шекспира —
Генiй ихъ неба, ихъ нравовъ, ихъ странъ;
Ты же, постигнувшiй таинства русскаго духа и мiра,
Ты нашъ Баянъ!
Небомъ роднымъ вдохновенный,
Ты на Руси нашъ пѣвецъ несравненный! *)

Успѣхъ «Салтана» ободрилъ Пушкина и на долго приковалъ его вниманiе къ русскимъ сказкамъ, въ изложенiи которыхъ поэтъ нашъ достигъ въ скоромъ времени такого изумительнаго мастерства.

Нѣтъ сомнѣнiя, что мѣсяцы, проведенные Пушкинымъ въ Царскомъ Селѣ, въ обстановкѣ, полной лучшихъ воспоминанiй дѣтства и юности, среди милыхъ сердцу людей, въ упоенiи молодаго семейнаго счастiя,— были счастливѣйшимъ временемъ его жизни.

Но новое счастiе принесло съ собой новыя обязанности и новыя заботы. Жена Пушкина и по рожденiю, и по воспитанiю, и по привычкамъ принадлежала къ высшему аристократическому обществу. Живя въ Петербургѣ, необходимо было поддерживать старыя связи, и Пушкинъ съ ужасомъ смотрѣлъ на предстоящую свѣтскую жизнь съ расходами выше средствъ, съ постоянными прiемами, выѣздами и прочими непрiятностями всякаго рода. Онъ уже успѣлъ отстать отъ свѣтской суеты. Шумное многолюдство его тяготило. Годы брали свое, и душа его жаждала уединенiя и покоя. Онъ съ любовiю лелѣетъ мечту о тихомъ деревенскомъ прiютѣ, гдѣ онъ могъ бы безъ помѣхи предаваться любимымъ занятiямъ. «Если бы я не боялся быть нескромнымъ»,— пишетъ онъ П. А. Осиповой отъ 29-го iюня 1831 года**),—«я бы попросилъ васъ, какъ добрую сосѣдку и дорогаго друга, извѣстить меня, не могу ли я прiобрѣсти Савкино***), и на какихъ условiяхъ; я бы себѣ выстроилъ тамъ хижину, помѣстилъ свои книги и прiѣзжалъ бы туда провести нѣсколько мѣсяцевъ въ году близъ моихъ добрыхъ старыхъ друзей. Что вы скажете о моихъ воздушныхъ замкахъ или о моей хижинѣ въ Савкинѣ? Меня же этотъ планъ восхищаетъ и я ежеминутно къ нему возвращаюсь». Ровно черезъ мѣсяцъ Пушкинъ снова напоминаетъ Прасковьѣ Александровнѣ о своей просьбѣ: «Поручаю вамъ мои интересы и мои планы»,— пишетъ онъ ей 29 iюля.—«Я не стою ни за Савкино, ни за какое-либо другое мѣсто, но я хочу быть вашимъ сосѣдомъ и владѣльцемъ хорошенькой мѣстности».

Таковы были мечты поэта, а между тѣмъ судьба, въ лицѣ жены, неумолимо втягивала его въ тотъ омутъ, гдѣ онъ нашелъ свою погибель. Кромѣ потребности тишины и покоя были и другiя причины, отвращавшiя Пушкина отъ вели-

*) Анненковъ „Матерiалы“.
**) Р. Архивъ 1867 г. — Писано по-французски.
***) Имѣнiе въ сосѣдствѣ Михайловскаго и Тригорскаго.

косвѣтской жизни. Сознавая свое несомнѣнное право на почетное мѣсто среди родовой русской знати, онъ въ то же время отлично зналъ, что новая полу-иностранная аристократія не признаетъ его правъ, и заранѣе возмущался въ своей гордости. Къ тому же ни общественное положеніе его, ни состояніе не соотвѣтствовали требованіямъ той среды, въ которую онъ готовился вступить. По чину коллежскій секретарь, а по занятію поэтъ, онъ не могъ не играть печальной роли въ кругу чиновныхъ и титулованныхъ свѣтилъ петербургскаго большаго свѣта. Матеріальныя средства его были также далеко недостаточны. Что едва хватало одному, того для семьи было слишкомъ мало. Залогъ имѣнія далъ 40,000, — сумму сравнительно небольшую. Литературный заработокъ его былъ незначителенъ и притомъ не представлялъ изъ себя опредѣленнаго дохода. Теперь надо было работать и работать. Понятно, что перспектива превращенія изъ свободнаго поэта, подчиненнаго единственно капризамъ своей музы, въ подневольнаго труженика изъ-за куска хлѣба тревожила и смущала Пушкина. Всѣ письма его, относящіяся къ этому періоду, полны плановъ и соображеній касательно устройства будущей жизни. Друзья поэта, Плетневъ, Нащокинъ, кн. Вяземскій и Жуковскій, съ которыми онъ дѣлился своими мыслями и заботами, приняли горячее участіе въ судьбѣ его. По ихъ совѣту Пушкинъ рѣшился хлопотать о поступленіи на службу и о разрѣшеніи посѣщать государственные архивы для собиранія историческихъ матеріаловъ. Въ то же время у него явилась мысль, сочувственно встрѣченная его друзьями-литераторами, — мысль объ изданіи политической газеты. Въ іюнѣ мѣсяцѣ 1831 года Пушкинъ подалъ прошеніе Бенкендорфу, гдѣ и изложилъ подробно свои желанія. «Мой несчастный чинъ», — говоритъ онъ между прочимъ въ этомъ прошеніи, — «тотъ самый, съ которымъ выпущенъ я былъ изъ Лицея, къ несчастью представляетъ мнѣ препятствіе на поприщѣ службы. Я считался въ Иностранной Коллегіи отъ 1817 до 1824 года; мнѣ слѣдовали за выслугу лѣтъ еще два чина, т. е. титулярнаго и коллежскаго асессора; но бывшіе мои начальники забывали о моемъ представленіи. Не знаю, можно ли мнѣ будетъ получить то, что мнѣ слѣдовало». Далѣе онъ проситъ себѣ доступа въ архивы и предлагаетъ свое перо для составленія отечественной исторіи. «Болѣе соотвѣтствовало бы моимъ занятіямъ и склонностямъ», — пишетъ онъ, — «дозволеніе заняться историческими изысканіями въ нашихъ государственныхъ архивахъ и библіотекахъ. Не смѣю и не желаю взять на себя званіе исторіографа послѣ незабвеннаго Карамзина, но могу со временемъ исполнить давнишнее мое желаніе — написать исторію Петра Великаго и его наслѣдниковъ, до Государя Петра III». Въ этомъ отказѣ отъ званія исторіографа, котораго Пушкину никто не предлагалъ, нельзя не заподозрить съ его стороны невинной хитрости. Напоминаніе, хотя бы и въ формѣ отказа, о вакантной должности легко могло внушить Государю мысль предложить эту должность первому поэту своего времени, и тогда онъ едва ли бы отъ нея отказался. Однако Пушкинъ ошибся въ разсчетѣ, и хитрость его не удалась.

Выражая желаніе взять на себя изданіе политической газеты, онъ слѣдующимъ образомъ мотивируетъ свое намѣреніе: «Съ радостью взялся бы я за редакцію политическаго и литературнаго журнала, т. е. такого, въ которомъ печатались бы политическія и заграничныя новости, около которой соединилъ бы писателей съ дарованіями и такимъ образомъ приблизилъ бы къ правительству людей полезныхъ, которые все еще дичатся, напрасно полагая его непріязненнымъ къ просвѣщенію».

Къ прошенію Пушкина отнеслись благосклонно: посѣщеніе государственныхъ архивовъ было разрѣшено немедленно, впрочемъ не иначе, какъ подъ руководствомъ статсъ-секретаря гр. Блудова, мѣсто обѣщано, и только насчетъ газеты не послѣдовало никакого отвѣта.

Покуда Пушкинъ занимался такимъ образомъ устройствомъ своихъ личныхъ дѣлъ, во внѣшнемъ мірѣ происходили крупныя событія. Въ Петербургѣ свирѣпствовала холера; народъ былъ неспокоенъ; волненія приняли наконецъ такіе размѣры, что потребовалось личное присутствіе Государя для ихъ усмиренія. Въ то же время въ Польшѣ разгорался мятежъ, и Европа все съ бо́льшимъ и бо́льшимъ недоброжелательствомъ относилась къ политики Россіи. Всѣ умы были въ смятеніи. Пушкинъ волновался не менѣе другихъ, но молчалъ, пока польскій вопросъ не коснулся его лично. Одинъ изъ вожаковъ возстанія, Лелевель, произнесъ въ Варшавѣ рѣчь, въ которой, основываясь вѣроятно на юношескихъ вольнодумныхъ произведеніяхъ Пушкина, упомянулъ о немъ, какъ о пѣвцѣ свободы, расположенномъ къ полякамъ. Пушкинъ узналъ о выходкѣ Лелевеля и смутился. Сочувствіе повстанца было столь же оскорбительно для его патріотическаго чувства, сколь и опасно. Онъ поспѣшилъ высказать свой взглядъ на польскій мятежъ, и отвѣтомъ его на привѣтствіе Лелевеля было стихотвореніе «Клеветникамъ Россіи». Вскорѣ же было написано и другое патріотическое произведеніе —«Бородинская годовщина». Обѣ пьесы, изданныя вмѣстѣ съ «Русской славой» Жуковскаго подъ заглавіемъ «На взятіе Варшавы, три стихотворенія В. Жуковскаго и А. Пушкина», произвели на публику сильное впечатлѣніе и на долго обезпечили ихъ автору благоволеніе правительства.

Двадцат втораго октября Пушкины переѣхали изъ Царскаго Села въ Петербургъ и поселились на Галерной улицѣ, въ домѣ Брискорнъ. Вскорѣ же послѣ переѣзда съ дачи, именно четырнадцатаго ноября, Пушкинъ былъ снова принятъ на службу и причисленъ къ Государственной Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ. Такъ какъ всѣ начальствующія лица этого вѣдомства открещивались отъ безпокойнаго сослуживца и отписывались неимѣніемъ ваканцій, то онъ былъ зачисленъ сверхъ штата и жалованья положено ему по Высочайшей милости 5000 рублей ассигнаціями въ годъ. Такимъ образомъ поэтъ нашъ все болѣе и болѣе втягивается въ общую колею: онъ уже женатъ, на службѣ и ищетъ серьезныхъ занятій.

Въ началѣ зимы 1831 года денежныя дѣла потребовали присутствія Пушкина въ Москвѣ, куда онъ и отправился въ первыхъ числахъ декабря. На этотъ разъ

пребываніе его тамъ было непродолжительно. Онъ остановился по обыкновенію у П. В. Нащокина, жившаго тогда близъ Пречистенскихъ воротъ, въ домѣ Ильинской. Стремясь поскорѣй окончить дѣла и вернуться къ женѣ въ Петербургъ, Пушкинъ почти все время проводилъ въ хлопотахъ. Несмотря на это, онъ успѣлъ однако повидать своихъ московскихъ друзей и знакомыхъ: кн. Вяземскихъ, Мещерскихъ, Дмитріева, Тургенева, Чаадаева, Горчакова, Д. Давыдова и другихъ. Въ денежныхъ дѣлахъ Пушкину помогалъ Нащокинъ, но, какъ кажется, безъ особеннаго успѣха. Чтобы дать читателямъ понятіе объ обстановкѣ нащокинскаго дома, гдѣ протекли дни пребыванія поэта въ Москвѣ, приводимъ здѣсь нѣсколько выдержекъ изъ его писемъ къ женѣ *): «*9-го декабря*... Нащокина не нашелъ я на старой квартирѣ; насилу отыскалъ его у Пречистенскихъ воротъ въ домѣ Ильинской. Онъ все тотъ же: очень милъ и уменъ; былъ въ выигрышѣ, но теперь проигрался, въ долгахъ и хлопотахъ... Домъ его (помнишь?) отдѣлывается; что за подсвѣчники, что за сервизъ! Онъ заказалъ фортепьяно, на которомъ играть можно будетъ пауку» **)... *16 декабря*... «Богъ знаетъ кончу ли здѣсь мои дѣла, но къ празднику къ тебѣ пріѣду... Здѣсь мнѣ скучно; Нащокинъ занятъ дѣлами, а домъ его такая безтолочь и ералашъ, что голова кругомъ идетъ. Съ утра до вечера у него разные народы: игроки, отставные гусары, студенты, стряпчіе, цыганы, шпіоны, особенно заимодавцы. Всѣмъ вольный входъ; всѣмъ до него нужда; всякій кричитъ, куритъ трубку, обѣдаетъ, поетъ, пляшетъ; угла нѣтъ свободнаго — что дѣлать? Между тѣмъ денегъ у него нѣтъ, кредита нѣтъ — время идетъ, а дѣло мое не распутывается. Все это поневолѣ меня бѣситъ. Къ тому же я опять застудилъ себѣ руку, и письмо мое вѣроятно будетъ пахнуть бобковой мазью какъ твои визитные билеты. Жизнь моя однообразная, выѣзжаю рѣдко — званъ былъ всюду, но былъ у одной Солданъ, да у Вяземской... Вчера Нащокинъ задалъ намъ цыганскій вечеръ; я такъ отъ этого отвыкъ, что отъ крику гостей и пѣнія цыганокъ до сихъ поръ голова болитъ. — Тоска, мой ангелъ — до свиданія».

Къ новому году Пушкинъ уже былъ въ Петербургѣ и началъ свою полу-трудовую, полу-свѣтскую жизнь. Устройство новаго хозяйства причиняло ему не мало заботъ. Наемъ квартиръ, столкновеніе съ хозяевами, экипажи, возня съ прислугой и прочія мелочныя домашнія дрязги цѣликомъ лежали на его обязанности. И комиченъ и жалокъ былъ поэтъ нашъ въ новой и столь несвойственной ему роли домовитаго хозяина. Начались балы, выѣзды и пріемы. Наталья Николаевна сразу заняла въ свѣтѣ почетное мѣсто. Государь, а за нимъ и вся знать, ласково и радушно встрѣтили появленіе красавицы. Приглашеніямъ не было конца, и Пушкинъ долженъ былъ повсюду сопровождать жену.

---

*) Вѣстникъ Европы 1878. № 1.

**) Упоминаемый домъ былъ однимъ изъ многочисленныхъ капризовъ П. В. Нащокина. Это былъ игрушечный домикъ, небольшихъ размѣровъ, меблированный и обставленный самымъ тщательнымъ образомъ. Вся утварь, начиная съ мебели и кончая бѣльемъ и посудой, была сдѣлана лучшими мастерами по спеціальному заказу Павла Воиновича. Домикъ этотъ цѣлъ до сихъ поръ и въ недавнее время былъ выставленъ на московской ремесленной выставкѣ со всею своей миніатюрной обстановкой.

Вращаясь среди знати, Пушкины волей-неволей должны были тянуться за ея образомъ жизни. Самолюбивый поэтъ, гордый красотою жены, ни за что на свѣтѣ не потерпѣлъ бы, чтобы она хоть въ чемъ-нибудь уступала своимъ великосвѣтскимъ знакомымъ. По его требованію, Наталья Николаевна появлялась въ свѣтѣ не иначе, какъ въ полномъ блескѣ богатства и роскоши. Такая жизнь быстро поглощала небольшіе доходы Пушкина; долги его росли, и впереди грозило полное разореніе. Онъ отлично понималъ свое положеніе и изыскивалъ всевозможныя средства для поправленія своихъ денежныхъ дѣлъ. Онъ начинаетъ лихорадочно метаться отъ предпріятія къ предпріятію. Окончивъ «Онѣгина», онъ немедленно же продаетъ право его изданія книгопродавцу Смирдину; въ то же время выпускаетъ въ свѣтъ третій томъ своихъ стихотвореній. Но этого оказывается мало, и онъ снова возвращается къ мысли объ изданіи газеты, которая, по его разсчетамъ, должна была его обезпечить. Къ счастію, Пушкинъ самъ сознавалъ свою неспособность къ срочной газетной работѣ и не спѣшилъ воспользоваться правительственнымъ разрѣшеніемъ, которымъ, наконецъ, увѣнчались его усиленныя хлопоты. Весьма вѣроятно, что кромѣ этого одною изъ причинъ, удержавшихъ его отъ немедленнаго приступа къ изданію газеты, была боязнь притѣсненій и придирокъ со стороны Бенкендорфа, который не упускалъ случая покуражиться надъ бѣднымъ поэтомъ. Такъ въ январѣ 1832 года онъ вдругъ затѣялъ исторію изъ-за того, что въ альманахѣ «Сѣверные цвѣты» стихотвореніе Пушкина «Древо яда» (Анчаръ) было напечатано безъ предварительнаго одобренія Государя. Запросъ, сдѣланный по этому поводу шефомъ жандармовъ, былъ полонъ такихъ неделикатныхъ упрековъ и несправедливыхъ обвиненій, что глубоко оскорбилъ Пушкина и вызвалъ съ его стороны довольно рѣзкій отвѣтъ. Понятно, что такая придирчивость значительно охладила поэта въ намѣреніи взять на себя редакторскую отвѣтственность и заставила его отложить газету на неопредѣленный срокъ.

Среди развлеченій свѣтской жизни, среди всѣхъ своихъ хозяйственныхъ, издательскихъ и коммерческихъ хлопотъ, Пушкинъ находилъ однакоже время и для историческихъ занятій. Онъ усердно посѣщалъ архивы и добросовѣстно просиживалъ тамъ цѣлые дни. Сначала изысканія его ограничивались государственными архивами, но вскорѣ, именно 29-го февраля 1832 года, по его просьбѣ ему дано было разрѣшеніе разобрать библіотеку Вольтера, хранившуюся въ Эрмитажѣ. Вслѣдъ затѣмъ, когда ему открылся доступъ въ Петербургскій Архивъ Инспекторскаго Департамента и Московскій Главный Архивъ Министерства Иностранныхъ дѣлъ, арена его исторической дѣятельности расширилась еще болѣе. Въ этихъ занятіяхъ прошло время до слѣдующей осени.

Въ сентябрѣ 1832 года мы находимъ Пушкина снова въ Москвѣ. Какъ и въ предыдущую поѣздку, онъ скучаетъ и рвется къ семьѣ, недавно увеличившейся рожденіемъ дочери. Письма его къ женѣ *), почти ежедневныя, исполнены самой

*) Вѣстникъ Европы 1878 г. № 1.

нѣжной заботливости какъ о ней самой, такъ и о новорожденномъ ребенкѣ. Кромѣ того въ этихъ письмахъ находимъ подробный отчетъ о времепрепровожденіи и состояніи духа самого поэта. «Дѣла мои», пишетъ онъ Натальѣ Николаевнѣ на другой день по пріѣздѣ въ Москву, «кажется, могутъ скоро кончиться, и я, мой ангелъ, не мѣшкая ни минуты, поскачу въ П.Б. Не можешь себѣ вообразить, какая тоска безъ тебя. Я же все безпокоюсь, на кого покинулъ я тебя! на Петра, соннаго пьяницу, который спитъ, не проспится, ибо онъ и пьяница и дуракъ; на Ирину Кузьминичну, которая съ тобой воюетъ; на Ненилу Ануфріевну, которая тебя грабитъ. А Маша-то? что ея золотуха, и что Спасскій? Ахъ, женка-душа! Что съ тобою будетъ! Прощай, пиши».

26-го сентября... «Ради Бога, Машу не пачкай ни сливками, ни мазью. Я твоей Уткиной плохо вѣрю... Что люди наши? Каково съ ними ладишь?... Нащокинъ милъ до чрезвычайности. У него проявились два новыхъ лица въ числѣ челядинцевъ. Актеръ, игравшій вторыхъ любовниковъ, нынѣ разбитый параличемъ и совершенно одурѣвшій, и монахъ, перекрестъ изъ жидовъ, обвѣшанный веригами, представляющій намъ въ лицахъ жидовскую синагогу и разсказывающій намъ соблазнительные анекдоты о московскихъ монашенкахъ... Дѣла мои принимаютъ видъ хорошій. Завтра начну хлопотать, и если черезъ недѣлю не кончу, то оставлю все на попеченіе Нащокину, а самъ отправлюсь къ тебѣ — мой ангелъ, милая моя женка. Покамѣсть прощай, Христосъ съ тобою и съ Машей»...

27 сентября... «Здѣсь я живу смирно и порядочно; хлопочу по дѣламъ, слушаю Нащокина и читаю Mémoires de Diderot»... *30 сентября*... «Кто тебѣ говоритъ, что я у Баратынскаго не бываю? Я и сегодня провожу у него вечеръ, и вчера былъ у него. Мы всякій день видимся. А до женъ намъ и дѣла нѣтъ. Грѣхъ тебѣ меня подозрѣвать въ невѣрности къ тебѣ и въ разборчивости къ женамъ друзей моихъ. Я только завидую тѣмъ изъ нихъ, у коихъ супруги не красавицы, не ангелы прелести, не Мадоны etc. etc. — Знаешь русскую пѣсню —

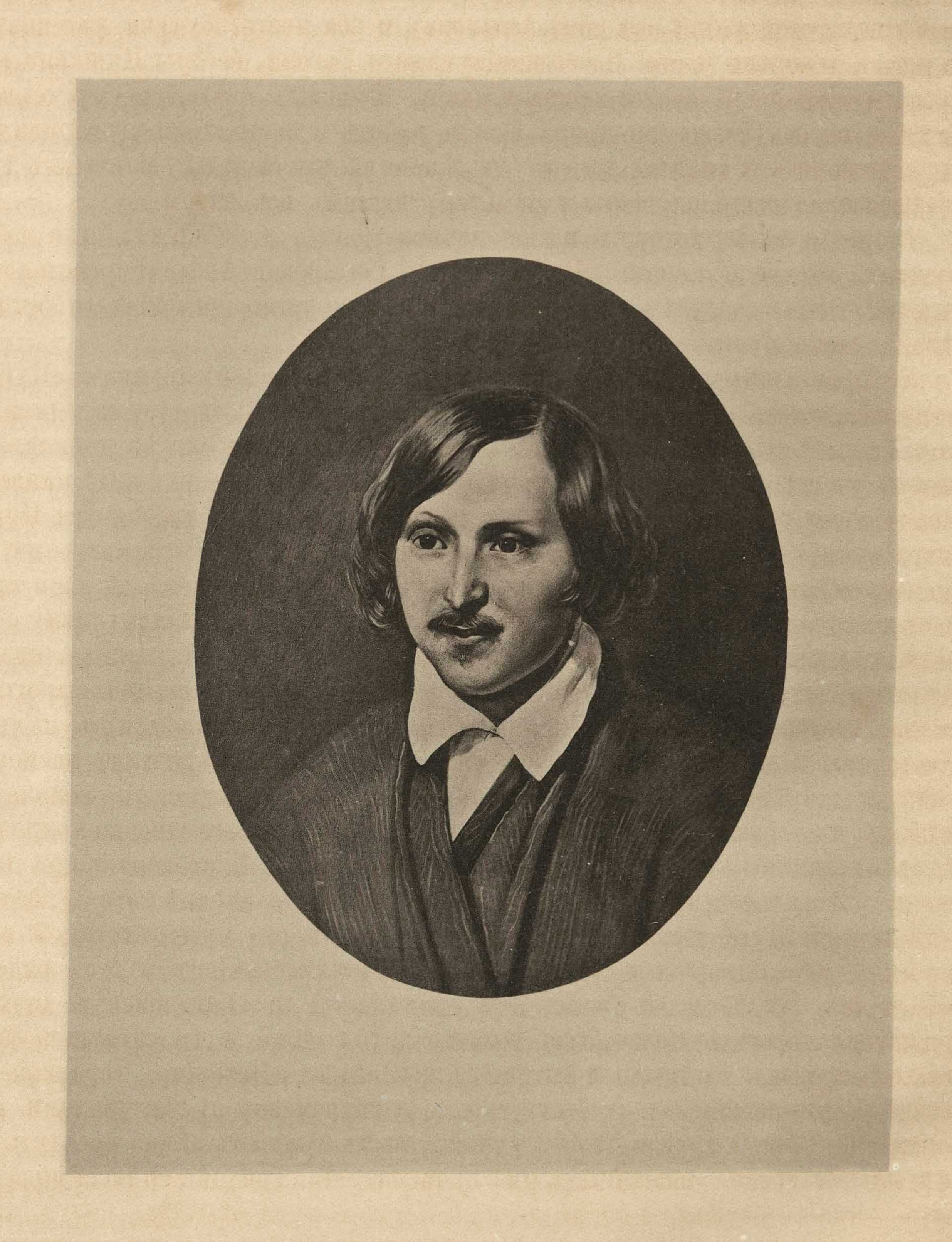
Не дай Богъ хорошей жены,
Хорошу жену часто въ пиръ зовутъ.

А бѣдному-то мужу во чужомъ пиру похмѣлье, да и въ своемъ тошнитъ... Дѣла мои идутъ своимъ чередомъ... Мнѣ пришелъ въ голову романъ *), и я вѣроятно за него примусь; но покамѣстъ голова моя кругомъ идетъ при мысли о газетѣ. Какъ-то слажу съ нею?...»

Около 10-го октября Пушкинъ возвратился въ Петербургъ и снова предался своимъ обычнымъ занятіямъ. Всю зиму провелъ онъ въ усиленныхъ архивныхъ работахъ.

---

*) Вѣроятно „Капитанская дочка“ или же „Дубровскій“.

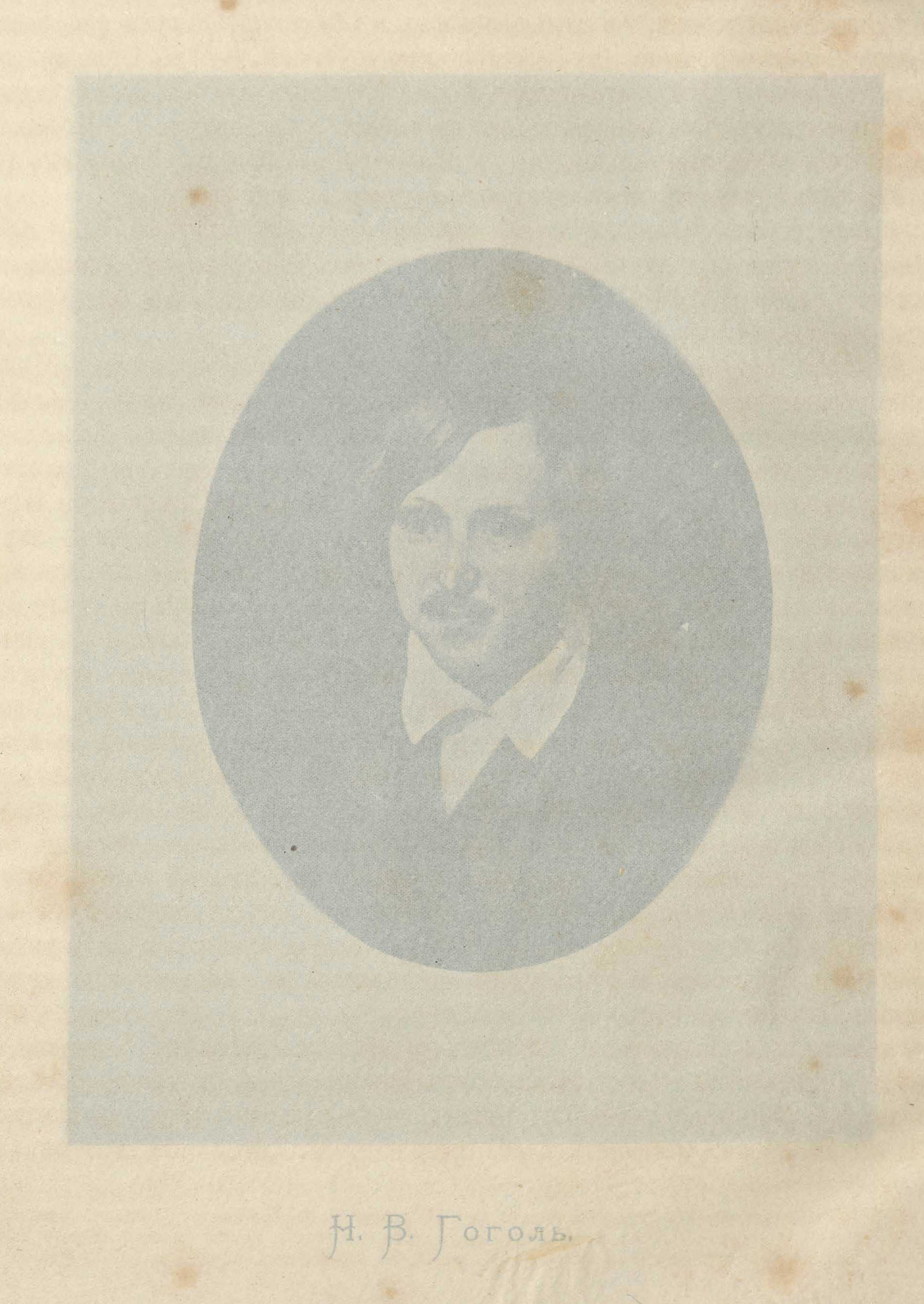
Н. В. Гоголь.

Изъ внѣшнихъ событій его жизни, относящихся къ этой эпохѣ, слѣдуетъ упомянуть вопервыхъ о сближеніи его съ Гоголемъ. Авторъ «Вечеровъ на хуторѣ» уже входилъ въ славу, и Пушкинъ одинъ изъ первыхъ привѣтствовалъ его, [illegible] на литературномъ горизонтѣ. Въ 1832 году Гоголь жилъ на [illegible] по сосѣдству съ Пушкинымъ (квартировавшимъ въ это время на [illegible] въ домѣ [illegible]), и оба поэта, будучи уже знакомы, видались [illegible]. По [illegible] самого Гоголя, бесѣды Пушкина имѣли на него [illegible] вліяніе. Пушкинъ внушалъ ему серьезные взгляды [illegible] къ работѣ и настойчиво уговаривалъ начать како[illegible]. Извѣстно, что сюжеты «Мертвыхъ душъ» и «Ревизо[illegible] нашимъ поэтомъ.

Второ[illegible] пройти молчаніемъ, было избраніе Пушкина [illegible] Россійской Академіи, состоявшееся въ концѣ [illegible] аккуратно посѣщалъ субботнія засѣданія ака[illegible]

Собира[illegible] и роясь въ архивахъ, Пушкинъ наталкива[illegible] событій отечественной исторіи. Жела[illegible] области они ни принадлежали, онъ [illegible] руку архивные памятники. [illegible] матеріалы, касавшіеся Пугачев[illegible] предался поэтъ нашъ изученію [illegible] уходилъ онъ въ свои архивы [illegible] къ подлинному дѣлу о Пуга[illegible] не распечатанному, онъ при[illegible] множествомъ сыраго матеріала [illegible] начиная съ манифестовъ и указовъ [illegible] бунта. Переѣхавъ весною 1833 [illegible] не захотѣлъ оставить своихъ изслѣ[illegible] чиновникъ, ежедневно ходилъ пѣш[illegible] разстоянія. Благодаря такой лихора[illegible] у него были вполнѣ готовы матеріалы [illegible] его художественной натуры [illegible] изслѣдованіемъ, и вотъ рядомъ съ [illegible] за «Капитанскую дочку»,— [illegible] и поэта, и его читателей за недо[illegible] красокъ въ «Исторіи». Черновой набро[illegible] одновременно съ матеріалами. Но для оконча[illegible] счелъ нужнымъ лично посѣтить мѣста, служившія [illegible] происшествій. Тридцатаго іюля подалъ онъ

*) По этому поводу [illegible] отъ 24 ноября А. И. Тургеневу: „Пушкинъ единогласно избранъ членомъ академіи, [illegible] возгордился сею честью, вмѣстѣ съ нимъ избранъ Загоскинъ". (А. С. Пушкинъ по док. Ас[illegible] архива", кн. П. П. Вяземскаго).

Н. В. Гоголь.

Изъ внѣшнихъ событій его жизни, относящихся къ этой эпохѣ, слѣдуетъ упомянуть вопервыхъ о сближеніи его съ Гоголемъ. Авторъ «Вечеровъ на хуторѣ» уже входилъ въ славу, и Пушкинъ одинъ изъ первыхъ привѣтствовалъ его, какъ новое свѣтило на литературномъ горизонтѣ. Въ 1832 году Гоголь жилъ на Малой Морской по сосѣдству съ Пушкинымъ (квартировавшимъ въ это время на Фурштатской улицѣ, въ домѣ Алымова), и оба поэта, будучи уже знакомы, видались довольно часто. По сознанію самого Гоголя, бесѣды Пушкина имѣли на него сильное и благотворное вліяніе. Пушкинъ внушалъ ему серьезные взгляды на искусство, поощрялъ его къ работѣ и настойчиво уговаривалъ начать какой-нибудь капитальный трудъ. Извѣстно, что сюжеты «Мертвыхъ душъ» и «Ревизора» были внушены ихъ автору нашимъ поэтомъ.

Второе событіе, котораго мы не можемъ пройти молчаніемъ, было избраніе Пушкина въ число членовъ Императорской Россійской Академіи, состоявшееся въ концѣ 1832 года*). Съ этихъ поръ поэтъ аккуратно посѣщалъ субботнія засѣданія академіи.

Собирая данныя для исторіи Петра Великаго и роясь въ архивахъ, Пушкинъ наталкивался на документы, касавшіеся и другихъ событій отечественной исторіи. Жадный до новыхъ свѣдѣній, къ какой бы области они ни принадлежали, онъ съ увлеченіемъ разбиралъ попадавшіеся подъ руку архивные памятники. Между ними особенно привлекли его вниманіе матеріалы, касавшіеся Пугачевскаго бунта. Съ обычной своей страстностью предался поэтъ нашъ изученію заинтересовавшей его эпохи. Ежедневно съ утра уходилъ онъ въ свои архивы и просиживалъ тамъ цѣлые дни. Не имѣя доступа къ подлинному дѣлу о Пугачевѣ, хранившемуся въ архивахъ и дотолѣ еще не распечатанному, онъ принужденъ былъ пользоваться въ своихъ изысканіяхъ множествомъ сыраго матеріала, касавшагося изучаемаго событія, начиная съ манифестовъ и указовъ Екатерины и до частной переписки очевидцевъ бунта. Переѣхавъ весною 1833 года на дачу, на Черную Рѣчку, Пушкинъ не захотѣлъ оставить своихъ изслѣдованій, и по прежнему, какъ добросовѣстный чиновникъ, ежедневно ходилъ пѣшкомъ въ архивы, несмотря на дальность разстоянія. Благодаря такой лихорадочной дѣятельности, къ осени 1833 года у него были вполнѣ готовы матеріалы для исторіи Пугачевскаго бунта. Но потребности его художественной натуры не могли удовлетвориться сухимъ научнымъ изслѣдованіемъ, и вотъ рядомъ съ «Исторіей Пугачевскаго бунта» онъ принимается за «Капитанскую дочку»,— романъ, который долженъ былъ вознаградить и поэта, и его читателей за недостатокъ живыхъ мѣстныхъ и бытовыхъ красокъ въ «Исторіи». Черновой набросокъ «Капитанской дочки» былъ готовъ одновременно съ матеріалами. Но для окончанія обоихъ произведеній Пушкинъ счелъ нужнымъ лично посѣтить мѣста, служившія ареной описанныхъ имъ происшествій. Тридцатаго іюля подалъ онъ

*) По этому поводу кн. Вяземскій писалъ отъ 24 ноября А. И. Тургеневу: „Пушкинъ единогласно избранъ членомъ академій, но чтобы не слишкомъ возгордился сею честью, вмѣстѣ съ нимъ избранъ Загоскинъ“. („А. С. Пушкинъ по док. Астафьевскаго архива“. кн. П. П. Вяземскаго).

начальству заявленіе, гдѣ проситъ объ отпускѣ и разъясняетъ причины побуждающія его желать отлучки изъ Петербурга. «Въ продолженіи двухъ послѣднихъ лѣтъ», пишетъ онъ въ этомъ прошеніи, «занимался я одними историческими изысканіями, не написавъ ни одной строки чисто литературной. Мнѣ необходимо мѣсяца два провести въ совершенномъ уединеніи, дабы отдохнуть отъ важнѣйшихъ занятій и кончить книгу, давно мною начатую и которая доставитъ мнѣ деньги, въ коихъ имѣю нужду. *Мнѣ самому совѣстно тратить время на суетныя занятія, но они доставляютъ мнѣ способъ проживать въ С.-Петербургѣ, гдѣ труды мои, благодаря начальство, имѣютъ цѣль болѣе важную и полезную.* Если угодно будетъ знать, какую именно книгу хочу я дописать въ деревнѣ: это романъ, коего большая часть дѣйствія происходитъ въ Оренбургѣ и Казани, и вотъ почему хотѣлось бы мнѣ посѣтить сіи губерніи»...*)

Разрѣшеніе начальства не замедлило, и Пушкинъ тронулся въ путь. Первоначальнымъ намѣреніемъ его было начать свое путешествіе съ Дерпта, куда влекло его желаніе повидаться съ Е. А. Карамзиной, но экономическія соображенія заставили его измѣнить этотъ планъ. Самыя подробныя и, конечно, самыя достовѣрныя свѣдѣнія о странствіи поэта находимъ въ его письмахъ къ женѣ, напечатанныхъ въ «Вѣстникѣ Европы» 1878 года подъ редакціей И. С. Тургенева.

Пушкинъ оставилъ Черную Рѣчку въ срединѣ августа и въ сопровожденіи Соболевскаго направился по Московскому тракту. Доѣхавъ до Торжка, онъ долженъ былъ свернуть въ сторону, чтобы побывать въ Ярополицѣ, имѣніи Гончаровыхъ, гдѣ въ то время находилась теща его Наталья Ивановна. Совершивъ благополучно эту поѣздку и заѣхавъ по дорогѣ на короткое время въ имѣніе гг. Вульфовъ, онъ поспѣшилъ въ Москву. Сломавшаяся коляска задержала его въ Москвѣ на нѣсколько дней, и онъ воспользовался этимъ временемъ, чтобы повидать друзей и знакомыхъ. Остановившись у Нащокина, онъ посѣтилъ Чаадаева, Погодина, Булгакова, Судіенку, товарища своей холостой жизни, и другихъ московскихъ пріятелей. Случайно въ это же время въ Москвѣ находился одинъ изъ самыхъ близкихъ друзей Пушкина, Николай Раевскій. Они встрѣтились и отпраздновали свое свиданіе дружескимъ обѣдомъ. Коляска наконецъ была готова, и Пушкинъ могъ продолжать свое путешествіе. Нащокинъ провожалъ его шампанскимъ, стерлядями, жженкой и молитвами. Двадцать девятаго сентября поэтъ нашъ выѣхалъ изъ Москвы.

Дальнѣйшіе эпизоды его путешествія передадимъ его собственными словами. *Нижній, 2-го сентября*... «Каретникъ насилу выдалъ мнѣ коляску... Дорога хороша, но подъ Москвою нѣтъ лошадей; я повсюду ждалъ нѣсколько часовъ и насилу дотащился до Нижняго сегодня, т. е. въ пятыя сутки. Успѣлъ только съѣздить въ баню, а объ городѣ скажу только тебѣ: les rues sont larges et bien pavées, les maisons bien baties. Ѣду на ярманку, которая свои послѣднія штуки показываетъ, а завтра отправляюсь въ Казань»... *Въ тотъ же*

*) „Матеріалы“ Анненкова.

день.... «Сегодня былъ я у губернатора ген. Бутурлина. Онъ и жена его приняли меня очень мило и ласково; онъ уговорилъ меня обѣдать завтра у него».... *Казань, 8-го сентября*... «Я въ Казани съ 5, и до сихъ поръ не имѣлъ время написать тебѣ слова. Сейчасъ ѣду въ Симбирскъ, гдѣ надѣюсь найти отъ тебя письмо. Здѣсь я возился со стариками, современниками моего героя, объѣзжалъ окрестности города, осматривалъ мѣста сраженій, разспрашивалъ, записывалъ и очень доволенъ, что не напрасно посѣтилъ эту сторону. Погода стоитъ прекрасная, чтобъ не сглазить только. Надѣюсь до дождей объѣхать все, что предполагалъ видѣть, и въ концѣ сентября быть въ деревнѣ... Здѣсь Баратынскій—вотъ онъ ко мнѣ входитъ»... *Село Языково, 65 верстъ отъ Симбирска, 12-го сентября*.—«Пишу тебѣ изъ деревни поэта Языкова, къ которому заѣхалъ и не нашелъ дома. Третьяго дня прибылъ я въ Симбирскъ и отъ Загряжскаго принялъ отъ тебя письмо... Я путешествую, кажется, съ пользою, но еще не на мѣстѣ и ничего не написалъ. И сплю и вижу пріѣхать въ Болдино, и тамъ запереться.

Изъ Казани написалъ я тебѣ нѣсколько строчекъ—некогда было. Я таскался по окрестностямъ, по полямъ, по кабакамъ и попалъ на вечеръ къ одной blue stockings, сороколѣтней, несносной бабѣ съ вощеными зубами и съ ногтями въ грязи. Она развернула тетрадь и прочла мнѣ стиховъ съ двѣсти, какъ ни въ чемъ не бывало. Баратынскій написалъ ей стихи и съ удивительнымъ безстыдствомъ расхвалилъ ея красоту и геній. Я такъ и ждалъ, что принужденъ буду ей написать въ альбомъ—но Богъ помиловалъ; однако она взяла мой адресъ и стращаетъ меня перепиской и пріѣздомъ въ П. Б., съ чѣмъ тебя и поздравляю. Мужъ ея умный и ученый нѣмецъ, въ нее влюбленъ и въ изумленіи отъ ея генія; однако онъ одолжилъ меня очень—и я радъ, что съ нимъ познакомился. Сегодня ѣду въ Симбирскъ, отобѣдаю у губернатора, а къ вечеру отправлюсь въ Оренбургъ,—послѣдняя цѣль моего путешествія.

Здѣсь я нашелъ старшаго брата Языкова, человѣка чрезвычайно замѣчательнаго и котораго готовъ я полюбить, какъ люблю Плетнева или Нащокина. Я провелъ съ нимъ вечеръ, и оставилъ его для тебя, а теперь оставляю тебя для него»... *Симбирскъ, 14*. «Опять я въ Симбирскѣ. Третьяго дня, выѣхавъ ночью, отправился я къ Оренбургу. Только выѣхалъ на большую дорогу, заяцъ перебѣжалъ мнѣ ее. Чортъ его побери, дорого бы далъ я, чтобъ его затравить. На третьей станціи стали закладывать мнѣ лошадей—гляжу, нѣтъ ямщиковъ—одинъ слѣпъ, другой пьянъ и спрятался. Пошумѣвъ изо всей мочи, рѣшился я возвратиться и ѣхать другой дорогой; по этой на станціяхъ вездѣ по 6 лошадей, а почта ходитъ четыре раза въ недѣлю. Повезли меня обратно—я заснулъ—просыпаюсь утромъ—что же? не отъѣхалъ я и пяти верстъ. Гора—лошади не взвезутъ, около меня человѣкъ 20 мужиковъ. Чортъ знаетъ, какъ Богъ помогъ—наконецъ взъѣхали мы, и я воротился въ Симбирскъ. Дорого бы далъ я, чтобъ быть борзой собакой; уже этого зайца я бы отыскалъ. Теперь ѣду опять другимъ трактомъ. Авось безъ приключеній»... *Оренбургъ, 19 сент.* «Я

здѣсь со вчерашняго дня. Насилу доѣхалъ—дорога прескучная, погода холодная, завтра ѣду къ яицкимъ казакамъ, пробуду у нихъ дня три—и отправлюсь въ деревню черезъ Саратовъ и Пензу».

«Что, женка? скучно тебѣ? мнѣ тоска безъ тебя. Кабы не стыдно было, воротился бы прямо къ тебѣ, ни строчки не написавъ. Да нельзя, мой ангелъ—взялся за гужъ, не говори, что не дюжъ—то-есть уѣхалъ писать, такъ пиши же романъ за романомъ, поэму за поэмой. А ужъ чувствую, что дурь на меня находитъ—я и въ коляскѣ сочиняю, что жъ будетъ въ постелѣ? Одно меня сокрушаетъ: человѣкъ мой. Вообрази себѣ тонъ московскаго канцеляриста, глупъ, говорливъ, черезъ день пьянъ, ѣстъ мои холодные, дорожные рябчики, пьетъ мою мадеру, портитъ мои книги, и по станціямъ называетъ меня то графомъ, то генераломъ. Бѣситъ меня да и только»... Прибавимъ отъ себя, что Оренбургскую губернію Пушкинъ объѣхалъ въ сопровожденіи Владиміра Ивановича Даля. *Болдино, 2-го октября.* «Милый другъ мой, я въ Болдинѣ со вчерашняго дня... Послѣднее письмо мое должна ты была получить изъ Оренбурга. Оттуда поѣхалъ я въ Уральскъ. Тамошній атаманъ и казаки приняли меня славно, дали мнѣ два обѣда, подпили за мое здоровье, наперерывъ давали мнѣ всѣ извѣстія, въ которыхъ имѣлъ нужду—и накормили меня свѣжей икрой, при мнѣ изготовленной. При выѣздѣ моемъ (23 сентября) вечеромъ пошелъ дождь, первый по моемъ выѣздѣ. Надо тебѣ знать, что нынѣшній годъ была всеобщая засуха, и что Богъ угодилъ на одного меня, уготовя мнѣ вездѣ прекраснѣйшую дорогу. На возвратный же путь послалъ онъ мнѣ этотъ дождь, и черезъ полчаса сдѣлалъ дорогу непроходимой. Того мало: выпалъ снѣгъ, и я обновилъ зимній путь, проѣхавъ верстъ 50 на саняхъ. Проѣзжая мимо Языкова, я къ нему заѣхалъ, засталъ всѣхъ трехъ братьевъ, отобѣдалъ съ ними очень весело, ночевалъ и отправился сюда. Въѣхавъ въ границы Болдинскія, встрѣтилъ я поповъ, и такъ же озлился на нихъ, какъ на симбирскаго зайца... Въ деревнѣ Бердѣ, гдѣ Пугачевъ простоялъ 6 мѣсяцевъ, имѣлъ я une bonne fortune—нашелъ 75-лѣтнюю казачку, которая помнитъ это время, какъ мы съ тобой помнимъ 1830 годъ. Я отъ нея не отставалъ, виноватъ—и про тебя не подумалъ.—Теперь надѣюсь многое привести въ порядокъ, многое написать и потомъ къ тебѣ съ добычею»... *Болдино, 8-го октября...* «Вотъ уже недѣлю, какъ я въ Болдинѣ, привожу въ порядокъ мои записки (о Пугачевѣ), а стихи пока еще спятъ. Коли царь позволитъ мнѣ записки, то у насъ будетъ тысячъ 30 чистыхъ денегъ. Заплатимъ половину долговъ и заживемъ припѣваючи»... *11-го октября...* «Знаешь ли, что обо мнѣ говорятъ въ сосѣднихъ губерніяхъ? Вотъ какъ описываютъ мои занятія: Какъ Пушкинъ стихи пишетъ—передъ нимъ стоитъ штофъ славнѣйшей настойки—онъ хлопъ стаканъ, другой, третій—и уже начнетъ писать!—Это слава!»... *21-го октября...* «О себѣ тебѣ скажу, что я работаю лѣниво, черезъ пень колоду валю. Всѣ эти дни голова болѣла, хандра грызла меня. Нынче легче. Началъ многое, но ни къ чему охоты нѣтъ; Богъ знаетъ, что со мною дѣлается... Не жди меня прежде конца ноября; не хочу къ тебѣ

съ пустыми руками явиться; взялся за гужъ, не скажу, что не дюжъ»... *30-го октября*... «Ты спрашиваешь, какъ я живу и похорошѣлъ ли я? Во-первыхъ, отпустилъ я себѣ бороду; *усъ да борода — молодцу похвала; выду на улицу, дядюшкой зовутъ*. 2) Просыпаюсь въ 7 часовъ, пью кофей и лежу до 3-хъ часовъ. Недавно расписался, и уже написалъ пропасть. Въ 3 часа сажусь верхомъ, въ 5 въ ванну, и потомъ обѣдаю картофелемъ да грешневой кашей. До 9 часовъ — читаю. Вотъ тебѣ мой день, и всѣ на одно лицо».

Ограничиваясь свѣдѣніями, сообщаемыми самимъ Пушкинымъ относительно его путешествія въ Казань и Оренбургъ, мы не можемъ не дополнить нѣсколькими словами разсказъ о его пребываніи въ Болдинѣ. Осень въ деревнѣ и на этотъ разъ оказала свое благотворное вліяніе. Отрѣшившись на время отъ свѣтской суеты и мелочныхъ заботъ обыденной жизни, онъ снова почувствовалъ себя поэтомъ. Нѣсколько крупныхъ произведеній являются плодомъ его болдинскаго уединенія. Онъ оканчиваетъ и приводитъ въ порядокъ «Исторію Пугачевскаго бунта» и «Капитанскую дочку», пишетъ «Сказку о рыбакѣ и рыбкѣ», нѣсколько мелкихъ стихотвореній и завершаетъ пребываніе въ деревнѣ однимъ изъ лучшихъ созданій своихъ — «Мѣднымъ Всадникомъ». Рядомъ съ этимъ произведеніемъ, какъ отброшенная часть той же поэмы, является «Родословная моего героя».

Наполнивъ свой портфель всѣми этими сокровищами, Пушкинъ могъ уже съ спокойной совѣстью возвратиться домой, не опасаясь упрека въ томъ, что «взялся за гужъ и оказался не дюжъ». Къ 28-му числу ноября пріѣхалъ онъ въ Петербургъ и приступилъ къ цензурнымъ хлопотамъ по поводу изданія «Исторіи Пугачевскаго бунта». Въ этихъ заботахъ провелъ онъ остатокъ года.

Дойдя въ изложеніи событій жизни Пушкина до 1834 г., съ котораго начинается уже безпрерывный рядъ мелочныхъ оскорбленій, неудачъ и уколовъ самолюбія, доведшихъ поэта до катастрофы, остановимся на нѣкоторое время, чтобы еще разъ обозрѣть только-что изложенную первую половину его женатой жизни, которая, по нашему мнѣнію, уже можетъ считаться прелюдіей къ кровавой драмѣ, разыгравшейся впослѣдствіи.

Читатели припомнятъ, конечно, смутное и напряженное настроеніе духа Пушкина, предшествовавшее его женитьбѣ. Мучительно и безпокойно метался онъ, ища выхода изъ своего положенія, сдѣлавшагося невыносимымъ. Наконецъ показалось, ему, что исходъ былъ найденъ: онъ женился. Что же дала ему женитьба? Принесла ли она ему успокоеніе, котораго такъ жаждала душа его? — Едва ли. Жена его, по единогласному свидѣтельству всѣхъ ее знавшихъ, была красавица въ полномъ смыслѣ этого слова. Наружность ея не принадлежала къ числу тѣхъ холодныхъ и строго правильныхъ физіогномій, которыя принято называтъ классическими. Напротивъ, это была красота романтическая, «la beauté romantique», какъ называли ее въ свѣтѣ. Лицо ея было полно выраженія какой-то тихой, какъ бы затаенной грусти. Такъ графиня Фикельмонъ, жена австрійскаго посланника, увидавъ Наталью Николаевну въ первый разъ, была поражена этимъ скорбнымъ

выраженіемъ. Въ письмѣ къ кн. Вяземскому отъ 25 мая 1831 года она писала между прочимъ: «Жена его (Пушкина) прекрасное созданіе; но это меланхолическое и тихое выраженіе, похожее на предчувствіе несчастья!»...*) То же самое повторяетъ она и въ письмѣ отъ 12-го декабря того же года: «Пушкинъ у васъ въ Москвѣ; жена его хороша, хороша, хороша! Но страдальческое выраженіе ея лба заставляетъ меня трепетать за ея будущность» **). Было ли въ данномъ случаѣ лицо зеркаломъ души или нѣтъ, — судить не беремся ***). Не подлежитъ сомнѣнію только то, что подобная наружность представляла обильный матеріалъ мечтательному воображенію поэта, и Пушкинъ, этотъ жрецъ красоты, не могъ остаться равнодушнымъ. Онъ увлекся ею, но увлекся сначала тѣмъ холоднымъ увлеченіемъ, которое свойственно только артисту, созерцающему «чистѣйшей прелести чистѣйшій образецъ». Именно это чувство выразилъ онъ въ стихотвореніи «Красавица», написанномъ въ альбомъ Н. Н. Гончаровой:

Все въ ней гармонія, все диво,
Все выше міра и страстей;
Она покоится стыдливо
Въ красѣ торжественной своей;
Она кругомъ себя взираетъ:
Ей нѣтъ соперницъ, нѣтъ подругъ;
Красавицъ нашихъ блѣдный кругъ
Въ ея сіяньѣ исчезаетъ.
Куда бы ты ни поспѣшалъ,
Хоть на любовное свиданье,
Какое бъ въ сердцѣ ни питалъ
Ты сокровенное мечтанье, —
Но встрѣтясь съ ней, смущенный, ты
Вдругъ остановишься невольно,
Благоговѣя богомольно
Передъ святыней красоты.

Вскорѣ однако это чувство уступило мѣсто другому: оно смѣнилось страстью, — страстью бурной, мятежной и горячей, какъ африканская природа Пушкина. Онъ полюбилъ жену, но полюбилъ не той тихой и мирной любовью, которая обѣщала бы перейти въ прочную дружбу и послужить залогомъ семейнаго счастія. Къ такой любви поэтъ нашъ, быть можетъ, и не былъ способенъ. Такимъ образомъ къ прежнему тревожному состоянію духа присоединились еще волненія страсти.

---

*) А. С. Пушкинъ по док. Астафьевскаго архива.

**) Ibidem.

***) Прилагаемъ снимки съ 3-хъ портретовъ Н. Н. Пушкиной, бывшихъ на выставкѣ: первый — дѣтскій, обязательно доставленъ былъ Д. Д. Гончаровымъ; второй — акварельный — А. А. Пушкинымъ, третій — кисти Мазера — И. Н. Подклюшниковымъ.

выраженіемъ. Въ письмѣ къ кн. Вяземскому отъ 25 мая 1831 года она писала между прочимъ: «Жена его (Пушкина) прекрасное созданіе; но это меланхолическое и тихое выраженіе, похожее на предчувствіе несчастья!»...*) То же самое повторяетъ она и въ письмѣ отъ 12-го декабря того же года: «Пушкинъ у васъ въ Москвѣ; жена его хороша, хороша, хороша! Но страдальческое выраженіе ея лба заставляетъ меня трепетать за ея будущность» **). Было ли въ данномъ случаѣ лицо зеркаломъ души или нѣтъ, — судить не беремся ***). Не подлежитъ сомнѣнію только то, что подобная наружность представляла обильный матеріалъ мечтательному воображенію поэта, и Пушкинъ, этотъ жрецъ красоты, не могъ остаться равнодушнымъ. Онъ увлекся ею, но увлекся сначала тѣмъ холоднымъ увлеченіемъ, которое свойственно только артисту, созерцающему «чистѣйшей прелести чистѣйшій образецъ». Именно это чувство выразилъ онъ въ стихотвореніи «Красавица», написанномъ въ альбомъ Н. Н. Гончаровой:

Все въ ней гармонія, все диво,
Все выше міра и страстей;
Она покоится стыдливо
Въ красѣ торжественной своей;
Она кругомъ себя взираетъ:
Ей нѣтъ соперницъ, нѣтъ подругъ;
Красавицъ нашихъ блѣдный кругъ
Въ ея сіяньѣ исчезаетъ.
    Куда бы ты ни поспѣшалъ,
Хоть на любовное свиданье,
Какое бъ въ сердцѣ ни питалъ
Ты сокровенное мечтанье, —
Но встрѣтясь съ ней, смущенный, ты
Вдругъ остановишься невольно,
Благоговѣя богомольно
Передъ святыней красоты.

Вскорѣ однако это чувство уступило мѣсто другому: оно смѣнилось страстью, — страстью бурной, мятежной и горячей, какъ африканская природа Пушкина. Онъ полюбилъ жену, но полюбилъ не той тихой и мирной любовью, которая обѣщала бы перейти въ прочную дружбу и послужить залогомъ семейнаго счастія. Къ такой любви поэтъ нашъ, быть можетъ, и не былъ способенъ. Такимъ образомъ къ прежнему тревожному состоянію духа присоединились еще волненія страсти.

---

*) А. С. Пушкинъ по док. Астафьевскаго архива.
**) Ibidem.
***) Прилагаемъ снимки съ 3-хъ портретовъ Н. Н. Пушкиной, бывшихъ на выставкѣ: первый — дѣтскій, обязательно доставленъ былъ Д. Д. Гончаровымъ; второй — акварельный — А. А. Пушкинымъ, третій — кисти Мазера — И. Н. Подключниковымъ.

Наталья Николаевна Гончарова.

Наталья Николаевна Пушкина.

(съ акварели).

Наталья Николаевна Пушкина.

Мазера.

А. С. Пушкинъ.

Мазера.

Нѣтъ сомнѣнія, что Наталья Николаевна въ свою очередь любила Пушкина. Но вопросъ въ томъ, сумѣла ли она понять геніальную натуру того, кто былъ ея мужемъ, цѣнила ли она въ немъ того Пушкина, передъ которымъ преклонялась и донынѣ преклоняется вся образованная Россія? Любила ли она въ немъ поэта? или же, вѣрная благочестивымъ и нравственнымъ принципамъ, любила его такъ, какъ любила бы всякаго другаго, кого судьба вздумала бы дать ей въ мужья?

Отвѣтъ на вопросъ этотъ мы должны искать въ перепискѣ поэта съ женою. Замѣчательно, что въ своихъ письмахъ онъ говоритъ съ ней обо всемъ, передаетъ мельчайшія подробности своей жизни, обстановки, встрѣчъ, столкновеній, разговоровъ и т. п., но мы нигдѣ не видимъ, чтобы онъ подѣлился съ нею какимъ-нибудь поэтическимъ замысломъ, художественнымъ планомъ или творческой мыслью. Онъ почти ни разу не заговариваетъ съ ней о своихъ произведеніяхъ, а если и говоритъ, то только съ матеріальной точки зрѣнія, т. е. съ точки зрѣнія тѣхъ доходовъ и выгодъ, которые они могутъ принести. Въ бесѣдахъ съ женой Пушкинъ какъ будто забываетъ или стыдится, что онъ поэтъ. Это покажется еще страннѣе, если вспомнимъ, какъ охотно въ былое время посвящалъ онъ друзей въ тайны своего творчества. Трудно рѣшить, что было причиной такого отношенія: убѣдился ли онъ, что Наталью Николаевну эти вопросы не интерисуютъ, или считалъ ее неспособною понимать значеніе поэзіи. Какъ бы то ни было, но основываясь на этомъ фактѣ, мы вправѣ предположить, что цѣлая половина, лучшая половина его внутренней жизни, не находила себѣ отголоска въ сердцѣ жены.

За то какъ много страницъ въ письмахъ поэта посвящено свѣтскимъ интересамъ! Какъ подробно пересказываетъ онъ женѣ всѣ новости, толки и даже сплетни, касающіеся жизни бо-монда! Есть основаніе думать, что и въ письмахъ Натальи Николаевны къ мужу много трактовалось о томъ же предметѣ. Искрененъ ли былъ интересъ Пушкина къ свѣтскимъ новостямъ, или онъ въ этомъ случаѣ приноровлялся ко вкусамъ жены, — конечно, навсегда останется тайной.

Была и еще одна важная черта въ отношеніяхъ Пушкина къ женѣ,—черта, которую многіе изъ біографовъ поэта называютъ ревностью. По нашему мнѣнію, Пушкинъ не былъ ревнивъ. Онъ по личному опыту зналъ, что̀ означаютъ ухаживанія свѣтскихъ Донъ-Жуановъ за молодой и прекрасной замужней женщиной, и его глубоко возмущала мысль, что его жена, женщина, носящая его имя, можетъ служить предметомъ подобныхъ искательствъ. Онъ зналъ кромѣ того злоязычіе свѣта и боялся его. Страхъ этотъ имѣлъ тѣмъ болѣе основанія, что Наталья Николаевна нисколько не раздѣляла брезгливаго чувства мужа къ ухаживаніямъ свѣтской молодежи. Напротивъ, она тщеславилась своими побѣдами и гордилась возраставшимъ числомъ своихъ поклонниковъ. Замѣчательно, что повѣреннымъ своихъ свѣтскихъ интересовъ она избрала именно своего мужа и съ полнѣйшей откровенностью дословно пересказывала ему всѣ каламбуры и комплименты своихъ воздыхателей. Какъ неотвязно преслѣдовало Пушкина без-

покойство за свое честное имя, такъ часто оставляемое имъ безъ защиты, на произволъ злорѣчиваго свѣта, видно изъ слѣдующихъ мѣстъ его писемъ къ женѣ: *) *4 октября, Болдино*... «Смотри, женка. Того и гляди избалуешься безъ меня, забудешь меня — искокетничаешься. Одна надежда на Бога да на тетку. Авось сохранятъ тебѣ отъ искушеній разсѣянности»... *21 октября*... «Кокетничать я тебя не мѣшаю, но требую отъ тебя холодности, благопристойности, важности — не говорю уже о безпорочности поведенія, которое относится не къ *тону*, а къ чему-то уже важнѣйшему. Охота тебѣ, женка, соперничать съ гр. С...—Ты красавица, ты бой-баба, а она шкурка. Что тебѣ перебивать у ней поклонниковъ? Все равно, кабы гр. Шереметевъ сталъ оттягивать у меня кистеневскихъ моихъ мужиковъ. Кто же еще за тобой ухаживаетъ, кромѣ Огарева?»... *30 октября*. «Вчера получилъ я, мой другъ, два отъ тебя письма, но я хочу немножко тебя пожурить. Ты, кажется, не путемъ искокетничалась. Смотри: не даромъ кокетство не въ модѣ и почитается признакомъ дурнаго тона. Въ немъ толку мало. Ты радуешься, что за тобою... бѣгаютъ...; есть чему радоваться! Не только тебѣ, но и Прасковьѣ Петровнѣ легко за собою пріучить бѣгать холостыхъ шаромыжниковъ...; **) Вотъ тебѣ вся тайна кокетства. *Было бы корыто, а свиньи будутъ*. Къ чему тебѣ принимать мужчинъ, которые за тобой ухаживаютъ? Не знаешь, на кого нападешь. Прочти басню А. Измайлова о Ѳомѣ и Кузьмѣ. Ѳома накормилъ Кузьму икрой и селедкой. Кузьма сталъ просить пить, а Ѳома не далъ. Кузьма и прибилъ Ѳому какъ каналью. Изъ этого поэтъ выводитъ слѣдующее нравоученіе: красавицы! не кормите селедкой, если не хотите пить давать; не то можете наскочить на Кузьму. Видишь ли! Прошу, чтобъ у меня не было этихъ академическихъ завтраковъ. Теперь, мой ангелъ, цѣлую тебя какъ ни въ чемъ не бывало, и благодарю за то, что ты подробно и откровенно описываешь мнѣ свою безпутную жизнь. Гуляй, женка, только не загуливайся, и меня не забывай... Да, ангелъ мой, пожалуйста не кокетничай. Я не ревнивъ, да и знаю, что ты во все тяжкое не пустишься; но ты знаешь, какъ я не люблю все, что пахнетъ московской барышнею, все, что не comme il faut, все, что vulgar»... *6 ноября*. «Другъ мой женка, на прошедшей почтѣ я не очень помню, что я тебѣ писалъ. Помнится, я былъ немножко сердитъ, и, кажется, письмо немного жестко. Повторю тебѣ помягче, что кокетство ни къ чему доброму не ведетъ; и хоть оно имѣетъ свои пріятности, но ничто такъ скоро не лишаетъ молодой женщины того, безъ чего нѣтъ ни семейственнаго благополучія, ни спокойствія въ отношіяхъ къ свѣту: *уваженія*. Радоваться своими побѣдами тебѣ нечего; К..., у которой переняла ты прическу (PS: ты очень, должна быть хороша въ этой прическѣ; я объ этомъ думалъ сегодня ночью) Ninon говорила: Il est écrit sur le coeur de tout homme: *à la plus facile*. Послѣ этого изволь гордиться похищеніемъ мужскихъ сердецъ.

---

*) Вѣстникъ Европы 1878, № 1.
**) Пропущены выраженія, неудобныя въ печати.

Подумай объ этомъ хорошенько и не безпокой меня напрасно. Я скоро выѣзжаю, но нѣсколько времени останусь въ Москвѣ по дѣламъ. Женка, женка! Я ѣзжу по большимъ дорогамъ, живу по 3 мѣсяца въ степной глуши, останавливаюсь въ пакостной Москвѣ, которую ненавижу — для чего? — для тебя, женка, чтобъ ты была спокойна и блистала себѣ на здоровье, какъ прилично въ твои лѣта и съ твоею красотою. Побереги же и ты меня. Къ хлопотамъ, неразлучнымъ съ жизнію мужчины, не прибавляй безпокойствъ семейственныхъ, ревности etc. etc.»...

Изъ всего сказаннаго ясно, что женитьба не только не дала Пушкину желаннаго успокоенія, но, напротивъ, принесла съ собой новыя заботы, новыя тревоги и новыя непріятности.

А между тѣмъ старыя не уменьшились. Полицейскій надзоръ по прежнему тяготѣлъ надъ нимъ, и Бенкендорфъ не пропускалъ случая напомнить о своемъ существованіи. Свѣтская жизнь, изъ душной атмосферы которой Пушкинъ такъ стремился вырваться, еще болѣе опутала его своими сѣтями. Теперь онъ уже зависѣлъ не отъ себя, а жена, воспитанная и выросшая въ свѣтѣ, конечно не захотѣла бы добровольно промѣнять блескъ столичной жизни на скуку деревенскаго уединенія. Да и Пушкинъ никогда не потребовалъ бы отъ нея этой жертвы. Онъ предпочелъ пожертвовать собой и, оставшись въ Петербургѣ, скрѣпя сердце вступилъ въ аристократическій кругъ, который и былъ причиной его гибели.

«Въ сущности Пушкинъ былъ до крайности несчастливъ», говоритъ гр. В. А. Соллогубъ въ своихъ воспоминаніяхъ*), «и главное его несчастіе заключалось въ томъ, что онъ жилъ въ Петербургѣ и жилъ свѣтской жизнью, его убившей. Пушкинъ находился въ средѣ, надъ которой не могъ не чувствовать своего превосходства, а между тѣмъ въ то же время чувствовалъ себя почти постоянно униженнымъ и по достатку, и по значенію въ аристократической сферѣ, къ которой онъ имѣлъ какое-то непостижимое пристрастіе. Наше общество такъ еще устроено, что величайшій художникъ безъ чина становится въ оффиціальномъ мірѣ ниже послѣдняго писаря. Когда при разъѣздахъ кричали: карету Пушкина! — Какого Пушкина? — Сочинителя! Пушкинъ обижался, конечно не за названіе, а за то пренебреженіе, которое оказывалось названію. За это и онъ оказывалъ наружное будто бы пренебреженіе къ нѣкоторымъ свѣтскимъ условіямъ, не слѣдовалъ модѣ и ѣздилъ на балы въ черномъ галстукѣ, въ двубортномъ жилетѣ, съ откидными ненакрахмаленными воротничками, подражая, быть можетъ, невольно байроновскому джентельменству; прочимъ же условіямъ онъ подчинялся».

Ко всѣмъ другимъ непріятностямъ присоединялись затрудненія денежныя. Мы уже упоминали о стѣсненныхъ обстоятельствахъ Пушкина. Но время шло,

---

*) Воспоминанія графа В. А. Сологуба, читанныя въ засѣданіи Общества Любителей Россійской Словесности, напечатаны отдѣльной брошюрой въ 1866 г.

дѣла его запутывались все болѣе и болѣе, семейство увеличивалось и расходы росли. Пушкинъ задумалъ обезпечить себя трудомъ и предался историческимъ изысканіямъ. Но это дѣло было не по немъ. Съ его стороны это было насиліемъ надъ своей природой, вызваннымъ нуждой. Самъ онъ, бесѣдуя въ Казани съ г-жою Фуксъ, выразилъ эту мысль: «Какъ жалки тѣ поэты», сказалъ онъ, «которые начинаютъ писать прозой; признаюсь, ежели бы я не былъ вынужденъ обстоятельствами, я бы для прозы не обмакнулъ пера въ чернила*). Несмотря на насильственное упорство, съ которымъ онъ предавался своей работѣ, она плохо подвигалась впередъ: поэтъ мѣшалъ историку. Фантазія то и дѣло отвлекала Пушкина въ сторону отъ главнаго предмета его изслѣдованія. Цѣлью его занятій была исторія Петра I, а результатами оказались «Исторія Пугачевскаго бунта», «Капитанская дочка», «Дубровскій», «Мѣдный всадникъ» и «Арапъ Петра Великаго». При такомъ положеніи дѣлъ понятно, что и денежные разсчеты его оказались несостоятельными, тѣмъ болѣе, что многія изъ названныхъ произведеній по тогдашнему времени были неудобны для печати. Приходилось дѣлать долги. Займы у друзей уже оказывались недостаточными; надо было искать другихъ источниковъ. Этимъ поспѣшили воспользоваться тѣ, кому это было на руку. У Пушкина сталъ все чаще и чаще появляться нѣкто г. Боголюбовъ, который и доставлялъ ему деньги. «Боголюбовъ», — разсказываетъ г. Куликовъ въ статьѣ своей «А. С. Пушкинъ и П. В. Нащокинъ» **), — старикъ ловкій и подвижной, съ отталкивающей сатанинской физіономіей, носилъ 2 звѣзды и былъ извѣстенъ какъ креатура Уварова. Весь кружокъ обращался съ нимъ сдержанно, какъ онъ ни юлилъ передъ всѣми, подражая имъ въ сообщеніи новостей или смѣшныхъ разсказовъ. Я и теперь съ негодованіемъ вспоминаю его скверное повѣствованіе о петербургскомъ мальчикѣ. Тогда же и всѣ приняли разсказъ его съ сомнительнымъ видомъ; а я, вотъ теперь, живя болѣе 40 лѣтъ въ Петербургѣ, смѣло увѣряю, что подобной уличной сцены не было, не могло быть, да — по нравамъ русскаго народа — никогда и не можетъ быть! Такъ подло клевещущій на свой народъ, даже на дѣтей, старикъ, способенъ на всякое зло и предательство».

Намъ неизвѣстно содержаніе разсказа г. Боголюбова, и мы привели свидѣтельство г. Куликова единственно для того, чтобы показать, съ какими людьми приходилось имѣть дѣло Пушкину изъ-за крайней нужды. Приведемъ еще одну выдержку изъ той же статьи г. Куликова:

«Пушкинъ, приглашая Нащокина крестить (1833 г.), обѣщалъ заплатить двѣ тысячи, взятыя имъ у Павла Воиновича въ Москвѣ передъ свадьбой, но исполненія обѣщанія, по обстоятельствамъ, затянулось.

Въ это утро собрались почти всѣ пріятели, а разговоры были натянутые, невеселые... Потомъ перешли въ довольно бурную сцену... Все вертѣлось на

---

*) Разсказъ А. В. Фуксъ о свиданіи съ Пушкинымъ помѣщенъ въ „Казанскихъ Вѣдомостяхъ“ 1844 г. Мы заимствовали нашу выписку у г. Анненкова.

**) Р. Старина 1880, декабрь и 1881 августъ.

злобѣ дня, т. е. на безденежьи. Слово за слово... и друзья начали обвинять самого поэта: «Почему онъ не печатаетъ свои новыя сочиненія, читанныя Нащокину и которыхъ — по словамъ Павла Воиновича — у него полный сундукъ? Зачѣмъ онъ нигдѣ не показывается? Для чего съ прежними друзьями не видится? А изъ нихъ богачи сейчасъ бы снабдили его тысячами! Можно любить жену, дѣтей, — но зачѣмъ же погрязать въ семейномъ болотѣ?» А одинъ вскочилъ съ такимъ упрекомъ: «Да почему ты у себя никого не принимаешь, кромѣ Боголюбова, этого уваровскаго шпіона-переносчика?»

Вотъ нѣкоторыя изъ возраженій Александра Сергѣевича:

— А! вы все судите по прежнему времени, когда я съ вами, гуляя по Питеру, растряхивалъ карманы, наполненные золотомъ? Да, правда, теперь у меня полонъ сундукъ новыхъ сочиненій... Это наслѣдство дѣтямъ... Не печатаю затѣмъ, что теперь на мой товаръ спросу нѣтъ! Ѳадюшка охаялъ, а Смирдинъ спустилъ цѣну, вотъ я и припряталъ товаръ. Вѣдь мы — купцы, а нынѣ творчество — коммерчество и т. д.»

Все это было высказано горячо, но несвязно, съ какимъ-то задыханіемъ или захлебываніемъ, тѣмъ болѣе, что нападающіе перебивали его, подсмѣиваясь, называли оправданія его — ребяческими, словомъ: по одиночкѣ и всѣ вмѣстѣ закидали некраснорѣчиваго поэта словами.

Тутъ Нащокинъ, сидѣвшій и слушавшій все молча, поднялся съ мѣста, уставилъ въ упоръ свои большіе глаза на нападчиковъ и началъ такъ умно, логично, краснорѣчиво, и главное, справедливо защищать своего друга, что всѣ прикусили языки! А поэтъ, отъ удовольствія, только подпрыгивалъ на диванѣ, да поддакивалъ: «да, да! Правда, правда! Вотъ и прекрасно, и очень хорошо».

Я, конечно, теперь не могу воспроизвести этой блистательной рѣчи, тѣмъ болѣе, что многаго не понималъ изъ намековъ въ ихъ пріятельскихъ отношеніяхъ другъ къ другу. Особенно ловко Павелъ Воиновичъ кончилъ, обратясь къ попрекнувшему Боголюбовымъ: «ты, братъ, кажется школу-то жизни изучилъ на опытѣ, прошелъ огонь и воду, такъ могъ бы понять, что въ людскихъ отношеніяхъ и Боголюбовыхъ создалъ Господь Богъ *на всякій случай!* Да! а вотъ и доказательство: вы нападаете съ упреками, какъ лицемѣрные друзья на многострадальнаго Іова, а Боголюбовъ ищетъ для него денегъ! Всѣ расхохотались... Все успокоилось, повеселѣло... А къ довершенію общаго удовольствія является Боголюбовъ и подаетъ Пушкину свертки золота».

Таковы были обстоятельства первой половины женатой жизни Пушкина. Мудрено ли, что мрачное настроеніе его духа все усиливалось, что хандра все чаще и чаще начинала посѣщать его?

Начало 1834 года ознаменовалось для Пушкина двумя событіями, игравшими важную роль въ его жизни: пожалованіемъ въ камеръ-юнкеры и появленіемъ въ Петербургѣ Дантеса. Пожалованіе въ камеръ-юнкеры состоялось за день до новаго года и болѣе обидѣло Пушкина, чѣмъ обрадовало. «Третьяго дня я пожалованъ въ камеръ-юнкеры (что довольно неприлично моимъ лѣтамъ)»,

пишетъ онъ 1-го января 1834 года въ своей записной книжкѣ. — «Меня спрашивали, доволенъ ли я моимъ камеръ-юнкерствомъ?—Доволенъ, потому что государь имѣлъ намѣреніе отличить меня, а не сдѣлать смѣшнымъ; а по мнѣ хоть въ камеръ-пажи, только-бъ не заставили меня учиться французскимъ вокабуламъ и ариѳметикѣ».

7-го января въ тѣхъ же запискахъ онъ снова съ горькимъ чувствомъ упоминаетъ о своемъ новомъ званіи: «Государь сказалъ княгинѣ Вяземской: J'espère que Pouchkin a pris en bonne part sa nomination. Jusqu'à présent il m'a tenu parole, et j'ai été content de lui etc. Великій Князь намедни поздравилъ меня въ театрѣ. Покорнѣйше благодарю Ваше Высочество: до сихъ поръ всѣ надо мною смѣялись; вы первый меня поздравили». Пожалованіе въ камеръ-юнкеры имѣло для Пушкина гораздо болѣе значенія, чѣмъ это можетъ показаться съ перваго взгляда. Оно было высочайшей милостью, отъ которой отказаться было нельзя, но въ то же время оно являлось для поэта лишней обузой, ибо налагало на него новыя, несвойственныя ему обязанности царедворца. Кромѣ того оно ставило его въ глазахъ свѣта въ комическое положеніе: всѣ новые товарищи его, камеръ-юнкеры, были люди очень молодые, почти мальчики, и 35-ти лѣтній Пушкинъ среди нихъ не могъ не возбуждать смѣха, котораго онъ всегда такъ боялся. «Пушкина сдѣлали камеръ-юнкеромъ», разсказываетъ Н. М. Смирновъ въ своихъ «Памятныхъ замѣткахъ»*); «это его взбѣсило, ибо сіе званіе точно было неприлично для человѣка 34 лѣтъ, и оно тѣмъ болѣе его оскорбило, что иные говорили, будто оно ему дано, чтобъ имѣть поводъ приглашать ко двору его жену. Притомъ на сей случай вышелъ мерзкій пасквиль, въ которомъ говорили о перемѣнѣ чувствъ Пушкина, будто бы онъ сдѣлался искателенъ, малодушенъ, и онъ, дорожившій своею славою, боялся, чтобъ сіе мнѣніе не было принято публикою и не лишило его народности. Словомъ, онъ былъ огорченъ и взбѣшенъ и рѣшился не воспользоваться своимъ мундиромъ, чтобъ ѣздить ко двору, не шить даже мундира. Въ этихъ чувствахъ онъ пришелъ къ намъ однажды. Жена моя, которую онъ очень любилъ и очень уважалъ, и я стали опровергать его рѣшеніе, представляя ему, что пожалованье въ сіе званіе не можетъ лишить его народности, ибо всѣ знаютъ, что онъ не искалъ его, что его нельзя было сдѣлать камергеромъ по причинѣ чина его, что натурально дворъ желалъ имѣть возможность приглашать его и жену его къ себѣ, и что Государь пожалованіемъ его въ сіе званіе имѣлъ въ виду только имѣть право приглашать его на свои вечера, не измѣняя старому церемоніалу, установленному при дворѣ. Долго спорили, убѣждали мы Пушкина; наконецъ полуубѣдили. Онъ отнѣкивался только неимѣніемъ мундира, и что онъ слишкомъ дорого стоитъ, чтобъ заказать его. На другой день, узнавъ отъ портнаго о продажѣ новаго мундира князя Витгенштейна, перешедшаго въ военную службу, и что онъ совершенно будетъ въ пору Пушкину, я ему послалъ его, написавъ, что мундиръ мною купленъ для него,

*) Р. Архивъ 1882 г. 2.

но что предоставляется его волѣ взять его или ввергнуть меня въ убытокъ, оставивъ его на моихъ рукахъ. Пушкинъ взялъ мундиръ и поѣхалъ ко двору. Вотъ всѣ объясненія его производства въ камеръ-юнкеры, по поводу котораго недоброжелатели, Булгаринъ и Сенковскій, литературные враги его, искали помрачить характеръ Пушкина».—Насколько распространена была молва о томъ, что Пушкинъ пожалованъ въ камеръ-юнкеры, благодаря красотѣ своей жены,—видно изъ того, что гр. Соллогубъ въ своихъ воспоминаніяхъ съ полнымъ убѣжденіемъ повторяетъ эту сплетню: «жена его (Пушкина) была красавица»,—говоритъ онъ,—«украшеніе всѣхъ собраній и слѣдовательно предметъ зависти всѣхъ ея сверстницъ. Для того, чтобъ приглашать ее на балы, Пушкинъ пожалованъ былъ камеръ-юнкеромъ. Пѣвецъ свободы, наряженный въ придворный мундиръ, для сопутствованія женѣ-красавицѣ, игралъ роль жалкую, едва-ли не смѣшную Пушкинъ былъ не Пушкинъ, а царедворецъ и мужъ. Это онъ чувствовалъ глубоко». Была-ли доля справедливости въ этихъ толкахъ, или нѣтъ,—во всякомъ случаѣ Пушкинъ ихъ слышалъ, и самолюбіе его страдало.

Въ тѣхъ же запискахъ, гдѣ поэтъ пожаловался на свое камеръ-юнкерство, подъ помѣтой «26-го января», находимъ слѣдующее: «Баронъ д'Антесъ и маркизъ де Пина, два Шуана, будутъ приняты въ гвардію прямо офицерами. Гвардія ропщетъ».

Баронъ Жоржъ д'Антесъ, или по другому правописанію Дантесъ, по происхожденію ирландецъ, былъ французскимъ подданнымъ. Наполеонъ I далъ отцу его баронскій титулъ. Жоржъ Дантесъ послѣ революціи 1830 года эмигрировалъ изъ Франціи. Задумавъ искать карьеры въ Россіи, молодой баронъ, запасшись множествомъ рекомендательныхъ писемъ, пріѣхалъ въ Петербургъ. Благодаря этимъ письмамъ, а также своей счастливой наружности, имѣвшей свойство располагать къ себѣ съ перваго взгляда, онъ скоро заручился покровительствомъ многихъ вліятельныхъ особъ аристократическаго круга. Въ числѣ послѣднихъ была графиня Фикельмонъ, которая представила Дантеса Императрицѣ и просила ее принять участіе въ судьбѣ молодаго эмигранта. Вскорѣ Дантесу удалось обратить на себя вниманіе Государя. Въ Петербургѣ былъ живописецъ Ладюрнеръ, мастерская котораго находилась въ эрмитажѣ и не рѣдко удостоивалась посѣщеній Государя. Ладюрнеръ принялъ участіе въ своемъ соотечественникѣ и рѣшился обезпечить его карьеру. Нарисовавъ въ каррикатурномъ видѣ портретъ Людовика-Филиппа, котораго Государь Николай Павловичъ очень недолюбливалъ, Ладюрнеръ, поставилъ каррикатуру на видномъ мѣстѣ своей мастерской и сталъ ждать посѣщенія Императора. Въ то время Дантесъ почти безотлучно дежурилъ у Ладюрнера. Когда наконецъ Государь пріѣхалъ и, обративъ вниманіе на каррикатуру, освѣдомился о ея авторѣ, Ладюрнеръ вывелъ спрятавшагося при входѣ Императора Дантеса изъ-за ширмъ и представилъ его Николаю Павловичу. Пользуясь благопріятнымъ впечатлѣніемъ, произведеннымъ каррикатурой, смѣлый авантюристъ тутъ же просилъ Государя о дозволеніи вступить въ русскую военную службу и получилъ согласіе.

Удачи Дантеса этимъ не ограничились: Нидерландскій посланникъ баронъ Гекеренъ сошелся съ нимъ по пріѣздѣ его въ Петербургъ и вскорѣ же усыновилъ его, передалъ ему свою фамилію и назначилъ его своимъ наслѣдникомъ. Что было причиной этого — неизвѣстно. Одни утверждали, что Дантесъ оказался незаконнымъ сыномъ Гекерена; другіе говорили, что старый баронъ, ненавидя свое семейство, давно хотѣлъ усыновить кого-нибудь и остановилъ свой выборъ на Дантесѣ, который ему понравился.

Такимъ образомъ молодой французъ сразу аклиматизировался въ Петербургѣ и полноправнымъ гражданиномъ вступилъ въ аристократическій кругъ.

Въ виду важной роли, которую игралъ старикъ Гекеренъ въ судьбѣ Пушкина, мы считаемъ не лишнимъ сказать о немъ нѣсколько словъ. Это былъ низенькій, суетливый старикъ, всегда улыбающійся, отпускающій шуточки, во все мѣшающійся*). Безнравственность его вошла въ пословицу. Онъ былъ развратенъ, золъ, эгоистъ, не останавливался ни передъ какими средствами для достиженія своихъ цѣлей; онъ былъ извѣстенъ всему Петербургу своимъ злымъ языкомъ и, перессорившi многихъ своими сплетнями, былъ презираемъ тѣми, кто его понялъ и оцѣнилъ**).

Что касается до молодаго Дантеса-Гекерена, то это былъ красивый блондинъ, ловкій, веселый и болтливый, хвастливый и самонадѣянный, какъ истый французъ. Наружность его была изъ тѣхъ, которыя нравятся свѣтскимъ женщинамъ. Онъ былъ болѣе остроуменъ, нежели уменъ, и умѣлъ оживить салонный разговоръ удачнымъ каламбуромъ, но далѣе этого способности его не шли. При ограниченномъ умѣ, онъ былъ совершенно лишенъ образованія. Отличительной чертой его была привычка хвастать своими успѣхами у женщинъ; во всемъ прочемъ онъ былъ добрый малый, хоть и пошловатый, любимъ товарищами и большинствомъ знакомыхъ. Въ Русскомъ Архивѣ 1864 года въ статьѣ, озаглавленной «Изъ воспоминаній молодости», находимъ слѣдующее описаніе Дантеса, котораго авторъ видѣлъ на балу: «Дантесъ очень много суетился, танцовалъ ловко, болталъ, смѣшилъ публику и воображалъ себя настоящимъ героемъ бала; это былъ бѣлокурый, плотный и коренастый офицеръ средняго роста; на меня произвелъ онъ непріятное впечатлѣніе своимъ ломаньемъ и самонадѣянностью, такъ что я, кажется, уподобилъ его à un garçon d'écurie».

Изъ прилагаемыхъ портретовъ Дантеса первый относится именно ко времени пребыванія его въ Петербургѣ и столкновенія съ Пушкинымъ; второй — къ 1844 году, какъ видно изъ подписи на самомъ портретѣ.

Пушкинъ и Дантесъ познакомились, обѣдая вмѣстѣ за общимъ столомъ ресторана Дюме, и понравились другъ другу. Вращаясь въ одномъ и томъ же кругу, они встрѣчались почти ежедневно, и между ними установились шутливыя отношенія, которыя и продолжались до лѣта 1836 года.

---

*) Разсказъ А. О. Россета. Р. Арх. 1882.
**) Памятныя замѣтки Н. М. Смирнова. Р. Арх. 1882.

Баронъ де Геккеренъ (Дантесъ).

Удачи Дантеса этимъ не ограничились: Нидерландскій посланникъ баронъ Гекеренъ сошелся съ нимъ по пріѣздѣ его въ Петербургъ и вскорѣ же усыновилъ его, передалъ ему свою фамилію и назначилъ его своимъ наслѣдникомъ. Что было причиной этого — неизвѣстно. Одни утверждали, что Дантесъ оказался незаконнымъ сыномъ Гекерена; другіе говорили, что старый баронъ, не имѣя своего семейства, давно хотѣлъ усыновить кого-нибудь и остановилъ свой выборъ на Дантесѣ, который ему понравился.

Такимъ образомъ молодой французъ сразу акклиматизировался въ Петербургѣ и полноправнымъ гражданиномъ вступилъ въ аристократическій кругъ.

Въ виду важной роли, которую игралъ старикъ Гекеренъ въ судьбѣ Пушкина, мы считаемъ не лишнимъ сказать о немъ нѣсколько словъ. Это былъ низенькій, суетливый старикъ, всегда улыбающійся, отпускающій шуточки, во все мѣшающійся *). Безнравственность его вошла въ пословицу. Онъ былъ развратенъ, золъ, эгоистъ, не останавливался ни передъ какими средствами для достиженія своихъ цѣлей; онъ былъ извѣстенъ всему Петербургу своимъ злымъ языкомъ и, перессоривши многихъ своими сплетнями, былъ презираемъ тѣми, кто его понялъ и оцѣнилъ **).

Что касается до молодаго Дантеса-Гекерена, то это былъ красивый блондинъ, ловкій, веселый и болтливый, хвастливый и самонадѣянный, какъ истый французъ. Наружность его была изъ тѣхъ, которыя нравятся свѣтскимъ женщинамъ. Онъ былъ болѣе остроуменъ, нежели уменъ, и умѣлъ оживить салонный разговоръ удачнымъ каламбуромъ, но далѣе этого способности его не шли. При ограниченномъ умѣ, онъ былъ совершенно лишенъ образованія. Отличительной чертой его была привычка хвастать своими успѣхами у женщинъ; во всемъ прочемъ онъ былъ добрый малый, хоть и пошловатый, любимъ товарищами и большинствомъ знакомыхъ. Въ Русскомъ Архивѣ 1864 года въ статьѣ, озаглавленной «Изъ воспоминаній молодости», находимъ слѣдующее описаніе Дантеса, котораго авторъ видѣлъ на балу: «Дантесъ очень много суетился, танцовалъ ловко, болталъ, смѣшилъ публику и воображалъ себя настоящимъ героемъ бала; это былъ бѣлокурый, плотный и коренастый офицеръ средняго роста; на меня произвелъ онъ непріятное впечатлѣніе своимъ ломаньемъ и самонадѣянностью, такъ что я, кажется, уподобилъ его à un garçon d'écurie».

Изъ прилагаемыхъ портретовъ Дантеса первый относится именно ко времени пребыванія его въ Петербургѣ и столкновенія съ Пушкинымъ; второй — къ 1844 году, какъ видно изъ подписи на самомъ портретѣ.

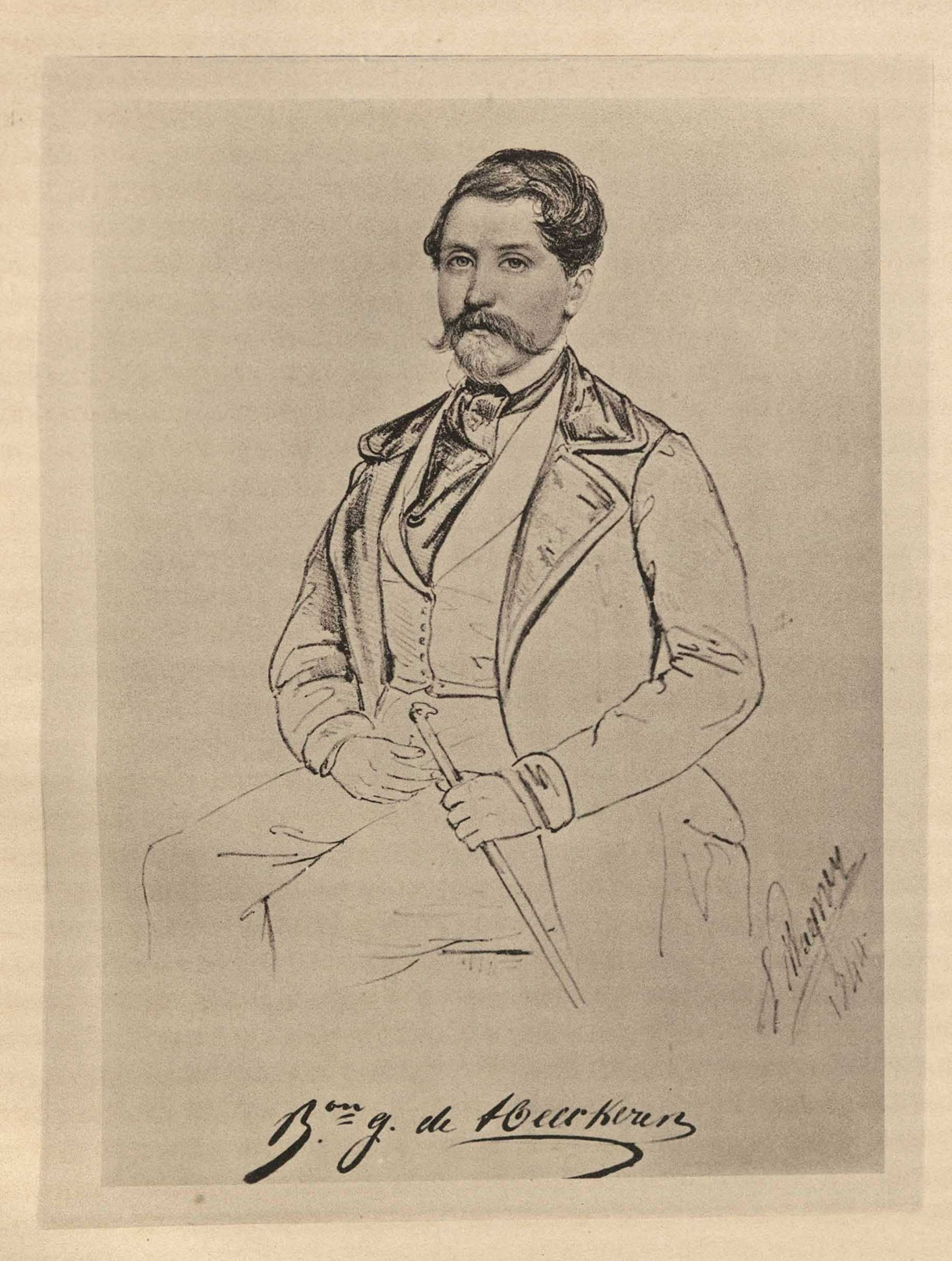
Пушкинъ и Дантесъ познакомились, обѣдая вмѣстѣ за общимъ столомъ ресторана Дюме, и понравились другъ другу. Вращаясь въ одномъ и томъ же кругу, они встрѣчались почти ежедневно, и между ними установились шутливыя отношенія, которыя и продолжались до лѣта 1836 года.

---

*) Разсказъ А. О. Россета. Р. Арх. 1882.
**) Памятныя замѣтки Н. М. Смирнова. Р. Арх. 1882.

Баронъ де Геккеренъ (Дантесъ).

Баронъ де Геккеренъ (Дантесъ).

Обратимся къ Пушкину. Мы сказали, что конецъ 1833 года онъ провелъ въ хлопотахъ изданія «Исторіи Пугачевскаго бунта». Цензурныхъ затрудненій не оказалось, но явились затрудненія другаго рода. Изданіе стоило дорого, а денегъ не было. На помощь поэту явился самъ Государь. По высочайшему указу отъ 16-го марта 1834 года было выдано Пушкину изъ Государственнаго Казначейства 20,000 рублей, на 2 года, безъ процентовъ и безъ вычета въ пользу увѣчныхъ.

Такая безпримѣрная милость Государя глубоко тронула Пушкина, но изъ денежныхъ затрудненій не вывела: пожалованныя деньги всѣ должны были уйти на печатаніе книги, доходовъ съ которой можно было ожидать только въ будущемъ, а расходы шли, не дожидаясь.

Великимъ постомъ Пушкинъ отправилъ семью свою въ Калужскую губернію, въ имѣніе Гончаровыхъ, а самъ остался въ Петербургѣ, чтобы слѣдить за печатаніемъ своей книги. Всю весну и лѣто провелъ онъ въ безпрерывныхъ хлопотахъ. Къ собственнымъ заботамъ присоединились чужія: Сергѣй Львовичъ взвалилъ на него управленіе своими имѣніями и устройство своихъ дѣлъ. Это была новая непріятность. «Здѣсь меня теребятъ и бѣсятъ безъ милости», пишетъ онъ женѣ отъ 19 іюня *). «И мои долги и чужіе мнѣ покою не даютъ. Имѣніе (Болдино) разстроено, и надобно его поправить, уменьшая расходы, а они обрадовались, и на меня насѣли. То то, то другое». Подобную же жалобу находимъ въ письмѣ его къ П. А. Осиповой отъ 29 іюня **): «Вы не можете себѣ представить, какъ тяготитъ меня устройство этого имѣнія. Нѣтъ сомнѣнія, что Болдино стоитъ спасти хотя бы для Ольги и Льва, которыхъ ожидаетъ нищенская сума, или по крайней мѣрѣ бѣдность. Я не богатъ и имѣю собственную семью, которая отъ меня зависитъ и безъ меня впадетъ въ нищету. Я принялъ имѣніе, которое принесетъ мнѣ однѣ заботы и непріятности. Родные мои не знаютъ, что они наканунѣ полнаго разоренія».

Невзгоды слѣдовали одна за другой: заваленный по горло дѣлами, Пушкинъ заперся дома, никого не принималъ, нигдѣ не бывалъ и не показывался даже при дворѣ. Это вызвало неудовольствіе Государя, и поэтъ получилъ одинъ за другимъ нѣсколько выговоровъ за пренебреженіе служебными обязанностями. Въ то же время надъ головой несчастнаго Пушкина собиралась новая гроза: переписываясь съ женой почти ежедневно, онъ безъ всякаго стѣсненія бесѣдовалъ съ нею и жаловался на свое положеніе, повидимому совершенно забывая о томъ, что полиція по прежнему слѣдитъ за каждымъ его шагомъ. Одно изъ писемъ его, гдѣ онъ говорилъ о будущемъ своего сына, выражая желаніе, чтобы онъ не былъ русскимъ поэтомъ и подальше держался отъ двора, попало въ руки полиціи. Только благодаря энергической помощи одного изъ друзей своихъ, Михаила Даниловича Деларю, Пушкинъ избѣжалъ новой бѣды. Вотъ что раз-

*) Вѣстникъ Европы, 1878, I.
**) Р. Архивъ, 1876 г.

сказываетъ по этому поводу Ѳ. М. Деларю, сынъ Михаила Даниловича *): «Письмо это было перехвачено въ Москвѣ почтъ-директоромъ Булгаковымъ и отправлено въ III-е отдѣленіе къ Бенкендорфу. Секретаремъ Бенкендорфа былъ тогда Миллеръ, товарищъ отца моего по лицейскому пансіону. Графъ передалъ ему письмо Пушкина, приказывая положить въ портфель, съ которымъ онъ отправлялся для доклада къ Государю. Миллеръ, благоговѣя самъ передъ талантомъ Пушкина и зная отношенія къ нему отца моего, тотчасъ же бросился къ послѣднему и привезъ съ собою письмо Александра Сергѣевича, спрашивая, что ему теперь дѣлать?

Отецъ мой, ни минуты не колебавшійся въ своемъ рѣшеніи — во что бы то ни стало избавить Пушкина отъ угрожающей ему крупной непріятности и знавшій разсѣянность Бенкендорфа, взялъ у Миллера письмо, прочиталъ его и спряталъ въ карманъ. Миллеръ пришелъ въ ужасъ и сталъ умолять отца возвратить ему письмо, но отецъ мой отвѣчалъ, что отдастъ его только въ такомъ случаѣ, если Бенкендорфъ о немъ напомнитъ Миллеру. При этомъ отецъ мой спросилъ Миллера, развѣ не случалось ему получать отъ Бенкендорфа цѣлые ворохи бумагъ съ просьбою положить ихъ въ особый ящикъ стола и недѣли черезъ двѣ, при напоминаніи объ этихъ бумагахъ со стороны секретаря, просить послѣдняго бросить ихъ въ огонь?

Миллеръ отвѣчалъ, что это даже часто случается. Слѣдовательно, возразилъ мой отецъ, тебѣ бояться нечего. Если бы, паче чаянія, Бенкендорфъ и вспомнилъ о письмѣ, то ты скажешь ему, что уничтожилъ его вмѣстѣ съ другими бумагами, согласно распоряженію его сіятельства. Миллеръ согласился на это, а отецъ мой немедленно отправился къ Пушкину, чтобы сообщить ему о случившемся. Александръ Сергѣевичъ измѣнился при этомъ извѣстіи въ лицѣ, но потомъ разсыпался передъ отцомъ моимъ въ благодарностяхъ и обѣщалъ принять свои мѣры, въ случаѣ, если Бенкендорфъ вспомнитъ о письмѣ и настоятельно станетъ его требовать отъ Миллера.

Недѣли черезъ двѣ послѣ этого, когда предположенія о разсѣянности и забывчивости Бенкендорфа вполнѣ оправдались, утромъ зашелъ Пушкинъ къ отцу моему, горячо обнялъ его, поблагодарилъ его за оказанную ему услугу и далъ прочитать копію съ письма, которое онъ написалъ къ женѣ своей. Содержаніе письма, приблизительно, состояло въ томъ, что Александръ Сергѣевичъ проситъ свою жену быть осторожною въ своихъ письмахъ, такъ какъ въ Москвѣ состоитъ почтъ-директоромъ Н...й Булгаковъ, который не считаетъ грѣхомъ ни распечатывать чужія письма, ни торговать собственными... Когда отецъ мой прочиталъ это письмо, то Пушкинъ залился хохотомъ и потомъ сказалъ:

— «Ну, пусть же это письмо прочитаетъ и перешлетъ Бенкендорфу!»

Письмо это, какъ оказалось по справкамъ, дѣйствительно не дошло по назначенію, но и въ III-е отдѣленіе переслано не было.

---

*) Р. Старина, 1880.

Такъ избавился Пушкинъ отъ непріятности, которая могла бы имѣть для него весьма серьезныя послѣдствія. Опасность миновала, но сознаніе, что полиція вторгается даже въ его семью, что малѣйшая неосторожность даже въ интимной перепискѣ съ женой можетъ ежеминутно погубить его, — было новымъ ударомъ для бѣднаго поэта. «Одно изъ моихъ писемъ попалось полиціи и такъ далѣе», пишетъ онъ женѣ по этому поводу... «если почта распечатала письмо мужа къ женѣ, такъ это ея дѣло, и тутъ одно непріятно: тайна семейственныхъ отношеній, проникнутая сквернымъ и безчестнымъ образомъ... Никто не долженъ знать, что можетъ происходить между нами; никто не долженъ быть принятъ въ нашу спальню. Безъ тайны нѣтъ семейственной жизни... А свинство уже давно меня ни въ комъ не удивляетъ». — «Я не писалъ тебѣ», читаемъ въ другомъ письмѣ, «потому что свинство почты такъ меня охолодило, что я пера въ руки взять былъ не въ силѣ. Мысль, что кто-нибудь насъ съ тобой подслушиваетъ, приводитъ меня въ бѣшенство à la lettre. Безъ политической свободы жить очень можно; безъ семейственной неприкосновенности невозможно. Каторга не въ примѣръ лучше... Будь осторожна, вѣроятно и твои письма распечатываютъ, этого требуетъ государственная безопасность».

Измученный всѣми этими неутомимыми гоненіями судьбы, Пушкинъ впалъ въ окончательное уныніе. Онъ началъ хандрить не на шутку, и письма его, относящіяся къ этому времени, полны скорбнаго чувства, мрачныхъ взглядовъ на будущее и жалобъ на свою зависимость. «Не сердись, жена, и не толкуй моихъ жалобъ въ худую сторону. Никогда не думалъ я упрекать тебя въ своей зависимости. Я долженъ былъ на тебѣ жениться потому, что всю жизнь былъ бы безъ тебя несчастливъ; но я не долженъ былъ вступать въ службу, и что еще хуже, опутать себя денежными обязательствами. Зависимость жизни семейственной дѣлаетъ человѣка болѣе нравственнымъ. Зависимость, которую налагаемъ на себя изъ честолюбія или нужды, унижаетъ насъ. Теперь они смотрятъ на меня какъ на холопа, съ которымъ можно имъ поступать, какъ имъ угодно. Опала легче презрѣнія. Я, какъ Ломоносовъ, не хочу быть шутомъ ниже у Господа Бога». Въ концѣ того же мѣсяца онъ писалъ: «Я крѣпко думаю объ отставкѣ. Должно подумать о судьбѣ нашихъ дѣтей. Имѣніе отца, какъ я въ томъ удостовѣрился, разстроено до невозможности, и только строгой экономіей можетъ еще поправиться. Я могу имѣть большія суммы, но мы много и проживаемъ. Умри я сегодня, — что съ вами будетъ? Мало утѣшенія въ томъ, что меня похоронятъ въ полосатомъ кафтанѣ, и еще на тѣсномъ петербургскомъ кладбищѣ, а не въ церкви на просторѣ, какъ прилично порядочному человѣку».

Подъ вліяніемъ этихъ мрачныхъ мыслей, въ одну изъ минутъ безысходной хандры, Пушкинъ едва не накликалъ на себя новую бѣду: онъ подалъ въ отставку. Ему сухо отвѣтили, что Государь никого не желаетъ удерживать противъ воли, но что, выйдя въ отставку, онъ уже лишится права посѣщать архивы, «такъ какъ право это можетъ принадлежать только людямъ, пользующимся особенною довѣренностью начальства». По этому отвѣту Пушкинъ догадался, что

поступилъ опрометчиво. Онъ поспѣшилъ сообщить объ этомъ событіи женѣ: «На дняхъ хандра меня взяла, подалъ я въ отставку, но получилъ отъ Жуковскаго такой нагоняй, а отъ Бенкендорфа такой сухой абшидъ, что я вструхнулъ, и Христомъ и Богомъ прошу, чтобы мнѣ отставки не давали. А ты и рада, не такъ ли? Хорошо, коли проживу я лѣтъ еще 25; а коли свернусь прежде десяти, такъ не знаю, что ты будешь дѣлать, и что скажутъ Машка, а въ особенности Сашка. Утѣшенія мало имъ будетъ въ томъ, что ихъ папеньку схоронили какъ шута, и что ихъ маменька ужасъ какъ мила была на Аничковскихъ балахъ».

Что Пушкинъ, подавъ просьбу объ отставкѣ, дѣйствительно струсилъ, видно изъ ряда писемъ, съ которыми онъ обратился къ Бенкендорфу, умоляя не давать его прошенію дальнѣйшаго хода: *3-го іюля* (писано по-французски). «Графъ! Нѣсколько дней назадъ я имѣлъ честь обратиться къ Вашему Сіятельству, прося позволенія оставить службу. Такъ какъ поступокъ этотъ неприличенъ, то я прошу васъ, графъ, не давать моему прошенію хода. Предпочитаю казаться непослѣдовательнымъ, чѣмъ быть неблагодарнымъ. Однако жъ отпускъ на нѣсколько мѣсяцевъ мнѣ необходимъ. Имѣю честь быть и проч... *4-го іюля.* Милостивый государь, графъ Александръ Христофоровичъ! Письмо Вашего Сіятельства отъ 5-го іюня удостоился я получить вчера вечеромъ. Крайне огорченъ я, что необдуманное прошеніе мое, вынужденное отъ меня непріятными обстоятельствами и досадными мелочными хлопотами, могло показаться безумною неблагодарностью и сопротивленіемъ волѣ того, кто донынѣ былъ болѣе моимъ благодѣтелемъ, нежели государемъ. Буду ждать рѣшенія участи моей, но во всякомъ случаѣ ничто не измѣнитъ чувства глубокой преданности моей къ царю и сыновней благодарности за прежнія его милости. Съ глубочайшимъ почтеніемъ и проч.»... *6-го іюля* (писано по-французски). «Графъ! Позвольте мнѣ переговорить съ вами откровенно. Прося объ отставкѣ, я думалъ единственно о моихъ семейныхъ обстоятельствахъ, тяжелыхъ и затруднительныхъ. Клянусь Богомъ и душою, это была моя единственная мысль. Съ глубокой скорбью вижу, что она такъ жестоко истолкована. Императоръ осыпалъ меня милостями съ той самой минуты, когда царственная мысль его обратилась на меня. О нѣкоторыхъ изъ милостей этихъ я не могу думать безъ глубокаго чувства: такъ много въ нихъ благородства и великодушія. Онъ всегда былъ для меня провидѣніемъ, и если въ теченіи послѣднихъ восьми лѣтъ мнѣ приходилось роптать, то клянусь, что никогда чувство горечи не примѣшивалось къ тѣмъ, которыя я ему посвятилъ. И въ настоящую минуту меня повергаетъ въ грусть не мысль лишиться всемогущаго покровителя, но опасеніе оставить въ умѣ его дурное впечатлѣніе, котораго, къ счастью, я не заслужилъ. Повторяю, графъ, мою покорнѣйшую просьбу — не давать хода прошенію, поданному мною столь опрометчиво. Поручая себя вашему мощному покровительству и проч.»

Раскаяніе Пушкина было принято, просьба объ отставкѣ возвращена и разрѣшенъ просимый отпускъ.

Въ половинѣ августа поэтъ съѣздилъ въ Калужскую губернію за своимъ семействомъ, проводилъ его до Москвы, а самъ отправился въ Болдино, гдѣ пробылъ до октября. Возвратившись въ Петербургъ, онъ выпустилъ въ свѣтъ «Исторію Пугачевскаго бунта» и снова засѣлъ за архивную работу.

Весь 1835 годъ Пушкинъ провелъ въ непрерывныхъ хлопотахъ относительно устройства матеріальнаго положенія своего и своей семьи. Весной дѣла потребовали присутствія его въ Москвѣ, и онъ, взявъ 28-ми-дневный отпускъ, съѣздилъ въ Москву, гдѣ пробылъ отъ 5-го до 24-го мая. Всѣ хлопоты его повидимому не привели къ благопріятнымъ результатамъ. По крайней мѣрѣ такъ можно предполагать, ибо лѣтомъ 1835 года онъ снова долженъ былъ прибѣгнуть къ правительству съ просьбой о помощи, чего, конечно, не сдѣлалъ бы безъ крайней нужды. Двадцать втораго іюля онъ обратился къ Бенкендорфу съ слѣдующимъ письмомъ (пис. по фр.): «Графъ! Я имѣлъ честь быть у Вашего Сіятельства, но не имѣлъ счастія застать васъ. Осыпанный благодѣяніями Его Величества, я обращаюсь къ вамъ, графъ, чтобы выразить благодарность за участіе, которое вы изволили принять во мнѣ, — и изъяснить откровенно мое положеніе.

Въ продолженіи послѣднихъ пяти лѣтъ моего пребыванія въ Петербургѣ у меня набралось около 60-ти тысячъ рублей долгу. Кромѣ того я былъ принужденъ взять на свои руки дѣла моего семейства, которыя такъ затруднили меня, что я долженъ былъ отказаться отъ наслѣдства и единственнымъ средствомъ къ приведенію дѣлъ моихъ въ порядокъ было — или удаленіе въ деревню, или заемъ, однажды навсегда, крупной денежной суммы. Но послѣдній способъ почти невозможенъ въ Россіи, гдѣ законъ даетъ заимодавцу слишкомъ слабую гарантію, и гдѣ займы почти всегда суть долги между друзьями на честное слово.

Для меня благодарность чувство не тягостное, и привязанность моя къ особѣ Императора, конечно, не возмущается тайною мыслью стыда или угрызенія совѣсти; но я не могу скрыть отъ себя, что не имѣю рѣшительно никакихъ правъ на благодѣяніе Его Величества, и что мнѣ невозможно просить его о чемъ-либо.

Итакъ, графъ, предаю еще разъ въ ваши руки мою участь и, прося васъ принять дань моего глубочайшаго уваженія, имѣю честь быть и проч.»

Въ отвѣтъ на письмо это Государь предложилъ поэту 10 тысячъ и шестимѣсячный отпускъ, по истеченіи котораго онъ могъ бы рѣшить, выходить ему въ отставку или нѣтъ. Но сумма въ 10,000 при шестидесятитысячномъ долгѣ не могла поправить денежныхъ обстоятельствъ Пушкина, и онъ рѣшился обратиться къ Бенкендорфу съ новой, уже на этотъ разъ опредѣленно выраженной просьбой (пис. по-франц.): «Графъ», пишетъ онъ ему 28 іюля 1835 года, «мнѣ тяжело въ минуту полученія неожиданной милости просить о двухъ другихъ, но я рѣшаюсь съ полной откровенностію къ тому, кто благоволилъ быть моимъ провидѣніемъ.

Изъ 60,000 руб. моихъ долговъ, половину составляютъ долги чести. Для уплаты ихъ я вынужденъ прибѣгнуть къ займамъ подъ проценты, что удвоитъ

мое затрудненіе, или поставитъ меня въ необходимость снова прибѣгнуть къ великодушію Императора. Посему всеподданнѣйше умоляю Его Величество оказать мнѣ полную и совершенную милость, давъ мнѣ — во-первыхъ, возможность уплатить эти 30,000 руб., а во-вторыхъ дозволивъ мнѣ смотрѣть на сію сумму, какъ на заемъ и уплатить ее удержаніемъ моего жалованія впредь до погашенія долга.

Поручая себя снисходительности Вашей, имѣю честь быть и проч.»

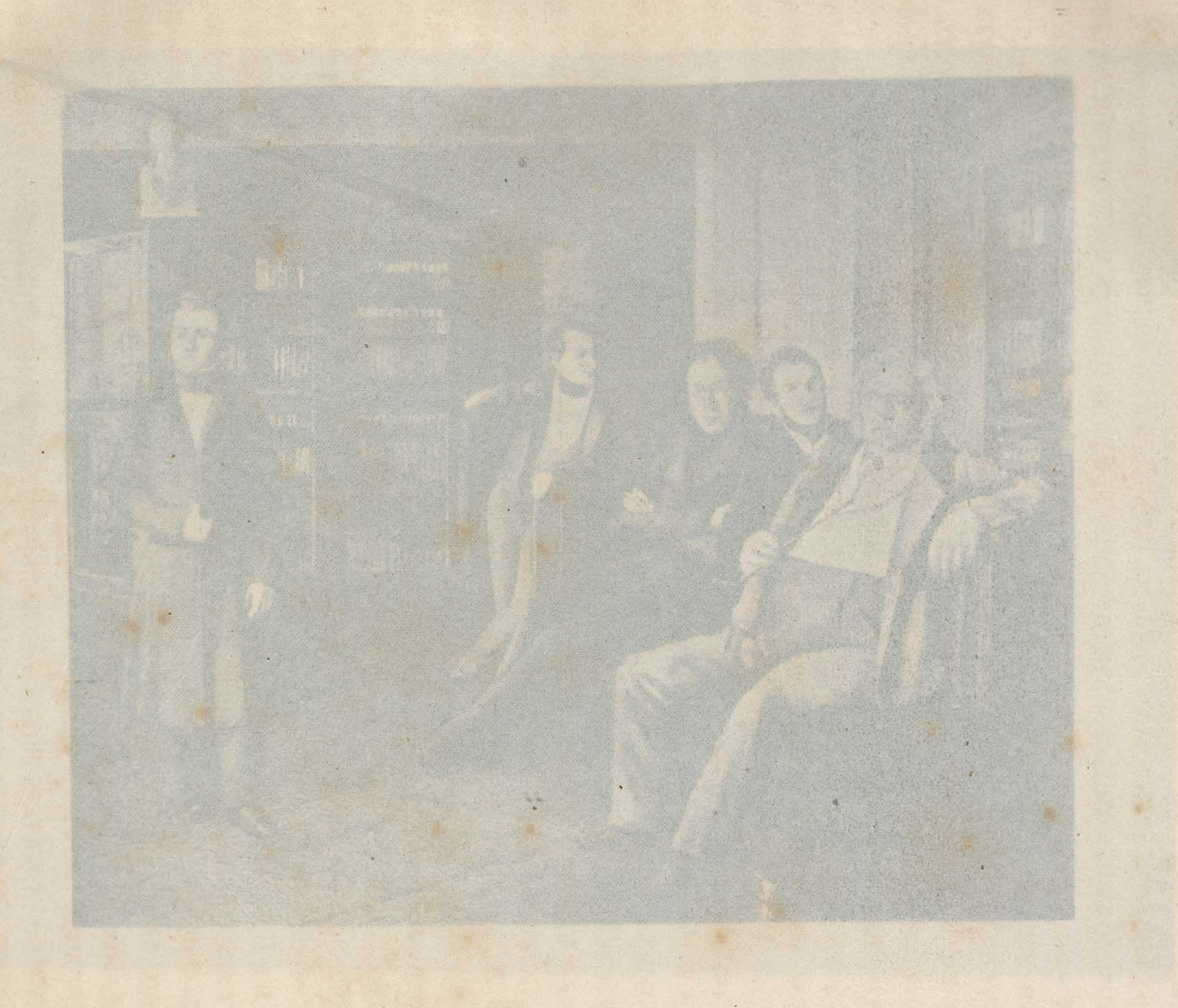
Много долженъ былъ выстрадать поэтъ, чтобы рѣшиться на подобное письмо! Просьба его была исполнена: Государь пожаловалъ ему просимыя 30,000 и согласился въ видѣ уплаты удерживать слѣдуемое ему жалованье.

Наступила осень. Пушкина потянуло въ деревню. Онъ взялъ отпускъ и уѣхалъ въ Михайловское, надѣясь, что осень по обыкновенію вдохновитъ его. Но онъ ошибся. Въ душѣ, смущенной житейскими волненіями, уже не было мѣста вдохновенію, и муза не откликнулась на призывъ поэта!

Вотъ выдержки изъ писемъ его къ женѣ, свидѣтельствующія о постоянной душевной тревогѣ, не покинувшей Пушкина и въ деревнѣ: *Въ половинѣ сентября*... «Писать не начиналъ и не знаю, когда начну... Сегодня видѣлъ я мѣсяцъ съ лѣвой стороны, и очень о тебѣ сталъ безпокоиться»... *21 сентября*... «Однако я все безпокоюсь и ничего не пишу, а время идетъ... А о чемъ думаю? Вотъ о чемъ: чѣмъ намъ жить будетъ? Отецъ не оставитъ мнѣ имѣнія; онъ его уже вполовину промоталъ; ваше имѣніе на волоскѣ отъ погибели. Царь не позволяетъ мнѣ ни записаться въ помѣщики, ни въ журналисты. Писать книги для денегъ, видитъ Богъ, не могу. У насъ ни гроша вѣрнаго дохода, а вѣрнаго расхода 30,000. Все держится на мнѣ, да на теткѣ. Но ни я, ни тетка не вѣчны. Что изъ этого будетъ, Богъ знаетъ. Покамѣстъ грустно!»... *25 сентября*... «Вообрази, что до сихъ поръ не написалъ я ни строчки, а все потому, что не спокоенъ»... *29 сентября*... «Г. обѣщалъ мнѣ газету, а тамъ запретилъ; заставляетъ меня жить въ П.Б., а не даетъ мнѣ способовъ жить моими трудами. Я теряю время и силы душевныя, бросаю за окошко деньги трудовыя и не вижу ничего въ будущемъ. Отецъ мотаетъ имѣніе безъ удовольствія, какъ безъ разсчета; твои теряютъ свое отъ глупости и безпечности покойника Аѳ. Ник. — Что изъ этого будетъ? Господь вѣдаетъ... Я провожу время очень однообразно. Утромъ дѣла не дѣлаю, а такъ изъ пустаго въ порожнее переливаю. Вечеромъ ѣзжу въ Тригорское, роюсь въ старыхъ книгахъ да орѣхи грызу. А ни стиховъ, ни прозы писать и не думаю».

Напрасно ждалъ Пушкинъ вдохновенія: оно не приходило. Только одно стихотвореніе написалъ онъ въ Михайловскомъ, именно «Опять на родинѣ», — стихотвореніе, глубоко-скорбное чувство котораго такъ гармонировало съ общимъ настроеніемъ духа поэта.

Въ Петербургъ Пушкинъ вернулся раньше, чѣмъ истекъ его отпускъ. Здѣсь его ожидали новыя хлопоты: со слѣдующаго года онъ задумалъ издавать журналъ и дѣятельно принялся заготовлять для него матеріалы. Друзья-литераторы

Кольцовъ, Гоголь, Пушкинъ, Кн. Одоевскій, Крыловъ.

Кабинетъ В. А. Жуковскаго.

мое затрудненіе, или поставить меня въ необходимость прибѣгнуть къ великодушію Императора. Посему всеподданнѣйше умоляю Его Величество оказать мнѣ полную и совершенную милость, давъ мнѣ — во-первыхъ, возможность уплатить эти 30,000 руб., и во-вторыхъ, дозволивъ мнѣ смотрѣть на сію сумму, какъ на заемъ и уплатить ее удержаніемъ моего жалованія впредь до погашенія долга.

Поручая себя снисходительности Вашей, имѣю честь быть и проч.»

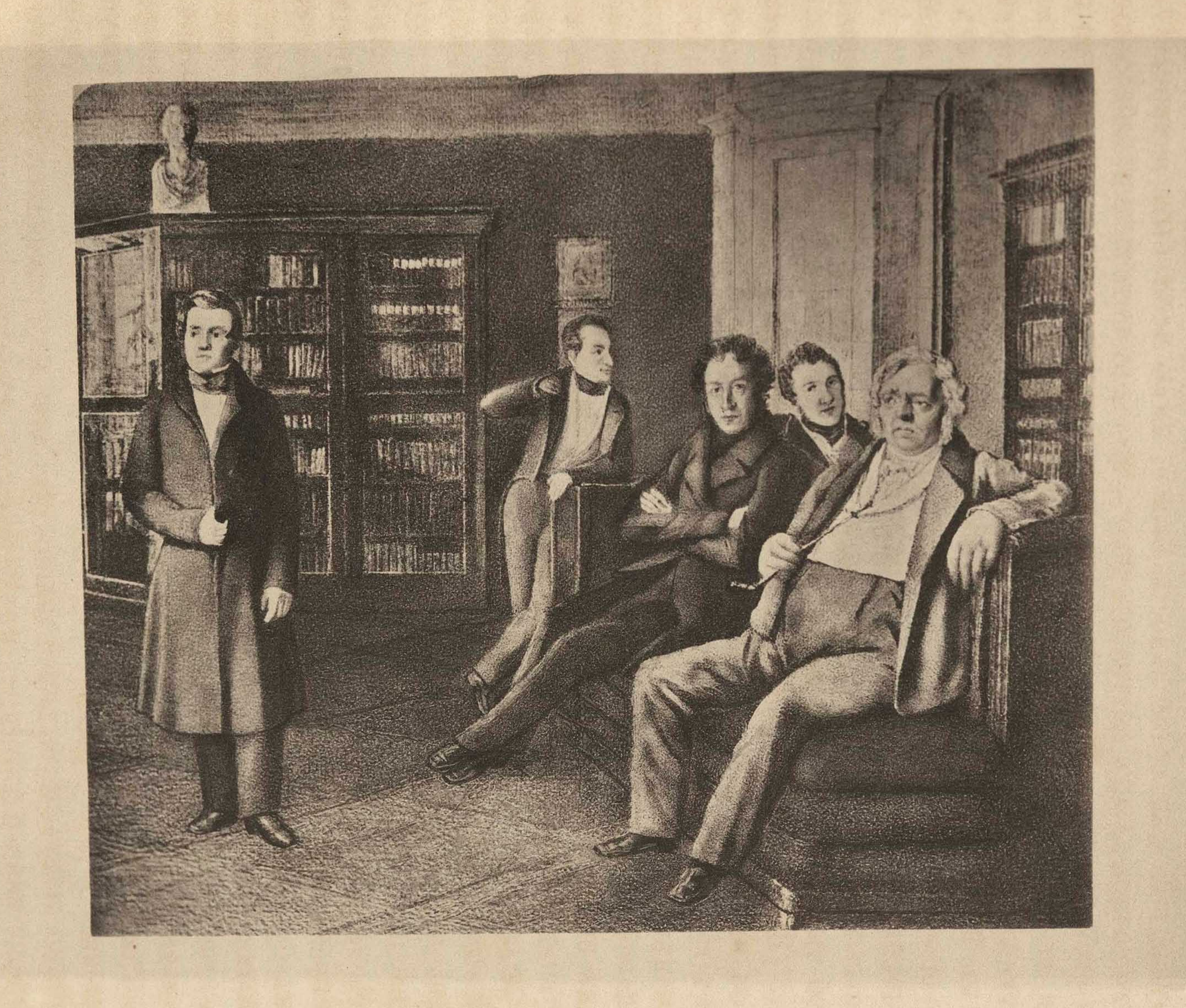
Много долженъ былъ выстрадать поэтъ, чтобы рѣшиться на подобное письмо! Просьба его была исполнена: Государь пожаловалъ ему просимыя 30,000 и согласился въ видѣ уплаты удерживать слѣдуемое ему жалованье.

Наступила осень. Пушкина потянуло въ деревню. Онъ взялъ отпускъ и уѣхалъ въ Михайловское, надѣясь, что осень по обыкновенію вдохновитъ его. Но онъ ошибся. Въ душѣ, смущенной житейскими волненіями, уже не было мѣста вдохновенію, и муза не откликнулась на призывъ поэта!

Вотъ выдержки изъ писемъ его къ женѣ, свидѣтельствующія о постоянной душевной тревогѣ, не покидавшей Пушкина и въ деревнѣ: *Въ половинѣ сентября*... «Писать не начиналъ и не знаю, когда начну... Сегодня видѣлъ я мѣсяцъ съ лѣвой стороны, и очень о тебѣ сталъ безпокоиться»... *21 сентября*... «Однако я все безпокоюсь и ничего не пишу, а время идетъ... А о чемъ думаю? Вотъ о чемъ: чѣмъ намъ жить будетъ? Отецъ не оставитъ мнѣ имѣнія; онъ его уже вполовину промоталъ; ваше имѣніе на волоскѣ отъ погибели. Царь не позволяетъ мнѣ ни записаться въ помѣщики, ни въ журналисты. Писать книги для денегъ, видитъ Богъ, не могу. У насъ ни гроша вѣрнаго дохода, а вѣрнаго расхода 30,000. Все держится на мнѣ, да на теткѣ. Но ни я, ни тетка не вѣчны. Что изъ этого будетъ, Богъ знаетъ. Покамѣстъ грустно!»... *25 сентября*... «Вообрази, что до сихъ поръ не написалъ я ни строчки, а все потому, что не спокоенъ»... *29 сентября*... «Г. обѣщалъ мнѣ газету, а тамъ запретилъ; заставляетъ меня жить въ П. Б., а не даетъ мнѣ способовъ жить моими трудами. Я теряю время и силы душевныя, бросаю за окошко деньги трудовыя и не вижу ничего въ будущемъ. Отецъ мотаетъ имѣніе безъ удовольствія, какъ безъ расчета; твои теряютъ свое отъ глупости и безпечности покойника Аѳ. Ник. — Что изъ этого будетъ? Господь вѣдаетъ... Я провожу время очень однообразно. Утромъ дѣла не дѣлаю, а такъ изъ пустаго въ порожнее переливаю. Вечеромъ ѣзжу къ Тригорскимъ, роюсь въ старыхъ книгахъ да орѣхи грызу. А ни стиховъ, ни прозы писать и не думаю».

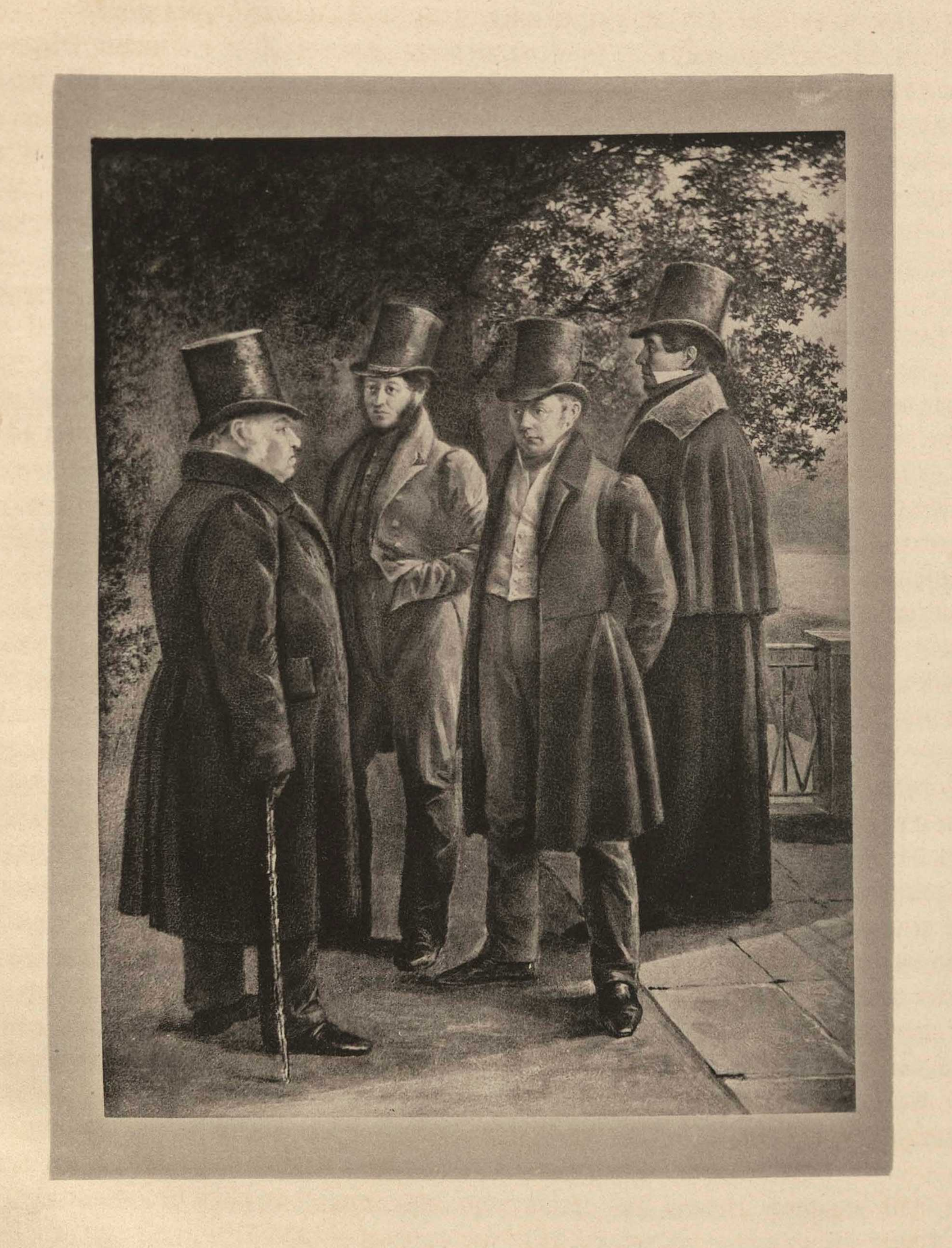
Напрасно ждалъ Пушкинъ вдохновенія: оно не приходило. Только одно стихотвореніе написалъ онъ въ Михайловскомъ, именно «Опять на родинѣ», — стихотвореніе, глубоко-скорбное чувство котораго такъ гармонировало съ тогдашнимъ настроеніемъ духа поэта.

Въ Петербургъ Пушкинъ вернулся раньше, чѣмъ истекъ его отпускъ. Здѣсь его ожидали новыя хлопоты: со слѣдующаго года онъ задумалъ издавать журналъ и дѣятельно принялся заготовлять для него матеріалы. Друзья-литераторы

Кольцовъ, Гоголь, Пушкинъ, Кн. Одоевскій, Крыловъ.

Кабинетъ В. А. Жуковскаго.

И. А. Крыловъ. А. С. Пушкинъ. В. А. Жуковскій и Н. И. Гнѣдичъ.

Чернецова.

ревностно помогали ему. Кружокъ ихъ собирался постоянно то у самого Пушкина, то у гр. Віельгорскаго, то у кн. Вяземскаго. У Жуковскаго по прежнему сходились по субботамъ. Обычными посѣтителями этихъ субботнихъ сборищъ были: Пушкинъ, Крыловъ, кн. Вяземскій, кн. Одоевскій, гр. Віельгорскій, Гоголь, Соболевскій, Глинка, Вигель и многіе другіе. Съ 1835 — 36 года у Жуковскаго появился и Кольцовъ, незадолго передъ тѣмъ пріѣхавшій въ Петербургъ. Памятникомъ этихъ вечеровъ осталась картина неизвѣстнаго художника (съ коей снимокъ прилагаемъ), представляющая кабинетъ Жуковскаго въ одну изъ субботъ. Самого хозяина въ комнатѣ нѣтъ. Въ группѣ гостей узнаемъ Крылова, Гоголя, Пушкина и Кольцова *). Къ тому же приблизительно времени относится и другая картина, или вѣрнѣе эскизъ, изображающій группу четырехъ знаменитыхъ поэтовъ своего времени: Пушкина, Жуковскаго, Крылова и Гнѣдича. Эскизъ этотъ принадлежитъ кисти художника Чернецова и сдѣланъ имъ по слѣдующему поводу: Государь Николай Павловичъ заказалъ ему картину парада. Заказъ былъ исполненъ и заслужилъ одобреніе Государя, который пожалѣлъ только о томъ, что среди публики, смотрящей на парадъ, онъ не видитъ ни одной знакомой ему личности. Чернецовъ взялъ картину назадъ и обратился къ названнымъ лицамъ съ просьбой позволить набросать ихъ портреты для своей картины. Эскизъ, сдѣланный съ этою цѣлію, сохранился. Фотографія съ него была доставлена на Пушкинскую выставку Н. Д. Быковымъ.

Усиленно занимаясь подготовкой журнала, Пушкинъ въ то же время не оставлялъ и своихъ историческихъ работъ. Свѣтская жизнь также шла своимъ чередомъ. Но въ свѣтѣ Пушкинъ появлялся поневолѣ, по обязанности мужа, и появлялся недовольнымъ, раздраженнымъ. Всѣ муки души его, забываемыя въ минуту усиленнаго труда, всплывали съ новой ясностью въ этой теперь ненавистной ему свѣтской обстановкѣ, такъ живо напоминавшей всѣ его несчастія, неудачи и униженія. Характеръ Пушкина измѣнился: онъ сталъ желченъ и подозрителенъ. Всѣ окружающіе стали казаться ему врагами, въ каждомъ словѣ слышался ему намекъ или оскорбленіе. Такое настроеніе духа вовлекло его въ началѣ 1836 года въ столкновеніе съ двумя лицами изъ высшей аристократіи: кн. Репнинымъ и гр. Соллогубомъ. Обѣ ссоры кончились ничѣмъ, и Пушкинъ вполнѣ удовлетворился объясненіями своихъ противниковъ; но уже самый тотъ фактъ, что, поддавшись сплетнямъ, онъ рѣшается изъ-за пустяковъ послать вызовъ полузнакомому человѣку, по нашему мнѣнію, многознаменателенъ. Онъ показываетъ, до какой степени дошелъ уже душевный разладъ поэта. Поневолѣ является мысль, не дѣйствуетъ ли онъ въ данномъ случаѣ, руководимый смутною надеждой встрѣтить пулю, которая разомъ разрѣшила бы его запутанные счеты съ жизнію.

Столкновеніе съ кн. Репнинымъ произошло въ началѣ февраля 1836 года, ссора съ гр. Соллогубомъ — приблизительно въ то же время, а въ концѣ фев-

*) Фотографія съ этой картины была прислана на выставку кн. П. П. Вяземскимъ.

раля Пушкина уже не было въ Петербургѣ: онъ былъ командированъ въ Московскій Главный Архивъ для историческихъ занятій. На этотъ разъ пребываніе его въ Москвѣ было прервано внезапнымъ извѣстіемъ о смерти матери его, Надежды Осиповны. Пушкинъ поспѣшилъ въ Петербургъ и тотчасъ же снова покинулъ его, чтобы сопровождать тѣло матери въ Псковскую губернію, въ Святогорскій Успенскій монастырь, гдѣ были погребены ея предки. Кончина Надежды Осиповны произвела на поэта сильное впечатлѣніе. Мысли о смерти, о загробной жизни и т. п., и прежде преслѣдовавшія его, теперь переходятъ въ какое-то предчувствіе. Такъ въ разговорѣ съ сестрой, пріѣхавшей на похороны матери онъ выражаетъ почти опредѣленную увѣренность въ своей близкой кончинѣ: — «Si vous saviez, ma chère sœur», — сказалъ онъ ей, — «combien l'existence m'est à charge! j'éspère qu'elle ne durera pas longtemps... et je vous dirai mieux: je le sens» *). Въ Святогорскомъ монастырѣ рядомъ съ могилой матери онъ покупаетъ мѣсто для своей будущей могилы.

Во время отсутствія Пушкина, въ Петербургѣ стараніями друзей его, главнымъ образомъ Петра Александровича Плетнева**), вышелъ въ свѣтъ первый нумеръ «Современника».

Заботы о 2-мъ томѣ Пушкину снова пришлось возложить на пріятелей, такъ какъ самъ онъ долженъ былъ поспѣшить въ Москву для окончанія занятій, прерванныхъ смертью матери. Это былъ послѣдній пріѣздъ поэта въ Москву, гдѣ онъ пробылъ недѣли три, начиная съ первыхъ чиселъ мая***). Возвратившись изъ этой поѣздки, онъ немедленно перебрался съ семьей на дачу на Каменный Островъ и погрузился въ свои издательскіе труды.

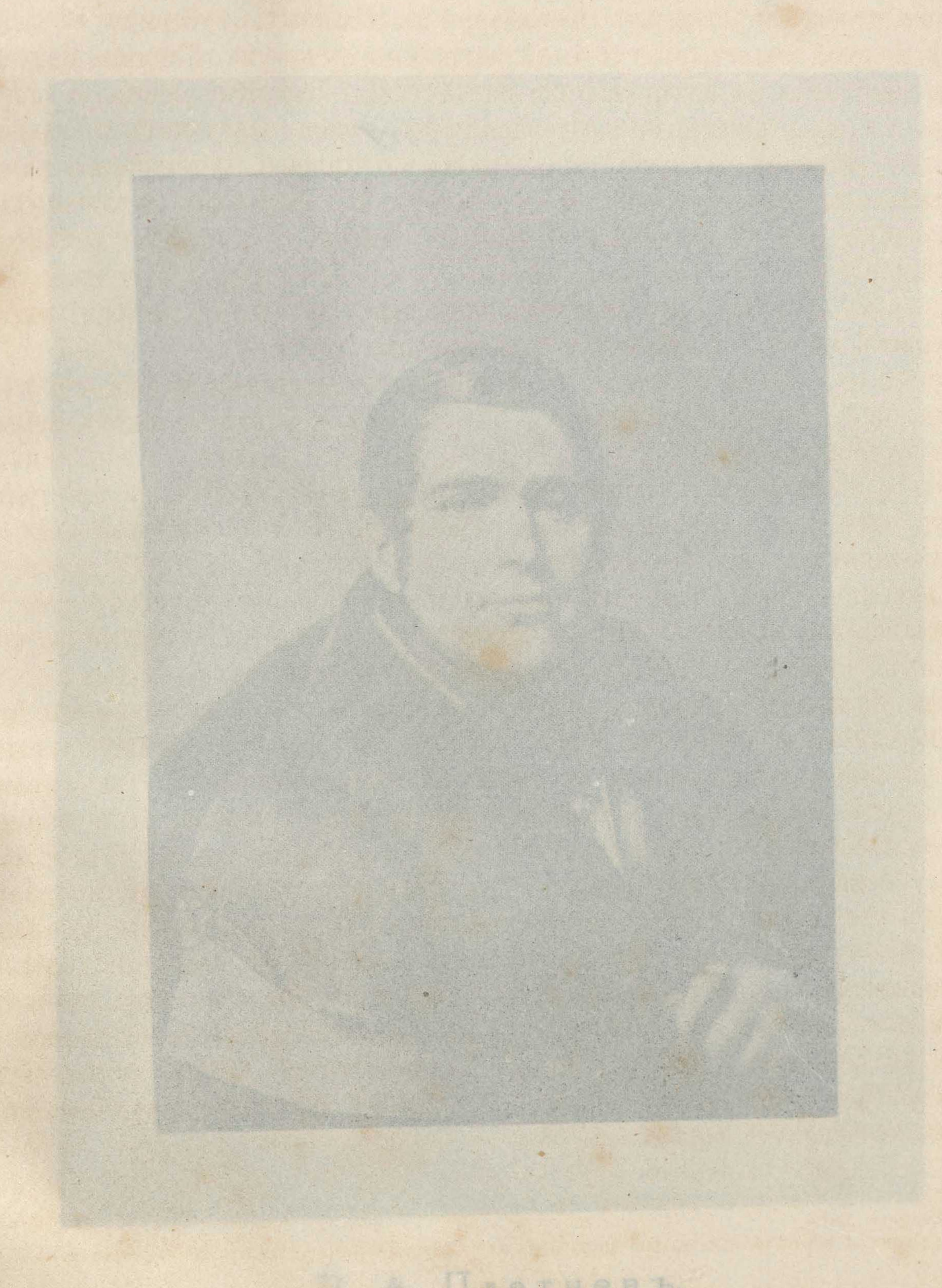
Покуда Пушкинъ неутомимо работалъ въ своемъ кабинетѣ, жена его продолжала веселиться и выѣзжать. Послѣ нѣсколькихъ баловъ на минеральныхъ водахъ, гдѣ она присутствовала, въ свѣтѣ разнеслась молва объ ухаживаніи за нею Дантеса. Эта сплетня, дошедшая конечно и до Пушкина, была каплей, переполнившей чашу его терпѣнія. Съ этихъ поръ начинается послѣдній актъ драмы, сгубившей поэта, и съ этихъ поръ мирное разрѣшеніе противорѣчій, терзавшихъ его душу, становится невозможнымъ. Весь позоръ вынесенныхъ униженій, вся горечь обидъ, вся желчь, накопившаяся за послѣдніе годы, — разомъ поднялись со дна души оскорбленнаго поэта и неудержимымъ потокомъ ненависти и жажды мести за поруганное имя, за разбитую жизнь вылились на человѣка, указаннаго говоромъ толпы. Не одному Дантесу хотѣлъ мстить Пушкинъ: въ лицѣ его онъ вызвалъ на бой все высшее петербургское общество и погибъ въ непосильной борьбѣ.

---

*) Р. Старина 1880 г.

**) Прилагаемый портретъ обязательно доставленъ на выставку сыномъ покойнаго П. А. Плетнева — А. П. Плетневымъ.

***) Въ письмахъ Пушкина къ женѣ, писанныхъ изъ этой поѣздки, встрѣчаемъ частыя упоминанія о Брюловѣ, что доказываетъ ихъ близкія отношенія и даетъ намъ право предполагать, что небольшой портретъ Пушкина работы Брюлова, доставленный на выставку О. Ѳ. Кошелевой, снимокъ котораго мы здѣсь прилагаемъ, относится именно къ этому времени.

П. А. Плетневъ.

раля Пушкина уже не было въ Петербургѣ: онъ былъ командированъ въ Московскій Главный Архивъ для историческихъ занятій. На этотъ разъ пребываніе его въ Москвѣ было прервано внезапнымъ извѣстіемъ о смерти матери его, Надежды Осиповны. Пушкинъ поспѣшилъ въ Петербургъ и тотчасъ же снова покинулъ его, чтобы сопровождать тѣло матери въ Псковскую губернію, въ Святогорскій Успенскій монастырь, гдѣ были погребены ея предки. Кончина Надежды Осиповны произвела на поэта сильное впечатлѣніе. Мысли о смерти, о загробной жизни и т. п., и прежде преслѣдовавшія его, теперь переходятъ въ какое-то предчувствіе. Такъ въ разговорѣ съ сестрой, пріѣхавшей на похороны матери онъ выражаетъ почти опредѣленную увѣренность въ своей близкой кончинѣ: — «Si vous saviez, ma chère sœur», — сказалъ онъ ей, — «combien l'existence m'est à charge! j'espère qu'elle ne durera pas longtemps... et je vous dirai mieux: je le sens» *). Въ Святогорскомъ монастырѣ рядомъ съ могилой матери онъ покупаетъ мѣсто для своей будущей могилы.

Во время отсутствія Пушкина, въ Петербургѣ стараніями друзей его, главнымъ образомъ Петра Александровича Плетнева**), вышелъ въ свѣтъ первый нумеръ «Современника».

Заботы о 2-мъ томѣ Пушкину снова пришлось возложить на пріятелей, такъ какъ самъ онъ долженъ былъ поспѣшить въ Москву для окончанія занятій, прерванныхъ смертью матери. Это былъ послѣдній пріѣздъ поэта въ Москву, гдѣ онъ пробылъ недѣли три, начиная съ первыхъ чиселъ мая***). Возвратившись изъ этой поѣздки, онъ немедленно перебрался съ семьей на дачу на Каменный Островъ и погрузился въ свои издательскіе труды.

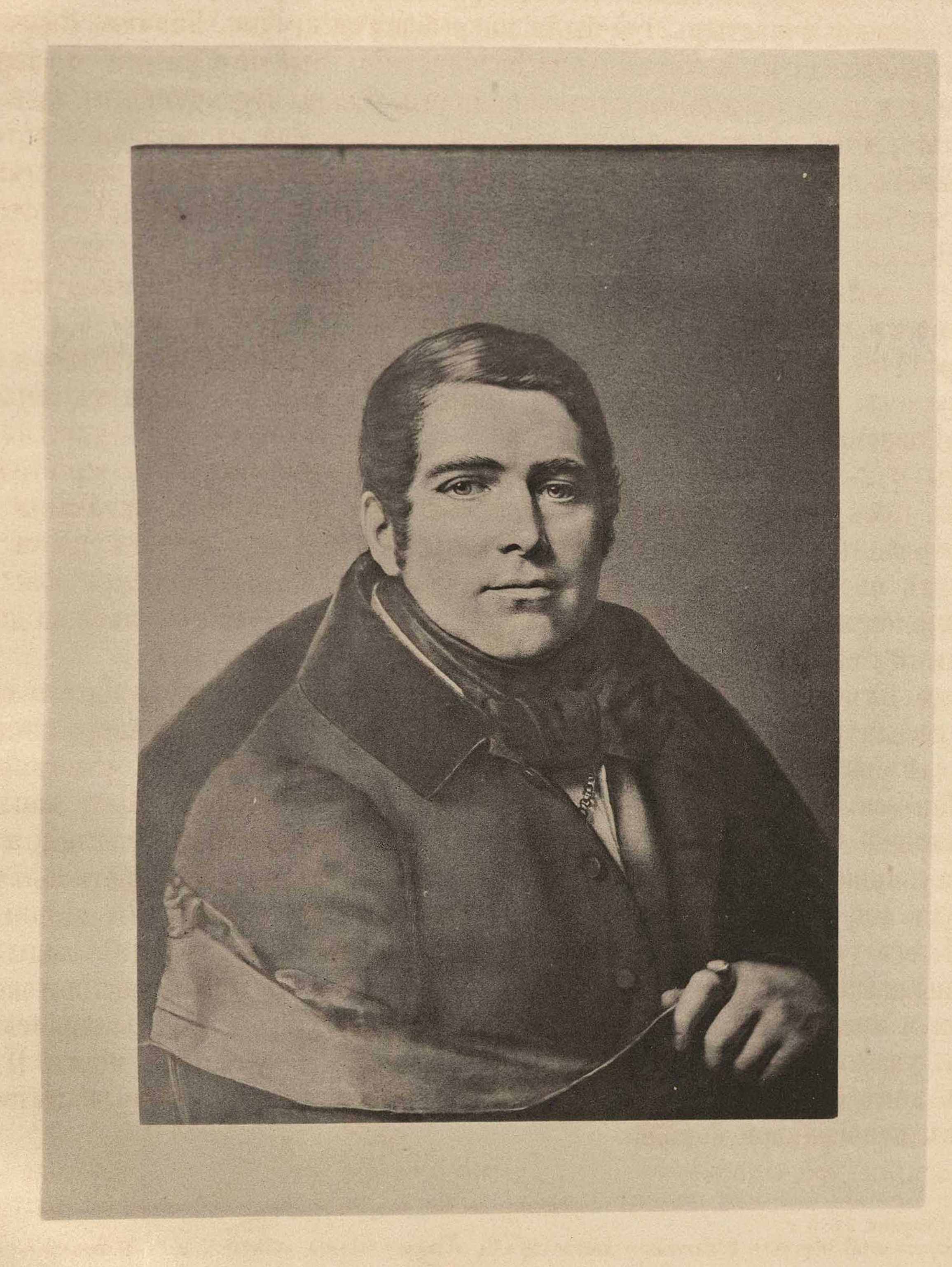
Покуда Пушкинъ неутомимо работалъ въ своемъ кабинетѣ, жена его продолжала веселиться и выѣзжать. Послѣ нѣсколькихъ баловъ на минеральныхъ водахъ, гдѣ она присутствовала, въ свѣтѣ разнеслась молва объ ухаживаніи за нею Дантеса. Эта сплетня, дошедшая конечно и до Пушкина, была каплей, переполнившей чашу его терпѣнія. Съ этихъ поръ начинается послѣдній актъ драмы, сгубившей поэта, и съ этихъ поръ мирное разрѣшеніе противорѣчій, терзавшихъ его душу, становится невозможнымъ. Весь позоръ вынесенныхъ униженій, вся горечь обидъ, вся желчь, накопившаяся за послѣдніе годы, — разомъ поднялись со дна души оскорбленнаго поэта и неудержимымъ потокомъ ненависти и жажды мести за поруганное имя, за разбитую жизнь вылились на человѣка, указаннаго говоромъ толпы. Не одному Дантесу хотѣлъ мстить Пушкинъ: въ лицѣ его онъ вызвалъ на бой все высшее петербургское общество и погибъ въ непосильной борьбѣ.

---

*) Р. Старина 1880 г.

**) Прилагаемый портретъ обязательно доставленъ на выставку сыномъ покойнаго П. А. Плетнева — А. П. Плетневымъ.

***) Въ письмахъ Пушкина къ женѣ, писанныхъ изъ этой поѣздки, встрѣчаемъ частыя упоминанія о Брюловѣ, что доказываетъ ихъ близкія отношенія и даетъ намъ право предполагать, что небольшой портретъ Пушкина работы Брюлова, доставленный на выставку О. Ѳ. Кошелевой, снимокъ котораго мы здѣсь прилагаемъ, относится именно къ этому времени.

П. А. Плетневъ.

А. С. Пушкинъ.

К. Брюллова.

Съ той самой минуты, какъ впервые услышалъ онъ имя Дантеса, произнесенное рядомъ съ именемъ жены своей, онъ пересталъ жить той жизнію, которой жилъ дотолѣ. Всѣ интересы, всѣ чувства, кромѣ ненависти и злобы, умерли въ немъ, — умерло и вдохновеніе. Онъ самъ почувствовалъ, что прошелъ свое поэтическое поприще и закончилъ его стихотвореніемъ «Памятникъ», которое, какъ торжественный финальный аккордъ завершило дивную симфонію, пропѣтую имъ.

Въ октябрѣ Пушкины переѣхали въ Петербургъ. Вѣрный давнишней привычкѣ, поэтъ хотѣлъ приготовить къ лицейскому празднику стихотвореніе, но не могъ его окончить. 19-го октября, когда всѣ лицеисты собрались, Пушкинъ всталъ и, извинившись передъ товарищами въ томъ, что прочтетъ имъ стихотвореніе неоконченное, началъ читать его. Но едва произнесъ онъ первые два стиха:

Была пора: нашъ праздникъ молодой
Сіялъ, шумѣлъ и розами вѣнчался...

какъ вдругъ голосъ его оборвался, слезы градомъ покатились изъ глазъ и, зарыдавъ, онъ бросился на диванъ. Одинъ изъ присутствующихъ дочиталъ стихи за него... Такимъ образомъ, простившись съ поэзіей, простился Пушкинъ и съ товарищами своей юности...

Мы не будемъ повторять здѣсь всѣмъ извѣстныхъ подробностей исторіи Пушкина съ Гекеренами, не будемъ также доискиваться до именъ враговъ его, авторовъ безыменныхъ писемъ: не мѣсто судебному слѣдствію у гроба поэта. Мы ограничимся тѣмъ, что перечислимъ важнѣйшія обстоятельства дѣла. Четвертаго ноября были разосланы извѣстныя анонимныя пасквили, въ составленіи которыхъ Пушкинъ заподозрилъ старика Гекерена. Онъ написалъ голландскому посланнику письмо, которое почему-то не отослалъ тотчасъ же, и въ то же время послалъ вызовъ Дантесу. Дѣло получило огласку. Общими стараніями друзей дуэль была разстроена и письмо къ Гекерену задержано. Дантесъ изъявилъ желаніе жениться на свояченицѣ Пушкина, Екатеринѣ Николаевнѣ Гончаровой, и поэтъ взялъ свой вызовъ назадъ. Но примиренія между врагами не произошло, и развязка была только отложена на нѣкоторое время. Въ началѣ 1837 года была свадьба Дантеса и Екатерины Николаевны Гончаровой. Несмотря на родство, Пушкинъ отказался отъ всякихъ сношеній съ Дантесомъ и не принялъ свадебнаго визита молодыхъ. Между тѣмъ исторія разгласилась по Петербургу и сдѣлалась интересомъ дня. Въ обществѣ образовались партіи: одни стояли за Пушкина, другіе за Гекереновъ. Нѣкоторые задумали ихъ мирить, заставляли ихъ встрѣчаться и тѣмъ еще болѣе раздражали ненависть поэта. Старикъ Гекеренъ не пропускалъ случая говорить съ женой Пушкина и предметомъ разговора постоянно избиралъ любовь къ ней своего пріемнаго сына, а Наталья Николаевна въ свою очередь считала нужнымъ передавать мужу свои бесѣды съ посланникомъ. Пушкинъ волновался все болѣе и болѣе; всѣ замѣчали, что онъ находится

не въ нормальномъ настроеніи духа. Даже прислуга обратила на это вниманіе и разсказывала, что «ихъ баринъ находился эти дни въ какомъ-то разстройствѣ: то пріѣдетъ, то уѣдетъ куда-то, загонялъ нѣсколькихъ мѣсячныхъ парныхъ извощиковъ, а когда бываетъ дома, то свищетъ нѣсколько часовъ сряду, кусаетъ ногти, бѣгаетъ по комнатамъ; никто ничего понять не можетъ, что съ нимъ дѣлается»...*).

Наконецъ и Наталья Николаевна догадалась, что съ мужемъ ея происходитъ что-то неладное и предложила ему уѣхать на время изъ Петербурга. Но было уже поздно; онъ рѣшился покончить иначе. Письмо, написанное имъ Гекерену послѣ полученія анонимныхъ писемъ, было цѣло. Онъ переписалъ его, кое-что измѣнилъ, и отправилъ по адресу. Отвѣтомъ былъ вызовъ Дантеса. 27-го января, въ 4 часа пополудни, за Черной рѣчкой, близъ комендантской дачи, назначена была дуэль Пушкина и Дантеса. Противники пріѣхали на мѣсто поединка почти единовременно, каждый съ своимъ секундантомъ: Пушкинъ съ подполковникомъ К. К. Данзасомъ, Дантесъ — съ виконтомъ д'Аршіакомъ. Выйдя изъ саней, секунданты пошли выбирать мѣсто для дуэли. Они нашли такое саженяхъ въ полутораста отъ комендантской дачи; болѣе крупный и густой кустарникъ окружалъ здѣсь площадку и могъ скрывать отъ глазъ оставленныхъ на дорогѣ извощиковъ то, что на ней происходило. Избравъ это мѣсто, они утоптали ногами снѣгъ на томъ пространствѣ, которое нужно было для поединка, и потомъ позвали противниковъ.

Несмотря на ясную погоду, дулъ довольно сильный вѣтеръ. Морозу было градусовъ пятнадцать.

Закутанный въ медвѣжью шубу, Пушкинъ молчалъ, повидимому былъ столько же покоенъ, какъ и во все время пути, но въ немъ выражалось сильное нетерпѣніе приступить къ дѣлу скорѣе. Когда Данзасъ спросилъ его, находитъ ли онъ удобнымъ выбранное имъ и д'Аршіакомъ мѣсто, Пушкинъ отвѣчалъ:

«Ça m'est fort égal, seulement tachez de faire tout cela plus vite».

Отмѣривъ шаги, Данзасъ и д'Аршіакъ отмѣтили барьеръ своими шинелями и начали заряжать пистолеты. Во время этихъ приготовленій нетерпѣніе Пушкина обнаружилось словами къ своему секунданту:

«Et bien! est ce fini?»

Все было кончено. Противниковъ поставили, подали имъ пистолеты и по сигналу, который сдѣлалъ Данзасъ, махнувъ шляпой, они начали сходиться.

Пушкинъ первый подошелъ къ барьеру и, остановясь, началъ наводить пистолетъ. Но въ это время Дантесъ, не дойдя до барьера одного шага, выстрѣлилъ, и Пушкинъ, падая, сказалъ:

«Je crois que j'ai la cuisse fracassée».

Секунданты бросились къ нему, и когда Дантесъ намѣревался сдѣлать то же, Пушкинъ удержалъ его словами:

---

*) Р. Архивъ 1874 г. „Воспоминанія“ Бурнашева.

«Attendez! je me sens assez de force pour tirer mon coup».

Дантесъ остановился у барьера и ждалъ, прикрывъ грудь правою рукою.

При паденіи Пушкина пистолетъ его попалъ въ снѣгъ и потому Данзасъ подалъ ему другой*).

«Опираясь лѣвою рукою въ землю, Пушкинъ сталъ прицѣливаться въ него и твердою рукою выстрѣлилъ. Гекеренъ пошатнулся и упалъ. Пушкинъ кинулъ вверхъ свой пистолетъ и вскрикнулъ: браво! Послѣ, когда оба противника лежали, каждый на своемъ мѣстѣ, Пушкинъ спросилъ д'Аршіака: «Est-il tué?»—«Non, mais il est blessé au bras et à la poitrine.—«C'est singulier: j'avais cru que cela m'aurait fait plaisir de le tuer; mais je sens que non».

Д'Аршіакъ хотѣлъ сказать нѣсколько мировыхъ словъ, но Пушкинъ не далъ ему времени продолжать.

«Au reste, c'est égal; si nous nous retablissons tous les deux, ce sera à recommencer» **).

Рана Дантеса была безопасна: пуля, контузивъ грудь, попала въ мякоть руки.

Пушкинъ былъ раненъ въ правую часть живота, и пуля, раздробивъ кость ноги, засѣла въ глубокой ранѣ.

Данзасъ съ д'Аршіакомъ подозвали извощиковъ и, съ помощію ихъ, разобрали находившійся тамъ изъ тонкихъ жердей заборъ, который мѣшалъ санямъ подъѣхать къ тому мѣсту, гдѣ лежалъ раненый Пушкинъ. Общими силами усадивъ его бережно въ сани, Данзасъ приказалъ извощику ѣхать шагомъ, а самъ пошелъ пѣшкомъ подлѣ саней, вмѣстѣ съ д'Аршіакомъ; раненый Дантесъ ѣхалъ въ своихъ саняхъ за ними.

У комендантской дачи они нашли карету, присланную на всякій случай барономъ Гекереномъ, отцомъ. Дантесъ и д'Аршіакъ предложили Данзасу отвезти въ ней въ городъ раненнаго поэта. Данзасъ принялъ это предложеніе»***)... Карета шагомъ потянулась къ квартирѣ Пушкиныхъ, жившихъ въ это время на Мойкѣ, въ домѣ кн. Волконскаго.

Въ шесть часовъ пополудни привезенъ былъ Пушкинъ домой. «Камердинеръ принялъ его изъ кареты на руки и понесъ на лѣстницу, «Грустно тебѣ нести меня?» спросилъ у него Пушкинъ. Его внесли въ кабинетъ; онъ самъ велѣлъ подать себѣ чистое бѣлье, раздѣлся и легъ на диванъ. Въ то время, когда его укладывали, жена, ни о чемъ не знавшая, хотѣла войти; но онъ громкимъ голосомъ закричалъ: n'entrez pas; il y a du monde chez moi» ****). Жена вошла только тогда, когда раненый былъ раздѣтъ и уложенъ на диванъ. Первыя слова его при видѣ жены были слѣдующія: «Какъ я счастливъ! Я еще живъ, и ты возлѣ меня! Будь покойна! Ты не виновата; я знаю, что ты не виновата» *****).

---

*) Амосовъ. „Послѣдніе дни жизни и кончина А. С. Пушкина".

**) Изъ письма кн. П. А. Вяземскаго. Р. Архивъ, 1879.

***) Амосовъ.

****) Письмо Жуковскаго къ С. А. Пушкину.

*****) Кн. Вяземскій.

Между тѣмъ Данзасъ поскакалъ за докторомъ. Лейбъ-медика Арендта не было дома, доктора Саломона также. Оставивъ имъ записки, Данзасъ снова отправился на поиски. Наконецъ ему удалось встрѣтить доктора Шольца. Послѣднiй, заѣхавъ по пути за другимъ докторомъ, Задлеромъ, вмѣстѣ съ нимъ прiѣхалъ къ раненому поэту.

Оставшись наединѣ съ Шольцемъ, Пушкинъ просилъ его откровенно высказать свое мнѣнiе о его ранѣ. «Не могу отъ васъ скрыть», отвѣчалъ Шольцъ,— «вы въ опасности».— Скажите лучше, умираю.— «Считаю долгомъ не скрывать и того. Но услышимъ мнѣнiе Арендта и Саломона, за которыми послано».— Je vous remercie, vous avez agi en honnête homme envers moi», сказалъ Пушкинъ; замолчавъ, потеръ рукою лобъ, потомъ прибавилъ: «il faut que j'arrange ma maison» *).

«Вскорѣ послѣ того прiѣхалъ Арендтъ и подтвердилъ ему мнѣнiе перваго доктора о безнадежности положенiя его и смертельности раны, имъ полученной. Разставаясь съ нимъ, Арендтъ сказалъ ему: «Ѣду къ Государю; не прикажете ли что сказать ему?» — «Скажите, отвѣчалъ Пушкинъ, что умираю и прошу у него прощенiя за себя и за Данзаса» **). По отъѣздѣ Арендта, къ умирающему Пушкину одинъ за другимъ собрались друзья его: Плетневъ, кн. Вяземскiй съ женой, гр. Вiельгорскiй, кн. Мещерскiй и А. И. Тургеневъ. Въ одиннадцатомъ часу ночи прiѣхалъ Жуковскiй. Данзасъ, съѣздивъ за докторами, болѣе не отлучался и не отходилъ отъ постели больнаго. Передъ вечеромъ Пушкинъ, подозвавъ Данзаса, просилъ его записывать и продиктовалъ ему всѣ свои долги, на которые не было ни векселей, ни заемныхъ писемъ.

Потомъ онъ снялъ съ руки кольцо и отдалъ Данзасу, прося принять его на память» ***). Многiе утверждали, что кольцо это было тѣмъ самымъ «талисманомъ», подареннымъ Пушкину въ Одессѣ гр. Е. К. Воронцовой, которому поэтъ придавалъ значенiе хранителя отъ насильственной смерти и съ которымъ никогда не разставался. Мнѣнiе это ошибочно. Данзасу подарено было кольцо съ плоской, блѣднаго цвѣта, грушевидной бирюзой въ гладкой золотой оправѣ и безъ всякой надписи.

Что же касается настоящаго талисмана, то онъ былъ снятъ съ руки умершаго Пушкина Жуковскимъ. По смерти Жуковскаго онъ достался сыну его, Павлу Васильевичу, и имъ въ концѣ 70-хъ годовъ подаренъ покойному И. С. Тургеневу, который и доставлялъ его на Пушкинскую выставку. Благодаря этому обстоятельству, мы имѣемъ возможность приложить здѣсь снимокъ съ сердоликовой печати знаменитаго перстня. Надпись, вырѣзанная на немъ, оказалась еврейской и по переводу московскаго старшаго раввина, З. Минора, къ кото-

*) Жуковскiй.
**) Кн. Вяземскiй.
***) Амосовъ.

рому мы обращались за разъясненіемъ, означаетъ: «Симха, сынъ почтеннаго рабби Іосифа, да будетъ благословенна его память».

«Ночью возвратился къ Пушкину Арендтъ и привезъ ему для прочтенія собственноручную, карандашомъ написанную Государемъ записку, почти въ такихъ словахъ: «Если Богъ не приведетъ намъ свидѣться въ здѣшнемъ свѣтѣ, посылаю тебѣ мое прощеніе и послѣдній совѣтъ: умереть христіаниномъ. О женѣ и дѣтяхъ не безпокойся: я беру ихъ на свои руки». Пушкинъ былъ чрезвычайно тронутъ этими словами и убѣдительно просилъ Арендта оставить ему эту записку; но Государь велѣлъ ее прочесть ему и немедленно возвратить. «Скажите Государю», говорилъ Пушкинъ Жуковскому, «что жалѣю о потерѣ жизни, потому что не могу изъявить ему благодарность, что *я былъ бы весь его*»... Пришелъ священникъ и причастилъ его. Священникъ говорилъ послѣ со слезами о немъ и о благочестіи, съ коимъ онъ исполнилъ долгъ христіанскій... Жену призывалъ Пушкинъ часто, но не позволялъ ей быть безотлучно при себѣ, потому что боялся въ страданіяхъ своихъ измѣнить себѣ, увѣрялъ ее, что раненъ въ ногу, и доктора, по требованію его, въ томъ же ее удостовѣряли. Когда мучительная боль вырывала невольно крики изъ груди его, отъ которыхъ онъ по возможности удерживался, зажимая ротъ свой, онъ всегда прибавлялъ: «Бѣдная жена! Бѣдная жена!» и посылалъ докторовъ успокоивать ее. Въ эти два дня онъ только и начиналъ говорить, что о ней и о Государѣ. Ни одной жалобы, ни одного упрека, ни одного холоднаго, черстваго слова не слышали. Если онъ и просилъ докторовъ не заботиться о продолженіи жизни его и дать ему умереть скорѣе, то единственно отъ того, что онъ зналъ о неминуемой смерти своей и терпѣлъ лютѣйшія мученія. Арендтъ, который видѣлъ много смертей на вѣку своемъ — и на поляхъ сраженій, и на болѣзненныхъ одрахъ, — отходилъ со слезами на глазахъ отъ постели его и говорилъ, что онъ никогда не видалъ ничего подобнаго: такое терпѣніе при такихъ страданіяхъ! Еще сказалъ и повторилъ Арендтъ замѣчательное и прекрасное утѣшительное слово объ этомъ несчастномъ приключеніи: «Для Пушкина жаль, что онъ не убитъ на мѣстѣ, потому что мученія его невыразимы; но для чести жены его — это счастье, что онъ остался живъ. Никому изъ насъ, видя его, нельзя сомнѣваться въ невинности ея и въ любви, которую къ ней Пушкинъ сохранилъ» *).

Ночь съ 27-го на 28-е января Пушкинъ провелъ безпокойно. Страшныя боли не давали ему покою, только къ семи часамъ утра муки его немного утихли. Жуковскій возвратился отъ Государя съ новыми словами утѣшенія. Выслушавъ его, Пушкинъ поднялъ руки къ небу съ какимъ-то судорожнымъ движеніемъ. «Вотъ какъ я утѣшенъ!» сказалъ онъ. «Скажи Государю, что я

*) Кн. Вяземскій.

желаю ему долгаго, долгаго царствованія, что я желаю ему счастья въ его сынѣ, что я желаю ему счастья въ его Россіи»*). Неизгладимое впечатлѣніе произвело на присутствующихъ то глубокое чувство, съ которымъ умирающій Пушкинъ произнесъ этотъ прощальный привѣтъ своему царственному покровителю. Только тутъ, можетъ быть, впервые, поняли они, какая прочная связь была между Царемъ и его поэтомъ. «Исторія не забудетъ», говоритъ по этому поводу кн. Вяземскій, «что Государь по движенію благородной царской симпатіи къ великому народному таланту, тотчасъ по восшествіи на престолъ, вызвалъ Пушкина изъ изгнанія и усыновилъ, такъ сказать, талантъ его. Она не забудетъ, что Государь, узнавъ отъ Арендта объ опасномъ и смертельномъ положеніи Пушкина, въ ту же минуту послалъ его къ нему, ночью, съ словомъ милости и съ словомъ христіанской любви, убѣждая его умереть христіаниномъ, и ждалъ возвращенія Арендта со скорбію и участіемъ живѣйшаго состраданія. О, эта ночь — великая, прекрасная ночь въ жизни и царствованіи Николая! Тутъ царская душа его, наединѣ, по собственному, неприготовленному чувству, незабвенно сказалась Россіи. Она будетъ помнить, что онъ стоялъ ангеломъ-утѣшителемъ при двухъ смертныхъ одрахъ: Карамзина и Пушкина, и сдѣлался благодѣтелемъ оставшихся ихъ семействъ. Не всѣ равно оцѣнятъ эти благодѣянія, оказанныя именемъ отечества заслугамъ, принесеннымъ отечеству однимъ перомъ и талантомъ, потому что для нѣкоторыхъ подобныя заслуги не существуютъ; но мы, болѣе или менѣе принадлежащіе этому десятку, чувствуемъ имъ цѣну. Народъ также въ простотѣ чувства своего такъ это понялъ: ему пріятно было видѣть участіе Государя въ общей скорби. Грѣхъ тѣмъ, которые перетолковали это чувство. Они будутъ, если не въ здѣшнемъ свѣтѣ, то въ другомъ отвѣчать за то предъ Богомъ и Государемъ».

Вѣсть о дуэли Пушкина и объ опасномъ его положеніи быстро разнеслась по Петербургу. Сотни людей бросились къ его дому съ изъявленіемъ участія. Во все время болѣзни Пушкина передняя его постоянно была наполнена знакомыми и незнакомыми. Вопросы: что Пушкинъ? легче ли ему? поправится ли онъ? есть ли надежда? сыпались со всѣхъ сторонъ.

Государь, Наслѣдникъ, Великая Княгиня Елена Павловна постоянно посылали узнавать о здоровьѣ Пушкина; отъ Государя пріѣзжалъ Арендтъ нѣсколько разъ въ день.

У подъѣзда была давка.

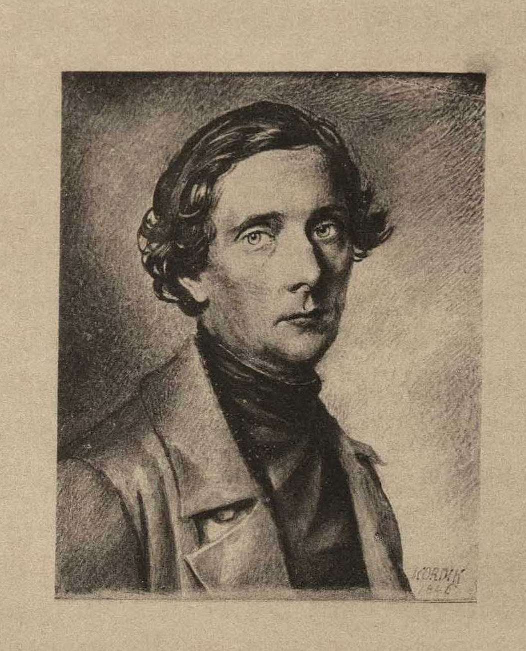
Въ передней какой-то старичокъ сказалъ съ удивленіемъ: «Господи Боже мой! я помню, какъ умиралъ фельдмаршалъ, а этого не было!»

Пушкинъ впускалъ къ себѣ только самыхъ короткихъ своихъ знакомыхъ, хотя всѣми интересовался: безпрестанно спрашивалъ, кто былъ у него въ домѣ и говорилъ: «Мнѣ было бы пріятно видѣть ихъ всѣхъ, но у меня нѣтъ силы говорить съ ними»**).

---

*) Жуковскій.

**) Амосовъ.

В. И. Даль.

Утромъ 28-го числа Пушкину сдѣлалось какъ будто бы лучше: онъ сталъ бодрѣе и крѣпче.

Около двухъ часовъ пріѣхалъ знакомый поэту докторъ Владиміръ Ивановичъ Даль, бывшій спутникъ его въ путешествіи по Оренбургской губерніи, на рукахъ котораго Пушкину суждено было испустить послѣдній вздохъ *).

«Я подошелъ къ болящему», разсказываетъ Даль, «онъ подалъ мнѣ руку, улыбнулся и сказалъ: плохо, братъ! Я приблизился къ одру смерти и не отходилъ отъ него до конца страшныхъ сутокъ.

Въ первый разъ сказалъ онъ мнѣ «ты»,— я отвѣчалъ ему такъ же и побратался съ нимъ уже не для здѣшняго міра» **).

Оборотъ къ лучшему въ болѣзни поэта продолжался не долго, и скоро тѣ, которые уже начинали надѣяться, вновь убѣдились въ неизбѣжности его смерти. «Убѣдился въ своей близкой кончинѣ и самъ Пушкинъ и ожидалъ ее спокойно, наблюдая ея ходъ какъ въ постороннемъ человѣкѣ, щупалъ пульсъ свой и говорилъ: «вотъ смерть идетъ!» Спрашивалъ, въ которомъ часу, полагаетъ Арендтъ, что онъ долженъ умереть, и изъявлялъ желаніе, чтобы предсказаніе Арендта сбылось въ тотъ же день. Прощаясь съ дѣтьми, перекрестилъ онъ ихъ. Съ женою прощался нѣсколько разъ и всегда говорилъ ей съ нѣжностью и любовью. Съ друзьями прощался онъ посреди ужасныхъ мученій и судорожныхъ движеній, но съ духомъ бодрымъ и съ нѣжностью. Кн. Вяземскому пожалъ онъ руку и сказалъ: «Прости, будь счастливъ!» Пожелалъ онъ видѣть Карамзину. За нею послали. Прощаясь съ нею, просилъ онъ ее перекрестить его, что она и исполнила. Данзасъ, желая выпѣдать, въ какихъ чувствахъ умираетъ онъ къ Гекерену, спросилъ его: не поручитъ ли онъ ему чего-нибудь въ случаѣ смерти касательно Гекерена. «Требую», отвѣчалъ онъ ему, «чтобы ты не мстилъ за мою смерть; прощаю ему и хочу умереть христіаниномъ» ***)...

Ночь съ 28-го на 29-е число Пушкинъ провелъ въ полу-дремотѣ, держа за руку В. И. Даля. Утромъ собравшіеся доктора рѣшили, что конецъ близокъ. Вотъ какъ описываетъ Жуковскій послѣднія минуты Пушкина ****):

«Ударило два часа пополудни, и въ Пушкинѣ осталось жизни только на три четверти часа. Онъ открылъ глаза и попросилъ моченой морошки. Когда ее принесли, онъ сказалъ внятно: позовите жену, пускай она меня покормитъ. Она пришла, опустилась на колѣни у изголовья, поднесла ему ложечку — другую морошки, потомъ прижалась лицомъ къ лицу его; Пушкинъ погладилъ ее по головѣ и сказалъ: ну, ну, ничего; слава Богу, все хорошо; поди. Спокойное выраженіе лица его и твердость голоса обманули бѣдную жену; она вышла какъ будто просіявшая отъ радости. Вотъ увидите, сказала она доктору Спасскому,

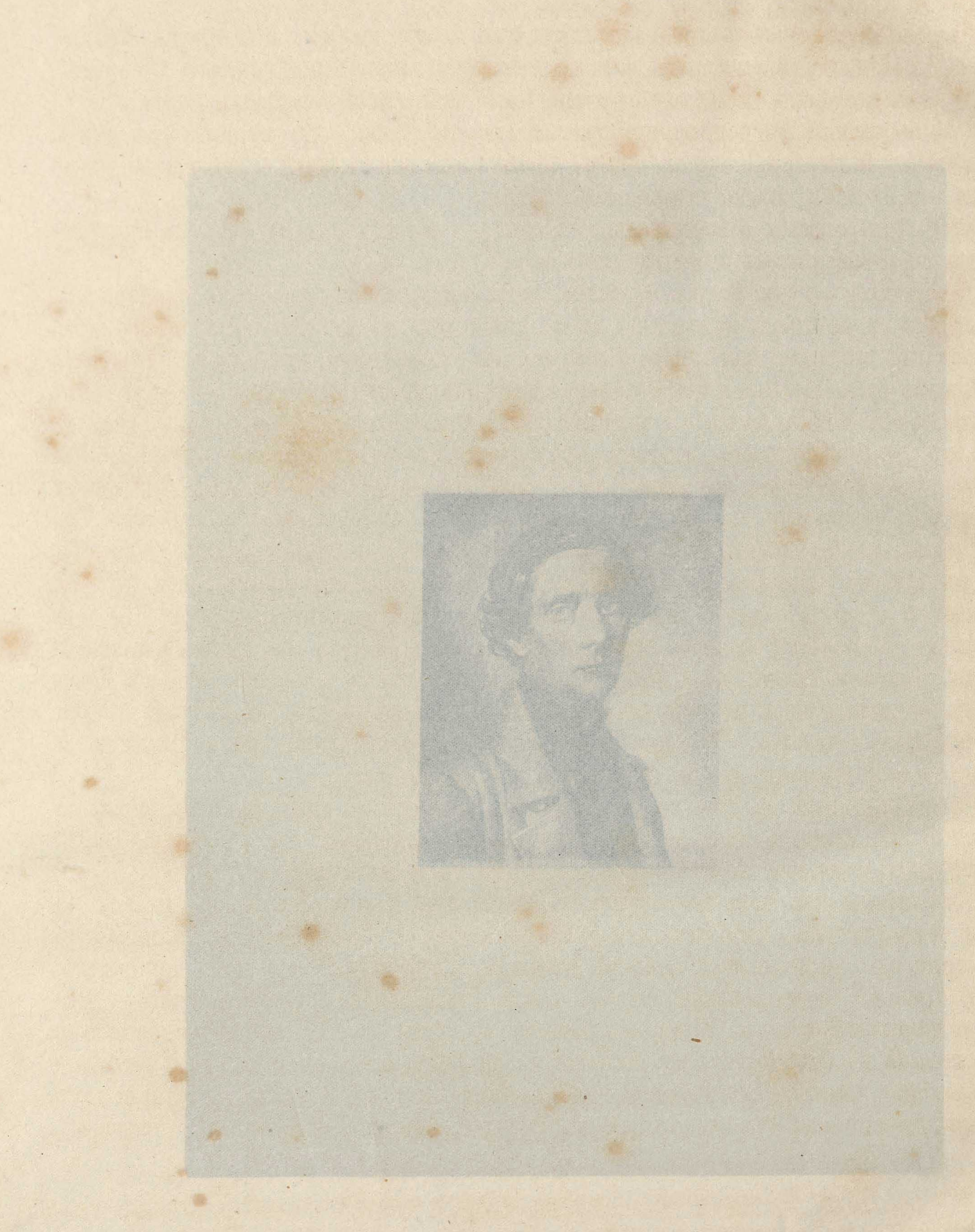
---

*) Прекрасная акварель В. И. Даля обязательно доставлена дочерью его Ольгой Владиміровной Деми[illegible] [illegible] снимокъ въ величину подлинника.

**) Моск. Медицинская Газета. 1860 № 49.

***) Кн. Вяземскій.

****) У Даля это описаніе повторено почти слово въ слово.

В. И. Даль.

Утромъ 28-го числа Пушкину сдѣлалось какъ будто бы лучше: онъ сталъ бодрѣе и крѣпче.

Около двухъ часовъ пріѣхалъ знакомый поэту докторъ Владиміръ Ивановичъ Даль, бывшій спутникъ его въ путешествіи по Оренбургской губерніи, на рукахъ котораго Пушкину суждено было испустить послѣдній вздохъ *).

«Я подошелъ къ болящему», разсказываетъ Даль, «онъ подалъ мнѣ руку, улыбнулся и сказалъ: плохо, братъ! Я приблизился къ одру смерти и не отходилъ отъ него до конца страшныхъ сутокъ.

Въ первый разъ сказалъ онъ мнѣ «ты»,— я отвѣчалъ ему такъ же и побратался съ нимъ уже не для здѣшняго міра»**).

Оборотъ къ лучшему въ болѣзни поэта продолжался не долго, и скоро тѣ, которые уже начинали надѣяться, вновь убѣдились въ неизбѣжности его смерти. «Убѣдился въ своей близкой кончинѣ и самъ Пушкинъ и ожидалъ ее спокойно, наблюдая ея ходъ какъ въ постороннемъ человѣкѣ, щупалъ пульсъ свой и говорилъ: «вотъ смерть идетъ!» Спрашивалъ: въ которомъ часу, полагаетъ Арендтъ, что онъ долженъ умереть, и изъявлялъ желаніе, чтобы предсказаніе Арендта сбылось въ тотъ же день. Прощаясь съ дѣтьми, перекрестилъ онъ ихъ. Съ женою прощался нѣсколько разъ и всегда говорилъ ей съ нѣжностью и любовью. Съ друзьями прощался онъ посреди ужасныхъ мученій и судорожныхъ движеній, но съ духомъ бодрымъ и съ нѣжностью. Кн. Вяземскому пожалъ онъ руку и сказалъ: «Прости, будь счастливъ!» Пожелалъ онъ видѣть Карамзину. За нею послали. Прощаясь съ нею, просилъ онъ ее перекрестить его, что она и исполнила. Данзасъ, желая вывѣдать, въ какихъ чувствахъ умираетъ онъ къ Гекерену, спросилъ его: не поручитъ ли онъ ему чего-нибудь въ случаѣ смерти касательно Гекерена. «Требую», отвѣчалъ онъ ему, «чтобы ты не мстилъ за мою смерть; прощаю ему и хочу умереть христіаниномъ» ***)...

Ночь съ 28-го на 29-е число Пушкинъ провелъ въ полу-дремотѣ, держа за руку В. И. Даля. Утромъ собравшіеся доктора рѣшили, что конецъ близокъ. Вотъ какъ описываетъ Жуковскій послѣднія минуты Пушкина ****):

«Ударило два часа пополудни, и въ Пушкинѣ осталось жизни только на три четверти часа. Онъ открылъ глаза и попросилъ моченой морошки. Когда ее принесли, онъ сказанъ внятно: позовите жену, пускай она меня покормитъ. Она пришла, опустилась на колѣни у изголовья, поднесла ему ложечку — другую морошки, потомъ прижалась лицомъ къ лицу его; Пушкинъ погладилъ ее по головѣ и сказалъ: ну, ну, ничего; слава Богу, все хорошо; поди. Спокойное выраженіе лица его и твердость голоса обманули бѣдную жену; она вышла какъ будто просіявшая отъ радости. Вотъ увидите, сказала она доктору Спасскому,

---

*) Прекрасная акварель В. И. Даля обязательно доставлена дочерью его Ольгой Владиміровной Демидовой. Нашъ снимокъ въ величину подлинника.

**) Моск. Медицинская Газета. 1860 № 49.

***) Кн. Вяземскій.

****) У Даля это описаніе повторено почти слово въ слово.

онъ будетъ живъ; онъ не умретъ. А въ эту минуту начался уже послѣднiй процессъ жизни. Я стоялъ вмѣстѣ съ графомъ Вiельгорскимъ у постели въ головахъ; съ боку стоялъ Тургеневъ. Даль шепнулъ мнѣ: отходитъ. Но мысли его были свѣтлы. Изрѣдка только полудремотное забытье ихъ отуманивало; разъ онъ подалъ руку Далю и, пожимая ее, проговорилъ: ну, подымай же меня, пойдемъ, да выше, выше... ну, пойдемъ! Но очнувшись, онъ сказалъ: мнѣ было пригрезилось, что я съ тобой лѣзу вверхъ по этимъ книгамъ и полкамъ! высоко... и голова закружилась. Немного погодя, онъ опять, не раскрывая глазъ, сталъ искать Далеву руку, и, потянувъ ее, сказалъ: ну, пойдемъ же пожалуйста, да вмѣстѣ. Даль, по просьбѣ его, взялъ его подъ мышки и приподнялъ повыше; и вдругъ, какъ бы проснувшись, онъ быстро раскрылъ глаза, лицо его прояснилось и онъ сказалъ: кончена жизнь! Даль, не разслышавъ, отвѣчалъ: да, кончено; мы тебя поворотили. Жизнь кончена! повторилъ онъ внятно и положительно. Тяжело дышать, давитъ! были послѣднiя слова его. Я не сводилъ съ него глазъ, и замѣтилъ въ эту минуту, что движенiе груди, доселѣ тихое, сдѣлалось прерывистымъ. Оно скоро прекратилось. Я смотрѣлъ внимательно: ждалъ послѣдняго вздоха, но я его не примѣтилъ. Тишина, его объявшая, показалась мнѣ успокоенiемъ, а его уже не было. Всѣ надъ нимъ молчали. Минуты черезъ двѣ я спросилъ: что онъ?—Кончилось! отвѣчалъ мнѣ Даль».

29 января 1837 года въ три четверти третьяго часа пополудни Пушкина не стало. Что бы ни говорили враги поэта, какiя-бы обвиненiя на него ни взводили, каковы бы ни были его дѣйствительные недостатки, онъ все искупилъ своей всепрощающей, истинно-христiанской кончиной, достойной великой души!

Въ тотъ же день по Петербургу разосланы были слѣдующiе похоронные билеты, возвѣщавшiе о смерти Пушкина*).

Наталья Николаевна Пушкина, съ душевнымъ прискорбiемъ извѣщая о кончинѣ супруга ея, Двора Е. И. В. Камеръ-Юнкера Александра Сергѣевича Пушкина, послѣдовавшей въ 29-й день сего Января, покорнѣйше проситъ пожаловать къ отпѣванiю тѣла его въ Исакiевскiй Соборъ, состоящiй въ Адмиралтействѣ, 1-го числа Февраля въ 11 часовъ до полудня.

*) Похоронная карточка, съ которой снятъ прилагаемый снимокъ, доставлена на Пушкинскую выставку покойнымъ Ѳ. Б. Миллеромъ. На оборотной сторонѣ ея написанъ адресъ: Его Превосходительству Егору Антоновичу Энгельгардтъ.

А. С. Пушкинъ въ Гробу.

[illegible] во время [illegible] Пушкина были сняты два портрета: одинъ [illegible] Муравинымъ.

[illegible]

[illegible] въ Праздничное [illegible] домъ въ [illegible]

[illegible] А. И. [illegible]

[illegible] Тутъ стоитъ каменная церковь [illegible] чтобы изъ монастыря подниматься къ краю. Старинная небольшая церковь красива своей простотою. Ея иконостасъ поднимается до самаго купола. За церковью, передъ алтаремъ, представляется площадка шаговъ въ 20 по одному направленію и около десяти по другому. Она на краю крутаго обрыва. Вокругъ ростутъ старыя липы и другія деревья, закрывая собою видъ на окрестность. На этой площадкѣ находится могила Пушкина.

КОНЕЦЪ.

А. С. Пушкинъ въ Гробу.

Въ то же время съ мертваго Пушкина были сняты два портрета: одинъ покойнымъ Бруни, а другой ученикомъ Брюллова, Мокрицкимъ.

Фотографія, здѣсь прилагаемая, обязательно доставлена Обществу Любителей Россійской Словесности кн. П. П. Вяземскимъ.

Тѣло Пушкина стояло въ его квартирѣ два дня. Затѣмъ въ ночь съ 30 на 31 января гробъ поэта былъ перенесенъ въ Придворно-конюшенную церковь. Утромъ 1-го февраля было отпѣваніе, а вечеромъ въ тотъ же день, послѣ панихиды, гробъ былъ поставленъ на дроги, и печальный поѣздъ потянулся въ Псковскую губернію, въ Святогорскій монастырь, гдѣ поэтъ желалъ быть похороненнымъ. Провожать тѣло по волѣ Государя долженъ былъ А. И. Тургеневъ.

По дорогѣ отъ Новоржева, верстъ за 35 до Опочки, изъ-за холмовъ показывается скромный, тонкій шпицъ Святогорскаго монастыря, не обширнаго, но картинно расположеннаго на горѣ. Высшая точка ея въ древности носила наименованіе Синичьей горы. Тутъ стоитъ каменная церковь Успенія Божіей Матери. Два всхода устроены, чтобы изъ монастыря подниматься къ храму. Старинная небольшая церковь красива своей простотою. Ея иконостасъ поднимается до самаго купола. За церковью, передъ алтаремъ, представляется площадка шаговъ въ 20 по одному направленію и около десяти по другому. Она на краю крутаго обрыва. Вокругъ ростутъ старыя липы и другія деревья, закрывая собою видъ на окрестность. На этой площадкѣ находится могила Пушкина.

КОНЕЦЪ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

РИСУНКИ и АВТОГРАФЫ.

~~25-~~ 2500 35-

